

Хамид Хесам

**ВОДА  
НЕ УМИРАЕТ  
НИКОГДА**

**Воспоминания бригадного генерала  
Мирзы-Мохаммада Сольги**

Москва  
2020

УДК 821.21/.22-3  
ББК 84(5)  
Х40

**Хесам, Хамид**

Х40 Вода не умирает никогда / пер. с перс.  
И.Р. Гибадуллина. – М., ООО Паблит, 2020. – 424 с.

ISBN 978-5-6043820-9-7

**16+**

Книга посвящена одному из самых жестоких военных конфликтов XX века – Ирано-иракской войне 1980–88 гг. Эти бесконечные, полные смерти и страдания дни стали образцом беспримерного героизма, самопожертвования и высочайшей духовности иранского народа, сумевшего выстоять против вражеских полчищ, сохранить свою национальную идентичность и сберечь завоевания Исламской революции. Читатель сможет окунуться в те огненные будни, о которых на страницах книги рассказывает их непосредственный участник – боевой командир Мирза-Мохаммад Сольги.

Для широкого круга читателей.

Редактор Мамед-заде Н.Г.-А.

УДК 821.21/.22-3  
ББК 84(5)

© Центр истории и культуры Востока ДГУ, 2020

ISBN 978-5-6043820-9-7

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие .....	4
От автора .....	7
Глава 1. Сынок Шейха Али-Мамада .....	10
Глава 2. Цвет Бога .....	30
Глава 3. Под знаменем Аббаса .....	58
Глава 4. Батальон водоносов .....	122
Глава 5. Маджнун: война воды и огня .....	153
Глава 6. Ночь на Ашуру в батальоне «Ансар оль-Хосейн» .....	179
Глава 7. Фао: здравствуй, жажда... .....	230
Глава 8. Вода не умирает никогда .....	278
Глава 9. Мы – батальон Абу-ль-Фазла .....	308
Глава 10. С оторванными ногами .....	345
Глава 11. Бог был с нами .....	388

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Ирано-иракская война – один из самых жестоких военных конфликтов конца XX века. По сути, он явился попыткой иракского лидера Саддама Хусейна подчинить молодую Исламскую Республику и завладеть богатейшими нефтяными месторождениями пограничной с Ираком области Хузестан. За Саддамом стояли страны Запада, в частности, США и Великобритания, стремившиеся его руками уничтожить в зародыше мятежный революционный Иран. Однако иракское руководство и его западные покровители даже представить себе не могли, с каким мощным отпором придется столкнуться захватчикам, когда иранский народ в едином порыве поднимется на защиту своей страны. Иранцы чуть ли не голыми руками воевали против вооруженного до зубов агрессора, но ни отсутствие новейших вооружений, ни наложенные на страну незаконные международные санкции не могли сломить духа иранского народа. Война, продолжавшаяся восемь лет, с сентября 1980 по август 1988 года, унесла с обеих сторон сотни тысяч жизней, а ее главным итогом стало то, что мир понял: с Ираном нельзя разговаривать языком силы, ибо народ, опирающийся не только на мощь оружия, но и на глубочайшую духовность и жертвенность, непобедим...

В современной иранской литературе военная проза представлена отдельным и очень ярким направлением.

Многие авторы, пишущие о событиях тех лет, сами сражались на передовой – именно поэтому их произведения так документально достоверны. Здесь есть всё: и батальные сцены, и рассказ о трагедии гражданского населения, и – самое главное – глубочайший духовный подтекст. В годы тяжелейших испытаний духовное начало нации в целом и каждого отдельного человека принимает особую окраску, становясь тем стержнем, без которого невозможно ни выжить, ни победить. И, как алые тюльпаны из капель крови павших за родину, так и из светлой и трагической памяти вырастают яркие, берущие за душу произведения, заставляющие думать, сопереживать, а главное – помнить...

*Посвящается павшим героям  
батальона Абу-ль-Фазла  
города Нахаванд в провинции Хамадан*

## ОТ АВТОРА

*Кто же этот молодец с кипарисовым станом  
и высохшими от жажды губами,  
что на плечах своих несет бурдюк с водой?*<sup>1</sup>

Моя память хранила смутный образ его героизма, но я всегда страстно желал лично пообщаться с ним. Всякий раз, когда мне приходилось его видеть, я знал, что за этим спокойным и благородным лицом, безногой фигурой скрывается мятежный дух, с которым можно познакомиться только наедине. Но как я мог пробраться к глубинам его мысли, вдохновенной героизмом Ашуры<sup>2</sup>? Да и можно ли было достичь самых потаенных недр его переживаний и добыть из них жемчужины наследия этой великой трагедии, действуя распространенными методами, в общепринятой традиции устных воспоминаний? Этот вопрос всегда стоял передо мной, несмотря на горячее желание выслушать воспомина-

---

<sup>1</sup> Строки из газели современного иранского поэта Саида Биябанаки.

<sup>2</sup> Ашура – особо почитаемый день в исламе, приходящийся на десятое число месяца мухаррам, который у шиитов известен как день траура по Хосейну ибн Али, сыну халифа Али ибн Аби Талиба и внуку Пророка Мухаммада, убитому в 680 г. во время конфликта с омейядским правителем Йазидом ибн Муавией. В шиизме это событие рассматривается как квинтэссенция исламской истории и основная драма истории человечества (*прим. пер.*).

ния из уст самого знаменосца батальона Достопочтенного Абу-ль-Фазла<sup>1</sup> (мир ему!).

Сардар<sup>2</sup> Мирза-Мохаммад Сольги был командиром, который потерял очень многих своих солдат, и, по его мнению, нужно хранить печать молчания на устах и пребывать в безвестности, оставляя дело своей жизни, точнее, его вклад в восьмилетнюю эпопею Священной обороны<sup>3</sup>, на завтрашний день – Судный день, «когда раскроются тайны»<sup>4</sup>.

Принимая во внимание эти обстоятельства, мы вместе с Джамшидом Талеби пошли к хаджи Мирзе, чтобы выслушать его воспоминания и ощутить их горький аромат.

Наконец-то нам удалось с ним побеседовать. Мы жаждали услышать его воспоминания и записать их столь же сильно, как он жаждал ничего о них не говорить и сохранять свою анонимность...

Эти встречи продолжались двадцать месяцев, и всякий раз, когда во время воспоминаний звучало имя Абу-ль-Фазла, наш разговор превращался в траурное собрание. Всякий раз, когда беседа касалась незалеченных ран хаджи Мирзы, он изливал уже не воспоминания, а слезы.

---

<sup>1</sup> Абу-ль-Фазл Аббас ибн Али (ум. 680) – один из мучеников Кербелы, сподвижник Имама Хусейна, убитый вместе с ним в день Ашуры. Он был сыном Али ибн Аби Талиба и Умм аль-Банин. Почитается мусульманами за его преданность сводному брату Хусейну ибн Али. Был известен как прославленный воин и богатырь, унаследовавший силу своего отца, Али ибн Аби Талиба (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Сардар – воинское звание в иранском Корпусе стражей Исламской революции, равнозначное генералу (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Священная оборона (*перс. дефа-э могаддас*) – принятое в Иране официальное обозначение Ирано-иракской войны 1980–1988 гг., которая рассматривается как отечественная война и наделяется сакральным статусом (*прим. пер.*).

<sup>4</sup> Коран, 86:9.



Особенности личности рассказчика – хаджи Мирзы – побудили меня отойти от привычного формата воспоминаний, хорошо мне известного: рассказа от первого лица, основанного на том, что герой видел или слышал от кого-либо, – и облечь это повествование в форму рассказа от лица окружающих, чтобы приоткрыть калитку в сад воспоминаний его сослуживцев по батальону. Так мы услышим со слов других людей все то, что он опасался рассказывать, считая, что это будет похвальбой.

«Вода не умирает никогда» – это новое слово в устной истории, которое прозвучало благодаря сочетанию воспоминаний Мирзы-Мохаммада Сольги, рассказов нескольких бойцов батальона и четырех командиров 32-й дивизии корпуса «Ансар оль-Хосейн (а)».

Этот стиль призван послужить полноте повествования, его большей достоверности и дополнению воспоминаний новыми сведениями, однако я вынужден признать, что, несмотря на все эти усилия, мне так и не удалось проникнуть в самую суть мистерии хаджи Мирзы, не выдававшего своих тайн. Об этой великой мистерии поведают не слова и воспоминания, а лишь ранения, пули и осколки снарядов, сыпавшиеся ему на голову, грудь, руки и ампутированные позже ноги.

В заключение я считаю своим долгом поблагодарить за сотрудничество и поддержку своих братьев из Центра сохранения архивов корпуса «Ансар оль-Хосейн (а)» и Фонда сохранения наследия и распространения ценностей Священной обороны провинции Хамадан, которые предоставили вашему покорному слуге документы и фотографии.

*Хамид Хесам  
Весна 2014 года, Хамадан*

## Глава 1

# СЫНОК ШЕЙХА АЛИ-МАМАДА

Я родился 21 марта 1956 года в деревне Хадиабад, в 25 километрах от Нахаванда<sup>1</sup> в провинции Хамадан<sup>2</sup>.

По общему убеждению наших сельчан, появление на свет мальчика в ту пору, когда начинает расти трава и зелень, служило приметой обилия пропитания и предвещало материальный достаток.

На седьмую ночь *каке*<sup>3</sup> прошептал мне на ухо азан и икакат<sup>4</sup>, а затем сказал: «Быть тебе Мирзой-Мохаммадом!».

---

<sup>1</sup> Нахаванд – город на западе Ирана, в провинции Хамадан. В 642 г. в окрестностях города состоялась битва между армией арабов-мусульман халифа Умара и персидским войском шахиншаха Йездигерда III, закончившаяся полным поражением персов (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Хамадан – провинция на западе Ирана, административным центром которой является одноименный город, возникший на месте древней столицы Мидийского царства – Экбатаны (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Обращение к отцу у луров – народа, проживающего на юго-западе Ирана и сохраняющего черты родоплеменного строя (*прим. пер.*).

<sup>4</sup> Азан – в исламе призыв на обязательную молитву, состоящий из различных формул поминания Всевышнего; читается чаще всего нараспев с минаретов мечетей. Икакат – второй призыв на обязательную молитву, который читается непосредственно перед ее совершением и незначительно отличается от азана. Согласно исламской традиции, после рождения ребенка при имянаречении желательно прошептать ему в правое ухо азан, а в левое – икакат (*прим. пер.*).

Я был счастливым ребенком и любимцем всего большого рода Сольги. До шести месяцев мне не обривали волос на голове, пока *каке* и *да*<sup>1</sup> не побрили меня в Мешхеде<sup>2</sup> и не раздали беднякам монеты по весу моих волос, как того требовал обычай.

Мне исполнился год, когда из Хадибада мы переехали в Мохаммадабад.

Мохаммадабад был родной деревней моей матери, и его окружали стены четырех высоких крепостей из необожженного кирпича. Их называли просто «крепости». Народ чувствовал себя в большей безопасности, находясь внутри крепостных стен Мохаммадабада. Волки подходили к самым стенам «крепостей» и скулили, но никак не могли добраться до овец. Однако случилось однажды, что воры проделали в толстой кирпичной стене отверстие в метр шириной, проникли в деревню и украли корову. Я еще не ходил в медресе, и для меня волки и воры были одним и тем же.

На закате, когда солнце пряталось за высокими горами, крестьяне и пастухи возвращались после целого дня, проведенного на пастбище, и проходили в «крепости». В моем детском восприятии «крепости» были неприступным бастионом, куда не могли попасть никакие воры и волки.

В каждую из «крепостей» можно было войти только через большие деревянные ворота. Каждая «крепость» вмещала в себя около десяти домохозяйств. Домохозяйства представляли собой саманные дома, земляные полы в которых были выстланы циновками и паласами,

---

<sup>1</sup> Да (на лурском языке) – мама (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> Мешхед – город в восточной части Ирана, центр провинции Хорасан-Разави. Город изначально возник на месте захоронения восьмого шиитского Имама Али ибн Мусы ар-Риды (мир ему!) и сегодня является центром паломничества миллионов шиитов со всего мира (*прим. пер.*).

покрытыми сверху шерстяными коврами. Сами семьи жили на верхнем этаже, а скотину и птицу держали на нижнем.

Когда наступала зима, суровые холода зачастую нещадно губили скот. Хозяева скотины были вынуждены строить для нее под землей теплые и безопасные помещения.

Питьевую воду жители деревни добывали из общих колодцев, которых было по одному в каждой «крепости». Туалет тоже был общим. Землю зачастую также вспахивали совместными усилиями. Те крестьяне, у которых было больше скота для пахоты, получали у помещика больший земельный надел, а если у кого-то была только одна корова, ему приходилось объединяться с другим односельчанином или запрягать в пахотную упряжку вместе со своей коровой еще и осла. Тогда были времена помещиков и крепостных, и весь Мохаммадабад, деревня из сорока дворов, вместе с еще тремя небольшими селениями принадлежал одному помещику. Земля и вода для орошения полей были собственностью помещика, а трудиться на этой земле следовало крестьянам. Тем не менее помещик получал пять шестых урожая, а крестьянин – лишь одну шестую. Однако если на помещичьей земле пшеница всходила на одной дождевой влаге, помещик и крестьяне делили урожай пополам.

Помещика звали Карамхода<sup>1</sup>, но простые крестьяне, вроде моего отца, не ждали от него щедрости, а глядели на небо, и если оно покрывалось облаками и проливалось дождь, у них становилось радостно на душе, лица расплывались в улыбках. Несмотря на это, взошедший с дождями урожай с трудом обеспечивал нашу простую жизнь в течение года.

---

<sup>1</sup> Карамхода – иранское мужское имя, имеющее значение «Божья щедрость» (*прим. пер.*).

Щедрость и благоволение помещика доставались по большей части ему самому и его родственникам, а не крестьянам с их покрытыми мозолями руками.

Мой отец был светлым, жизнерадостным, правдивым и богобоязненным человеком, к которому относились с доверием все жители Мохаммадабада, даже помещик. Раз в сорок дней он отправлялся в дом землевладельца, чтобы определиться с размером выплат, и иногда брал с собой сыновей. К отцу обращались «Шейх Али-Мамад», а мы называли его просто *каке*.

Мне было, наверное, около четырех или пяти, когда мы вместе с отцом пошли прямо через вспаханное поле в деревню помещика, в Чулак. Я устал, и отец посадил меня к себе на плечи. Воспоминания о том дне до сих пор хранятся где-то в уютном уголке моей памяти, словно чудесный и неповторимый сон. Отец взял мои маленькие ручонки в свои крепкие мозолистые руки и мелодично напевал мне на лурском: *«Рула назарем. Чаша черагем. Азиз малем. Даро надарем. Бова барарем. Ма дусет дарем. Ма дусет дарем»*<sup>1</sup>.

Это тихое пение в доброй, приятной и мелодичной манере было хорошо знакомо и ласкало слух не только мне, но и двум моим старшим братьям, слышавшим его еще до меня, а после меня – еще трем братьям и даже двум моим младшим сестренкам. Мои братья и сестры в равной мере пользовались любовью отца, хотя *каке* ко всем нам проявлял такую нежность, что каждый из нас считал себя его любимчиком. Он был настоящим учителем, хотя сам никогда не учился в школе и слабо владел грамотой. Принципы учения Пророка и его благой нрав так глубоко запали отцу в душу, что превратили его в настоящего шейха деревни Мохаммадабад, пусть и не имевшего тюрбана и накидки. Благословенное имя

---

<sup>1</sup> О мое дорогое дитя! Свет очей моих! Ты для меня дороже всех богатств! Ты всё для меня! Я тебя люблю! Я тебя люблю! (Прим. авт.)

Мухаммада (да благословит Аллах его и его род!) и его Непорочного Семейства были для отца всем на свете. Из-за этой любви и преданности Пророку ислама он давал каждому сыну имя, украшая его именем Пророка: Азиз-Мохаммад, Шах-Мохаммад, Мирза-Мохаммад, Мохаммад-Карим, Шир-Мохаммад и Мохаммад-Джафар.

\*\*\*

Мне было шесть лет, когда однажды мы с *каке* отправились в деревню помещика. От нашего селения до Чулака было два километра. Как обычно, я сидел на плечах у отца. В полдень он остановился у арыка с проточной водой, снял меня с плеч, громким голосом произнес азан и прочитал намаз<sup>1</sup> в том месте, которое не было ничьей собственностью.

Когда мы пришли в дом помещика, я будто бы оказался в другом мире. Я видел здание, которое было совсем не похоже на простые и убогие дома нашей деревни. Это был дом из обожженного кирпича, имевший несколько этажей, с большим, вымощенным камнем двором, в одном углу которого стояла машина марки «Пейкан»<sup>2</sup>, принадлежавшая помещику. Комната для гостей была наполнена запахом еды, и спустя годы я все еще ощущаю во рту вкус того наваристого абгушта<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Намаз – каноническая молитва мусульман, являющаяся одним из пяти столпов ислама. Мусульманин обязан ежедневно совершать пятикратный намаз, причем делать это можно не только в мечети, но и в любом месте, в котором застанет человека время молитвы (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> «Пейкан» (*перс.* «копье») – иранский автомобиль с кузовом типа седан, выпускавшийся в Иране с 1967 по 2005 год. Считается первым автомобилем, произведенным в Иране, а также самым популярным автомобилем за всю историю иранского автомобилестроения (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Абгушт (от *перс.* аб – «вода», гушт – «мясо») – одно из традиционных основных блюд национальной иранской кухни, состоящее из бараньего бульона (торид, тилит) и мяса (кубиде),

В Мохаммадабаде, в отличие от угощений, разложенных на цветастой скатерти помещика, мы ели скромные плоды тяжкого труда мужчин, женщин и даже детей нашей деревни, зачастую работавших наравне со старшими. Когда мой отец ездил в Нахаванд, он покупал рис, но мы ели его один или два раза в год, в основном вечером накануне Нового года. Прочие продукты, вроде всяких молочных продуктов, бобов, красного и белого мяса, масла и хлеба, можно было достать в самой деревне. Основной едой была пшеница. Мы мололи пшеничную муку, и она хранилась в домашних зернохранилищах, которые назывались «таваб». Зерна нам не хватало и на год. Ближе к концу весны мы начинали страдать от его нехватки. Тогда *каке* спрашивал у матери: «Сколько осталось муки?» – а мама говорила: «Один табриси<sup>1</sup> на три дня».

Это означало, что предстояло экономить до тех пор, пока не созреет следующий урожай. Из этого же объема муки нам нужно было не только готовить еду и печь хлеб, но и платить за баню, цирюльню и выпас скота. За выпас одного барана пастух просил одну сумму, а за выпас ягненка – ее половину, и отдавать надо было всё той же пшеничной мукой.

Во время жатвы цирюльник приходил на гумно. Он брил нас «под ноль» своей машинкой, оставляя впереди хохолок. Такой хохолок оставляли в основном детям дошкольного возраста. Мама смазывала нам волосы или хохолки смолой, чтобы мы выглядели красивее, а иногда вместо этого привязывала к хохолку бусину зеленого цвета под названием «дани», чтобы уберечь нас от сглаза. Вот тогда мы становились настоящими «пацанами».

---

измельченного с помощью специальной колотушки вместе с картофелем, фасолью и луком (*прим. пер.*).

<sup>1</sup> Табриси (от названия иранского города Табриз в Иранском Азербайджане) – старинная мера веса, равная 640 мискалям. Одним табриси муки можно было наполнить миску или кувшин (*прим. пер.*).

Цирюльник стриг детям волосы на два манера: либо выбривал наголо машинкой, либо оставлял хохолок, а больше он ничего не умел и принимал плату зерном или мукой, в зависимости от того, сколько раз он оказывал свои услуги.

Что касается бани и платы за нее, все обстояло сложнее, чем с пастухом и цирюльником. Дело в том, что в Мохаммадабаде не было бани. Нам приходилось ходить в соседнюю деревню Хадиабад, да и то по одному разу за сезон. Банщик, которого называли «тунебан», топил баню дровами. Там не было градусника или термометра, и иногда дрова разгорались так сильно, что вода в чаше<sup>1</sup> закипала, как в самоваре, и начинала булькать. Погружать тело в эту чашу и выходить из нее было невыносимо больно. Кожа у нас становилась красной, словно вареная свекла, и тут каке приступал к растиранию нас мочалкой. У меня вырывался крик, и я жалобно говорил: «Папа, ты же с меня кожу содрал!». Он и глазом не моргал и лихо отвечал: «Дорогой мой, за три месяца нарстет!».

Когда мы возвращались домой, то три-четыре дня ходили чистенькие и блестящие, но уже через неделю, даже несмотря на короткую стрижку и наши страдания в бане, грязь слоями сходила с нашей кожи. Мама ненадолго опустила нашу одежду в раскаленный *танур*<sup>2</sup>, чтобы очистить ее от всяческой заразы, и каждые два-три дня нагревала на дровах целый таз воды, а затем мыла нас, намыливая с ног до головы марагинским мылом<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Восточная баня (хаммам) традиционно включала «хазине» – особый резервуар с водой в виде большой чаши или бассейна, расположенный над топкой, откуда посетители бани брали горячую воду для мытья (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Танур – иранское название печи-жаровни, или тандыра, в которой пекут традиционные лепешки (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Город Мараге в Иранском Азербайджане традиционно считался центром мыловарения. Марагинское мыло производилось из курдючного сала и соды и имело характерный желтый цвет (*прим. пер.*).



Мама, как и отец, была неграмотной, но ведение домашнего хозяйства лежало на ней. Она была верующей, терпеливой, часто молилась, подолгу простираясь в земных поклонах. У нее никогда не было свободного времени. Она по два раза в день доила корову и овец. Из этого молока она готовила масло, простоквашу и сыр, а также дуг<sup>1</sup> и кашк<sup>2</sup>. Она не сидела без дела даже минуту: то давала скотине сено, то хлопотала у топившегося дровами танура и пекла хлеб, то шила из простой ткани одежду на всю детвору, а помимо всего этого, хорошо справлялась с воспитанием своих детей<sup>3</sup>.

\*\*\*

Хотя в Мохаммадабаде было безопасно, а земля там была плодородной, в деревне не было школы и мечети. Мы уже один раз переехали из Хадибада, но мой отец ждал, когда закончится зима и мы сможем переехать в Дехганабад. Там были и школа с мечетью, и общественная баня.

Суровая зима Мохаммадабада не спешила уходить. Буран и метель занесли снегом все дороги, и долгими ночами мы сидели вокруг топчана под тусклым светом керосиновой лампы, которую ставили на топчан, и слушали рассказы нашего отца. Он рассказывал о своем детстве, о своем отце Сайфали и его вере, как он пешком пошел из Нахаванда в Кербелу, как он летом терял сознание от слабости в дни поста прямо во время работы

---

<sup>1</sup> Дуг – иранский кисломолочный напиток, приготовляемый из коровьего или козьего молока с добавлением закваски молочнокислых бактерий, аналогичный айрану у тюркоязычных народов, тану – у армян.

<sup>2</sup> Кашк – сухой кисломолочный продукт, распространенный у иранских и тюркских народов. Представляет собой белые шарики из вываренного и высушенного на солнце кислого молока, которые добавляют в бульон для вкуса. В Средней Азии его называют крутом (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Она простилась с жизнью в 2007 г. в возрасте 81 года.

в поле, но не прерывал пост, как он просил двоих своих сыновей: Али-Мохаммада (нашего отца) и Валиоллу (нашего дядю)<sup>1</sup> – повсюду и везде, когда наступало время молитвы, произносить азан.

Мне было шесть лет. В ту холодную зиму мы всей семьей сидели вокруг топчана. На этот раз *каке*, словно учитель, читавший ученикам рассказы, живым и понятным для нашего детского восприятия языком беседовал с нами о четырнадцати Непорочных<sup>2</sup>. В моей памяти оставили неизгладимый след его слова: «Сын Имама Али не был ни имамом, ни непорочным, но имел перед Аллахом степень, подобную степени Непорочных имамов».

Я был еще совсем ребенком, но во мне кипело желание послушать какую-нибудь историю об Аббасе. Я спросил:

– Чьим отцом был Аббас?

*Каке* дал ответ, но ни я сам, ни кто-либо из других детей не поняли, что он имел в виду. До этого момента он называл имена и рассказывал о том, кто кому кем приходится, но мне ответил: «Аббас был отцом бурдюка».

По нашим удивленным и недоумевающим лицам он понял, что должен подробнее рассказать от «отце бурдюка». Я с удовольствием слушал о том, как Аббас в одиночку бесстрашно атакует врагов прямо из пальмовой рощи, рассеивает их ряды и устремляется к Евфрату, набирает из него воды в бурдюк и на обратном пути, ослепший от пронзивших его глаза стрел, с обрубками вместо рук, закрывает собой бурдюк, словно дитя, чтобы в него не

---

<sup>1</sup> Мой дядя хаджи Валиолла Сольги продолжил эту традицию. Он также воевал. Иногда он и его шестеро сыновей одновременно находились на фронте.

<sup>2</sup> Непорочные (*перс.* масумин) – принятое в шиизме обозначение четырнадцати почитаемых фигур: Пророка Мухаммада, его дочери Фатимы и двенадцати Имамов, первым из которых был муж Фатимы – Али ибн Аби Талиб, а последним – Скрытый Имам, Мухаммад ибн аль-Хасан аль-Махди. Сунниты признают непорочность только Пророка Мухаммада (*прим. пер.*).

попали стрелы и он мог донести воду до шатров. Это был самый запоминающийся рассказ моего детства, который заставил меня всем сердцем полюбить Абу-ль-Фазла Аббаса и его идеал. Он был «отцом бурдюка»<sup>1</sup>.

Тогда я еще не понимал смысла траурных песен и тех слез, которые *каке* проливал, когда говорил об Аббасе. Мама плакала вместе с ним, а для меня единственным привлекательным местом в рассказе об Аббасе была его смелая вылазка к воде.

Отец не только искусно читал азан, рассказывал о заповедях религии, перечислял имена Ахль аль-Бейт и распевал траурные песнопения. Он также искренне любил обращаться с мольбой к Аллаху. Когда его пылкая речь смешивалась с мольбой, мы больше не ощущали холода. В дневное время жители деревни приходили к нам домой учить Коран. У отца была брошюрка под названием «Пандж алам»<sup>2</sup>, по которой он и обучал других людей Корану.

Глубокое изучение Корана и хадисов позволило ему научиться немного писать по-персидски. Поэтому, когда он писал что-то на персидском языке, у него получался классический арабский шрифт, а не привычная скоропись.

Во время наступления намаза отец имел обыкновение подниматься на крышу или какое-нибудь другое возвышение и произносить азан. Он также читал мунаджаты<sup>3</sup>,

---

<sup>1</sup> «Отец бурдюка» (араб. абу-ль-кирба) – одно из прозваний Абу-ль-Фазла Аббаса.

<sup>2</sup> «Пандж алам» («Пять аламов») – издание, содержавшее несколько сур Корана, которые начинались с так называемого алама – буквенного сочетания «Алеф. Лам. Мим», представляющего собой пример хуруф ал-мукатта‘а – комбинаций нескольких букв арабского алфавита, подлинный смысл которых считается Божественной тайной.

<sup>3</sup> Мунаджат (араб. «тайная беседа») – принятое в шиизме обозначение отдельной категории молитв, предполагающих особенный настрой на беседу с Богом и состояние особого благоговения перед Ним (*прим. пер.*).

в особенности ранним утром в дни месяца рамадан<sup>1</sup>, когда он шел на крышу и громким голосом читал стихи мистического содержания вместе с утренней мольбой. Одно из стихотворений, которые он читал, я до сих пор помню:

*О Господь, ради всех Твоих святых  
Прости нам все грехи, как будто Ты их и не видел...*<sup>2</sup>

Отец не привык ложиться спать после утреннего намаза, обычно читал Коран или молитвы, иногда был занят обучением людей заповедям шариата.

Хотя *как* фактически выполнял роль духовного лица, отвечавшего на вопросы односельчан о религии, он имел обыкновение отправляться в особые для шиитов дни в город и приводить оттуда муллу по имени хаджага<sup>3</sup> Басир. Он говорил: «Они (представители духовенства. – *Прим. авт.*) – солдаты Повелителя Времени<sup>4</sup>. Их одеяния – это одежда Посланника Аллаха, относись к ней с почтением. Это они должны разъяснять людям Божьи заповеди и возглавлять намаз, а не люди вроде меня».

Когда мулла отправлялся в соседнюю деревню, чтобы и там возглавить всеобщий намаз, мы с отцом шли в Дехганабад. Я помню, как он неторопливо и аккуратно вышагивал, говоря: «Когда кто-то идет в мечеть, ан-

---

<sup>1</sup> Рамадан – девятый месяц мусульманского календаря, на который приходится время обязательного поста (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Строки из четверостишия (дубейти) персидского поэта-мистика Баба Тахира, жившего в Хамадане в XI в. и писавшего на персидском и лурском языках.

<sup>3</sup> Хадж-ага (от *араб.* хаджи – «паломник к Каабе», *тюрк.* ага – «господин») – почетное обращение к духовному лицу или старшему человеку у иранцев.

<sup>4</sup> Повелитель Времени (*араб.* Сахиб аз-Заман) – почетное именование двенадцатого Имама Мухаммада аль-Махди, который с 874 г. и по настоящее время считается имамом исламской общины, находящимся в так называемом сокрытии (*араб.* гайба) и скрыто участвующим в ее жизни (*прим. пер.*).

гелы Божьи записывают ему семьдесят добрых дел за каждый шаг. Чем короче шаги, тем больше запишется добрых дел».

Как только зима прошла, начался наш переезд в деревню Дехганабад. Там я мог ходить в школу, а мой отец – посещать мечеть. Кроме того, там мы были меньше обременены работой в поле и отработками в пользу помещика. Обширные угодья Дехганабада позволяли крестьянину больше трудиться и зарабатывать. Государство построило в селе несколько саманных домов, в одном из которых располагалась школа. Она была возведена на государственные средства и носила название «Лев и Солнце<sup>1</sup>», а потому власти сочли себя вправе поменять и название села на новый лад. Но люди не обращали внимания на установленную при въезде в деревню табличку с надписью «Шахабад»<sup>2</sup> и по-прежнему считали, что крестьяне всё добывают своим собственным трудом. Поэтому если кто-нибудь спрашивал: «Откуда вы?», они говорили: «Из Дехганабада».

Село находилось в 9 километрах от Нахаванда, к нам приезжали городские учителя, которых направляли в деревни как членов Корпуса знания<sup>3</sup>. Женщины почти не носили хиджаба, и мне это было неприятно, несмотря на мой малый возраст. Я ходил в первый класс, но уже

---

<sup>1</sup> Лев и Солнце (*перс.* шир-о-хоршид) – название иранского монархического герба, на котором изображен лев, держащий в лапе меч, за спиной которого восходит солнце (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Прежнее название села (Дехганабад) переводится буквально как «селение крестьян», тогда как Шахабад означает «селение шаха».

<sup>3</sup> Корпус знания (*перс.* сепак-е данеш) – массовая образовательная организация, созданная в 1962 г. премьер-министром Ирана Асадоллой Аламом по поручению шаха Мохаммада Резы Пехлеви в рамках инициативы им программы реформ – «Белой революции». Имела целью распространение грамотности во всех районах страны и поддержку развития народного образования (*прим. пер.*).

знал о том, что является халялем<sup>1</sup>, а что – харамом<sup>2</sup>. Отец научил меня, что при встрече с посторонней женщиной надо опускать голову и покрывать свой взор завесой целомудрия.

Еще большей проблемой для меня стало то, что классы были смешанными. Из-за нехватки преподавателей с первого по пятый класс деревенские мальчики и девочки сидели в одном помещении. Я какое-то время учился в одном классе со своей сестрой. Когда она задавала какой-нибудь вопрос нашему учителю, господину Алиморрадийану, я весь краснел, меня обуревало негодование. Когда мы приходили домой, между нами сразу вспыхивала ссора: я говорил, что она не должна задавать вопросы учителю, постороннему для нее мужчине, пока в дело не вмешивался отец. Он говорил: «Все эти проблемы – от монархии и тиранического правления шаха». Мы тогда не понимали смысла его слов, но отец поддерживал связь с аятаолой<sup>3</sup> Хейдари<sup>4</sup>, поэтому иногда у него вы-

---

<sup>1</sup> Халяль (*араб.* «дозволенное») – всё дозволенное исламским шариатом (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Харам (*араб.* «запретное») – всё запрещенное исламским шариатом (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Аятаолла (*араб.* аят Аллах – «знамение Божье») – принятое у современных шиитов-имамитов обозначение религиозных ученых, обладающих правом на иджтихад – самостоятельное выведение исламских правовых норм на основе священных источников (*прим. пер.*).

<sup>4</sup> Аятаолла Хейдари был в предреволюционные годы учащимся богословского училища (хоузе-йе эльмийе), всей душой радел за дело революции и по причине солидарности с движением Имама Хомейни неоднократно попадал в тюрьму или отправлялся в ссылку. Накануне Исламской революции, когда он возвращался домой из очередной ссылки, мы с отцом поехали встречать его в Нахаванд. Он был первым пятничным имамом Нахаванда и стал первым депутатом от этого города в Исламском совещательном собрании. Он погиб смертью мученика во время взрыва в штаб-квартире партии Исламской Республики, произошедшего 28 июня 1981 года (*прим. авт.*).

рывалось нечто подобное, однако он никогда не высказывался при нас о шахском режиме.

Мой отец знал еще много других вещей, которые не имели в нашем детском мире никакого смысла. Например, учитель в нашей деревне был саваковцем<sup>1</sup> и, помимо преподавания, занимался выявлением религиозных людей, пользовавшихся влиянием на односельчан и связанных с духовенством, а потом направлял рапорты сотрудникам шахской охраны в Нахаванде.

Несмотря на все сложности, первые пять школьных лет пролетели быстро. Учеба давалась мне легко, но я больше любил помогать отцу с работой.

В шестой класс мы вместе с несколькими однокашниками пошли в деревню Вахман, куда ходили за несколько километров, путь был неблизкий. Когда наступала зима, нас одолевали сомнения: а что, если в пути на нас нападут волки? Одноклассники только подливали масла в огонь своими разговорами: «Какая польза от этой учебы и заданий? Лучше будем помогать нашим отцам в поле».

Закончив шестой класс, я отложил учебники и бросил школу, чтобы взять в руки серп и срезать им сухие стебли пшеничных колосьев. Отец был очень аккуратен в работе и учил меня тому, как сжинать даже короткие и тонкие колоски, которые мы называли «каргуль». Часто мое свободное время было занято пастьбой, я отводил стада коров и овец на выпас. В таком случае отец мне говорил: «Мирза-Мохаммад, будь внимателен, не дай

---

<sup>1</sup> САВАК (от перс. сазман-е амният ва этталаат-е кешвар – Организация национальной безопасности и информации) – министерство государственной безопасности Ирана времен правления шаха Мохаммада Резы Пехлеви, существовавшее в 1957–1979 гг. и завоевавшее славу антинародной организации, проводившей репрессивную политику в отношении десятков тысяч членов оппозиции (прим. пер.).

Бог, скотина станет есть траву с личных участков крестьян. Тогда твое пропитание станет незаконным и дурно повлияет на твою веру и благочестие, а также на всех остальных».

Мы с братьями на совесть выполняли каждое из моральных наставлений отца, когда работали на земле. В полдень он, как обычно, произносил азан, мы читали за ним намаз, разворачивали на земле узелок с хлебом, сыром и зеленью, которые приготовила для нас мама, после чего с большим аппетитом принимались за трапезу.

В Дехганабаде у отца буквально развязались руки, и он мог лучше зарабатывать на жизнь. Два раза в год он покупал в Нахаванде кожаные ботинки и привозил нам. Материал, из которого делали ботинки, походил на автомобильную резину, и многочасовая работа с лопатой не оставляла на них ни следа.

Ближе к концу лета начинались споры из-за воды, и единственной вещью, которая доставляла нам неприятность, было получение квоты на воду. Все крестьяне вели себя достойно и довольствовались тем, что им полагалось, но в деревне было несколько жадных людей, привыкших всего добиваться силой. Они внаглую направляли воду из «варьянов»<sup>1</sup> к своим угольям. Один из них постоянно ругался с моим отцом.

Отец ничего не говорил, не позволяя себе проронить ни одного дурного слова, и это благородство только распаляло наглость другой стороны. Однажды земля покрылась трещинами от засухи, урожай сох у нас на глазах. Была наша очередь на получение воды, и я пошел к источнику. Тот нахальный тип был тут как тут. Ровесник моего отца, он обладал исполинским телосложением. Он знал, для чего я пришел к арыку, и злобно бросил:

– Сынок Шейха Али-Мамада! Иди-ка, займись делом!

---

<sup>1</sup> Небольшие арыки, ответвлявшиеся от главного арыка.



– А ты, что ли, Шемр<sup>1</sup>, раз перекрываешь нам воду?! – ответил я.

У него на шее надулись вены, и он закричал:

– Богом клянусь, я до этого уже убил шестерых! Похоже, ты хочешь стать седьмым, да?!

Я крепко сжал руками лопату и выпятил грудь. Затем пустил воду в сторону нашего участка и сказал:

– Да, я знаю, что ты уже убил шесть человек, но сегодня я тебя прикончу и отомщу за те невинные души.

Он подошел ко мне, по обе стороны арыка не было никого, кроме нас двоих. Я взмахнул лопатой и крепко ударил его по туловищу, чтобы он опомнился. Спустя мгновение я уже бил его лопатой что есть сил справа и слева, так он был мне ненавистен. Мне хотелось проломить ему череп. Однако он сбежал с места побоища.

Многие жители деревни слышали об этом и испытали облегчение. Отец же дал мне совет: «Держись подальше от всяких потасовок».

\*\*\*

Мне было пятнадцать лет, и я уже был хорошим кулачным бойцом, так что получил в деревне славу «Мирзы Драчуна». В драках со своими сверстниками и даже старшими ребятами я никогда не давал себя в обиду. Отец беспокоился, но мама сказала: «Парень не должен уступать чужой силе. Этому нас научил Имам Хусейн».

Тем не менее мой драчливый нрав сделал свое дело, и во время одной из потасовок лопата противника угодила мне прямо в голову, проломив череп. Так я впервые попал в Нахаванд.

---

<sup>1</sup> Шемр ибн Зи-ль-Джаушан – убийца Имама Хусейна, командовавший конницей омейядского войска во время битвы в Кербеле в 680 г. Считается символом нечестия и лицемерия, а его имя фактически стало в повседневной речи ругательством (*прим. пер.*).

В больнице мне промыли рану, наложили шов и спустя какое-то время я с перебинтованной головой вернулся в Дехганабад в компании одного молодого ахунда<sup>1</sup>.

В 1974 году я во второй раз побывал в Нахаванде. На этот раз мы поехали туда на поминки по нескольким молодым ребятам, приходившимся мне родственниками со стороны матери. Предки моей матери были из нахавандской семьи Сейф, и она знала этих ребят, которых судили в шахском судилище и казнили в Тегеране по обвинению в борьбе против режима<sup>2</sup>. Впоследствии они стали известны как «группа Абузара», некоторые из них состояли в родстве с братом моей матери. Когда я вернулся в деревню, наступили дни месяца мухаррам<sup>3</sup>, на стенах и у дверей каждого дома вывесили черные знамена. По вечерам люди приходили в мечеть. Мулла, которого мой отец приглашал из города, читал с минбара проповедь, а мой отец исполнял траурные песнопения.

Мои мысли были заняты мучениками из «группы Абузара», мне хотелось больше узнать о них, о том, почему их расстреляли. Как говорил: «Они говорили о том же, о чем говорил Господин Мучеников<sup>4</sup>. Они восстали ради призыва к благому и утверждения религии нашего

---

<sup>1</sup> Ахунд – принятое в Иране обозначение духовного лица, иногда имеющее ироничный оттенок (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Бахман Моншат, Рухолла Сейф, Абдолла Ходарахми, Машалла Сейф, Валиолла Сейф, Ходжатолла Абдали были расстреляны ранним утром 19 февраля 1974 г. Их мученическая смерть стала поворотным пунктом в борьбе против шахского режима по всей стране, в особенности в области Нахаванд (*прим. авт.*).

<sup>3</sup> Мухаррам – первый месяц мусульманского календаря, один из четырех запретных месяцев, о которых говорится в Коране. На 10-й день этого месяца приходится Ашура – день траура шиитов по убитому Иمامу Хусейну, отмечаемый скорбью и публичными собраниями (*прим. пер.*).

<sup>4</sup> Господин Мучеников (*араб. саййид аш-шухада*) – одно из почетных прозваний Имама Хусейна в исламской традиции (*прим. пер.*).

Пророка. Им были невыносимы несправедливость и нечестие. Это были молодцы вроде Обитателей Пещеры<sup>1</sup>, которых Аллах избрал для того, чтобы они стали знаменем и ориентиром, указывающим путь к таухиду<sup>2</sup>. Их призыв звучал так же громко, как призыв Абузара<sup>3</sup>, и они искренне положили свои жизни ради защиты Имама своего времени, как это сделал Абу-ль-Фазл Аббас».

Ашура в Дехганабаде была громким событием. Процессии с флагами и штандартами, которые несли по улицам со всех концов деревни, упирались друг в друга, перекрывая дорогу в мечеть. Я помню, что самое высокое знамя, точнее *байрак*, принадлежало моему дяде со стороны матери. На его зеленом полотнище было написано: «Йа Камар Бани Хашим»<sup>4</sup>.

Все деревенские, мужчины и женщины, старики и молодежь, одевались в черное, вымазывали себе лица землей и глиной, произносили молитвы, некоторые колотили себя цепями, другие раздавали воду, старики и Сейеды<sup>5</sup> в основном шли в одной шеренге с разносчиками воды, смиренно наклоняли головы и спокойно

---

<sup>1</sup> Обитатели Пещеры (*араб.* асхаб аль-кахф) – упомянутые в Коране молодые люди, спрятавшиеся вместе с собакой в пещере, чтобы уберечь свою веру в единого Бога во время преследований, и по воле Аллаха проспавшие в пещере 309 лет (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Таухид – исламский монотеизм, вера в Единство Творца (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Абу Зарр аль-Гифари (ум. 652) – один из известных сподвижников Пророка Мухаммада. В период правления халифа Усмана (642–656) выступал с публичной критикой засилья связанных с халифом узами родства Омейядов и исходившей от них социальной несправедливости, за что был сослан халифом в Ар-Рабаду – отдаленное местечко в Сирии, где он умер в одиночестве (*прим. пер.*).

<sup>4</sup> О луна рода Бану Хашим (*араб.*) (имеется в виду Абу-ль-Фазл Аббас – *прим. пер.*).

<sup>5</sup> Сейед – потомок Пророка Мухаммада, пользующийся в шиизме особыми правами и почитанием со стороны верующих (*прим. пер.*).

напевали траурные песнопения. Местом общего сбора был шатер, который разбивали вечером предыдущего дня возле кладбища. Шатер полагалось сжигать после полуденного намаза в день Ашуры. Мне нравилось идти в составе группы разносчиков воды. Но *каке* сказал: «Дорогой мой, обязанность нести воду – это степень Луны рода Бану Хашим. Нам же следует прислуживать тем, кто несет воду».

Будучи подростком, я уже не восхищался одной только храбростью Абу-ль-Фазла, как когда-то в детстве, когда отец читал стихи о Евфрате, мучившей героев Кербелы жажде, бурдюке с водой и отрубленных руках водоноса. Мне казалось, что всё удовольствие от следования религии заключено в образе жизни и поведения Абу-ль-Фазла Аббаса. В моей душе разгоралось пламя какого-то особого мистического настроения, смешанного с любовью и симпатией к Абу-ль-Фазлу. На Ашуру, ближе к полудню, мы с молодыми ребятами деревни выкрикивали позади группы водоносов короткую речевку, которая была боевым кличем Достопочтенного Аббаса в Кербеле:

– *Валлахи ин ката'туму йамини, инни ухами абадан 'ан дини!*<sup>1</sup>

Затем мы били себя ладонями по груди, всей толпой быстрым шагом проходили вокруг шатра, пока не наступало время полуденного намаза.

После намаза люди раздавали милостыню и назр<sup>2</sup>, а затем наступал черед поджигания шатра. В этот момент плач и причитания достигали своего апогея. Как только огонь начинал расползаться по шатру, женщины, которые вставали в круг чуть поодаль, начинали в один голос

---

<sup>1</sup> Клянусь Аллахом, если вы отрежете мне правую руку, я все равно всегда буду отстаивать свою религию (*араб.*).

<sup>2</sup> Назр – обет совершить жертвоприношение с целью раздачи нуждающимся или раздать милостыню в случае исполнения Аллахом просьбы молящегося (*прим. пер.*).

плакать, посыпали головы и лица землей, а мужчины и юноши, которые стояли ближе к шатру, ходили вокруг, плакали, тоже сыпали себе землю на головы и кричали:

– Караул! О Мухаммад, шатры подожгли!

Вечер Ашуры был не похож ни на один другой вечер. В семье Шейха Али-Мохаммада Сольги образ великой и поворотной для истории трагедии Ашуры, невзирая на те 14 столетий, которые отделяли нас от этих событий, воплощался не только в сожженных шатрах. Если политическая ситуация позволяла, как это было во времена нашего дедушки, люди босиком отправлялись из деревни в Кербелу. Однако теперь ездить в Кербелу было запрещено, и мы довольствовались тем, что мама разводила в воде щепотку глины, привезенной из Кербелы нашим дедом, и закапывала по капельке в горло каждому из детей.

## Глава 2

### ЦВЕТ БОГА

По краю деревни Дехганабад проходило асфальтированное шоссе в сторону Тегерана. Каждый день, отправляясь пасти скот, я по несколько минут с удивлением вглядывался в машины, которые ехали из Нахаванда в Тегеран. У нас не было ни телевизора, ни даже радио, и мы ничего не знали о Тегеране, кроме того, что это столица страны. Я лишь читал о нем в книгах по географии. Мне не верилось, что в мои 15–16 лет мне доведется попасть из захолустной деревни в столицу, – до тех пор, пока мой старший брат Мохаммад не уговорил отца разрешить ему взять меня с собой в Тегеран, чтобы я мог там поработать.

Свою трудовую жизнь в Тегеране я начал разнорабочим на стройке. Там было приспособление наподобие носилок, сколоченное из досок, которое называли «заме». Тачки или других средств для переноса стройматериалов не было. Кирпичи, цемент, раствор и песок нам приходилось таскать вручную на деревянных носилках, поднимаясь на несколько этажей вверх. В 15–16 лет, несмотря на тренированное тело и сильные руки, я брал носилки спереди, а другой рабочий, покрепче и здоровее, хватался за задние рукоятки. Тяжело дыша и обливаясь потом, мы таскали эти носилки с раннего утра и до позднего вечера дни напролет.

Иногда сил в руках и ногах уже не оставалось, голова кружилась, я спотыкался, и носилки тут же опрокидыва-

лись. Однако, чтобы меня не выгнали, я как ни в чем ни бывало быстро подбирал всё рассыпанное.

После двух месяцев тяжелого труда на стройке мои руки покрылись такими грубыми мозолями, что при соприкосновении с деревянными рукоятками носилок трескались и болели. Помнится, отец сказал:

– Дорогой мой, честно заработанный кусок хлеба достается тяжело, но приносит настоящее наслаждение.

Чуть позже мой брат Мохаммад сказал:

– Иди к нам, в маляры.

Мохаммад был знаком с работой маляров на стройке и ранее работал у одного человека, которого звали оstad<sup>1</sup> Акбар. Оstad Акбар Йазди был набожным мусульманином, отличавшим дозволенное от запретного, имел хороший нрав.

Когда мы приехали в Тегеран, я будто бы очутился в другом мире. Сельская обстановка со всеми ее ограничениями и бедностью вдруг сменилась на новую, более открытую, сулившую большие доходы, во многих случаях совершенно развязную. Религия и набожность должны были удерживать нас от дурного – и удерживали. Хотя сырой запах деревенских глинобитных домишек уже почти успел выветриться из моей памяти, именно он уносил меня в приятные воспоминания о детстве.

В Тегеране вся жизнь хозяев домов была у нас перед глазами. Во многих домах жены и дочери не соблюдали хиджаб. Громкая музыка, непривычная для нашего уха, подчас переворачивала весь дом вверх дном. При всем этом благодатное воздействие честно заработанного хлеба, которым кормил нас отец, его воспитание, заветы о поиске дозволенного пропитания, добросовестном труде и удержании взора от всего запретного пригодились нам и здесь. Хозяева большинства домов, в которых мы занимались малярными работами, были обеспеченными

---

<sup>1</sup> Оstad – мастер, знаток своего дела, учитель. Используется как почетное обращение (*прим. пер.*).

и богатыми людьми. Конечно, многие семьи ни разу не красили своих домов, в семидесятые годы окрашивали только многоквартирные дома и отдельные учреждения.

Работать на чужбине было тяжело, но еще тяжелее было терпеть неудобства культурного характера. Многие женщины и девушки ходили с непокрытой головой, когда мы работали, и это нас мучило. Владельцы домов были непохожи друг на друга. Одни отдавали нам ключи и уходили. С разрешения хозяев мы оставались жить у них дома до окончания работы, а если условия не позволяли остаться, мы снимали какое-нибудь место для ночлега, там же готовили еду, стирали одежду и спали.

В полдень и с заходом солнца, когда наступало время намаза, мой старший брат Мохаммад, по завету отца, произносил азан, где бы мы ни находились. Многие семьи впечатлялись поведением моего брата и нашего мастера Йазди и предоставляли свои дома вместе со всем их скарбом в наше полное распоряжение, а сами до окончания малярных работ переселялись в другое место. Тогда работа превращалась в настоящее испытание.

Нам попадались на глаза старинные антикварные вещи или наличные деньги, но мы опускали глаза, как будто видели постороннюю женщину. Иногда мне представлялось благородное лицо *каке*, который не разрешал, чтобы наш скот съел хотя бы травиночку на чужой земле. Он так хорошо и строго нас воспитал, что прелести и красоты этого мира не вводили нас в искушение.

Во время работы в Тегеране мне несколько раз довелось побывать на таможне, куда я ходил покупать рабочую одежду. Когда-то в ходу была фраза: «Чего только в городе нет, на любой вкус и цвет»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Фраза, которую произносили на улицах Тегерана хозяева детских аттракционов «шахр-е фаранг» (перс. «заморский город»), аналогичных русским дореволюционным фотопластиконам и представляющих собой расписные сундучки с прорезями, через



Повсюду там нас ожидали дьявольские ловушки всех известных сортов. Я полагался на Аллаха, покупал поношенную рабочую одежду и буквально мчался, словно бегун на длинные дистанции, чтобы скрыться подальше от злых мест.

Однажды во время малярных работ с верхнего яруса строительных лесов сорвалась деревянная доска и угодила мне прямо в голову. Это был второй раз, когда мне разможило голову. Кровь струилась по моему лицу, заливая мою пеструю одежду, это было то еще зрелище! Когда рабочие несли меня в больницу, я пел: «Чего только в городе нет, на любой вкус и цвет!».

Проработав целый год, мы с Мохаммадом хорошенько заработали и решили съездить в деревню. Мы нашли другого мастера, который был рьяным монархистом. Он сказал: «Раз уж собираетесь вернуться в свои края, я вам дам на память хороший сувенир». Этим сувениром было фото Мохаммада Резы-шаха Пехлеви<sup>1</sup>, возле которого сидела его жена, Фарах Диб<sup>2</sup>.

Увидев шахскую жену с непокрытой головой, Мохаммад тут же разорвал фото в клочья. Такой поступок в те времена требовал большой храбрости. Мастер ничего не сказал, и мы поехали в Дехганабад.

Наши прически, одежда и внешний вид в целом сразу же бросались всем в глаза, ведь в Тегеране мы впервые познакомились с расческой и зеркалом. Я слышал, как *каке* говорил Мохаммаду: «Когда вернешься в Тегеран, присма-тривай за Мирзой». Он с хитрым видом спросил у меня:

---

которые просматривали цветные картинки: «Шахр шахр-е фаранге, бебин аз хаме ранге».

<sup>1</sup> Мохаммад Реза Пехлеви (1919–1980) – второй и последний шах династии Пехлеви, правивший Ираном в 1941–1979 гг. (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Фарах Диб<sup>2</sup> (род. 1938) – вдовствующая шахиня Ирана, третья супруга шаха Мохаммада Резы Пехлеви (с 1959 г.) (*прим. пер.*).

– Как дела в Тегеране?

– Чего только в городе нет, на любой вкус и цвет, – сказал я.

Услышав что-то про цвет, отец принес Коран и прочитал аят<sup>1</sup>, в котором было указание на цвет, а затем сам же перевел его: «Цвет Бога! Какой цвет может быть лучше и прекраснее цвета Бога?»<sup>2</sup>. Он объяснил: «Если ты будешь помнить об Аллахе, то никакой другой цвет не будет тебе казаться красивым».

Отец нигде не учился, но, словно опытный психолог, прочитал мои мысли и решил окольным путем, с помощью коранических понятий, дать мне напутствие и снабдить всем необходимым для того, чтобы я вернулся и продолжил работать в Тегеране.

Мохаммад был на два года старше меня и уже должен был идти в армию, а я в одиночку снова поехал в Тегеран, но на душе мне было спокойно благодаря наставлениям моего отца.

Теперь я уже стал таким умелым мастером, что несколько других рабочих, несмотря на мой юный возраст, были моими стажерами. Каждый полдень мне вспоминался Мохаммад и его азан. Я оставлял работу и шел в мечеть. Остад Йазди заменил мне Мохаммада. В дни Рамадана, в летнюю жару, я держал пост. Иногда от жажды я почти терял сознание прямо на работе, но в ушах звучал голос отца. Я подбадривал себя и продолжал поститься, в то же время стараясь не отлынивать от работы.

Работа в Тегеране была для меня хорошим опытом, но настало время идти в армию. В сентябре 1975 года я взял справку о годности к военной службе и пошел в призывной пункт.

В представлении обывателей служба в армии была чем-то принудительным, и каждый должен был во что

---

<sup>1</sup> Аят (от араб. айя – «знамение») – структурная единица Корана, представляющая собой отдельный стих (прим. пер.).

<sup>2</sup> Коран, 2:138.

бы то ни стало пройти ее. Вернувшиеся из армии рассказывали о трудностях и горестях, по большей части об унижительном обращении с солдатами, и это не могло не удручать молодого человека. Впрочем, некоторые говорили: «Только в армии ты становишься человеком».

Для боевой подготовки мы поехали через Курдистан<sup>1</sup> в провинцию Западный Азербайджан, в военную часть Джалдиан. Сразу же по прибытии всех завели в конюшню, хотели посмотреть, как мы будем плакать. Некоторые призывники стали шептаться друг с другом: «Мы люди, а не кони или мулы», – но не решались высказаться вслух и возмутиться.

Я с самого начала подготовил себя ко всему чему угодно. Хотя у меня в ушах звенело от оскорблений и матерщины, мне надо было служить дальше. В те дни несколько человек сбежало из гарнизона. За четыре месяца боевой подготовки не было и речи об отпусках. Были только учеба, несение караульной службы и недосыпание. Вскоре сбежала еще часть призывников. Мое поведение во многих делах было продиктовано чувством соперничества. Я был быстрым, ловким, сильным и выносливым, всегда старался быть впереди остальных. Среди солдат намаз читали только двое: я и еще один солдат по фамилии Зафари. Он оставлял ужин на ночь, а на рассвете вставал и готовился к посту, но я из-за тяжелых условий в учебке не соблюдал поста. Когда трудный период учебы закончился, нас распределили по частям. Я попал в воинскую часть Абаданского жандармского полка.

Остров Абадан находился в непосредственной близости от границы, проходившей по тальвегу реки Арвандруд<sup>2</sup> до самого устья Персидского залива – это была тер-

---

<sup>1</sup> Курдистан – иранская провинция на западе страны, основное население которой составляют курды-сунниты (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Арвандруд (*араб.* Шатт эль-Араб) – река в Иране и Ираке, образующаяся при слиянии Тигра и Евфрата (*прим. пер.*).

ритория участка нашего полка. На той стороне реки был Ирак, и наша обязанность состояла в охране границы по всему берегу Арвандруда, чтобы ни одна лодка или катер не могли проскочить таможенный пункт в Хоррамшахре<sup>1</sup> и завезти в Иран через остров Абадан контрабандные товары из Ирака. Там было уже не так тяжело, как во время боевой подготовки, но напряженная атмосфера и настороженные отношения между Ираном и Ираком не давали нам спать. Солдаты называли большие баркасы, груженные контрабандой, «кувейтскими базарами». Там было всё, эти товары везли из Кувейта в Ирак, а оттуда, ночью и тайком, они прибывали к иранскому берегу.

С другой стороны, нашу работу осложняло постоянное пересечение границы отдельными жителями прибрежных районов Хоррамшахра и Абадана, которые имели родственников среди иракцев, живших по ту сторону Арвандруда, в мухафазе Басра<sup>2</sup>. Свадебные процессии на лодках выстраивались в колонны и весело, с шумным арабским улюлюканьем, плыли от одного берега к другому, переходя ирано-иракскую границу.

Иногда мы получали приказ о полной боевой готовности. Это означало, что нам нужно смотреть во все глаза и следить за границей, которая получала особое значение для поддержания безопасности. Однажды нам дали ориентировку на человека с голубыми глазами, высокого роста, сказали, будто он намеревается водным путем пересечь границу с иракской стороны и попасть в Абадан. За его поимку была объявлена награда. Мы несколько суток подряд были заняты поисками, но так и не

---

<sup>1</sup> Хоррамшахр – портовый город на реке Арвандруд в Иране, в провинции Хузестан на юго-западе страны, примерно в 10 км севернее Абадана (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Басра – провинция на юге Ирака, названная в честь ее административного центра – города Басры (*прим. пер.*).

разыскали человека с такими приметами. Единственная польза от боевых тревог была в том, что мы знали, насколько важен для шахского режима арест борцов, выступавших против власти Пехлеви.

За задержание контрабанды также предполагалось вознаграждение. Однако эта работа требовала смелости и решительности. Иногда офицеры полка были замешаны в общих делах с контрабандистами и согласовывали с ними свои действия. В таких случаях несчастный солдат не только не видел вознаграждения, но и получал взыскание или переводился в другую часть. Офицеры придумывали повод для его перевода, чтобы никто не догадался, за что его перевели.

Иногда контрабандисты с оружием в руках проникали на территорию острова Мину. Когда баркасы с их товаром пришвартовывались к берегу, они ехали туда от пальмовых рощ на заранее приготовленных машинах, и рабочие до первых лучей солнца грузили в эти машины контрабандные товары. Однако в силу особенностей местности им приходилось ехать по мосту, на котором дежурили мы.

Впервые в мои сети попал целый караван контрабанды. Ее владельцы стали мне угрожать, но я не испугался. Шедший впереди автомобиль проехал по мосту, не обращая внимания на мое предупреждение. Я опустился на одно колено, дал сигнал «стоп» и сразу же прицельно выстрелил по шинам автомобиля из своей G3<sup>1</sup>. Когда первая машина встала, контрабандисты стали думать, что делать дальше. Остальные солдаты осмелели, а потом подошел старший сержант. Когда колонна контрабандистов была остановлена, мне выписали в качестве

---

<sup>1</sup> G3 (нем. Gewehr 3 – Винтовка-3) – немецкая автоматическая винтовка, состоявшая на вооружении армии ФРГ с 1959 по 1997 гг. (прим. пер.).

вознаграждения 4000 туманов<sup>1</sup>, которые вручили старшему сержанту. Он пригласил меня к себе домой на обед, но облапошил меня, забрав все деньги себе. В 1975 году 4000 туманов были большой суммой.

Теперь все знали Мирзу-Мохаммада Сольги. Тогда я позволил себя обдурить, но однажды поругался с кадровым офицером по поводу смены караула на посту. Офицер не выполнил свою обязанность по смене караула. Я какое-то время подождал сменщика, но того не было и в помине. Тогда я в положенное время оставил пост. Офицер обругал меня матом, а я в ответ ранил его в руку штыком своей винтовки G3. Кровь брызнула фонтаном и стала заливать пол в казарме, все сразу же проснулись.

На следующее утро меня в окровавленной одежде отвели в кабинет командира части. Командира роты звали капитан Тораби, это был серьезный, дисциплинированный человек, который к тому же оказался луром из Нахаванда<sup>2</sup>.

Капитан окинул взглядом мой окровавленный китель и, хотя он хорошо меня знал, с раздражением сказал:

– Ты кем себя возомнил?!

Я быстро нашелся, что ответить. Выпятив грудь, я отчеканил:

– Сын Шейха Али-Мохаммада!

Произнеся имя отца, я сразу же испытал сожаление, мне вспомнился он и его добрые дела. Как будто передо мной сидел не старший сержант, а отец, и говорил:

---

<sup>1</sup> Туман (от монг. тумен – «десять тысяч») – название использовавшейся до 1932 г. старинной денежной единицы, которая была равна десяти тысячам динаров. Сегодня служит в качестве счетной единицы для пересчета иранских риалов и, как правило, обозначает 10 риалов (прим. пер.).

<sup>2</sup> Капитан Тораби в 1980 г. был произведен в майоры, а после начала Ирано-иракской войны смело сражался с врагом и погиб смертью мученика (прим. авт.).

«Мирза-Мохаммад! Не ищи себе проблем, занимайся делом».

Старший сержант сказал:

– Сын Шейха Али-Мохаммада, я тебя отправлю туда, где ты забудешь, как зовут твоего отца.

Возможно, он не ожидал, что я опущу голову, и думал, что я опять проявлю находчивость и строптивость, но я ничего не сказал. Он выписал акт о продлении мне срока службы на месяц, на год лишив права на увольнение и переведя меня в пограничный пункт Хардерахт, расположенный в местечке между Абаданом и Махшахром<sup>1</sup>.

Я, как и многие другие солдаты, ничего не знал о пограничных спорах между Ираном и Ираком. Тем не менее некоторые солдаты для укрепления национальной гордости иногда напевали: «Хасан аль-Бакр<sup>2</sup> – болван, хозяин Шатт аль-Араба<sup>3</sup> – Иран»<sup>4</sup>.

В этом районе я провел почти год. Все это время я ни разу не видел отца с матерью, других домочадцев и односельчан, а только писал им письма и передавал привет.

Спустя год я получил первое за весь срок своей службы увольнение и выехал из пограничной заставы Хардерахт в деревню Дехганабад под Нахавандом.

---

<sup>1</sup> В этом месте в 1980 г. министр нефтяной промышленности Мохаммад-Джавад Тондгуйан попал в плен к иракцам (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> Ахмад Хасан аль-Бакр (1914–1982) – иракский военный, политический и государственный деятель, член партии «Баас», президент Ирака с 1968 по 1979 г. (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Арабское название Арвандруда (*прим. пер.*).

<sup>4</sup> В соответствии с международными соглашениями Шатт аль-Араб (Арвандруд) был признан границей между Ираном и Ираком и делился на две части. Эту пограничную линию называли тальвегом. Саддам Хусейн, занимавший тогда пост заместителя президента Хасана аль-Бахра, считал, что суверенитет Ирака должен распространяться на всю территорию реки. Именно эти претензии станут одним из поводов для нападения на Иран (*прим. авт.*).

Я знал, что служба моего старшего брата Мохаммада подошла к концу. Когда я добрался до деревни, родня со стороны матери из Нахаванда приехала навестить Мохаммада-агу<sup>1</sup>. В толпе родственников я обратил внимание на совсем юную девушку, которая гостила у нас со своими родителями.

Я не имел привычки смотреть в сторону посторонних для меня девушек, не говоря уже о том, чтобы разглядывать их, но на сей раз мою волю будто бы сковало, блеснувший молнией взгляд юной особы так очаровал меня, что я позабыл, что нахожусь на людях. *Как* и раньше говорил маме: «У Мирзы уже усы пробиваются, да и жизнь в Тегеране ему не на пользу. Подбери-ка ему какую-нибудь девушку среди своей родни». Мама сосватала мне через своих родственников одну хорошую, религиозную девушку из приличной семьи, но я не питал к ней никаких чувств. Но сейчас, напротив, симпатия вспыхнула в моем сердце, как молния, мне казалось, будто я годами искал именно эту незнакомку. Я и не думал, что, бросая на меня взгляд, она испытывала те же самые чувства<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Ага (*тюрк* «господин») – универсальное уважительное обращение к мужчине в Иране (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Госпожа Парвин Сольги – супруга Мирзы-Мохаммада – следующим образом рассказывает историю их знакомства: «На Навруз 1976 года я вместе со своей матерью и тетей – женой маминого брата Хадж Мирзы – в первый раз поехала с праздничным визитом из Нахаванда в Дехганабад. Брат Хадж Мирзы – Мохаммад-ага – только вернулся из армии. Я впервые увидела Мирзу, он уже отслужил половину срока и приехал в отпуск из армии. Бог свидетель, с первого взгляда он настолько запал мне в сердце, что я больше не могла и думать о ком-то другом.

Я не сводила с него глаз. Это была неземная любовь. Мне казалось, что Аллах послал этого юношу с небес, чтобы сделать меня счастливой. Мне было 13–14 лет, не более того, но, несмотря на столь юный возраст, я чувствовала, как во мне зарождалась глубокая и неопишуемая привязанность. Мои мысли, моя душа, всё во



Когда гости разошлись, *каке* рассердился. Он с первого же взгляда понял по моим глазам, что творилось у меня на сердце. Я постеснялся сказать ему, что влюбился.

Когда я собирался уезжать, чтобы продолжить службу, мама сказала: «Мирза-Мохаммад, они городские, а мы народ деревенский. Парвин-ханум – не та девушка, которая переедет в Дехганабад, чтобы жить с тобой». Перед матерью я опять постеснялся раскрыть свои сердечные тайны и сказать, что для меня есть только два пути: либо эта девушка, либо холостая жизнь до скончания дней.

Я еще какое-то время продолжал служить на пограничной заставе Хардерахт и еще быстрее заскучал по семье, чем в прошлый раз, ведь я скучал уже не только по своим, но и по той четырнадцатилетней барышне. Письмо было хорошим поводом для того, чтобы связаться с ней и признаться в чувствах. По случайности, она была единственным грамотным человеком в семье. Она прочитала письмо вслух своим родителям, которые были нашими свояками. Я писал письмо и в последней строчке спрашивал о делах их дочери. Я знал, что и она не может ничего сказать о своей симпатии ко мне в кругу своей

---

мне было занято этим юношей. Я сразу же поправила свою чадру и лучше укрылась, чтобы окружающие ни о чем не догадались, а про себя подумала: «Боже! Что в этом парне такого, что меня так привлекло? Если об этом узнают мама, папа и брат, что они скажут?».

Когда мы уже прощались, в один из последних моментов, моя тетья, то есть жена дяди Мирзы, как бы в шутку, но с большой деликатностью и вдали от посторонних глаз, дала мне понять: «Ты понравилась Мирзе. Если придется свататься, не откажи ему». В душе я была вне себя от радости, но вслух сказала только: «Боже упаси!»» (интервью с госпожой Парвин Сольги. Хамадан. 28.05.2013).

почтенной и религиозной семьи. Я понимал это, читая между строк писем, которые писала мне она<sup>1</sup>.

Шел последний месяц моей службы в армии. По всем правилам мне должны были предоставить отпуск по окончании службы, но меня продержали в армии по последнему дню<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Госпожа Парвин Сольги (супруга Мирзы-Мохаммада Сольги) рассказывает об их переписке: «Мирза через родню узнал адрес нашего дома от моей матери, и уже через месяц после той первой встречи в Дехганабаде почтальон принес нам письмо. Это был почерк Хадж Мирзы. Он отправил письмо из Абадана. Текст письма содержал очень добрые и вежливые слова, адресованные моим родителям.

Мои братья, не считая моего младшего брата Амира, находились в Тегеране. Читать родителям это письмо приходилось мне. Мне было важно, напишет ли он что-нибудь обо мне или нет? Родители также по-своему и несколько в другом плане переживали из-за этого. Они также хотели знать, говорится в письме обо мне или нет? Последним предложением как раз и было: «Передайте привет также и своей дочери Парвин Сольги».

Иногда, когда рядом никого не было, я втайне от матери и отца доставала и разворачивала это письмо, снова и снова перечитывая ту фразу. В этих нескольких словах таился целый океан любви и нежности. Чуть позже родители сказали мне: «Мы продиктуем тебе ответное письмо, а ты запиши». Я записывала, а мама говорила: «Прочитай, что написала», – чтобы я, не дай Бог, не прибавила что-нибудь от себя к их словам. Конечно, мне хотелось облечь в слова то чувство, что я испытывала к Мирзе, но я стеснялась. Я лишь, следуя его же манере, в конце письма писала: «Дай Бог, вернешься из армии в добром здравии», – а затем ставила свою подпись. Мама говорила: «Прочитай снова», – и я читала ей весь текст, кроме последней строчки» (интервью с Парвин Сольги. Хамадан. 28.05.2013).

<sup>2</sup> Солдатам предоставляется увольнение на 15 дней по окончании первого года срочной службы и 15 дней по окончании второго года. За весь срок службы мне дали только 15 дней отпуска за первый год. Кроме того, у меня был еще один месяц дополнительного срока в порядке дисциплинарного взыскания. В общей сложности выходило 25 месяцев (прим. авт.).

Вернувшись в Дехганабад, я несколько дней пробыл с семьей и сказал маме, что хочу один отправиться в Нахаванд для сватовства. Спустя год после всего, что произошло, отец и мать сказали: «Ходаморад Сольги не отдаст свою дочь замуж в деревню».

На этот раз я отбросил всякое стеснение и сказал: «Если вы мне разрешите, я сам его уговорю».

Видя мою настойчивость, папа с мамой больше не возражали, и я поехал в Нахаванд.

Я позвонил в звонок. У них были гости, и они видели меня в первый раз за целый год. Я вошел в дом и сел рядом с незнакомыми мне гостями. Это были какие-то родители с сыном, которые пришли к ним свататься. Я просто остолбенел от изумления. Язык мой одеревенел, я не мог ни сидеть, ни встать. Та семья меня не знала, они завели разговор о том, что пришли ради благого дела, а я опустил голову, и мое лицо пылало от стыда.

Мое сердце готово было остановиться. Их дочь сидела в другой комнате и не показывалась. Родители парня говорили о занятии и доходах своего сына, его благонаравии и набожности, а потом ждали, что скажет отец девушки.

Он указал рукой в мою сторону и сказал: «Вот ага Мирза, он сватается к нашей дочери и пришел сюда не случайно».

У меня будто крылья выросли за спиной. Мне не верилось, что Ходаморад<sup>1</sup> одной фразой дал ответ сватам и признал меня женихом своей дочери.

Услышав эти слова, пришедшие со сватовством отнесли к ситуации очень разумно и тактично. Они сказали: «Как пожелал Господь, так тому и бывать. Дай Бог счастья молодым!».

---

<sup>1</sup> Отец моей супруги Ходаморад был верующим и достойным человеком. Господь выбрал его и его сына Амира. Я еще расскажу историю их мученической смерти (прим. авт.).

Когда я возвращался в деревню, меня переполняли радость и ликование. С отцом я все еще чувствовал неловкость, но с матерью, несмотря на стеснение, был свободнее. Она сидела возле танура и лепила из теста лепешки. Я сказал: «Они согласились. Скажи отцу, чтобы мы поехали свататься».

Все остальное разрешилось само собой. И сватовство, и бракосочетание, и свадьба прошли в крайне простой обстановке. Я все еще не верил, что моя невеста откажется от городской жизни и переедет в деревню, где не было даже водопровода и электричества.

Приданое обошлось в 14 000 туманов. Отец дал нам старый ковер, мама – подержанную газовую плитку с тремя конфорками, которая работала от баллона со сжиженным газом. Я купил в Нахаванде деревянный комод вместе с несколькими меламиновыми мисками и тарелками. Никаких электроприборов у нас не было. Всё наше имущество поместилось в одной комнате два на три метра, и началась наша рискованная, но полная любви и ласки жизнь<sup>1</sup>.

Тем не менее вскоре мне пришлось оставить свою 14-летнюю супругу и вернуться в Абадан, только не в армию, а по работе, ведь мне надо было зарабатывать на жизнь.

Абадан был оживленным и шумным городом, в котором, в отличие от нашей деревни и ближайшего к нам городка, жители имели деловую хватку. Соседство с портом Хоррамшахр, прием экспортных и импортных грузов в доках на берегу Арванда не оставляли ни одного молодого человека без работы. Развлечений там тоже было предостаточно. По ночам на берегу Каруна<sup>2</sup> игол-

---

<sup>1</sup> Те трудности и невзгоды, которые пришлось перенести моей супруге, когда она одна растила детей в первые годы войны, не поддаются никакому описанию. Она была моим детям Мостафе, Зайнаб, Фатеме, Хосейну, Моргазе и Садегу и матерью, и отцом (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> Карун – наиболее полноводная и единственная судоходная река на территории Ирана. Дельта Каруна образует остров Абадан, на котором расположен одноименный город (*прим. ред.*).

ку было некуда воткнуть. Но, Господь свидетель, все мои помыслы были заняты только работой. Я и мой старший брат Мохаммад, как и прежде, работали малярами на стройке. У нас получалось неплохо зарабатывать. С утра до захода солнца мы трудились без отдыха, в полдень, если поблизости от места работы была мечеть, выходили на час, а если мечети не было, то оставались в здании.

Со мной всегда была фотокарточка моей благородной жены. По пятницам или выходным, когда мы ездили из Абадана в Хоррамшахр, я никогда не садился в такси, в котором сидела женщина или девушка.

Жизнерадостность в подлинном смысле этого слова<sup>1</sup> исходила в этом городе отовсюду. Портовый Хоррамшахр совсем не походил на остальной Иран. Колонны грузовиков и фур выстраивались на много километров, ожидая своей очереди на погрузку у таможни, и мы даже не предполагали, что в этом, казалось бы, спокойном городе и регионе в целом вызревали события, которые, подобно землетрясению, через два года изменят облик города до неузнаваемости. Порой мне вспоминалась армия с ее горестями, одно за другим проносились в памяти события тех дней, полных самых разных перипетий.

Иногда нам доводилось красить роскошные виллы с видом на Арвандруд. По ночам мы вглядывались в бурные воды Арванда, по которым все так же сновали лодки, баркасы и корабли, освещавшие своими фонарями весь путь до самого устья Персидского залива, отчего там было светло как днем<sup>2</sup>.

Однажды мы с Мохаммадом пошли на пятничный намаз в соборную мечеть Хоррамшахра. После намаза мулла поднялся на минбар и еще не закончил говорить, как

---

<sup>1</sup> Намек на персидское название города (Хоррамшахр от перс. хоррам – веселый, жизнерадостный, шахр – город) (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> В 1986 г. наш батальон вел бои на том же направлении, чтобы прорвать линию обороны врага на другом берегу Арвандруда, и на этом же месте река вновь засветилась огнями, на этот раз сигнальными.

вдруг снаружи, во дворе мечети, поднялся шум. Группа саваковцев – сотрудников шахской охраны – с оружием вошла в мечеть, стащила с минбара муллу и увела с собой. Это событие произошло осенью 1977 года.

Отец говорил, что представители духовенства – это воины Имама Эпохи (да ускорит Аллах его пришествие!). Этого было достаточно, чтобы внутри меня с новой силой вспыхнули негодование и ненависть к шахским агентам.

По пути из мечети некоторые скандировали лозунги, и мы присоединились к ним. Однако политическая ситуация была такова, что нам нельзя было медлить ни минуты. По прибытии сотрудников госорганов мы незамедлительно покинули место происшествия.

После шести месяцев работы в Абадане и Хоррамшахре мы вернулись в Дехганабад. Я купил в Хоррамшахре солнечные очки и большой радиоприемник с магнитофоном, работавший и от сети, и от батареек. Когда его включали, он начинал весело мигать разноцветными лампочками. Совершенно точно, ни у кого из жителей деревни тогда не было такого прибора.

Когда мы подошли к дому, я включил радио. По чистой случайности в эфире пела какая-то певица. В Абадане и Хоррамшахре мои уши привыкли к подобным звукам, но я забыл, что *каке* не одобрит этого. И вот отец выглянул из сада и бросил на меня гневный взгляд.

Как только я с ним поздоровался, он вырвал радиоприемник у меня из рук и бросил его в поле со всей силы. Приемник сломался, и женский голос замолк. Отец был не на шутку рассержен и сказал: «Мирза, ты в город поехал ерундой заниматься?! Люди записи Ага Кафи<sup>1</sup> слушают, а ты богомерзких иностранных певичек?!».

---

<sup>1</sup> Покойный хаджи Ахмад Кафи был популярным проповедником, благодаря траурным песнопениям которого в 1977–1978 гг. представители верующей прослойки неимущих слоев населения проникались идеями революции (*прим. авт.*).

Я понурил голову и от стыда готов был сквозь землю провалиться. Как будто меня допрашивали в Судный день на Божьем суде. Я украдкой взглянул на маму и жену; я не мог стоять перед ними и сразу же пошел в свою комнату. Я слышал в Абадане об Ага Кафи. Его голос был символом революции и дошел в аудиозаписях до самого Нахаванда. Как раз через несколько месяцев *каке* через людей, связанных с айатоллой Хейдари в Нахаванде, привез записи выступлений хаджи Ахмада Кафи в Нахаванд. Теперь у нас были записи, но не было магнитофона.

Члены Корпуса знания узнали через сельчан, что в Дехганабад попали записи выступлений Ага Кафи. Перед приходом саваковцев отец положил записи в целлофановый пакет, мы вдвоем отнесли их в поле и закопали в укромном месте до тех пор, пока не уляжется шумиха. Там же я сказал отцу: «Если бы магнитофон был цел, мы теперь слушали бы записи Ага Кафи». Отец поднял брови и сказал: «Нельзя слушать траурные речи на магнитофоне, от которого исходят звуки запретного».

Отец слишком серьезно относился к этим вещам, чтобы принимать от меня оправдания. В Нахаванде он не ходил в гости к тем людям, у которых дома был телевизор, а если и приходил к ним в дом, то хозяева из уважения к нему выключали телевизор, иначе отец садился к нему спиной. Ввиду столь твердого настроения соблюдать границы между дозволенным и запретным покупка магнитофона или радиоприемника в шахские времена были для отца чем-то совершенно недопустимым. Несмотря на это самоограничение в повседневной жизни, он был хорошо осведомлен о мире и знал людей. Он с горечью и сожалением говорил о ссылке Имама<sup>1</sup> в Наджаф по решению шаха, об угнетенном положении высших религи-

---

<sup>1</sup> Имама Хомейни (прим. пер.).

озных авторитетов, о событиях, произошедших после июня 1963 года<sup>1</sup> до настоящего времени, о революционной «группе Абузара», члены которой пролили кровь ради идеалов шиитского духовенства, о том, как он обещал Аллаху зарезать барашка, если шахский режим падет.

\*\*\*

До победы Исламской революции в феврале 1979 года оставалось несколько месяцев. Об аятолле Хомейни стали говорить всё громче. Несмотря на это, даже в деревне сторонники шаха занимались наушничеством, обо всем донося саваковцам.

Однажды мой младший брат Мохаммад-Карим возмутился словами одного из своих преподавателей, который плохо высказался о духовенстве. Хотя он был всего лишь пятиклассником, характер у него был весь в отца. Отца вызвали в школу, сунули ему документы Карима и сказали: «Этот ребенок отчислен, а вам следует уехать из этой деревни».

Каке знал, что режиму оставалось существовать недолго, и никак не отреагировал на эти слова, но Карим был подростком со сложным характером. Он пошел, взял кирку и разнес глинобитную стену школы с криком: «Это земля наших предков! Жить здесь – наше право! Никто не может нас отсюда выгнать!».

В деревне нашей проблемой были не только шахские сторонники. Людей вроде того бандюги с пышными усиками, который силой забирал воду и направлял ее к своим угодьям, всё еще оставалось немало. Он затаил на меня злобу. Хотя он и был на 15 лет старше меня, он всё время искал возможность отомстить мне за тот случай, когда получил от меня лопатой. К тому же он был одним из глав-

---

<sup>1</sup> Восстание против шаха Мохаммада Резы Пехлеви, которое началось под руководством Имама Хомейни в Куме в 1963 г. и было жестоко подавлено шахом (прим. пер.).



ных сторонников шаха в Дехганабаде. Если речь заходила о ссылке Имама, он любил с издевкой подчеркивать: «Разве можно управлять страной с четками в руках и тапочками на ногах?!».

Зимой 1979 года, когда никто не работал на полях, мы стояли на улице, прислонившись к стене, и грелись на солнце. Те, кто хотел, чтобы мы уехали из деревни, подходили, начинался спор о политике, иногда даже целая потасовка или драка. Двумя неизменными участниками этих баталий были, с одной стороны, я, а с другой – тот самый усатый громила, пока не приходил отец. Тот грубиян сразу же менял свой тон из уважения к столь достойному и терпеливому человеку, как мой отец. Как правило, он жаловался *каке* на меня, говоря: «Этот парень на тебя не похож».

Отец знал, что эти слова были лишь выплеском обиды из-за той старой ссоры у арыка. Он уверенно отвечал, и конфликт угасал.

Мало-помалу до нас стали доходить вести об уличных демонстрациях в Нахаванде. Каждый день я садился пассажиром на мотоцикл «Хонда» моего брата Мохаммада, и мы отправлялись в мечеть, где собиралась молодежь. Это место было точкой сбора для молодых революционеров, которые желали продолжить путь членов «группы Абузара». Все они ловили на лету каждое слово шейха Халили Бахираи<sup>1</sup>, ожидая, когда он велит им выйти на улицу и скандировать лозунги.

Айатолла Хейдари еще был в ссылке, но в Нахаванд были такие крупные представители духовенства, как айатолла Факер-Хорасани, айатолла Момен и айатолла Герами, расположившиеся в доме господина Саббагийяна, одного из революционеров и верующих мусульман Нахаванда.

---

<sup>1</sup> Один из шиитских ученых Нахаванда, участвовавших в Исламской революции. Его сын Фарид Бахираи героически погиб на войне (*прим. авт.*).

Когда мы с Мохаммадом приезжали в Нахаванд, то сперва навещали дом дяди, чьи сыновья, все как один, были революционерами. Иногда мой двоюродный брат Ахмад присоединялся к нам, и мы ехали на площадь у памятника. Стоявшее там бронзовое изваяние шаха своим присутствием мозолило глаза всем верующим людям, выступавшим за независимость и ислам. Нам нужно было повалить памятник, но сотрудники органов с винтовками в руках зорко следили за распалившимися молодыми людьми, которые задумали что-то сделать со статуей. Тогда мы поступали иначе: садились на мотоциклы и на ходу громко скандировали: «Долой шаха!». Так саваковцы ничего не могли с нами сделать. Но и это занятие было небезопасным.

Однажды мы проезжали на мотоцикле мимо жандармерии, я сжал кулаки и закричал во всю глотку: «Клянусь кровью мучеников, мы убьем тебя, шах!». Мохаммад поддал газу, но сотрудник охраны припал на колено и передернул затвор автомата. Выстрел не прозвучал, Мохаммад быстро свернул в какой-то проулок, и мы оторвались.

Это скандирование лозунгов с заднего сиденья мотоцикла постепенно становилось тактическим приемом, молодых ребят, выкрикивавших лозунги с мотоциклов, становилось всё больше, и теперь мы стали целой командой, рассредоточивались по городу и скандировали на каждом углу. Со временем это сломало лед молчания и в народе, шепот сменился криками «Аллаху акбар!<sup>1</sup>» и громогласными возгласами «Долой шаха!». В этой неразберихе группа молодежи пошла к памятнику и опрокинула его на землю. Возможно, именно поэтому Нахаванд стал одним из первых городов Ирана,

---

<sup>1</sup> В переводе с арабского выражение «Аллаху акбар» означает: «Аллах – велик!», или «Аллах – величайший». Произносится во время азана, намаза и в других случаях. Зачастую употребляется как возглас одобрения или радости (*прим. пер.*).

где памятник тирании был низвергнут, а площадь Шаха стала площадью Абузара.

В деревне революционно настроенных также стало больше, и перевес оказался на стороне революционеров. Голос революции слышался из радиоприемников, которые только начали появляться в домах сельчан. Города один за другим присоединялись к этому неистовому потоку, который предвещал скорую гибель богопротивного режима, шаху и его людям не было места в стране.

После победы революции мы исполнили данный когда-то обет и зарезали барашка.

Весна революции была полна труда и усердия. Мы будто бы ожили, а земля, подобно нам, задышала новой жизнью. Работа в поле приносила совершенное иное удовольствие.

Мы купили радиоприемник и каждый вечер сидели возле него, следя за новостями, пока не услышали, что едва вставшая на ноги революция подверглась угрозе со стороны коммунистических группировок, связанных с восточным блоком<sup>1</sup>, – в Курдистане и нескольких других городах страны. Город Санандадж<sup>2</sup> оказался в руках контрреволюции.

Мохаммад, один из моих двоюродных братьев, в то время был солдатом 28-й пехотной дивизии в Санандадже. Мы все беспокоились за него. Вместе с дядей и другими родственниками мы арендовали машину и поехали в Керманшах<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Коммунистические режимы и страны социалистической ориентации во главе с СССР, входившие в Организацию Варшавского договора (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Санандадж – город в западной части Ирана, административный центр провинции Курдистан (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Керманшах – город в западной части Ирана, административный центр одноименной провинции, основное население которой составляют курды-шииты (в отличие от Курдистана, где проживают в основном курды-сунниты) (*прим. пер.*).

Из Керманшаха в Санандадж движение транспорта было менее активным, мало кто горел желанием ехать туда. Мы сказали водителю: «В Санандадже находится один наш родственник. Мы хотим его навестить». Водитель-курд согласился, но сказал: «Если в пути кто-нибудь нас остановит, ничего не говорите».

На въезде в Санандадж несколько человек спустились с холма и остановили нашу машину. У всех на плечах были винтовки, одеты они были в курдскую одежду. Они спросили у водителя: «Кто это такие?». Водитель ответил: «Свои». Нам не было страшно, потому что мы не знали, кто они такие. Однако когда мы въехали в город, стало понятно, что мы попали в настоящее логово дракона.

Все было захвачено контрреволюцией – от жандармерии до полицейского управления, государственных учреждений, телецентра. Мы предположили, что гарнизон дивизии тоже оказался у них в руках, и нам подумалось, что, возможно, единственным местом, куда мы могли пойти и разузнать о нашем двоюродном брате, была администрация губернатора.

Внутри здания было полно народу, словно в гарнизоне, и царил полный беспорядок: какие-то вооруженные люди с растерянным видом ходили по коридорам и комнатам. Я быстро понял, что администрация губернатора тоже оказалась во власти контрреволюционных группировок<sup>1</sup>. Вид моей тети в чадре выдавал в нас чужаков. Мы безо всяких разговоров и расспросов вышли из здания администрации.

---

<sup>1</sup> Две группировки: «Комала» и Демократическая партия – выдвигали лозунги свободы курдского народа и стремились к отделению Курдистана. Многие из них прибыли в Курдистан из Тегерана и других городов, а потому в основной массе не были курдами. Первым, что они сделали, было разграбление военного гарнизона в Мехабаде и еще нескольких военных объектов и госучреждений (прим. авт.).

Я взял адрес гарнизона и сказал: «Положимся на Аллаха, поедем и посмотрим, что происходит».

Благодаря Божьему благоволению, смелости и сопротивлению отдельных офицеров и солдат, которые были искренне верующими мусульманами, гарнизон еще не перешел в руки контрреволюции. Повсюду, вдали и совсем рядом, слышались звуки стрельбы. Мы остановились прямо перед воротами гарнизона. Хотя военные велели нам уходить, дядя сказал: «Я пришел взглянуть на своего сына. Если его убили, я хочу увезти его тело».

Было понятно, что в таких условиях наши настоячивые попытки увидеть своего двоюродного брата ни к чему не приведут, и мы все вернулись обратно. Кроме дяди, который решил остаться и в конце концов увидел Мохаммада. Дядя сказал ему: «Оставайся и убей этих безбожников».

Когда мы вернулись в Нахаванд, в городе слышались похожие разговоры. Конечно, тут никто не хватался за оружие, речь шла лишь о спорах и столкновениях на улицах.

Я тоже был зол на членов этих группировок, а потому всегда становился участником уличных дебатов и перепбранок. Однажды один парень выругался в адрес Имама.

Я переспросил:

– Что ты сказал?

– Если ты не расслышал, я сейчас повторю.

Как только он раскрыл рот, я кулаком двинул ему в лицо. И почувствовал, как мой кулак угодил ему прямо в рот. Посыпались осколки верхних и нижних зубов. Один из его соратников напал на меня с ножом со спины. Я не видел его, он уже занес нож и готовился ударить, но мой двоюродный брат вместе с еще одним человеком схватили его за руку. Тот был очень сильным, и они вдвоем повисли на нем. Я же побежал за тем, кому вломил по зубам. В конце концов он тоже вытащил нож и убежал

в другую сторону. В тот день я узнал человека, который получил от меня. Это был житель деревни Чулак, то есть селения, в котором жили помещики и ханы<sup>1</sup>.

Он же постоянно везде повторял: «Я убью сына Шейха Али-Мамада из Дехганабада»<sup>2</sup>.

Несколько дней мы только тем и занимались, что регулярно приезжали на мотоцикле в Нахаванд, ввязывались в конфликты, по большей части колотили своих противников и реже получали сами. Однако, если нам приходилось получать, то получали мы по полной. Однажды мы выходили из мечети после проповеди одного духовного лица, даже не предполагая, что те самые люди, которые меня узнали, пришли туда, чтобы отомстить. Я заговорил с одним и не заметил, как другой с быстротой пули подбежал и со всей силы ударил меня головой в нос. Я не понял, что произошло, у меня лишь закружилась голова, из носа потекла кровь, и я упал. Надо мной стояло несколько человек. В глазах потемнело, один из них говорил: «Это деревенский парняга, тот самый зачинщик драки. Давно уже пора было ему хорошенько получить. Вот и получил».

\*\*\*

В 1979 году моя жена забеременела. Мы отвезли ее в больницу «Лев и солнце» в Нахаванде. Там и появился на свет наш первенец. Мы назвали его Мостафа.

Теперь я был отцом мальчика. Для человека из крестьянской семьи появление на свет мальчика означало

---

<sup>1</sup> Хан (*тюрк.*) – обозначение высшей прослойки иранских землевладельцев, чаще всего обладающих наследственным статусом предводителей полукочевых племенных групп (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Он не только не убил меня, но и стал потом моим другом и боевым товарищем. Когда началась война, навязанная Ираком, Лотфоллахи его полностью переубедил и затащил на фронт, где он стал одним из бойцов моего батальона. Конечно, всякий раз, когда он попадался мне на глаза, мне было очень стыдно, и я просил у него прощения (*прим. авт.*).

процветание и помощь отцу в полевых работах. Я в основном думал о работе. Помню, как я сжал пшеницу за сорок дней. Работа меня не утомляла. Если до меня доходили какие-то новости, я начинал скучать по атмосфере Нахаванда и уличным схваткам, но пришла пора собирать урожай, и я был вынужден работать на земле.

Мы по-прежнему жили всё в той же комнате, где мама разжигала свой танур и где до меня жили два моих старших брата. Теперь нас стало трое, но в семье Шейха Али-Маада была традиция: даже если нас было десятеро, мы жили вместе, бок о бок, в предельно простой и душевной обстановке.

Всё заработанное мы тратили друг на друга, подолгу сидели у накрытой на полу скатерти с отцом, матерью, братьями и сестрами за обедом или ужином.

Моя супруга, хоть и выросла в городе, привыкла к этой традиции и спокойно занималась уходом за Мостафой.

Спустя какое-то время я снова поехал в Тегеран, где дни напролет работал маляром. Хотя мы брались за работу вместе с братом и сыном нашего дяди, я уже и сам практически был мастером.

Стычки и столкновения, которые мне довелось видеть в Нахаванде, в столице были еще более ожесточенными и массовыми. По вечерам я бросал работу и прямо в одежде маляра шел к Тегеранскому университету, который был главным средоточием уличных диспутов. Я говорил: «Вы утверждаете, что защищаете рабочих и их права. Так вот: я – рабочий, и я со всей убежденностью провозглашаю, что вы говорите неправду. Вы все – дети капиталистов из верхней части города<sup>1</sup>, только цвет

---

<sup>1</sup> Под верхней частью города имеется в виду северный Тегеран, который в шахские времена стал местом расселения богатых горожан, тогда как юг города всё больше становился средоточием городских низов и выходцев из бедных районов страны (*прим. пер.*).

поменяли! Вы ничего не знаете о том, как болят мозолистые руки простого крестьянина, только лозунгами разбрасываетесь! Разве не вы еще вчера пугали друг друга рабочими, как какой-нибудь страшилкой<sup>1</sup>? Что это вы теперь заделались защитниками прав рабочих?!».

И они отвечали мне, иногда в совсем оскорбительной форме, иногда лишь с оттенком грубости и раздражения. Тут я снова превращался в дехганабадского Мирзу Драчуна и бился до последнего, пока моя одежда не пропитывалась кровью их расквашенных физиономий. Однажды я погнался за одним типом, который выругался матом, он убежал и забрался на дерево. Я стоял и кричал: «Вот я – рабочий, права которого ты собрался защищать! Чего ты от меня залез наверх?!».

Несчастный выглядел полным посмешищем. На него показывали пальцем и смеялись. Он так и просидел на дереве, пока толпа не разошлась.

Хотя революция уже произошла, ничего не напоминало о ее победе. Каждую неделю возникала какая-то новая газета, каждый месяц появлялись новые партии, которые росли, как грибы. Приходили тревожные новости о продолжавшихся вооруженных столкновениях в городах с курдским населением на западе страны. Было очевидно, что между этими людьми, которые разжигали уличные бои в Тегеране и провинциальных городах, и теми, кто нападал на государственные учреждения и военные объекты в Курдистане, имелась какая-то организационная связь.

Участие в уличных потасовках доставляло мне одни неприятности. Единственной отдушиной в Тегеране для

---

<sup>1</sup> Я никогда не забуду, как перед революцией, когда мы работали в домах некоторых богачей, они успокаивали своих расшалившихся детей, показывая на нас и говоря: «Если не успокоишься, я скажу этим рабочим, они придут и съедят тебя» (прим. авт.).



меня было посещение пятничных намазов, которые возглавлял аятолла Сейед Махмуд Талегани<sup>1</sup>. Работать же маляром, даже несмотря на доход, не доставляло такого удовольствия, как смотреть на вытянувшиеся колосья пшеницы и срезать их серпом.

Я оставил Тегеран и вернулся в Дехганабад, снова взявшись за серп и молотило.

---

<sup>1</sup> Сейед Махмуд Талегани (1911–1979) – аятолла, видный иранский теолог, правовед, общественный и религиозный деятель, соратник Имама Хомейни по Исламской революции (*прим. пер.*).

## Глава 3

### ПОД ЗНАМЕНОМ АББАСА

Мы с отцом и братьями пахали на корове землю, когда незнакомый звук заставил нас посмотреть на небо. В это невозможно было поверить. В небесном просторе, среди облаков, носились друг за другом три самолета, выпуская из задней части красные ракеты. Двое из них кружили, подобно орлам, и охотились на третий самолет. Иногда они пролетали совсем близко друг к другу и набирали высоту. Мы застыли в удивлении. Я оперся на лопату и пытался разглядеть следы самолетов меж клубистых облаков, куда вели полосы дыма. *Как*е сказал: «Военные учения». Я лишь ответил: «Нет, папа, это воздушный бой».

Два самолета были одинакового цвета, а третий отличался от них, но было непонятно, какой из них свой, а какой – вражеский. Мое предположение оказалось верным. Вечером 22 сентября 1980 года иракская правящая партия «Баас» осуществила нападение на Иран на земле, одновременно подвергнув авианалетам аэропорты пяти городов, в том числе Хамадана.

Об этом мы узнали по радио, когда вернулись с поля домой. Телевизора у нас еще не было, но после победы революции отец разрешил купить радио.

Новость о наступлении иракцев на всех участках границы не была для меня чем-то неожиданным, учитывая то, что я знал предпосылки пограничных споров

и претензий Ирака к Ирану. Я пошел в штаб КСИР<sup>1</sup> в Нахаванде, чтобы записаться в добровольцы. Штаб Корпуса в Нахаванде был создан совсем недавно, и ксировцы, несмотря на их малое количество, вели строгий отбор новобранцев. Мне казалось, что нас с ними разделяет большая дистанция в уровне идеологической подготовки и духовности, пока через какое-то время по радио не сообщили, что в армию призываются граждане, прошедшие военную службу в 1977 году. Я отслужил в армии еще до революции и должен был пойти не в КСИР, а в армию.

Отец был против того, чтобы я шел на фронт, все члены семьи беспокоились и тревожились, но я переживал за революцию и записался в армию, не обращая внимания на возражения близких. Многие пришли еще до меня, многие не пришли, а некоторые пришли, но не остались и сбежали.

В армии нас определили на военно-воздушную базу «Шахид Ноже» в Хамадане. Первыми словами, которые я услышал, было обсуждение того самого инцидента с воздушным боем, по которому я понял, что два самолета были нашими, а тот, другой, – иракским, он сумел тогда оторваться от преследования, но при попытке покинуть воздушное пространство Ирана был сбит средствами ПВО, оказавшись первым иракским самолетом, который в первый же день войны был уничтожен в небе над Хамаданом<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Корпус стражей Исламской революции (КСИР) – элитное иранское военно-политическое формирование, созданное в 1979 г. из военизированных отрядов исламских революционных комитетов, сторонников Имама Хомейни. Принимало активное участие в Ирано-иракской войне и официально является частью Вооруженных сил Ирана (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Согласно документам времен Священной обороны, это был самолет Су-22, который был поражен из зенитного орудия «Эрликон». Пилот истребителя-бомбардировщика, капитан Раад, был взят в плен нашими военными. Остов этого самолета хранится в музее Священной обороны провинции Хамадан (*прим. авт.*).

Нашей задачей было охранять территорию базы и сторожить ангары, в которых стояли самолеты. Из-за попытки выступления против государственного строя Исламской Республики, имевшей место на этой базе, она была под особо пристальным контролем. Часть кадровых военных на базе всё еще открыто разглагольствовали о своем неприятии правительства и молодого исламского строя, хотя революционно настроенных и верующих было большинство. Периодически дело доходило до драк. Они читали в казармах воззвания монафегинов<sup>1</sup>, мы им не давали этого делать и получали угрозы, но не отступали. Дошло до того, что я вступился за одного верующего и преданного революции солдата по фамилии Моради. Он напоминал мне своим поведением *каке* и моего старшего брата Мохаммада. В полдень он произносил азан, и некоторых этот азан раздражал.

Такова была ситуация на базе. Хотя на фронтах уже полным ходом шла война, нам от нее доставались только непрекращавшиеся бомбардировки. Конечно, я был в армии в 1977 году, но мы там не были знакомы с бомбами и бомбежками. В самом начале, когда объявляли красный уровень тревоги, мы выбирали укрытие под деревьями, однако, когда увидели, что в результате взрыва бомбы образуется яма глубиной от десяти до двадцати метров на достаточной большой площади, мы устроили себе забавное убежище, которое было явно не способно выдержать силу бомбового удара мощностью в несколько баллов по шкале Рихтера.

---

<sup>1</sup> Монафегин (*от араб.* мунафик – «лицемер») – принятое в иранской прессе обозначение членов Организации моджахедов иранского народа (ОМИН) – иранской леворадикальной организации, которая вела борьбу против Исламской Республики и была признана террористической в Иране и целом ряде других стран, в том числе в США и Евросоюзе, которые из политических соображений впоследствии исключили ее из списка террористических организаций (*прим. пер.*).

Два месяца мы провели на авиабазе «Шахид Ноже», а потом нам объявили, что нужно ехать на фронт. Все отслужившие в 1977 году сели в самолет «Геркулес С-130»<sup>1</sup> и полетели.

Когда я вышел из самолета на авиабазе «Шахид Вахдати» в Дизфуле<sup>2</sup>, в первую очередь мое внимание привлекла разница в температуре воздуха: за один час мы попали из пронизывающего до самых костей осеннего холода Хамадана в по-весеннему теплый Хузестан<sup>3</sup>.

Нас отвезли в гарнизон Дизфуля, находившийся неподалеку от авиабазы «Вахдати», и мы получили военное снаряжение. Здесь повторялся в точности тот же сценарий с политическими стычками и конфликтами, затевавшимися монафегинами и прочими оппозиционерами, что и на базе «Шахид Ноже». Каждую ночь в казарме у нас разгорались словесные перепалки, подчас сопровождавшиеся физическим насилием. Иногда сообщали, что в гарнизон прибыл президент Банисадр<sup>4</sup>, чтобы ознакомиться с ситуацией на фронтах. Конечно, подобные новости только усугубляли столкновения в гарнизоне. Одни были с ним солидарны, другие выступали против него. Конечно, в армии его сторонников было побольше, чем противников.

После восьми дней бестолковой возни и бесполезных споров нас отправили на фронт Кархе-Нур<sup>5</sup>. Ме-

---

<sup>1</sup> «Локхид С-130 Геркулес» (англ. Lockheed C-130 Hercules) – американский военно-транспортный самолет средней и большой дальности. Основной военно-транспортный самолет США, стран НАТО и ряда других стран (прим. пер.).

<sup>2</sup> Дизфуль – город на западе Ирана в провинции Хузестан (прим. пер.).

<sup>3</sup> Хузестан – провинция на юго-западе Ирана, которая ранее была населена преимущественно арабами (прим. пер.).

<sup>4</sup> Абольхасан Банисадр (род. 1933) – иранский государственный деятель, первый президент Ирана, демократически избранный сразу после Исламской революции 1979 года (прим. пер.).

<sup>5</sup> Один из участков фронта в районе городов Сусангерд и Ховейзе в западном Хузестане, расположенных у реки Кархе, притока Тигра (прим. пер.).

стом нашей дислокации стал берег реки в районе моста Поле-Кархе<sup>1</sup>. На этом участке фронта Ирак продвинулся далеко вперед, вплотную приблизившись к трассе Андимешк<sup>2</sup> – Ахваз<sup>3</sup>, и если бы он дошел до трассы, связь с нашими силами была бы нарушена и поддержка южных участков фронта столкнулась бы с большими проблемами.

Мы заняли высоту. Нашим взводом командовал один лейтенантик. Он дал каждому по инструменту, одна сторона которого представляла собой короткую лопатку, а другая – кирку, и сказал: «Окопайтесь!».

Ничего не зная о местности, мы начали копать прямо на гребне холма, на его верхушке. Через несколько минут возле нас упало несколько артиллерийских снарядов. Грохот взрывов заставил всех прижаться к земле. Один из солдат получил осколочное ранение в голову. Мы оставили высоту и спустились к основанию холма. Часть бойцов разбежалась. Мы же, кто остался, были основательно напуганы жуткими звуками падения снарядов. Один опытный офицер подошел и сказал: «Не надо рыть окопы на гребне, нужно это делать чуть ниже вершины холма, подальше от обзора иракцев, на боевом гребне<sup>4</sup>». Это был наш первый боевой опыт.

Вероятно, эта наивность и подъем на вершину холма были обусловлены тем, что враг рассредоточился по

---

<sup>1</sup> Поле-Кархе – старинный каменный мост сасанидского периода через реку Кархе, расположенный на трассе Андимешк – Дехлоран в провинции Илам (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Андимешк – город на юго-западе Ирана, в провинции Хузестан (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Ахваз – город на юго-западе Ирана, административный центр провинции Хузестан, расположенный на берегу реки Карун (*прим. пер.*).

<sup>4</sup> Боевой гребень – перегиб ската местности, откуда на дальность действительного выстрела можно обстреливать весь нижележащий скат и подошву без мертвых пространств (*прим. пер.*).

местности на танках и бронетранспортерах, словно разбежавшаяся по степи отара овец, и никто не выпустил по ним ни одной пули. Они не прятались за какой-либо насыпью. Было ясно, что они только прибыли сюда и занимаются развертыванием сил. У нас было только два гранатомета РПГ-7, а из личного оружия – винтовки G-3. Мы спросили у капитана: «Эти танки будут ездить перед нами, а мы будем стоять и хлопать глазами?!».

Он сказал: «Это же танки, а не стадо баранов. Да и мы не чабаны, чтобы пойти и собрать их в кучу. Чтобы воевать с танками, нужны либо танки, либо противотанковое оружие».

Я указал на два гранатомета и спросил:

– Разве это не противотанковое оружие?!

– Все эти штуки у нас с тобой в руках – это так, игрушки и пугалки. С ними нельзя идти на танки.

Той же ночью, когда мы несли караул в окопе, мы увидели несколько человек в зеленой форме ксировцев с гранатометами в руках, которые спускались с холма и направлялись к танкам, пользуясь ночной темнотой и беспечностью врага. Подобно зрителям в кино, мы лишь слышали издали звуки выстрелов гранатомета и грохот взрывающихся танков. Иногда ксировцы подходили к танкам, поднимались на башни и забрасывали внутрь гранаты. Мы видели эти сцены через инфракрасный бинокль прямо со своей высоты, которая находилась как раз на передовой.

Понемногу во мне созревало желание присоединиться к ребятам из КСИР. Если мы на фронте прятали головы в окопах и отползали в ямы при любом взрыве, они с невероятной смелостью били прямо по танкам и отстреливали их один за другим.

Иногда откуда-то из самой гущи зоны боевых действий приносили на спинах раненых или даже убитых, пронося их перед нами.

Я сказал: «Господи! Если они воюют, то чем занимаемся мы?».

Капитал сказал правду. По сути, его слова соответствовали классическим правилам боевых действий. Для противостояния танкам нужно было использовать передовые бронепробивные средства или те же танки. И не просто танки, а по три танка на каждый танк неприятеля. Однако эти ребята из КСИР нарушали все правила и произносили новое слово в теории боевых действий. Их отличали несколько черт: безымянность, смелость и слезы. Какая же связь между слезами и боями? Я понял это, когда за полночь они проходили рядом с нами. Иногда они были вынуждены находиться возле нас на холме до тех пор, пока не скроется луна и не наступит полная тьма. Те полчаса, иногда меньше или больше, они занимались ночным поклонением. Главным их снаряжением в бою был не РПГ-7. Они получали силы от живой связи с неувядаемым могуществом Господа. С упованием на Аллаха и, конечно же, соблюдая принцип внезапного нападения на врага, они каждую ночь подстреливали по несколько баасистских танков. Красивые, озаренные верой лица некоторых из них до сих пор остались в моей памяти. Чуть позже я видел их на более высоких должностях в штабе оперативного командования «Кербела»<sup>1</sup>.

\*\*\*

В феврале 1982 года мне пришло письмо от моей супруги о том, что через месяц должен появиться на свет наш второй ребенок. Она писала: «Это девочка, как ее назовем?».

Я написал «Зайнаб»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Одним из них был генерал-майор Ахмад Соудагяр – командир оперативной разведки штаба «Кербела» (прим. авт.).

<sup>2</sup> Зайнаб бинт Али – внучка Пророка Мухаммада по линии его дочери Фатимы и зятя Али ибн Аби Талиба. Особо почитается



Пришел ответ на письмо: деревенские и родня считают, что Зайнаб много страдала и бедствовала, предложи другое имя. Я снова написал: «Зайнаб, и точка».

Я не мог вернуться в Нахаванд. Хотя мое присутствие на фронте было мало похоже на боевые действия, соседство с бойцами КСИР смягчало мою тоску по близким и супруге.

С того времени я начал стараться развивать в себе духовные качества ксировца. Я снова влюбился, но на этот раз – в поведение ребят из КСИР.

В Дизфуле и Кархе мы провели шесть месяцев, после чего срок дополнительной службы мой и других призывников 1977 года подошел к концу. За это время несколько человек погибли или были ранены, однако большая часть солдат вернулась домой живыми и здоровыми.

Когда я вернулся в Нахаванд, моей дочери Зайнаб был уже месяц. Бог свидетель, мое стремление примкнуть к КСИР было даже сильнее желания увидеть семью, но я не считал себя достойным носить одежду помощников Имама Хусейна. Я взмолился: «О Аллах! Из уважения к Зайнаб прими меня в ряды этих чистых и искренних парней».

Я решил: была не была! – и пошел записываться в КСИР. Мои религиозные убеждения благодаря основательному воспитанию отца были крепкими, а вот с образованием у меня было неважно. Когда я услышал, что многие ксировцы пришли из студенческой среды, мое сердце содрогнулось. Я заполнил анкету, хорошо справился с идеологическими и политическими вопросами, наведенные в деревне справки о моем круге общения и семье также дали хороший результат. Я не мог пове-

---

мусульманами-шиитами в силу принадлежности к семье Пророка. Сыграла важную роль в извещении мусульман о событиях, произошедших в 680 г. в Кербеле, и обстоятельствах мученической смерти внука Пророка Хусейна ибн Али (*прим. пер.*).

рить, что меня так быстро примут. Командиром штаба КСИР в Нахаванде был Саид Гаххари<sup>1</sup>. Когда я увидел его впервые, я не мог оторвать глаз от его спокойного и терпеливого лица. Я получил в Нахавандском штабе КСИР рекомендательное письмо для обучения в гарнизоне «Абузар» в Хамадане. Служба в КСИР была непростым занятием. Я попрощался с семьей, оставив их на попечение отца и матери. Моя супруга, с двумя младенцами на руках, держала над моей головой Коран<sup>2</sup>. И я поехал в Хамадан. Учебная часть гарнизона «Абузар» находилась в этом городе, а срок учебы составлял 45 дней.

За обучение новобранцев отвечал Али Шадмани<sup>3</sup>. Это был дисциплинированный, серьезный, разбиравшийся во всем и строгий ксировец.

Среди военных инструкторов был один худощавый юноша с каштановыми волосами, в которых выделялось несколько светлых прядей.

Очевидно, в нем было что-то особенное, благодаря чему он, несмотря на свой юный возраст, занимался нашим обучением. Иногда он, словно снежный ком, срывался с вершины холма и кувырком катился вниз, пока не достигал подножья, а потом просил нас выполнить то же самое. Во время учебы нам было не так тяжело переносить покрывавшие наши тела раны от колючек, шипов

---

<sup>1</sup> Бригадный генерал Саид Гаххари много лет командовал боевыми действиями в Курдистане, не стремясь к славе и безо всякой шумихи. По окончании Священной обороны он в конце концов погиб смертью мученика в 1988 г. в ходе боя с группировкой «Пежак», будучи во главе дивизии «Хамза Саййид аш-Шухада» (прим. авт.).

<sup>2</sup> У иранцев принято, провожая человека в путь, пропускать его под поднятым над головой Кораном.

<sup>3</sup> Бригадный генерал Али Шадмани был одним из основателей подразделений КСИР в Хамадане и командующим 32-й дивизией «Ансар оль-Хосейн» в 1987 году. В настоящее время (2014 г.) он руководит Главным оперативным управлением Генерального штаба Вооруженных сил Ирана (прим. авт.).

и камней, как командный голос этого юнца. Конечно, он сам повсюду был впереди всех и выполнял любое дело лучше других, а только потом требовал этого от нас.

Одни кое-как докатывались до середины холма, у других получалось чуть лучше. Пожалуй, никому не верилось, что он станет гением разведывательно-оперативной работы на войне<sup>1</sup>.

Военная подготовка не была для меня чем-то незнакомым благодаря тому, что я отслужил в армии, однако атмосферу учебы в КСИР отличало от солдатской службы обсуждение идеологических вопросов.

Когда мы дошли до середины срока обучения, один молодой человек с приятным лицом и длинной бородой давал нам уроки по толкованию «Нахдж аль-балага»<sup>2</sup>. Его познания в «Нахдж аль-балага» были поразительными. Внешность его была благообразной, а лицо напоминало мне тех ксировцев, которые охотились за танками в Поле-Кархе. Только после занятия я понял, что это был Хадж Махмуд Шахбази, командир хамаданского штаба КСИР<sup>3</sup>.

Нас было 12 человек из Нахаванда, посещавших занятия этого учителя. Хадж Махмуд разъяснял нам самую суть слов Имама. Такие понятия, как оборона и созида-

---

<sup>1</sup> Впоследствии мы стали товарищами с этим юношей, которого звали Али Читсазийан. После формирования бригады «Ансар оль-Хосейн» он стал командиром оперативно-разведывательной части, и во многих операциях мы участвовали вместе (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> «Нахдж аль-балага» («Путь красноречия») – книга багдадского поэта и шиитского ученого Шарифа ар-Ради (970–1015), представляющая собой собрание его проповедей, писем и высказываний Али ибн аби Талиба, которые служат образцом красноречия для многих поколений мусульманских авторов (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Генерал Хадж Махмуд Шахбази вместе с Ахмадом Мотаваселийаном и Эбрахимом Хемматом сформировали зимой 1982 г. в Докухе (область Андимешк, провинция Хузестан) 27-ю бригаду «Мохаммад Расуллоллах». Махмуд Шахбази погиб вечером 24 мая 1982 г. во время героического освобождения Хоррамшахра (*прим. авт.*).

ние на пути Аллаха, настолько глубоко проникли в наши сердца, что мы считали дни до того момента, как присоединимся к рядам наших бойцов на фронте<sup>1</sup>.

\*\*\*

В Нахаванде начались «теракты монафегинов»<sup>2</sup>, а потому меня определили в подразделение охраны, где я стал телохранителем Хадж-ага Багерийана, главы Революционного суда Нахаванда. Ходжат оль-эслам<sup>3</sup> Хейдари, пятничный имам Нахаванда, также получал угрозы от монафегинов. Я посещал его занятия по религиозной доктрине, и мне нравилось быть рядом с ним. На занятиях по идеологической подготовке в КСИР я познакомился еще с одним человеком, имя которого ранее уже слышал: Хадж Мохаммад Талебийан, учитель революционной «группы Абузара», которому довелось вкусить всю горечь многолетних пыток в тюрьмах преступного шахского режима.

Господин Талебийан находился в тюрьме в одной камере с Масудом Раджави<sup>4</sup>. Хотя он был замкнутым

---

<sup>1</sup> Из 12 человек нашей группы большая часть воевала под руководством Хадж Махмуда Шахбази в операции 2 сентября того же года и мученически погибла в Саре-Поле-Захаб. Срок их службы в КСИР составил меньше 5 месяцев (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> Организация моджахедов иранского народа (ОМИН) обратилась в 1981 г. к вооруженной борьбе. Террористические атаки не ограничивались какой-то отдельной группой или слоем людей. Критерием для совершавшихся практически терактов была приверженность тех или иных людей религиозной идеологии и новообразованному исламскому строю, будь то президент, учитель или водитель такси (*прим. авт.*).

<sup>3</sup> Ходжат оль-эслам (*от араб.* худжат аль-ислам – «довод ислама») – почетный титул, который присваивается в Иране духовным лицам, прошедшим обучение в богословском училище (хоузе-йе эльмийе) и имеющим познания в фикхе. Стоит ниже ступени «айатолла» (*прим. пер.*).

<sup>4</sup> Масуд Раджави (род. 1948) – один из лидеров леворадикальной организации ОМИН, которая запрещена в Иране и признана террористической (*прим. пер.*).

и немногословным, иногда на занятиях по идеологической подготовке в КСИР он упоминал о смене идейной направленности ОМИН под влиянием марксистских идей. Подобные разговоры могли быть основанием для приговора со стороны монафегингов<sup>1</sup>.

Когда масштабы террора выросли, КСИР направил часть своих усилий на противодействие терактам. Хотя охрана отдельных лиц была серьезным делом, я всеми мыслями был на фронте и искал возможности отправиться туда.

Слава о подвигах и героизме ребят из хамаданского штаба КСИР в апреле 1981 года, их боях против огромного количества иракских танков, не позволявших пасть городу Саре-Поле-Захаб<sup>2</sup>, разлетелась по всему Нахаванду. Хотя я мог остаться в городе, я всё же настоял на своем желании поехать на фронт и в конечном счете отправился в Саре-Поле-Захаб с группой ксировцев из Нахаванда.

В городе уже не оставалось жителей. Люди бросили свои дома, отступив в тыл. Линия фронта, проходившая от Саре-Поле-Захаба к Касре-Ширину<sup>3</sup>, удерживалась 45 ксировцами из провинции Хамадан. Мы в составе группы из 15 человек две ночи и три дня оставались в Саре-Поле-Захаб, а затем поменялись местами с другой группой из 15 человек, находившейся на передовой, у подножия высоты Гаравиз в 7 километрах от города. Смена дислокации в дневное время была невозможна:

---

<sup>1</sup> Хадж Мохаммад Талебийан в годы войны был начальником управления образования Нахаванда, но ездил на фронт. В конце концов он пал в бою с монафегинами в ходе операции, проходившей за пределами Ирана (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> Саре-Поле-Захаб – приграничный город на западе Ирана, в провинции Керманшах (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Касре-Ширин – приграничный город на западе Ирана, в провинции Керманшах (*прим. пер.*).

все дороги, улицы и даже небольшие проулки города просматривались и обстреливались врагом с двух высоких точек – Гаравиз и Бази-Дераз.

После начала всеобщего наступления враг два или три раза пытался наскоком взять город, но каждый раз терпел неудачу и с большими потерями возвращался на командную высоту.

Вокруг стояли тишина и мрак, повисшее безмолвие нарушали только разрывы артиллерийских снарядов, которые за пять месяцев войны не оставили в городе ни одного целого здания.

Чтобы передвигаться по городу, нам приходилось проделывать отверстия в стенах зданий и переходить из одного дома в другой. На третий день дислокации приехал джип и отвез нашу новоприбывшую группу в поселок под названием Аль-Махди в двух километрах от оборонительного рубежа. Поселок находился в тылу Гаравизского фронта и служил местом размещения 120-миллиметровой артиллерийской установки, которая оказывала огневую поддержку нашим силам, сидевшим в засаде, имея ежедневный лимит в 6 снарядов.

Когда я сравнивал фронт в Саре-Поле-Захаб с Кархенур в самом начале войны, мне становились всё более понятными, с одной стороны, одиночество и отрешенность ребят из КСИР, а с другой стороны – их сила и твердость духа.

Если бы враг знал, что перед ним окопались у Гаравиза всего лишь 15 человек, он мог бы окружить их окопы с любой стороны, с какой только пожелал бы, и всех взять в плен.

Во время событий 28 апреля 1981 года почти все 15 наших бойцов на этом рубеже погибли, но танковая колонна не продвинулась от подножия Гаравиза в сторону города ни на метр. Эта стойкость в столь неравном бою походила на чудо.

Нашим делом было сидеть в не очень хорошо укрепленных окопах, а врагу оставалось лишь поливать нас адским непрерывным огнем, который начинался утром и продолжался до тех пор, пока иракцы не уставали или у них не заканчивались боеприпасы. Если днем кто-то получал ранение или погибал, заменить его до наступления темноты было невозможно.

Мы на фронте терпели ожесточенные обстрелы врага, а люди в городе гибли от рук монафегинов.

О смерти ходжат оль-элама Хейдари, первого депутата от Нахаванда в Исламском совещательном собрании<sup>1</sup>, я узнал на фронте. Он погиб во время теракта в штаб-квартире партии Исламской Республики<sup>2</sup> 28 июня 1981 года, когда погибли 72 представителя руководства страны.

Я уже начал понемногу теряться от всей этой одно-сторонней и совершенно неравной войны, когда в окопе заговорили об операции. Присутствие на фронте командира хамаданского штаба КСИР, Хадж Махмуда Шахбази, его участие в операциях патрульных и разведывательных групп лишь подтверждало эту новость.

Беспощадная июльская жара смешалась с непрерывным дождем артиллерийского огня, так что оставаться в обнаруженных неприятелем окопах у основания Гаравиза было всё труднее и труднее. Единственное, что давало нам надежду на возможность удержаться, была новость о приближающейся операции.

---

<sup>1</sup> Исламское совещательное собрание (*перс.* маджлес-э шоура-йе эслами) – однопалатный парламент Исламской Республики Иран (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Партия Исламской Республики (*перс.* хезб-е джомхури-йе эслами) – партия, созданная в 1979 г. с целью консолидации политических сил, приведших к победе Исламскую революцию. Функционировала в 1979–1987 гг. как единственная массовая политическая партия в стране (*прим. пер.*).

Мы уже были на фронте в Саре-Поле-Захаб около 45 дней, как вдруг перекрытие нашего окопа рухнуло вниз под ужасающим ударом тяжелого артиллерийского снаряда. Земля и пыль, запах пороха и крики людей смешались в единое целое, меня будто похоронили живым. Камни и лежавшие на перекрытии мешки придавали мне голову и грудь, словно надгробный камень. За ушами у меня болело. Нас, оставшихся под грунтом, было трое: я, Голамхосейн Ахмади<sup>1</sup> и Аббад Зафари<sup>2</sup>.

Голамхосейн Ахмади хрипел. Через несколько минут завалившие нас камни и куски железа убрали, и Ахмади с трудом начал дышать. Его ранило шрапнелью в нос. Аббад Зафари был цел. Когда его взгляд упал на мое покрытое пылью лицо, он закричал: «У Мирзы мозги наружу вытекают!».

Я и сам удивился. Он видел белизну черепной кости, которую мне проломило осколком, но рана была не слишком глубокой. За ушами всё так же болело, кровь текла по шее и кителю.

Часовой<sup>3</sup>, которого звали Мохаммад Герех, удивился не меньше меня и закричал на Аббада: «Ты тут шум не поднимай, обычная рана!».

Было 11 часов утра, и нам предстояло оставаться в этом положении до захода солнца, то есть примерно до 8 часов вечера, когда должны были сложиться подходящие условия для отхода в тыл.

Как только стемнело, старший по укрепубежу спросил: «Ты знаешь дорогу?».

---

<sup>1</sup> Голамхосейн Ахмади погиб в 1984 г. во время операции «Бадр» (прим. авт.).

<sup>2</sup> Аббад Зафари был родом из деревни Гальэ-Гобад под Нахавандом и погиб в 1982 г. в ходе операции «Вальфаджр-Могаддамати» (прим. авт.).

<sup>3</sup> Мохаммад Манучехри, или Мохаммад Герех, – первый часовой КСИР из Хамадана; погиб осенью 1982 г. в Касре-Ширине (прим. авт.).



Я ответил: «Да». Он сказал: «Нашу группу сменят в 12 ночи. Выхода нет. Тебе надо уходить в одиночку по шоссе и добраться до поселка Аль-Махди».

Я потерял много крови, и у меня кружилась голова. Я спустился по склону Гаравиза, но вместо того, чтобы пойти в тыл, направился в сторону вражеских позиций. Я еще не прошел двадцати или тридцати метров, как ребята подняли крик: «Сольги, ну-ка назад!». Я вернулся и нашел дорогу к шоссе.

Целый час в темноте я прождал джип. По рации было оговорено, что машина должна двигаться до холма Тохме-Морги с выключенными фарами. Я продолжил идти в сторону поселка Аль-Махди и прошел два километра пути пешком. Дойдя до поселка, я потерял сознание. Хади Азизан, начальник медсанчасти, сделал мне перевязку, обмотал голову несколькими бинтами и остановил кровотечение.

Там были командиры Центрального фронта – Алиреза Хаджбабаи и Хабиб Мозахери. Хаджбабаи был улыбчивым и веселым человеком. Он бросил взгляд на белый бинт на моей голове и сказал: «Тебе очень идет эта чалма».

Хотя ранение причиняло мне сильную боль, я не подал виду и рассмеялся. Лицо Хаджбабаи выглядело в точности, как лица ксировцев на фронте Кархе-Нур в Дизфуле.

В конце концов появился джип и отвез меня в поселок Аль-Махди возле Саре-Поле-Захаб.

Больница Саре-Поле-Захаб до начала войны представляла собой городскую библиотеку. Это было прочное бетонное здание, выдерживавшее вражеский артиллерийский огонь. В больнице трудились несколько женщин – врачей и медсестер. Они были не слишком загружены работой, потому что на всех трех линиях

фронта – правой, левой и центральной – было не так уж много бойцов<sup>1</sup>.

Три-четыре дня мне перевязывали рану, а потом, с несколькими швами и повязкой, всё так же напоминавшей мою прежнюю «чалму», хотя и более аккуратной, я вместе с другими бойцами, направленными из Нахаванда, на микроавтобусе поехал в город.

По дороге в Нахаванд я вышел у развилки, где от асфальтированного шоссе отходила грунтовая дорога в Дехганабад. Я увидел своих родителей и братьев, работавших в поле. Увидев повязку на моей голове, они испугались. Отец спросил: «Что это у тебя на голове, Мирза?!».

Я в шутку сказал: «В Дехганабаде нет ахунда. Я на фронте пошел учиться в богословское училище и стал ахундом».

Но больше я не стал шутить, и со следующего дня все односельчане стали приходить к нам домой, чтобы проведать меня. Я еще на фронте выучил наизусть большинство аятов о джихаде. Видя, насколько я изменился за 45 дней, отец ходил довольный и говорил маме: «Вот если бы я тоже мог пойти на фронт!».

Вдохновленные одобрением отца, мои братья один за другим стали записываться в КСИР. Все они, кроме одного, стали членами Корпуса. Все пятеро сыновей моего дяди тоже стали «пасдарами»<sup>2</sup> и надели военную форму. 2 сентября 1981 года по радио объявили о проведении крупномасштабной операции.

---

<sup>1</sup> Правый фронт Саре-Поле-Захаб оборонялся небольшим количеством бойцов хамаданского штаба КСИР и военнослужащих. Левый фронт, включавший высоты Бази-Дераз, находился в распоряжении ксировцев из тегеранского гарнизона «Вали-Аср», а средний фронт, у подножия Гаравиза и асфальтированного шоссе, держали мы. В общей сложности, на всех трех фронтах было не больше двух батальонов (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> Пасдар (*перс.*) – страж; здесь: член Корпуса стражей Исламской революции (*прим. авт.*).

Операция, названная в честь Раджаи<sup>1</sup> и Бахонара<sup>2</sup>, была начата в Саре-Поле-Захаб через три дня после их трагической гибели. Это была та самая операция, которой мы так ждали в Саре-Поле-Захаб. Она не принесла очевидной победы, практически все, кто пришел на смену нашей группе, погибли. Нахаванд и все остальные города провинции Хамадан укутались в черные траурные полотна. Хамаданский КСИР положил весь свой боевой состав, чтобы выбить врага с вершины горы Гаравиз. Однако подробности операции оказались известны иракцам, и большая часть погибших так и осталась в окрестностях высоты Гаравиз.

Эта, казалось бы, неудачная операция поразительным образом сказалась на привлечении в КСИР новых бойцов, так что штаб Корпуса в Нахаванде поставил на центральной площади города шатер, в котором принимал молодых добровольцев. Подобное наблюдалось во всех городах провинции, и за неделю личный состав хамаданского отделения КСИР удвоился.

Саид Гаххари, командир КСИР в Нахаванде, назначил меня руководителем внутренней службы штаба КСИР. В 1981 году руководитель внутренней службы имел статус начальника штаба, потому что на нем лежала координация очень многих вопросов.

После гибели аятаоллы Хейдари пятничным имамом Нахаванда стал ходжат оль-эслам Могиси. Он с самого начала оказался прекрасной заменой на месте инструктора

---

<sup>1</sup> Мохаммад-Али Раджаи (1933–1981) – второй президент Ирана. 30 августа 1981 г., спустя две недели после инаугурации, Раджаи погиб в результате теракта ОМИН во время встречи с премьер-министром и секретарем Высшего совета национальной безопасности (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Ходжат оль-эслам Мохаммад-Джавад Бахонар (1933–1981) – иранский политик, премьер-министр ИРИ, генеральный секретарь Исламской республиканской партии. Был убит 30 августа 1981 г. вместе с президентом Раджаи (*прим. пер.*).

тора по идеологической подготовке, оставшемся вакантным после смерти Хейдари. Многие ксировцы, которые затем погибли в бою, были учениками и слушателями на его занятиях.

Я всё время старался быть начеку, чтобы как можно лучше справляться с обязанностями руководителя внутренней службы в штабе. Внутренняя служба требовала поддерживать тесную связь со всеми подразделениями. По сути, я был связующим звеном между подразделениями и командованием штаба Корпуса, то есть Саидом Гаххари. Из сослуживцев меня больше всех восхищали характер, дисциплина и серьезность начальника оперативного подразделения КСИР.

Его звали Мохсен Омиди. Его лицо буквально сияло, сообщая о душевном свете и высоком мистическом настрое этого человека. Перед утренним азаном, когда я заходил в мечеть Корпуса, я встречал его со сложенными перед лицом в смиренной мольбе ладонями, по его щекам бусинами катились слезы. Аллах свидетель, я забывал, для чего пришел в мечеть. Я просто растворялся в созерцании Мохсена. В моей душе звучал голос: «Хорошенько посмотри на него, ведь он станет частицей тебя самого».

Мохсен Омиди раньше был преподавателем и вступил в ряды КСИР сразу же после основания Корпуса, намного раньше меня. Его вдумчивое чтение Корана и познания в хадисах и преданиях Непорочных (мир им!) делали его Божьим человеком. Он ничего не говорил напрасно, слова исходили из самых глубин его души и производили глубокое впечатление на любого слушателя.

Омиди и все остальные сотрудники оперативного подразделения штаба воевали на два фронта: на приграничном фронте, где они противостояли агрессии иракцев, и в городе, где им приходилось иметь дело с террористическими группировками.

Однажды сообщили, что бойцы оперативного подразделения КСИР выявили в городе Боруджерд конспиративную квартиру. Согласно поступившей информации, там базировалась одна из оперативных групп ОМИН, которая планировала осуществление терактов в Боруджерде. Поскольку ее члены были выходцами из Нахаванда, для борьбы с ними в Боруджерд должны были отправиться бойцы оперативного подразделения КСИР в Нахаванде. Мохсен Омиди знал, что его младший брат является одним из агентов ОМИН, но отправился в Боруджерд. Прекрасно отдавая себе отчет в происходящем, он взял захват конспиративной квартиры под личное руководство. Так получилось, что одним из тех, кто был задержан по тому адресу и расстрелян после суда, оказался его брат.

Мохсен Омиди напрямую особо не говорил об этом инциденте, но иногда, когда речь заходила о том происшествии, он цитировал аяты Корана и приводил примеры из истории пророков, идеологических конфликтов между отцами и сыновьями, родными братьями. Эта твердая и убежденная вера, непоколебимая воля Мохсена Омиди, в которой не было ни тени притворства, поражала не только меня, но и многих других людей.

Спустя какое-то время я уговорил командующего штабом позволить мне вернуться на фронт. Я распрощался с близкими, женой и детьми и поехал на фронт, в Мехран<sup>1</sup>.

Стоял февраль 1982 года. Перед операцией «Фатх оль-мобин» планировалось проведение нескольких отвлекающих операций, призванных обмануть врага. Одна из них осуществлялась на высотах Мехрана.

---

<sup>1</sup> Мехран – приграничный город на западе Ирана, в провинции Илам, большую часть населения которого составляют курды (прим. пер.).

Хадж Али Шадмани, командир мехранского участка фронта, организовал из ксировцев и басиджей<sup>1</sup> провинции Хамадан три батальона<sup>2</sup>. Иракцы сидели на тех высотах и полностью господствовали над известняковым холмом, на котором располагались мы.

На этом холме я повстречался с тем самым юношей с каштановыми волосами и голубыми глазами, который обучал нас в Хамадане. Он и здесь всюду раздавал команды.

Хаджи Саид Эсламийан, заместитель Али Шадмани, попросил нас двоих, чтобы мы вместе руководили ротами во время будущей операции. В роте было около ста человек, пасдаров и басиджей, снаряжения и запасов было больше, чем требовалось для обычной роты. Можно сказать, это была очень даже неплохая рота.

Теперь мы с Али Читсазийаном так сдружились, несмотря на семилетнюю разницу в возрасте, что каждый из нас уговаривал другого стать командиром роты, считая его более достойным, чем себя. Теперь я даже и не помню, кто в конечном счете стал командиром – я или Али Читсаз.

У меня было больше опыта в военных делах, но его ум, сметливость и подвижность были невероятными, он прямо там мало-помалу создал основное ядро диверсионно-разведывательных групп<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Басидж – член одноименной революционной организации народного ополчения в Иране, созданной в 1979 г. по приказу Имама Хомейни (*прим. ред.*).

<sup>2</sup> В это же время часть руководства КСИР провинции Хамадан отправилась по решению Хадж Махмуда Шахбази в Докухе, чтобы сформировать там 27-ю бригаду «Мохаммад Расулollah» и осуществить операцию «Фатх оль-мобин» (*прим. авт.*).

<sup>3</sup> В 1981 г. еще не было подразделения, занимавшегося оперативно-разведывательной работой, и вопросами разведки ведали командиры батальона или роты. Местом формирования оперативно-разведывательного подразделения 32-й дивизии «Ансар оль-Хосейн» провинции Хамадан в 1982 г. был именно Мехран. За семь лет своего командования бойцами из оперативно-разведыва-

Одним из тех, кто прекрасно с ним ладил и работал в одной связке, был Шир-Мохаммад Афгани<sup>1</sup>. Бесстрашный разведчик, маленького роста, с сильным афганским акцентом, такой же проворный, как и сам Читсаз. Как попал на наш фронт афганский моджахед, было непонятно, по крайней мере мне. Читсазу не было дела до его корней. Того, что он нашел человека из того же теста, что и он сам, было достаточно, чтобы они вдвоем творили настоящие чудеса. Они пересекали линию фронта и уходили в тыл иракцев, а уже через час возвращались со всеми необходимыми сведениями. Они подсчитывали количество личного состава, единиц военной техники и окопов врага на близлежащей высоте. Читсаз говорил: «Мы заглянули во вражеские окопы, там двенадцать окопов». С того дня наш рубеж на мехранском участке фронта стали называть «фронтом двенадцати окопов».

Во время следующей разведки Шир-Мохаммад Афгани принес из иракских окопов рацию. Что еще более удивительно, он сказал, что видел в окопе связистов женщину-радистку.

Мне и Читсазу нравился этот афганец. Читсаз говорил ему: «Шир-Мохаммад, делай, что хочешь, но только не кури во время разведки».

Однажды я пошел на разведку вместе с Читсазом и Шир-Мохаммадом. Мы прошли через несколько траншей. Хотя Шир-Мохаммад и Читсаз раньше уже ходили по этой дороге, они шли позади меня.

---

тельного подразделения Али Читсазийан провел разведку местности от устремившихся в небеса высот на северо-западных фронтах до плоских и пустынных земель юга, пробравшись в самую глубь вражеских позиций. Он погиб 26 ноября 1987 г., подорвавшись на mine во время разведки (прим. авт.).

<sup>1</sup> Афганец Шир-Мохаммад Афгани погиб в 1981 г. на мехранском фронте (прим. авт.).

В пути я про себя произносил зикр<sup>1</sup> и нашепывал «Йа Сахиб аз-Заман!<sup>2</sup>». Я не просто представлял себе, а со всей глубиной духовного познания и с полной убежденностью считал, что Имам Эпохи идет впереди нас, а мы следуем за своим Господином, и говорил Читсазу с Шир-Мохаммадом: «Мы не видим Господина, но идем позади него»<sup>3</sup>.

Вероятно, именно поэтому те двое, лучше меня знавшие толк в разведке, не шли впереди.

Мы дошли до высоты «двенадцати окопов». Видеть иракцев прямо в их окопах – это был для меня новый опыт, который еще больше укреплял мою веру в Божью помощь.

По пути назад мы разработали маршрут для маневра трех рот во время ночной операции, который собирались предложить командиру нашего батальона, Насеру Хазаи.

На противоположной стороне, на линии, отделявшей позиции иракцев от нашего рубежа, протянули несколько рядов спиральной колючей проволоки, однако наличие траншей с двух стороны от высоты позволяло легко обойти заграждения врага. Вокруг колючей проволоки валялись на земле разложившиеся тела нескольких убитых солдат. Разведка проводилась днем, и мы совсем забыли, что иракцы могут нас увидеть. Возле колючей проволоки виднелось несколько ног наших погибших ребят в ботинках. Было ясно, что они застряли в проволочных заграждениях во время прошлых операций.

---

<sup>1</sup> Зикр (от араб. зикр Аллах – «помяновение Аллаха») – слова поминания Всевышнего в исламской ритуальной практике (прим. пер.).

<sup>2</sup> «О Повелитель Времени!» (араб.). Имеется в виду двенадцатый Имам шиитов Мухаммад аль-Махди (прим. пер.).

<sup>3</sup> Вероятно, по простетивии времени эти слова покажутся проявлением своего рода надменности и высокомерия, но Аллах свидетель тому, что таковым было и остается мое искреннее убеждение (прим. авт.).



Али Читсазийан сказал: «Ночью, во время операции, надо рвануть “бангалорскую торпеду”<sup>1</sup> и проделать проход в проволочных заграждениях».

Разведка подошла к концу, мы нанесли на бумагу всё, что видели, и предложили командиру нашего батальона Насеру Хазаи три маршрута для захвата холма. Было решено, что во время операции 50 человек пойдут со мной с левой стороны, и еще 50 человек – с Али Читсазийаном, с правой стороны – сделают проход и поднимутся на вершину. Одновременно рота Али Фарьядраса окружит холм справа.

Али Фарьядрас был известным смельчаком Нахаванда, его сопровождал также Хейдар Сохраби, один из храбрых и искренних басиджей. Перед операцией они вырыли на склоне холма большую землянку под склад боеприпасов, в котором мог поместиться десяток человек.

Ночная операция началась в половине третьего ночи в условленной точке, после чего мы двинулись в сторону противоположного холма, где были те самые двенадцать окопов. Меня от бойцов Али Читсаза отделяли 100 метров. Али Фарьядрас со своей ротой также должен был, по мнению командования, атаковать с правой стороны. Конечно, для этого требовались два условия: во-первых, должно было прибыть подразделение инженерных войск, а во-вторых, нужно было проложить путь, взорвав «бангалорскую торпеду», после чего одновременно с наступлением сил по трем направлениям ударить по врагу массированным огнем из 155-миллиметрового орудия регулярной армии до подхода наших сил.

Все шло хорошо, и уже сообщили, что бойцы среднего фланга ждут «бангалорскую торпеду».

---

<sup>1</sup> Бангалорская торпеда (*англ.* bangalore torpedo) – удлиненный подрывной заряд для проделывания проходов в проволочных заграждениях и минных полях (*прим. пер.*).

Минуты тянулись медленно. Прорыв проволочно-го заграждения с помощью саперных ножниц занял бы много времени. При этом враг мог узнать о нашем тайном присутствии. В конце концов, пусть и с опозданием, «бангалорская торпеда» была доставлена.

Мы с Али Читсазийаном договорились: если кому-либо из нас придется залечь под огнем противника, другой должен быстро подойти к врагу сзади.

Грохот взрыва «бангалорской торпеды» был сигналом к началу атаки. Наша артиллерия начала массированный обстрел, Али Читсаз со своими бойцами пошел в лобовую атаку. Потеряв одного бойца, они добрались до вражеских окопов<sup>1</sup>.

Мы, в свою очередь, напали на солдат, отступавших со своих позиций. Одного из басиджей, который шел следом за мной, звали Машхад-хани. Он на несколько минут оторвался от меня и затем сообщил: «В живых не осталось никого. Я лишь насчитал 18 трупов в непосредственной близости от нас».

Мой взгляд упал на тело одного из наших бойцов, лежавшее среди трупов иракцев. Это был 22-летний парень из деревушки в области Кабутар-Аханг. Борода его была вымазана кровью, и когда поднялось солнце, ее волоски отливали на свету красным цветом.

С нашей стороны и справа от нас, то есть с фланга Али Читсаза, не было слышно никаких выстрелов, но справа от Читсаза, то есть по флангу Али Фарьядраса, доносился грохот танковых орудий, нарушавший утреннее спокойствие, а мы ничего не знали и видели только то, что было у нас под носом, полагая, что дело окончено и высота взята.

---

<sup>1</sup> Столь молниеносный бросок к вражеским окопам стал возможен благодаря, во-первых, огневой поддержке нашей артиллерии с вершины горы, а во-вторых, разминированию местности, которым по большей части занимался Шир-Мохаммад Афгани (*прим. авт.*).

Враг двинулся с правой стороны на танках, и Али Фарьядрас вместе с несколькими бойцами пали смертью храбрых<sup>1</sup>. Более дальние фланги, а именно два наших батальона, также столкнулись с ожесточенным сопротивлением иракцев. Только мы с Али Читсазом, потеряв двух бойцов убитыми, стояли на «высоте двенадцати окопов», словно победители.

Хадж Али Шадмани, командир фронта, кричал по рации: «Читсаз, Сольги! Отходите!». Мы находились в плотном кольце окружения, и я не мог оторвать глаз от мертвого товарища, лежавшего рядом со мной.

Я сказал ребятам, стоявшим на ногах: «Отступайте». Мы с Машхад-хани схватили убитого за руки и потащили по земле в сторону нашего рубежа.

Иракцы возвращались назад, и на нашем пути не было ни одного врага. Я видел издалека, как бойцы Али, словно партизаны, обстреливали противника и отходили назад.

У какой-то из траншей мы настигли Али Читсаза. У нас больше не было сил тащить того мертвеца, иракцы были уже на подходе. Нам пришлось положить молодого бойца на землю между несколькими кустами колючки. Его лицо было обращено в небо, наши спины – повернуты к врагу, а мои мысли устремились к погибшему: «Ах, если бы враг подошел позже, и мы могли дотащить его до своего рубежа!».

Дойдя до своих позиций, мы смогли оценить, в какой ситуации оказались оба фланга. Им повезло гораздо меньше, и они понесли большие потери.

Несмотря на это, у всех на устах было два имени. Смекалка и сообразительность этих двоих позволили из-

---

<sup>1</sup> Хейдар Сохраби, который был рядом с Али Фарьядрасом, после операции рассказывал мне, что в тот момент, когда по ним стали стрелять вражеские танки, Али Фарьядрас кричал «Аллаху акбар!», и одним из выстрелов ему оторвало голову (прим. авт.).

бежать еще больших потерь. Одним из них был всё тот же начальник оперативного подразделения штаба КСИР в Нахаванде, Мохсен Омиди, а другим – человек по имени Сейед Хосейн Самават, о котором мы не знали ничего<sup>1</sup>.

На фронте никто не покупал себе славу ценой угрозы своей жизни. В анналах войны степень и ранг того или иного командира определялись искренностью его поклонения, преданностью, умом и смекалкой. Вскоре после операции на наших высотах по всему фронту начали передаваться из уст в уста несколько имен. Хадж Али Шадмани разбирался в людях, легко и быстро раскрывая потенциал каждого. Он знал, что основные боевые действия развернутся через несколько дней в Дизфуле и Шуше, и если мы и не захватили ту высоту, то полностью справились с совершением отвлекающей операции<sup>2</sup>.

Мои мысли всё еще были заняты тем погибшим, которого мы оставили в кустах терновника. Я знал, что его семье было бы спокойнее иметь хотя бы кусочек кости, оставшийся от его тела, чем осознавать, что он лежит где-то в поле. Еще мучительнее было то, что это был погибший за Родину, и мне казалось, будто я оставил там своего ребенка. Он был одним из бойцов нашей роты, и я сказал Читсазу: «Я возьму с собой несколько человек, чтобы принести убитого». Али сказал: «Тело лежит достаточно близко к иракцам. Будь осторожен! Убедись, что они не сделали из него заминированную ловушку».

Той же ночью мы ввосьмером с носилками спустились вниз по холму и подошли к мертвецу. Мне пришлось

---

<sup>1</sup> Мехранский фронт был чем-то вроде экзамена на командирский талант и боевую смекалку, поскольку через год эти самые люди стали первыми командирами батальонов новой бригады «Ансар оль-Хосейн» (прим. авт.).

<sup>2</sup> Через несколько дней после начала нового иранского года (21 марта 1982 г. – прим. пер.) на юге началась крупномасштабная операция «Фатх оль-мобин» (прим. авт.).

в голову: если там устроена западня или ловушка, рисковать жизнью должен только один человек. Я сказал тем семерым: «Оставайтесь позади. Если я дам знак, пусть два человека с носилками выйдут вперед. Если что-нибудь случится, пусть все оставшиеся вернутся назад».

В десяти метрах от покойника я пополз по-пластунски. На расстоянии двух-трех метров я посмотрел на него со стороны ног. Он лежал в той же позе, что и две-три ночи назад, ведь это мы с Машхад-хани укладывали его на землю. Конечно, так казалось лишь внешне, и мне надо было убедиться, нет ли под ним мин или растяжки.

Я обхватил руками его лодыжки. Мой подбородок упирался в землю, я с трудом сдвинул парня с места и немного потянул его на себя. Пока ничего не случилось. Я привстал на колени и протащил его в свою сторону на целый метр.

Убедившись, что никаких мин нет, я дал сигнал рукой. Двое, пригнувшись, подошли ко мне, и мы уложили парня на носилки. Его лицо было белым, как луна, будто бы эти несколько ночей он спокойно и безмятежно спал.

Когда мы принесли его в тыл, я почувствовал, что теперь могу навестить его родителей, которые всё еще ждали своего сына.

За эти два-три дня после нашего отступления иракский огонь стал еще более ожесточенным, так что в окопах даже начали поговаривать, что враг не осмелел бы настолько и не обстреливал бы нас так яростно, если бы мы не предприняли ту операцию.

Огонь велся настолько точно и прицельно по окопам, что ребята зачастую покидали их и оставляли холм, уходя на его заднюю сторону. Из-за этого несколько человек получили ранения.

Однажды утром я посмотрел на главную вершину впереди нас и увидел иракского наводчика, который

лежал на земле и внимательно рассматривал в бинокль наши позиции. Время от времени он отрывался от бинокля и подносил ко рту и уху рацию. Было понятно, что он дает на нас наводку артиллерии. Между мной и наводчиком было примерно пятьсот метров. Я взял винтовку G3 и лег в удобном месте. Во время боевой подготовки, когда я стрелял из G3 по мишени, пуля попадала в самое яблочко.

Здесь я тоже учел все правила: направляем взгляд через апертуру на мушку, от нее – на цель, кладем палец на курок, задерживаем дыхание и стреляем.

Тем не менее, вопреки моему ожиданию, пуля пролетела рядом с иракским наводчиком, подняв в воздух облачко пыли прямо перед ним. Он без малейшего беспокойства на несколько минут сменил место дислокации. После его очередной наводки на наши окопы обрушилось несколько тяжелых артиллерийских снарядов. Наводчик с нового места опять осмотрел через бинокль наши окопы и взял в руку трубку рации; я снова задержал дыхание и нажал на курок. Не знаю, куда попала ему пуля: в голову или в грудь, – но он наклонился лицом вперед и камнем покатился по склону холма.

Наши бойцы, наблюдавшие за происходящим из окопов, вышли наружу, и весь укрепрубеж потонул в одном сплошном «ура». В тот день огонь вражеской артиллерии прекратился, и все поняли, что обстрелы велись исключительно по наводке того парня.

\*\*\*

Весной 1982 года мне пришло письмо. Мой отец был болен. Значит, наверняка стряслось что-то серьезное. Ведь отец был тружеником и крестьянином, который никогда не прибегал к лечению и лекарствам.

Когда я приехал в Дехганабад, его уже отвезли в больницу в Нахаванд. Я стал выяснять, что произошло,

и мне рассказали. Отец работал в поле, а несколько женщин собирали траву для скота. Они хотели погрузить на ишака собранную люцерну, но сил у них не хватало. Одна из женщин позвала: «Шейх Али-Мамад, иди сюда, вместе погрузим люцерну».

Отец взялся за один конец тюка, а те четыре женщины – за другой, но тяжесть груза стала непосильным испытанием для его почек.

Отец прошел несколько процедур диализа. Когда я пришел к нему в больницу, руки и ноги у него были опухшими, от сильной боли он очень похудел. Соседи по палате говорили, что он все время читает Коран. Открыв глаза, он с радостью сказал: «Мирза, как здорово, что ты пришел!».

Я понял, что он хочет дать наставление. Он сказал: «Я тут не откладываю намаз на потом, у меня нет долгов по посту<sup>1</sup>, на мне нет обязательств перед людьми. Но всё же попросите у всех, кто меня знает, прощения за меня».

Последним, что я слышал от отца, были строки суры «Зальзаль»<sup>2</sup>. Потом он закрыл глаза и замолчал.

Мы похоронили отца на кладбище Дехганабада и попросили прощения у всех, кто его знал. После поминок на седьмую ночь я попрощался с женой, Зайнаб и Мостафой и вернулся на фронт.

Личный состав КСИР провинции Хамадан по количеству бойцов не дотягивал до бригады или дивизии. По-

---

<sup>1</sup> В исламе установлено время для каждой из пяти обязательных молитв, пропуск которых требует их возмещения (када), которое, тем не менее, не приравнивается к своевременно совершенной молитве. То же самое касается обязательного поста (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Сура «Аз-Залзала» («Землетрясение») – 99-я сура Корана. Все аяты этой суры посвящены событиям Судного дня. В них говорится о землетрясении, когда земля выбросит изнутри все свои сокровища и мертвецов, когда человек с удивлением спросит о том, что внезапно поразило его, и когда люди восстанут из своих могил для воздаяния (*прим. пер.*).

этому, как и раньше, их отправляли на фронт в составе двух батальонов 27-й бригады «Мохаммад Расуллоллах»<sup>1</sup>, пока они не приняли участие в боях операции «Муслим ибн Акиль» в Сумаре. Батальоном «Комейль» командовал Реза Ноурузи, после гибели которого командование перешло к Саиду Эсламийану. Батальоном «Аммар Йасер» командовал Реза Заргяри, входивший в число первых ксировцев области Нахаванд, и я стал одним из его ротных командиров.

Сумар считался стратегически важным фронтом для обеих сторон. Если бы мы овладели иракским городом Мандали как ближайшим к Багдаду пограничным пунктом, возникла бы серьезная угроза власти правящей иракской партии «Баас». Поэтому для возвращения занятых нами земель иракцы прибегли к помощи своих элитных соединений, таких как Президентская гвардия. Когда мы прибыли, контратака набирала обороты. Высоты между населенными пунктами Мийан-Танг, Салман-Коште и Гиске оказались основной осью контрудара иракских сил. Самоотверженное сопротивление наших сил и высокомотивированных бойцов измотало врага, и настал наш черед приступить к разведке с целью занятия новых позиций.

Поскольку бойцы 27-й бригады «Мохаммад Расуллоллах» и 10-й бригады «Сейед аш-шохада» прибыли в район раньше нас, они лучше знали дороги. Я с тремя ребятами из своей роты отправился в путь. Нам нужно было присоединиться в точке, располагавшейся в самом конце тран-

---

<sup>1</sup> В операциях «Фатх оль-мобин» и «Бейт оль-могаддас» бойцы КСИР и Басиджа провинции Хамадан не только занимали главные руководящие посты в 27-й бригаде, но и составляли основную часть личного состава батальона Муслима б. Акиля. Во время операции «Рамадан» Организация бойцов провинции Хамадан набрала три батальона, которые приняли участие в боях в Кушке в составе 41-й бригады «Саролла» провинции Керман (прим. авт.).



шеи, к тегеранским бойцам, чтобы продолжить разведку вместе с ними.

Мы пошли по этому маршруту днем. Многочисленные траншеи и холмистый рельеф давали нам возможность подойти ближе к врагу даже в дневное время, но нам не верилось, что кто-то может проехать там на мотоцикле.

Мы прибыли в условленное место в конце траншеи и находились на расстоянии примерно 700 метров от своих позиций, как вдруг к нам подъехали двое на гоночном мотоцикле, враг их видел и бил по траншее снарядами. Я спросил: «Они что, сумасшедшие? Вести разведку днем, да еще и на мотоцикле?!».

Когда они подъехали, оказалось, что один из них хромот. Гипс на его ноге свидетельствовал о полученном ранении. Я понял, что он не мог прийти пешком, а потому сел на мотоцикл. Однако это всё равно не могло быть разумным оправданием выдачи врагу своего маршрута. Он достал карту с калькой и начертил на земле наше местоположение, координаты врага и путь для прохода в тыл к иракцам. К сидевшему за рулем мотоцикла он обращался «брат Чераги»<sup>1</sup>.

До меня дошло, что ему было поручено лично хаджи Хемматом, командиром 27-й бригады, отвечать за координацию действий сил бригады в районе Сумара. Он проходил по этой дороге со своей хромой ногой многократно и знал зону разведки от условленной точки до самого конца. Поэтому приехать под огнем противника на мотоцикле – это не считалось, по его мнению, выдачей маршрута разведоперации врагу.

Дав нам все ориентиры на земле и на карте, они сели на мотоцикл и вернулись обратно. Мы тоже реши-

---

<sup>1</sup> Потом я его узнал, ведь Хадж Реза Чераги был одним из командиров 27-й дивизии «Мохаммад Расуллоллах» (прим. авт.).

ли вернуться и начать глубинную разведку местности на следующий день. Однако после того, как мотоцикл пропал вдаль, враг будто бы продолжал присматриваться к траншее. Прямо на нас обрушился прицельный огонь. Мы были вынуждены вчетвером залезть в нишу окопа и переждать там, пока обстрел не утихнет.

Со следующего дня мы начали вести разведку в лубое время суток, проникая вглубь вражеских позиций. Мы каждый раз брали с собой кого-либо хотя бы в должности командира взвода и настолько хорошо ознакомились со всеми очертаниями и изгибами маршрута, что в кромешную ночь распознавали дорогу не хуже, чем днем. Мы ходили по маршруту и без каких-либо происшествий возвращались обратно.

Аналогичные сведения приходили с нашего левого фланга. В батальоне «Комейль» разведкой занимался Али Читсазийан при участии и под непосредственным контролем командира этого участка Хасана Торка. Али Читсазийан был здесь командиром роты. Однако благодаря профессиональному нюху разведчика ему удалось разведать местность до асфальтированного шоссе города Мандали.

Во время этих вылазок вглубь территории врага среди ребят попадались настоящие проказники, откальвавшие номера наподобие того, что вытворял Мохаммад Афгани в Мехране. Рубеж невозможно было контролировать, даже командир батальона и командир роты не могли остановить такого рода людей. Я помню, как ребята дали одному из бойцов кличку «разоритель мертвецов». По ночам он уходил туда, где еще с прошлых боев оставались лежать на земле иракские трупы. Он не боялся ни пуль, ни минометных обстрелов. Мне показалось подозрительным то, как он спокойно и буднично ходил по столь опасному маршруту. Однажды ночью, после его очередного визита к трупам, я подошел к нему и строго сказал: «Ты больше не имеешь права ходить к убитым».

Затем я продолжил: «Какой тебе прок от этих хождений туда и обратно?!». Он сунул руку в карман и показал мне пачки иракских сигарет «Сумер» на любой вкус и цвет.

Я с раздражением сказал: «Если помрешь, будешь мучеником на пути курения». В отличие от меня, он ответил хладнокровно: «Хаджи, не пойми превратно, я из их окопов не только сигареты достаю, там и сухого молока сколько душе угодно». Я не знал, как удержаться от смеха, и лишь сказал ему: «Ты больше не будешь шастать туда за этими вещами».

Рекогносцировка местности закончилась, а об операции ничего не было слышно. Уже прошло 45 дней с тех пор, как наши силы были размещены на этом рубеже. В окопах пошли разговоры о том, что придется возвращаться назад. Такие времена затишья и отсутствия движения на войне зачастую утомляли.

Я обходил окопы и разговаривал с каждым взводом о том, что им нужно оставаться до тех пор, пока в штабе не объявят о начале операции. Стоило только завести речь о погибших ребятах, Имаме и нашей ответственности, на позициях воцарялось спокойствие, и даже шаги бойцов становились тверже.

Мы поехали в гарнизон Бехешти рядом с Сумаром для последних согласований. Там я во второй раз повстречался с Резой Чераги, который, будучи командиром 27-й бригады, вырабатывал общую стратегию для всех батальонов. Все командиры батальонов и рот получили инструкции в пределах их зоны маневров. Мы действовали справа от батальона «Комейль» и после занятия близлежащих высот должны были бросить бойцов по равнине через пальмовые рощи к городу Мандали. В таком случае у нас были идеальные условия для укрепления линии нашей обороны.

Вечером 30 декабря 1982 года начался второй этап операции «Муслим ибн Акиль» под кодовым названием

«Зейн оль-абедин», который планировалось реализовать сразу на нескольких направлениях. Кроме нас, на других направлениях выдвинулись вперед армейские батальоны, которые присоединили к частям 31-й бригады «Ашурра» и 21-й бригады «Имам Реза».

Мы шли по разведанному нами ранее маршруту вдоль траншеи до самой цели, где на нас внезапно обрушился вражеский огонь, и мы обошли холм с правой стороны. С этой стороны мы шли практически в поле зрения врага, прямо в зоне обстрела, пока не уперлись в проволочное заграждение, которое было протянуто уже после нашей разведки. На этом месте наши ряды расстроились, и дальше каждый выбирал дорогу на свое усмотрение. Часть сразу же вступила в бой с врагом. Другие не продержались долго под неприятельским огнем и стали отступать. Несколько человек, среди которых были Алишир Сури<sup>1</sup>, Хосейн Шакарайан<sup>2</sup> и Такаллу<sup>3</sup>, прорвались через заграждения и даже прошли до асфальтированного шоссе Мандали. Там все они погибли, и некому даже было забрать их тела в тыл.

Уже рассвело, и врагу в целом удалось разоблачить наш замысел, так что мы не добились никакого успеха. Мы не только потеряли какое-то количество бойцов убитыми и ранеными. Были и пленные. Я сам видел издалика, как подъехал грузовик IFA<sup>4</sup>, который забрал наших пленных и увез в тыл к иракцам.

---

<sup>1</sup> Алишир Сури, ксировец из Нахаванда, преподаватель Корана в местном штабе КСИР, который продолжал обучение Корану даже на передовой (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> Хосейн Шакарайан учился на инженера в Политехническом университете, приехал в Нахаванд из Хамадана и стал отвечать в штабе за прием новобранцев (*прим. авт.*).

<sup>3</sup> Али Такаллу был из области Мелайер провинции Хамадан и занимал должность моего заместителя, отвечая за бойцов, которые прошли к Мандали (*прим. авт.*).

<sup>4</sup> IFA W50 – грузовой автомобиль производства ГДР. Выпущен с 1965 по 1990 г. (*прим. пер.*).

После проведения этой дополнительной операции у меня уже не было никакого настроения оставаться на нашем рубеже. Хадж Реза Заргяри, командир нашего батальона, договорился, чтобы мы для восстановления боевого духа съездили в Мешхед. Во время этой поездки со мной были супруга и оба ребенка. Там я общался в основном с Саидом Эсламийаном и Хасаном Торком. Хасан красивым, чарующим голосом читал Коран, мы вместе ходили в усыпальницу<sup>1</sup>, поминали в молитвах тех ушедших ребят, которые были с нами, и печалились о том, что не можем их похоронить. Тембр голоса Хасана напоминал мне о мученике Алишире Сури.

В ночь перед дополнительной операцией Алишир читал Коран, потом аккуратно сложил вещи в свой походный рюкзак, куда засунул и маленькое солдатское одеяло. Той ночью я сказал ему: «Не бери с собой такую тяжелую ношу. Лучше возьми побольше боеприпасов».

Он ответил: «Мой путевой запас – это не то, что я с собой взял, а вера в единство Аллаха, непорочность Имамов и воплощение в жизнь аятов Корана». Я понял, что он созрел, словно спелый плод, и в ту ночь должен был нас покинуть. Чтобы мои слова не повисли в воздухе, он все-таки вытащил из рюкзака одеяло и положил вместо него патроны и гранаты.

Повсюду: в усыпальнице, на площади у входа, во внутреннем дворе и у решетчатых оградок самой гробницы – мне вспоминались лица каждого из погибших товарищей. Иногда мне даже казалось, что они стоят возле меня и читают зиярат-наме Имама Резы<sup>2</sup> (мир ему!).

---

<sup>1</sup> Мавзолей Имама Али ибн Мусы ар-Риды в Мешхеде, который считается самым почитаемым местом паломничества среди шиитов Ирана (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Зиярат-наме (*от араб. зийара – «посещение», перс. наме – «письмо, писание»*) – сборник молитв, которые читаются при посещении могилы Пророка, шиитских имамов, членов их семей

Я оглядывался по сторонам, то вправо, то влево. Со мной были Хасан Торк и Саид Эсламийан. Глаза мои бежали, я был растерян, словно отец, потерявший своих детей и судорожно искавший их повсюду. Хасан с Саидом говорили: «Что с тобой, брат Сольги? Кого ты ищешь?». Я лишь отвечал: «Своих ребят».

Саид Эсламийан был настоящим весельчаком и много шутил. Он понял, что я имел в виду, но отшутился: «Быстро же ты затосковал по своей благоверной! Но ничего, увидишь ее после зиярата<sup>1</sup>».

Мне было неудобно перед женой. Она все время была одна. До революции я ездил в поисках работы в Тегеран и Абадан, а она оставалась в одиночестве. Да и после войны я подолгу не задерживался в городе. Эти паломнические поездки ее очень радовали.

Через день после зиярата Хадж Саид Эсламийан сообщил, что горно-пехотный батальон «Ансар оль-Хосейн» из Хамадана будет преобразован в отдельную бригаду, и каждая область провинции, включая Нахаванд, будет иметь свой собственный батальон. Таким образом, мы избавлялись от скитаний и присоединения то к одной бригаде или дивизии, то к другой и знали, чем нам заниматься на войне. Еще Хадж Саид Эсламийан сказал, что мне тоже подыскали какое-то применение. Я вернулся в Дехганабад. На подходе был наш третий ребенок, а слухи о формировании на западе новой бригады лишили меня равновесия и покоя.

Хотя я очень любил жену и детей и питал к ним самые нежные чувства, мне нужно было поехать в гарнизон «Аллах акбар» в Эсламабаде-Гарб<sup>2</sup>. Там было сформиро-

---

и сподвижников. Набор молитв может отличаться в зависимости от того, кому посвящен мавзолей (*прим. пер.*).

<sup>1</sup> Зиярат – паломничество к святым местам или могилам почитаемых деятелей ислама с целью получения от них благодати (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Эсламабаде-Гарб (далее в тексте просто Эсламабад) – город на западе Ирана, в провинции Керманшах.

ровано новое соединение. Перед отъездом мне пришла в голову хорошая мысль: я решил переправить семью из Дехганабада в Нахаванд. В этом случае жена оказалась бы ближе к своим родителям, и ей было бы легче переносить мое отсутствие.

Мы с братом сняли на две семьи дом в Нахаванде и поселили там своих жен с детьми, где они могли жить простой жизнью с минимумом удобств, а сами поехали в Эсламабад. Проявив верх благородства и выдержки, моя супруга не захотела, чтобы я оставался в Нахаванде до появления на свет нашего ребенка. Она знала, что моя душа буквально разрывалась от противоречий.

В марте 1983 года в гарнизоне «Аллах акбар» родилась самостоятельная 32-я бригада «Ансар оль-Хосейн» провинции Хамадан. Командиры собрались на совещание, чтобы выбрать название для бригады, и назвали ее «Ансар оль-Хосейн»<sup>1</sup>, надеясь, что мы станем помощниками и сподвижниками Имама Хусейна (мир ему!) на фронтах войны, которые будут для нас Кербелой. Настал черед дать имя каждому из батальонов. Было решено, что каждая область будет иметь либо свой собственный батальон, либо один общий батальон с соседними областями<sup>2</sup>. Нахаванд вполне был способен своими силами

---

<sup>1</sup> Помощники Хусейна (араб.) (прим. пер.).

<sup>2</sup> Хадж Хосейн Хамадани, основатель и первый командир 32-й бригады «Ансар оль-Хосейн»: «Я вернулся с фронта после освобождения Хоррамшахра и операции “Бейт оль-мокаддас”, когда хадж Давуд Карими подписал приказ о назначении меня командиром бригады, сформированной из добровольцев провинции Хамадан. Эта бригада была названа в честь мученика айатоиллы Мадани. Основное ядро командиров, которых я подобрал, при всем их уважении к имени выдающегося героя айатоиллы Мадани, единогласно выступило за то, что бригаду необходимо переименовать в “Ансар оль-Хосейн”. Несмотря на противодействие командования Западного военного округа, бригада была переименована, и настал черед выбирать названия для батальонов. Я попросил области предложить свои названия, потому что верил, что эти

набрать 350 человек и сформировать из них отдельный батальон, но как следовало назвать этот батальон и кого назначить его командиром?

Второй вопрос меня не волновал. Я был готов стать простым стрелком или снабженцем и подносить бойцам воду. Но название батальона значило для меня очень много. Оно было даже важнее имени моего ребенка, которому предстояло вскоре появиться на свет.

Я слышал, что командир бригады, хадж Хосейн Хамадани, пришел к аятолле Сейеду Резе Фазелияну, чтобы посоветоваться с ним о том, имена кого из семидесяти двух сподвижников Достопочтенного Господина Мучеников дать батальонам, и этот благообразный старец и духовный наставник всех фронтовиков предложил командиру имена нескольких мучеников Кербелы и помощников Хосейна. Это были имена Али Акбара, Касима ибн Хосейна, Али Асгара, Хабиби ибн Мазахира, Муслима ибн Акиля и Абу-ль-Фазла Аббаса<sup>1</sup>.

---

батальоны появились по доброй воле народа и он сам должен дать им название. Кроме того, во время поездки в Мелайер я попросил высказать свое мнение достопочтенного аятоллу Фазелияна, который сказал, что весьма уместно было бы назвать батальоны в честь сподвижников Господина Мучеников. После совещаний у меня были свои собственные причины для выбора названий. Например, название “Достопочтенный Али Акбар” подходило области Хамадан, потому что командир этого батальона, мученик Сейед Хосейн Самават, был молодым человеком с красивым, благообразным и добрым лицом, в которого были буквально влюблены все 450 бойцов его батальона. Батальону области Нахаванд подходило имя знаменосца Кербелы, Достопочтенного Абу-ль-Фазла Аббаса, потому что жители этой округи питали особую любовь к Абу-ль-Фазлу» (Интервью с генералом Хосейном Хамадани. Хамадан. 29.06.2014).

<sup>1</sup> Мохаммад-Саид Бадами, один из ветеранов КСИР и боевых товарищей хадж Хосейна Хамадани, который во время создания бригады занимал должность начальника штаба. Он рассказывает: «Благословенное название “Ансар оль-Хосейн” было образовано от наименования сподвижников Хусейна (мир ему!). Однако было



Выбрать любое из этих имен значило припасть к ногам этих великих людей. Все они служили источником спасительной благодати, но для меня образ Водоноса Кербелы имел особую прелесть.

Имя Абу-ль-Фазла уносило меня на одну из потаенных улочек сада моих воспоминаний, к словам траурной песни об Отце бурдюка, которую пел мой отец. Именно тогда я воззвал к Иمامу Хусейну: «Господин мой, сделай так, чтобы мы сражались под знаменем твоего брата Аббаса».

В штаб бригады входили хадж Хосейн Хамадани (командир), хадж Саид Эсламийан (замкомандира), хадж Мехди Бадами (начальник штаба), хадж Джафар Мозахери (замкомандира по оперативному планированию). Они провели совещание и объявили названия батальонов вместе с именами их командиров:

«151-й батальон “Мослем ибн Агиль”, сформирован из бойцов области Мелайер, под командованием Мохсена Замани<sup>1</sup>, замкомандира – Хасан Таджук. Батальон “Хазрат-е Абольфазль”<sup>2</sup>, порядковый номер 152, сформирован из бойцов области Нахаванд, под командованием Джала-ла Фотоввата, замкомандира – Мирза-Мохаммад Сольги<sup>3</sup>.

---

непонятно, какие имена нужно дать каждому батальону. Было решено, что командир бригады пойдет к хадж Резе Фазелияну и спросит его мнения. Хадж-ага предложил имена некоторых из 72 сподвижников и боевых товарищей Иمامа, во главе которых стоял Достопочтенный Абу-ль-Фазл» (интервью с Мохаммад-Саидом Бадами. 27.01.2014).

<sup>1</sup> Мохсен Замани работал учителем в общеобразовательной школе, пришел в штаб КСИР и до формирования бригады занимал ответственные должности в различных подразделениях, участвовавших в операциях «Фатх оль-мобин» и «Бейт оль-могаддас», но некоторое время спустя бразды руководства батальоном перешли в руки Хасана Таджука. Таджук на протяжении 5 лет был командиром батальона и в 1987 г. погиб на высотах Герде-Раш (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> Здесь и далее в названии батальона отражено персидское произношение имени Абу-ль-Фазла Аббаса (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Джалал Фотовват также был одним из бойцов оперативного управления и командиров области Нахаванд. Однако через 1–2 ме-

Батальон “Гасем эбн оль-Хосейн”, порядковый номер 153, сформирован из бойцов области Туйсеркан, под командованием Мохсена Эйнали<sup>1</sup>, замкомандира – Мохсен Таркашванд. Батальон “Хазрат-е Али Акбар”, порядковый номер 154, сформирован из бойцов областей Хамадан и Бахар, под командованием Сейеда Хосейна Самавата, замкомандира – Мохаммад Хаджилуи<sup>2</sup>.

Батальон “Хазрат-е Али Асгар”, порядковый номер 155, сформирован из бойцов областей Хамадан, Асадабад и Кабудар-Аханг, под командованием Резы Мирзаи<sup>3</sup>.

Батальон “Хорр эбн Рийахи”, порядковый номер 156, сформирован из бойцов Хамадана и окрестных областей, под командованием Мохсена Омиди<sup>4</sup>.

---

сяца по решению командира бригады командовать батальоном «Хазрат-е Абольфазль» было поручено мне. Я на протяжении 5 лет командовал этим батальоном вплоть до своего последнего ранения (*прим. авт.*).

<sup>1</sup> Хадж Мохсен Эйнали командовал батальоном в течение 4 лет с момента назначения на должность и до своей гибели в июне 1986 г. После него командирами были, соответственно, Мохсен Таркашванд, хадж Гасем Мохаммади и Али Малеки (оба пали смертью храбрых) (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> Сейеду Хасану Самавату довелось быть командиром батальона намного меньше времени, чем всем остальным командирам, погибшим смертью мучеников. Через два месяца после создания бригады он расстался с жизнью, а его заместитель присоединился к нему спустя еще 10 дней, в августе 1983 г., во время операции «Вальфаджр-2». После смерти этих двух героев командование батальоном поручалось Резе Мостаджири (вернулся из плена), Мехди Роухани, хадж Резе Шокрипуру (погиб), Мохсену Омиди (погиб), Резе Заргяри (погиб), Салару Абнушу и Бахраму Мобаракки (погиб) (*прим. авт.*).

<sup>3</sup> После небольшой паузы в деятельности этого батальона командование переходило, соответственно, Хамиду Резе Рахбару, хадж Саттару Эбрахими (погиб) и Аббасу Замани (*прим. авт.*).

<sup>4</sup> Мохсен Омиди принимал любую должность, которую поручал ему командир. Он был основателем этого батальона и благодаря своим достоинствам и высоким организаторским

Другие подразделения бригады также были сформированы из бойцов, ранее уже принимавших участие в боевых операциях, трезвомыслящих и хороших организаторов. С некоторыми из них: Али Читсазом, отвечавшим за разведывательно-оперативную работу, Хасаном Торком, замкомандира по оперативно-плановой работе – мне уже доводилось работать вместе.

О рождении бригады и батальона «Хазрат-е Абольфазль» я лично узнал накануне Навруза в 1983 году, когда на свет появился мой третий ребенок. Я поехал в Нахаванд, наведаясь в роддом, а потом зашел в КСИР. Алиреза Акбари<sup>1</sup> был одним из тех ксировцев, кто получил богословское образование и принадлежал к духовенству. Я ему очень симпатизировал. Он уже знал, что Аллах дал мне сына, и спросил: «Как ты его назвал?». Я не сомневался, что по причине своей любви к Абу-ль-Фазлу, имя которого стало названием батальона, скажу: «Абольфазль», но замешкался и спросил: «Я вам очень доверяю. Как мне, по-вашему, назвать сына?». В ответ он прочитал пророческий хадис о Салмане аль-Фариси<sup>2</sup>: «Салман – один из нас, Ахль аль-Бейт».

Так и вышло. Моя жена и остальные члены семьи одобрили имя Салман.

В первый день весны я вернулся в гарнизон «Аллах Акбар». Хадж Хосейн Хамадани сказал: «С сегодняшнего дня ты командуешь батальоном “Абольфазль”, а брат Фотовват возвращается в Нахаванд».

---

способностям стал заместителем начальника штаба дивизии. После смерти Резы Шокрипура он взял на себя командование батальоном «Хазрат-е Али Акбар» и обрел бессмертие на острове Маджнун (*прим. авт.*).

<sup>1</sup> Он героически погиб в операции «Кербела-5» (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> Салман аль-Фариси (ум. ок. 657) – один из наиболее известных сподвижников Пророка Мухаммада и сторонников Али ибн Аби Талиба. В Иране также почитается как первый перс, принявший ислам (*прим. пер.*).

С должностью замкомандира бригады произошла аналогичная замена, к ней был представлен хадж Али Шадмани, заменивший Саида Эсламийана. Я хорошо усвоил первый урок Абу-ль-Фазла, заключавшийся в подчинении своему покровителю и примеру во всем. Хотя Джалал Фотовват был моим другом, боевым товарищем, земляком и командиром, я считал приказы командира бригады непреложными. Поэтому я принял его решение и был официально представлен к должности командира батальона<sup>1, 2</sup>.

Гарнизон «Аллах Акбар» переживал настоящий духовный переворот. Молодые басиджи и пасдары приходили группами и присоединялись к рядам бойцов батальона, принося с собой свет и духовные переживания. Ночной

---

<sup>1</sup> Хадж Хосейн Хамадани, первый командир 32-й бригады «Ансар оль-Хосейн»: «Мирзу-Мохаммада Сольги я знал еще со времен Саре-Поле-Захаб и Мехрана. Я взял его на заметку во время операции “Мослем эбн Агиль” в Сумаре, когда он очень хорошо проявил себя. Однако после формирования бригады мы сперва выбрали Джалала Фотоввата, который имел большой военный стаж. Тем не менее штаб Нахаванда потребовал, чтобы способности приносили пользу в Нахаванде. Перед операцией “Вальфаджр-2” мы на протяжении двух месяцев совещались с командованием бригады и руководством области Нахаванд и приняли решение заменить его Мирзой-Мохаммадом Сольги. Все знали, что Мирзе-Мохаммаду не важны звания, должности и степени. Он был в полном смысле слова поклонником молитв, исламских преданий и Корана, думавшим только о том, как выполнить свой долг» (Интервью с генералом Хосейном Хамадани. Хамадан. 29.06.2014).

<sup>2</sup> Джафар Мозахери являлся одним из основателей и членов командования бригады, впоследствии был назначен замкомандира и командиром бригады. Он рассказывает о причинах этой поспешной замены: «Хадж Мирза был на голову выше всех остальных командиров бригады. Боевой опыт, организаторские способности, искренность и религиозность, образцовое владение Кораном и хадисами сделали из него командира, получившего известность как “шейх командиров”. Поэтому командир бригады представил хадж Мирзу к должности командира батальона после Джалала Фотоввата» (Интервью с генералом Джафаром Мозахери, 27.10.2013).

намаз в большом павильоне батальона совершало столько же людей, сколько днем собиралось на коллективный намаз. Басиджи по ночам накапливали силы и духовный багаж, проявляя их затем во время боевой подготовки.

Иногда пешие переходы и тренировочные маршброски длились днями и ночами. Мы по 18 часов ходили шеренгами в пешем строю. Ноги ребят покрывались мозолями, и у меня не оставалось других средств для укрепления их выносливости, кроме лекций и обращения к Священному Корану. Однако лишь Господь знает, какой стыд я испытывал, когда стоял перед ними и читал им хадисы и айаты. Поэтому я предпочитал проводить лекции по ночам, чтобы мой взгляд не падал на их уставшие и озаренные внутренним светом лица. Постепенно эти ночные лекции стали традицией батальона «Хазрат-е Абольфазль»<sup>1</sup>.

Одним из моих ротных командиров был Ахмад Моулави. Я не возводил между собой и бойцами никаких преград, наоборот, позволял им шутить со мной или говорить о наболевшем. После лекции Моулави подходил и жал мне руки, посмеиваясь: «Ты деревенский парень с шестью классами образования. Где ты научился этому волшебству слова?». Видел, что я стесняюсь. Даже целовал мне руку<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Хасан Бахрамния, замкомандира батальона «Абольфазль» в 1983 году, говорит об этом качестве Мирзы-Мохаммада Солги: «Хаджи (Мирза-Мохаммад – прим. пер.) обладал ярко выраженной духовной и физической красотой. Он шел пешком наравне со всеми ребятами батальона, а когда наступала ночь, помогал им преодолеть усталость, рассказывая айаты или хадисы. Он читал эти лекции только по ночам. Наверняка у него были для этого свои причины» (Интервью с Хасаном Бахрамния. Хамадан. 27.10.2013).

<sup>2</sup> Я помню, что Ахмад Моулави соблюдал пост в день своей свадьбы. С того самого времени я очень привязался к нему. После формирования батальона он был первым в любом добром деле. Этот ценный и храбрый ротный командир погиб смертью мученика в операции «Вальфаджр-5» в Чангуле (прим. авт.).

Когда бойцы проходили военную подготовку, я поручал руководить ею своему заместителю, а сам без лишнего шума, втайне от бойцов, отправлялся вместе с ребятами из разведывательно-оперативной части гарнизона «Аллах Акбар» на вылазки в районе Саре-Поле-Захаб. Преодолев часть пути на «Тойоте», по степи Даште-Захаб мы шли уже пешком примерно 10 километров, до скалистых высот Бешгана. Иногда разведка вражеских позиций на высоте затягивалась, и мы были вынуждены укрываться в трех пещерах, расположенных на склоне горы, чтобы провести там день и следующей ночью, с наступлением тьмы, вернуться назад. Нас мучили рано наступившая летняя жара и жажда, но горячее желание разведать эти высоты для проведения боевой операции придавало нам сил.

Когда я возвращался в казарму батальона, располагавшуюся в гарнизоне «Аллах Акбар» в Эсламабаде, я не говорил о том, где решено провести операцию, даже самым близким боевым товарищам и ротным командирам, пока успешный ход работы по сбору разведанных не позволил брать ротных командиров с собой в разведку.

Высоты Бешган возвышались над равниной Даште-Захаб, подобно распрямившемуся во весь рост великану, позволяя просматривать весь фронт до самого края равнины. Бешган не был похож на невысокие холмы Мехрана и даже на скалистые горы Сумара. Нам приходилось вести солдат шеренгами по плоской степи к подножию высоты, где мы поднимались на гору Бешган. Это требовало чрезвычайной физической силы. Поэтому во время боевой подготовки мы отправляли солдат в 50–60-километровые марш-броски. Если мы слышали, что некоторые бойцы на всем протяжении этого пути не пили ни капли воды или вообще отправлялись в путь с пустыми фляжками, ночью мы собирали ребят и говорили им

о Луне рода Бану Хашим<sup>1</sup>, о его преданности Господину Мучеников, его отказе от воды и безусловном признании покровительства Имама над всеми верующими.

Иногда мои слова плавно переходили в чтение траурных стихов, и маддах<sup>2</sup> нашего батальона уносил всех своим пением в самую гущу пальмовых рощ на берегах Евфрата. Порой в разгар этих траурных песнопений в моем сознании возникал образ горы Бешган, и тогда я прибегал к помощи Абу-ль-Фазла: «О мой Господин, пока вы были с Имамом Хусейном, на его лице не было ни тени печали<sup>3</sup>. Помогите нам выполнить нашу обязанность, как повелел Имам, достойно справиться с этой тяжелой операцией и не допустить, чтобы на лицо Имама Хомейни легла тень скорби».

Чем дальше, тем больше мы осознавали все масштабы и значение операции. Одновременно с нами на аналогичных Бешгану высотах вели работу две дивизии – 27-я дивизия «Мохаммад Расулоллах» и 10-я дивизия «Сейед ош-шохада».

Однажды из бригады пришло сообщение, чтобы мы выехали в общий штаб армии и КСИР в Керманшахе для участия в совещании.

На совещании присутствовали все командиры батальонов и члены командования нашей бригады, 27-й и 10-й дивизий. Командовал штабом хадж Хеммат, которого я раньше видел в Сумаре, но на этот раз я впервые удостоился разговора с ним.

Он мастерски разъяснил нам обстановку у нас и у врага, затем еще раз перечислил обязанности и зада-

---

<sup>1</sup> Имеется в виду Абу-ль Фазл Аббас (прим. ред.).

<sup>2</sup> Маддах (араб. «восхваляющий») – профессиональный исполнитель траурных стихов и песнопений на шиитских собраниях (прим. пер.).

<sup>3</sup> Наверяно словами молитвы: «О стирающий печаль с лица Хусейна, мир ему! Укрой мою печаль ради брата своего – Хусейна, мир ему!».

чи каждого подразделения. Честно говоря, я, как и многие другие, сидел, открыв рот от удивления. Тот уровень владения всеми тонкостями и нюансами военного дела, опиравшегося на доктрину священной войны нашего Имама, который Хеммат продемонстрировал нам, казался каким-то чудом, и мы, ксировцы, испытывали чувство гордости перед великовозрастными армейскими знатоками военной стратегии. Солнце скрылось за горизонтом, я пошел совершить омовение перед молитвой, а когда вернулся, увидел, как все присутствовавшие на собрании читают намаз за Хемматом.

Мы вернулись в район операции и начали проводить тренировки для подготовки к началу операции, как вдруг пришла трагическая новость: командир батальона «Хазрат-е Али Акбар» погиб во время боевой подготовки своих бойцов в результате случайного выстрела из гранатомета. Сейед Хосейн Самават, тот самый приятный молодой человек с красивым лицом, стал первым командиром батальона нашей бригады, присоединившимся к сонму мучеников еще до начала операции.

Весть о трагической кончине Сейеда Хосейна Самавата не только поразила его собственный батальон, но и не прошла бесследно для других батальонов. Командир бригады сразу же представил вместо него к должности Резу Мостаджири.

До операции оставалось несколько дней. Мы проводили последние занятия по боевой подготовке на близлежащих высотах Далаху, которые были похожи на Бешган. Во время учений мы разделили бойцов на две части: своих и условных врагов. Самые отборные и опытные части мы разместили на высотах. Наши должны были ночью выдвинуться в составе трех рот под командованием Мохаммад-Хосейна Махджуба<sup>1</sup>, Мотал-

---

<sup>1</sup> Мохаммад-Хосейн Махджуб впоследствии стал отвечать за охрану информации в дивизии. Однако его сердце всегда оста-



леба Гейсари<sup>1</sup> и Мохаммада Эсфандийари на близлежащую равнину. Им предстояло пройти 20 километров и выйти к подножиям высоты, где, согласно плану маневров, они должны были атаковать окопы условного врага. Условные враги имели право открывать огонь, в том числе из гранатометов, однако должны были стрелять в воздух, чтобы никого не задеть, но в то же время внушить нашим бойцам страх.

Я буквально заклинал наших условных врагов, чтобы они ощущали всю ответственность перед Аллахом, смотрели во все глаза и следили за тремя ротами, а по окончании маневра сообщили о проблемах. Конечно, в течение тех двух или трех ночей по большей части именно «свои», пользуясь темнотой, в ночное время проходили по незаметному для условных «врагов» пути и оказывались в нескольких метрах от их окопов. Когда они кричали «Аллаху Акбар!», условный «враг» складывал оружие на землю и не открывал огонь.

Было принято решение в последний раз сходить в разведку. В этой разведке участвовал основной кадровый состав, прежде всего замкомандира батальона, ротные и взводные командиры. Перед выступлением Ахмад Карамали сказал: «Мы – батальон Абу-ль-Фазла. Нам нужно потренироваться в перенесении жажды».

Мы прошли несколько километров по Даште-Захаб в условиях 50-градусной жары вплоть до Бешгана и снова изучили маршрут движения батальона с помощью ребят из разведывательно-оперативной части. Когда мы вернулись, наши глотки так высохли от жажды, что аж

---

валось с батальоном «Хазрат-е Абольфазль». Во время операции «Кербела-5» он примкнул к нам и погиб смертью мученика в Шаламче (прим. авт.).

<sup>1</sup> Моталлеб Гейсари во время операции «Кербела-5» был командиром батальона «Гайс эбн Мосахер» и погиб еще на первом этапе операции (прим. авт.).

в груди пекло, а губы потрескались. Тем не менее никто из нас даже не прикоснулся к фляжке, исключительно из желания последовать примеру Абу-ль-Фазла<sup>2</sup>.

Постепенно величие и внушительность гигантской горы Бешган сделались в моем представлении чем-то незначительным. Я даже думал, что мы покорим этого великана сразу же после объявления командованием начала операции, но вместо этого из штаба командования бригады пришло письмо следующего содержания: «Командирам батальонов в течение трех часов явиться в штаб в Керманшахе и поручить командование батальонами своим заместителям».

Эйнали, Мостаджири, Читсаз, Торк, Омиди, Таджук смотрели мне вслед, а я вскоре уже глядел через окошко самолета на Нахаванд. В какой-то момент мое сердце будто бы покинуло небесную высь, я увидел себя дома, рядом с женой и тремя детьми.

Я уже три месяца не видел своего пятимесячного сына и не мог скрывать волнения и восторга, когда видел с неба наш дом. В такие моменты в моей памяти мгновенно выстраивался в шеренги батальон, и я понимал, что мои товарищи так же, как и я, месяцами находились вдали от дома и родного очага.

\*\*\*

Ближе к полудню мы прибыли в Урмию<sup>3</sup>. Командир бригады сказал: «Через один-два дня все 2000 бойцов

---

<sup>2</sup> Ахмад Карамали, один из командиров бригады, говорит: «Мы начали тренироваться в преодолении жажды во время маневров и многокилометровых походов в Далаху. Иногда в пути нам попадались родники с кристально прозрачной и прохладной водой. Ни один из нас тогда не сделал даже глотка» (Интервью с Ахмадом Карамали. Мешхед. 25.01.2014).

<sup>3</sup> Урмия (*перс.* Орумийе) – город на северо-западе Ирана, административный центр провинции Западный Азербайджан, расположенный на западном берегу озера Урмия (*прим. пер.*).

бригады единой колонной прибудут через Саре-Поле-Захаб в Нагаде<sup>1</sup>». Когда я вышел из самолета, прохладный весенний воздух Урмии щекотал мою кожу, привыкшую к раскаленной жаре Даште-Захаб<sup>2</sup>. Мы сели в вертолет и полетели на базу, которая находилась недалеко от зоны проведения операции.

Прибыв на базу в штаб Северо-Западного военного округа, мы сразу же попали на общее заседание, где командир 10-й дивизии «Сейед ош-шохада» проводил инструктаж вновь прибывшим подразделениям вроде нашего. Комдива звали Али Моваххед-Данеш; его лицо так сильно напоминало лицо Хасана Торка, заместителя командира нашей бригады по планово-оперативной работе, что я иногда смотрел на них обоих и думал о том, как же они похожи. Единственное, что отличало их друг от друга, – это отсутствие у командира дивизии «Сейед ош-шохада» одной руки.

Манера говорить и отношение к инструктажу у Али Моваххед-Данеша, как и в случае с хадж Эбрахимом Хемматом, показались мне настоящим чудом ораторского искусства. Это был молодой ксировец, одетый в зеленую форму, правый рукав которой был подвернут до локтя. Он не оканчивал никаких военных институтов, но опытные и образованные полковники армии, отучившиеся в зарубежных вузах, внимательно слушали его. По его тону было понятно, что не все были согласны с продолжением операции из-за проблем с маневрами отдельных частей.

---

<sup>1</sup> Нагаде – город в Иране, в провинции Западный Азербайджан. Расположен в 23 км к юго-востоку от озера Урмия (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Даште-Захаб – плодородная долина реки Захаб на северо-западе области Саре-Поле-Захаб в провинции Керманшах (*прим. пер.*).

Али Моваххед-Данеш настолько умело управлял царившей на заседании атмосферой и отвечал на вопросы командиров, что все получили убедительные доводы и обязались действовать так, как он предлагал. Он попросил хадж Хосейна Хамадани, чтобы один из батальонов «Ансар оль-Хосейн» был немедленно переправлен на вертолетах из гарнизона Джальдийан в зону операции и высажен на вершине Каду, а остальные батальоны должны были расположиться поблизости от иракской базы Хадж-Имран и ожидать приказа о продолжении второго этапа операции.

Бог нам помог, и колонна из 2000 бойцов бригады прошла через Саре-Поле-Захаб, не попав в иракскую заставу, и благополучно добралась до Нагаде. Всех разместили на территории стадиона. Для переброски на вертолетах на вершину Каду хадж Хосейн Хамадани выбрал мой батальон и спросил у меня, чтобы успокоить самого себя: «Мирза-Мохаммад, ты готов?». Я сказал: «С помощью Всевышнего, да»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Хадж Хосейн Хамадани, командир 32-й бригады «Ансар оль-Хосейн»: «Мы провели совещание с полковником Сайяд-Ширази и полковником Абшенасаном, представлявшими армию, и несколькими командирами ксировских подразделений по поводу продолжения операции “Вальфаджр-2”. Все переживали по поводу положения на стратегически важной высоте Каду. Каду возвышалась над всеми высотами этого района, словно орел, вцепившийся когтями в холку всем остальным высотам. Овладение Каду означало овладение всеми остальными высотами. Несмотря на огромное значение Каду, ни мы, ни неприятель все еще не смогли там закрепиться по причине крутых и скалистых склонов. Хотя лето уже подходило к концу, на некоторых участках этой горы все еще оставался прошлогодний снег, что означало, что каждому бойцу, который отправится на эту высоту, предстояло не только противостоять врагу, но и бороться с пронизывающим до костей холодом.

Было решено высадить на этой горе на вертолетах один из батальонов нашей бригады. В данных обстоятельствах я считал, что лучшим выбором будет батальон “Абольфазль”. Основная

Мы вместе с командирами приехали к стадиону Нагаде. Добрые и благочестивые жители Нагаде, как шииты, так и сунниты, курды и турки, принесли из домов все, что у них было, чтобы гостеприимно встретить нашу бригаду: хлеб, маринованные овощи, даже горячую еду и одежду. На тот момент никто за всю войну не видел, чтобы местные жители оказывали прием такому количеству бойцов.

Нам нужно было подготовить батальон к переброске в горы на вертолетах. Я сказал: «Это первое испытание для батальона «Хазрат-е Абольфазль». На отдельном заседании я собрал ротных и взводных командиров и провел для них инструктаж о ситуации вокруг горы Каду на основе того, что говорил Али Моваххед-Данеш.

Когда речь шла об овладении такой высокой и скалистой вершиной, как Каду, решающее значение имели даже мелкие детали. Хотя на первом этапе было освоено много вершин, вроде пограничных пиков Тамарчин, Гамтаре и Кинг, тем не менее по другую сторону от иракской базы Хадж-Имран, в 15 километрах от границы, оставалась незанятой вершина Каду. Нам следовало опередить иракцев и расположиться на горе раньше них. В этом случае левый фланг фронта операции «Вальфаджр-2» больше не подвергался бы угрозе со стороны этой стратегической высоты.

---

причина этого выбора заключалась в уникальных особенностях его командира Мирзы-Мохаммада Сольги. Он сочетал в себе все преимущества и совершенства: храбрость, упование на Аллаха, терпение, искренность, организаторские способности и набожность. Я сперва объявил в кругу командиров батальонов о том, что один батальон должен вызваться в качестве добровольцев для переброски на вертолетах на гору Каду. Командиры батальонов не сказали «нет», но и не сказали «да». Они промолчали. Только Мирза-Мохаммад Сольги сказал: «Я готов!» (Интервью с генералом Хамадани. Хамадан. 29.06.2014).

Для переброски на вертолетах нам нужно было ехать в гарнизон Джальдийан. Дорогу из Нагаде в Урмию разбито, а на командных высотах вдоль шоссе располагались силы контрреволюционной группировки «Комала» и Демократической партии<sup>1</sup>.

С нами были подразделения, обеспечивавшие безопасность на дороге, которые назывались ударными отрядами «Джондоллах»<sup>2</sup>. Они устанавливали в кузове пикапа «Тойота» пулемет ДШК<sup>3</sup> или пулемет 50-го калибра и шли впереди и в конце колонны нашего батальона. Я шел рядом с ребятами из расчета ДШК. Наша «Тойота» ехала впереди колонны. Стояла ночь, но все мое внимание было направлено на обочину дороги: не дай Бог попасть в этот час в засаду! Конечно, Бог оказал нам милость, и мы безо всяких происшествий добрались до гарнизона Джальдийан. Там нас уже ждал командир сухопутных войск армии полковник Сайяд-Ширази. Это был настолько искренний и свойский человек, что с самого прибытия добровольческих сил нашего батальона в гарнизон они с ним моментально сдружились, стали фотографироваться на память. Я был наслышан о нем еще со времен Саре-Поле-Захаб. Мне было известно, что он предан Иمامу<sup>4</sup>, а Имам благоволит ему, что он близок к КСИР и укрепляет сотрудничество между Корпусом и армией. Все эти обстоятельства наложились друг на друга, и я не мог не удостоиться

---

<sup>1</sup> «Комала» и Демократическая партия Иранского Курдистана – вооруженные коммунистические группы иранских курдов, которые участвовали в курдском восстании против Исламской республики в 1979 г. и впоследствии действовали в основном на территории Иракского Курдистана (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Не путать с ваххабитской террористической группой «Джундалла», действующей на территории иранской провинции Систан и Белуджистан (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> ДШК – советский станковый крупнокалиберный пулемет.

<sup>4</sup> Имам Хомейни (*прим. пер.*).

чести знакомства с таким человеком. Я представился, и с этого момента началось наше знакомство и искреннее общение. Он спросил: «Брат Сольги, насколько вы готовы к ожесточенным и долгим боям?».

Я сказал: «На все сто процентов».

Мой заместитель Ахмад Карамали стоял рядом. Он знал, что у нас много проблем с амуницией и снабжением, поэтому потянул меня за рукав и сказал: «Скажи хотя бы семьдесят процентов. Может, они решат часть проблем со снабжением».

Я сказал: «В боевом духе и вере бойцов батальона “Абольфазль” я не сомневаюсь. Готовность – это в первую очередь моральная готовность и идеологическая мотивация. Все остальные дела являются второстепенными по сравнению с этим главным вопросом».

Спустя несколько минут на территории гарнизона приземлились несколько вертолетов «Чинук»<sup>1</sup>. По приказу полковника Сайяд-Ширази каждый из них принял на борт по 50 человек, и мы взмыли в воздух.

Было понятно, что после переброски первых групп бойцов вертолетам надо будет вернуться в гарнизон и доставить на подступы к вершине Каду оставшихся бойцов батальона «Абольфазль».

Было принято решение, что командир нашей бригады хадж Хосейн Хамадани, полковник Сайяд-Ширази и полковник Абшенасан вместе со мной полетят к подножию горы на командирском вертолете. Мы пробыли в воздухе менее четверти часа и приземлились под высотой, вершина которой устремлялась далеко в небо. Чуть дальше оперативно высаживались наши бойцы, а вертолеты возвращались на базу. Мы пошли за разведчиками

---

<sup>1</sup> CH-47 «Чинук» – американский тяжелый военно-транспортный вертолет (*прим. пер.*).

из разведчасти, пройдя ночью через скалы весь путь до самой вершины<sup>1, 2</sup>.

Я был рад, что мы добрались до вершины раньше иракцев, да еще и без боев. Но я не знал, что нам с первого шага придется бороться с леденящим холодом, преждевременно наступившим в самый разгар лета, в августе.

---

<sup>1</sup> Хадж Хосейн Хамадани, командир 32-й бригады «Ансар оль-Хосейн»: «На закате мы высадились у подножия горы на “двести четырнадцатом” (многоцелевой вертолет Bell 214ST Super Transport – прим. пер.). В это же самое время шла переброска бойцов батальона Сольги на вертолетах “Чинук”. Честно говоря, чтобы подняться на вершину Каду, нужно было иметь ту еще смелость. В тогдашних условиях, в ту холодную пору, в полной темноте и в зоне непосредственной досягаемости вражеского огня, Сольги вместе со своими бойцами без всякого возмущения или жалоб поднялись на вершину. У них не было даже самого элементарного снаряжения. Мы с Сайяд-Ширази и Абшенасаном – все трое – были в куртках, но у нас зубы сводило от холода. Не каждому было дано справиться с 400 бойцами на вершине горы в таких условиях. Однако, поскольку Мирза-Мохаммад был человеком дела, его бойцы самоотверженно шли за ним. В 8 часов вечера мы их покинули, а Сольги с бойцами еще несколько суток оставались наверху. Кожа у них от холода почернела. Я иногда спрашивал у Сольги по рации: “Ну как вы там?”. Он отвечал односложно: “Все хорошо”. Мне было понятно, что он со своим батальоном справится и с вражеским огнем, и с холодами Каду» (Интервью с генералом Хосейном Хамадани. Хамадан. 29.06.2014).

<sup>2</sup> Хадж Хосейн Хамадани, командир 32-й бригады «Ансар оль-Хосейн»: «Следующим утром нам было холодно, хотя мы уже спустились с горы. Я даже не знаю, что стало той ночью с Сольги и его батальоном. Я узнавал о том, что происходит на вершине Каду, через начальника своего штаба Мехди Бадами. Он говорил: “У хадж Мирзы не было ни земельных мешков, ни лопат, ни кирок, а он вообще не жаловался. На вершине Каду вообще нет земли, чтобы рыть там окопы. Он до самого утра караулил ребят, был все время вместе с ними. Он не командовал ими, а заботился о них, как отец. Он относился к бойцам с нежностью, всегда был в хорошем настроении и искренен с ними. Он и сейчас такой же. Если в истории войны захотят написать о взятии вершины Каду во время операции “Вальфаджр-2”, пусть запишут имя ее завоевателя – Мирза-Мохаммад Сольги. На мой взгляд как его командира, он справился с задачей на отлично» (Интервью с генералом Хосейном Хамадани. Хамадан. 29.06.2014).



Ребята быстро организовались и стали рыть между скал окопы. Вертолеты вернулись и высадили оставшуюся часть бойцов. Я осмотрелся. На другой стороне горы зияла пропасть. Наверняка баасисты не смогли подняться по ее крутому склону.

Еще дальше располагались высокие вершины под названием Калле-Асби<sup>1</sup>, высотой 2519 метров, и Калле-Ганди<sup>2</sup>, которые протянулись до самого шоссе и образовывали ущелье под названием Дарбанд. По другую сторону от шоссе еще одна цепочка высоких вершин составляла правый фланг этого ущелья, и все эти высоты предстояло занять в ходе операции вновь прибывшим подразделениям.

Утром следующего дня вокруг вершины прозвучали взрывы снарядов вражеской артиллерии, демонстрируя, что иракцы знают о нашем присутствии. Постепенно артиллерийский и минометный огонь все больше сосредоточивался на вершине. В полдень нас обстреляли ракетами с вертолета, а со следующего дня мы уже были единственной целью, которая регулярно подвергалась бомбежкам в зоне операции «Вальфаджр-2». Все это лишь подтверждало, что мы опередили неприятеля, заняв стратегическую высоту Каду.

Еще три дня никаких признаков вражеской пехоты не было. Нам приходилось лишь пристально вглядываться в небо, не пустили ли по нам ракету или не сбросили бомбу. В таком случае ребята прятались между скал или за камнями. Иногда вертолеты пролетали так близко, что их можно было сбивать из гранатометов. В следующие несколько дней два вертолета были поражены реактивными снарядами из РПГ и упали на дно горного ущелья.

Я обходил бойцов от одной скалы к другой. Под знаменем батальона «Абольфазль» были бойцы разных воз-

---

<sup>1</sup> Лошадиная голова (перс.) (прим. пер.).

<sup>2</sup> Сахарная голова (перс.) (прим. пер.).

растов – от 13-летнего подростка до 70-летних стариков, которые справлялись с трудностями походных условий благодаря силе их любви. Тогда мне не приходилось слышать, чтобы кто-то говорил о 30-процентной нехватке снабжения, по большей части теплой одежды, воды, еды и боеприпасов<sup>1</sup>.

Через несколько дней снабженцы бригады доставили нам немного теплой одежды и курток. Однако кожа на лицах у нас уже успела почти почернеть от холода.

Каждый из нас смотрел на другого и будто бы видел в нем свое отражение, понимая, что сотворил холод с его внешностью.

Иногда командиры с трудом все-таки добирались до нашего батальона и узнавали о нашем положении. Одним из тех, кто наведалься к нам и понял, что нам придется терпеть там наверху, был Реза Заргяри<sup>2</sup>.

На четвертый день бомбардировки стали такими сильными, что я тоже не мог выйти из окопа. После од-

---

<sup>1</sup> Асадолла Шахбази, один из добровольцев батальона, впоследствии попал в плен и рассказывает: «Я был в одном окопе с 13-летним бойцом, который под вражескими бомбежками устроил себе нишу для совершения намаза. Иногда мне было жалко будить его посреди ночи для смены часовых. Утром, вставая на утренний намаз, он жаловался, почему я не разбудил его для караула. Он в основном напирал на то, что в батальоне, которым командует брат Сольги, бояться не имеет смысла» (Интервью с Асадоллой Шахбази. Нахаванд. 26.11.2013).

<sup>2</sup> Реза Заргяри был одним из основателей штаба КСИР в Нахаванде и командиром батальона «Йасер» во время дополнительных операций «Мослем эбн Агиль» и «Зейн оль-абедин». Он был направлен на высоту Каду планово-оперативным подразделением и следующим образом описывает положение батальона «Абольфазль»: «Увидев хадж Мирзу, я пришел в ужас от того, что кожа у него на лице слезла от холода, но он был настолько весел и в хорошем расположении духа, что я по-хорошему завидовал его положению. Он был занят подготовкой своих солдат к столкновению с врагом» (Интервью с генералом Резой Заргяри. Мешхед. 26.01.2014).

ной бомбежки боец-басидж по имени Манучехр Афсахи подошел ко мне. От его автомата Калашникова остался один ствол.

Он с нескрываемой надеждой сказал:

– Хаджи, мне нужно новое оружие.

– А где твой «калаш»? – спросил я.

– Когда стали падать бомбы, я поставил оружие вертикально над головой и лег на землю. Его задело осколком бомбы, и вот теперь оно стало таким, как видишь.

Он знал, что враги пока не могут подняться на гору, а потому было решено, что наша спецгруппа спустится с горы и выбьет их с их места дислокации, которое располагалось под вершиной. Именно для этого Афсахи и нужно было новое оружие.

Я организовал специальный взвод и описал им маршрут, по которому они должны были спуститься с горы. Большинство бойцов были вооружены ручными гранатомерами, которые там оказались очень кстати.

\*\*\*

Манучехру Афсахи было не больше пятнадцати<sup>1</sup>. Он умолял меня разрешить ему пойти вместе со спецгруппой. Он был еще мелкого телосложения, под стать своему возрасту. Я подумал: если он спустится с группой, то попадет в плен, а там ему придется очень непросто. Я не согласился, как он ни упрашивал. Он заклинал меня, но я все равно не давал согласия и привел ему свои аргументы. Он крепко взял меня за руку, его ладони, несмотря на стужу, были горячими. Я даже слышал, как стучало его сердце. Все это было от горячего желания пойти с группой. Тогда я разрешил ему идти в составе спецгруппы.

---

<sup>1</sup> В настоящее время (2013 г.) Манучехр Афсахи работает в Управлении организации радио- и телевидения провинции Хамдан (прим. авт.).

Спецгруппа из двух взводов по 9 человек в каждом стала спускаться вниз с двух сторон горы. К нам также прикомандировали целую роту арабоязычных иракских моджахедов, и теперь на высоте было столько бойцов, что я мог сам спуститься со спецгруппой и руководить ею<sup>1</sup>.

Мы спустились по уступам и камням до того места, где в долине в зоне нашей досягаемости оказались вражеские окопы и танки. Я был уверен, что все в нашем добровольческом отряде готовы к мученической смерти, но не хотел оставлять у подножия горы ни одного раненого. Мы расположились за каменной плитой и первым делом начали с танков.

Когда два или три танка взорвались, баасисты только проснулись. Мы выбрали это место в качестве засады для обеспечения нашего контроля над вершиной Каду.

Хейдар Сохраби с несколькими бойцами остался там, а мы вернулись обратно без каких-либо потерь. На следующий день ребята уже спорили о том, кто первым пойдет в нашу засаду перед вершиной. По ночам они выдвигались вперед и атаковали из укрытия иракских солдат и танки из стрелкового оружия. Конечно, из-за крутизны подъема на высоту случалось, что во время спуска или по пути назад в укрытие бойцы срывались и падали в ущелье.

---

<sup>1</sup> Хасан Бахрамния, который во время следующей операции стал заместителем командира батальона Мирзы-Мохаммада Сольги, рассказывает о диверсионной группе, задействованной в этой ограниченной операции: «Когда хадж Мирза вышел вперед, в бойцов нашего отряда будто бы вдохнули новую жизнь. Он спустился с горы, как скалолаз, а остальные шли за ним. Все знали, что в сердце этого человека нет места даже малой толике страха. Перед операцией он сказал мне: “Я толком грамоте не выучился. Хочу написать завещание. Я буду говорить, а ты пиши”. В этом его поступке не было даже намека на двуличие. Это был совершенно искренний поступок. Я получал удовольствие от той близости к Аллаху, которую я чувствовал в его словах» (Интервью с Хасаном Бахрамния. Хамадан. 28.11.2013).

По приказу полковника Сайяд-Ширази военные привезли нам и поставили на вершине Каду двухствольную зенитную пушку. Рядом с нашими ребятами разместился артиллерийский расчет, вооруженный портативными ракетными установками «Саханд-3», который практически сразу после своего размещения сбил иракский «МиГ»<sup>1</sup>. Самолет врезался в гору и взорвался. Вдруг я увидел, как один боец в одиночку спускается с горы с противотанковым гранатометом на плече, а рядом с ним нет спутника. Я побежал за ним и спросил: «Ты куда собрался? Где твой напарник?».

Он проявил безалаберность, но смелости у него было хоть отбавляй. Боец хладнокровно ответил: «Он испугался и не выходит».

Я пошел за напарником, спрятавшимся между камней, чтобы поговорить с ним. Гранатометчик уже спустился с горы. Я закричал на напарника: «Эй негодяй, фронт – не место для трусов!». Он быстро нашел, что ответить, и по-тюркски сказал: «Сяня ня!»<sup>2</sup>. Я рассердился и сказал ему пару крепких слов, а он направил на меня оружие. Я сказал: «Стреляй! Мы пришли умереть! Стреляй же!».

Кто-то из ребят прибежал на крик. Он понял, что тюркоязычный солдат<sup>3</sup> не узнал меня, и крикнул ему: «Ты на кого оружие направил? На командира батальона?».

Тот моментально побледнел и стал извиняться. Я сказал: «Никогда не оставляй своего друга одного».

---

<sup>1</sup> МиГ-23 – советский многоцелевой истребитель третьего поколения, который производился в 1969–1985 гг. (прим. пер.).

<sup>2</sup> «Тебе что?», «Тебе какое дело?» (азерб.).

<sup>3</sup> Почти все бойцы батальона «Хазрат-е Абольфазль» говорили на лурском языке и были выходцами из Нахаванда. Во время этой операции в распоряжении КСИР оказалось много бойцов из разных областей провинции Хамадан (прим. авт.).

Он собрался идти, как вдруг раздался звук выстрела из РПГ. Я увидел сверху, как его товарищ в полном одиночестве спустился с горы по отвесному склону с уклоном в 80 градусов, выпустил три или четыре ракеты по танкам и вернулся назад. Этот поступок был своего рода неподчинением, и хотя мне нравились решительные ребята, я не одобрял такого своеволия.

Ночью я зашел к нему в окоп и сказал: «Ты не соблюдаешь принципы ведения боя, прежде всего, правила маскировки». Он сказал: «Давай с тобой выпьем чаю, и я тебе расскажу о маскировке». Он выложил остатки фасоли из консервной банки, налил в нее воду, а затем с помощью пороха от боеприпасов разогрел в этой банке блестящую от жирных разводов воду, бросил в нее пару пакетиков чая и сказал: «Пожалуйста!».

Я не взял, и он закурил сигарету. Я вышел из себя и сказал: «Я тебе говорю, соблюдай правила маскировки, а ты закурил сигарету, да еще и в такой темноте?!».

Он набросил на голову одеяло и сказал: «А вот и маскировка».

Под тем одеялом он пил чай и курил сигарету<sup>1</sup>.

Когда до начала второго этапа операции «Вальфаджр-2» оставалось две ночи, ко мне пришел хадж Мохсен Омиди. Мы с ним хорошо побеседовали, попрощались, и он ушел.

\*\*\*

Ночью 6 августа 1983 г. три батальона бригады атаковали две вершины – Калле-Ганди и Калле-Асби. Хотя только на нашем направлении нам противостояли тан-

---

<sup>1</sup> Его звали Махмуд Шираванд. Он и вправду сражался, словно лев (перс. «шир» – «лев» – прим. пер.). Он работал учителем в Нахаванде, но оставил школу, присоединился к батальону «Абольфазль» и был опорой для своих боевых товарищей во всех операциях. В 1986 г. на острове Маджнун его тело было изрешечено вражеским огнем и найдено только 7 лет спустя (прим. авт.).

ки, перед другими батальонами стояли более трудные задачи по противодействию врагу.

В ту ночь, как только батальоны выдвинулись к вершинам Калле-Ганди и Калле-Асби, светящиеся полосы трассирующих пуль, летящих с обеих сторон, показали, что врага не удалось застать врасплох и ребята наверняка понесут тяжелые потери при взятии этих двух горных вершин.

Одновременно другие дивизии на своих направлениях также начали бой, и весь фронт стал сплошной зоной огня.

Когда настало утро, я из переговоров по рации понял, что, несмотря на всю предупредительность врага, ребята взяли высоты Калле-Ганди и Калле-Асби, а на правой линии атаки пали высоты в районе шоссе, из-за чего баасистам пришлось отступить в тыл через ущелье Дарбанд.

Было много погибших и раненых из Нахаванда, в особенности в батальоне «Хорр эбн Рийахи» (156) под командованием Мохсена Омиди. Несмотря на это, он сумел той же ночью выполнить свою боевую задачу.

После операции я посетил занятые высоты. Взятие этих вершин поистине было знаком Божьей помощи. Я слышал, что Мохсен вместе со своим батальоном оказались под сокрушительным вражеским огнем. Я спросил: «Мохсен, что там произошло?».

Он сказал: «Когда колонна батальона выдвинулась вперед, враг никак не отреагировал. Они поняли, что мы здесь, а мы не знали. Как только подошли к ним ближе, на нас сразу со всех сторон обрушился шквальный огонь. Ребята, все без исключения, попадали наземь. Грудью и лицом вдавились в землю. Никто и шелохнуться не мог. Я думал, что их теперь не то что приказом, а краном от земли не оторвешь. Все будто бы ждали, пока встанет другой. Я понял: если сам не поднимусь, никто не под-

нимется. В какой-то момент мне в голову пришли слова Имама Али: «Вручи свою голову Аллаху».

Вот я и вручил свою голову Аллаху. Бог знает, какая сила и мощь возникла у меня в ногах, но передо мной будто бы не было никаких преград. Я произнес зикр и побежал в атаку на врага, а позади меня вставали с земли ребята батальона».

Когда Мохсен Омиди рассказывал о бое, я наслаждался его словами и по-хорошему завидовал ему. Мне хотелось бы стать таким же, как Омиди. Когда на фронте стало спокойнее, я поехал домой в увольнение. Увидев мое облущенное лицо, мама сказала: «Пока ты был на фронте, я видела во сне, как твое лицо обгорело, словно у крестьянина»<sup>1</sup>.

Жена была очень рада, что я вернулся живой. Она знала, что бойцы КСИР, если возвращаются в город группой, остаются в городе надолго, потому что ездят на фронт по очереди, сменами. Это правило называлось «две пятых», что означало, что две пятых личного состава Корпуса должны всегда находиться на фронте, а остальные – нести службу в городах и тылу. Она спросила:

– Ты хочешь снова вернуться на фронт?!

– Да, а что такого?

– Соседи говорят, что их мужья ездят на фронт по-сменно. Разве вы не можете ездить, как все, по...

Я не позволил ей договорить до конца. При всей моей любви и привязанности к ней и троим нашим маленьким детям, я сказал: «Если мы хотим жить вместе, тебе нужно больше не говорить ни слова о том, чтобы я не ехал на фронт. Клянусь Абу-ль-Фазлом, я не променяю фронт ни на кого на свете».

---

<sup>1</sup> Моя мать видела удивительные сны, которые оказывались вещими. Во сне она узнавала о многих событиях до того, как они происходили наяву. Например, она сообщила мне о гибели брата моей жены Амира до того, как он погиб.



Моя супруга знала: если луры клянутся Абу-ль-Фазлом, это значит, что они сказали свое последнее слово. Я сказал: «Если станет тяжелее, вы с детьми должны тоже помогать фронту. Разве Имам Хусейн не пожертвовал своей семьей на пути возрождения религии своего деда? Вы должны быть готовы к тому, что меня могут ранить, взять в плен или убить».

Когда я говорил что-нибудь о гибели в бою, она начинала плакать и не хотела, чтобы я продолжал ездить на фронт.

## Глава 4

### БАТАЛЬОН ВОДОНОСОВ

Нас было четыре брата, и мы все одновременно пошли на фронт. Вместе с нами на фронте были мой дядя и пятеро его сыновей. Не сомневаюсь, если бы *каке* был жив, то и он пошел бы на фронт.

Один из моих братьев, Мохаммад-Карим, поехал в Курдистан. Старший брат Азиз-Мохаммад служил в подразделении боевого обеспечения нашей бригады, а младший брат Шир-Мохаммад – в карауле противотанкового стрелкового батальона.

Наш батальон и батальон Мохсена Омиди разбили палатки за гарнизоном «Абузар», посреди ущелья, которое казалось нам безопасным местом. Это место получило название «Лагерь мученика Хадж-Бабаи», и было принято решение, что мы останемся здесь для учений и маневров, пока не прибудет весь состав батальонов.

Под самым гребнем скалы было место, похожее на высоты Бешган, где мы не проводили операцию. Я предположил, что оно было выбрано для размещения батальонов из соображений подготовки к операции на высотах Бешган.

Бойцы из разведывательно-оперативной части несколькими мобильными группами как раз отправились в Бешган, но на заседании командования бригады мы поняли, что операцию планируется провести в другом месте, рядом с Мехраном, которое называлось Чангуле.

Батальоны были быстро укомплектованы басиджами, пасдарами и кадровыми ксировцами, и вместе с другими командирами батальонов мы вышли в Чангуле, чтобы осмотреть зону операции.

Чангуле находилась на трассе из Мехрана в Дехлоран на расстоянии 10 километров от Мехрана. Эта была заброшенная, затерявшаяся среди множества холмов и расположенная меж двух горных речек деревушка, в которой уже никто не жил. Эти похожие друг на друга холмы несколько усложняли возможность разведки позиций врага.

Сначала мы направились по высокому холму, который представлял собой точку обзора местности и назывался Герех-Шир. Здесь располагалась первая линия нашей обороны, и батальонам нужно было пересечь эту линию, чтобы по вершинам этих самых холмов, ничем не отличавшихся друг от друга, добраться до передовой линии иракцев, которые дислоцировались на цепочке соединенных между собой высот под названием Кухе-Тунель.

Кухе-Тунель, словно некий водораздел, отделяла нас от границы с Ираком, и если бы эта высота перешла под наш контроль, то мы овладели бы асфальтированным шоссе вдоль границы Ирака, которое служило основной магистралью для коммуникаций между средним и южным участками фронта. Осень уже подходила к концу, погода стояла прохладная и дождливая, и мы отправились с двумя разведчиками из разведывательно-оперативной части в нашу первую разведывательную вылазку. Одного из них звали Айат Такаллу<sup>1</sup>, а имя другого я уже не помню.

Одновременно с нами с высоты Герех-Шир вышли еще три разведгруппы. Эти три группы вели командиров остальных батальонов: Мохсена Омиди, Мохсена Эйна-

---

<sup>1</sup> Айат Такаллу был из области Мелайер и служил следопытом в батальоне «Хазрат-е Абольфазль». Он вышел в отставку после долгих лет службы в КСИР (прим. авт.).

ли и Хасана Таджука – в направлении тактических целей их боевых подразделений. В первую ночь мы прошли только до подножия высоты Тунель и вернулись обратно. Однако через несколько дней мы нашли оптимальный путь и решили, что батальоны Омиди и Эйнали продолжат разведку местности по этому маршруту.

Маршрут проходил через траншеи, где враг не мог нас видеть, по середине горы Тунель и вел на другую сторону горы, то есть в самый тыл врага. Этот проход нашли разведчики батальона «Гасем эбн аль-Хасан», и если бы до наступления ночи он не был обнаружен противником, мы могли бы бросить в тыл врага по этому протянувшемуся вдоль холмов коридору как минимум 1000 бойцов.

Во время следующих вылазок с разведчиками, Омиди и Эйнали мы доходили уже до основания горы Тунель и, пройдя передовую линию обороны врага, то есть через высоты Тунель, поворачивали каждый в свою сторону: я с двумя разведчиками шел направо, Мохсен Эйнали – прямо, до шоссе, а Мохсен Омиди двигался в противоположном моему направлению, то есть налево.

Сначала, исходя из логических соображений, не верилось, что мы сможем вывести три батальона прямо в тыл врагу и напасть на их первую линию с тыла. Дело усложняло еще и то, что его выполнение ложилось на плечи не только наших батальонов.

Слева от нас была еще одна высота, которую должен был занять батальон «Хазрат-е Али Акбар», который присоединили к бригаде «Мослем эбн Агиль», состоявшей из бойцов Гилангарба<sup>1</sup>. То же самое должны были сделать и с нами, присоединив нас к бригаде «Наби-йе Акрам» из Керманшаха. Они должны были действовать на холме под названием Аббасе-Азим.

---

<sup>1</sup> Гилангарб – город на западе Ирана, в провинции Керманшах (прим. пер.).

Аббасе-Азим находился чуть ближе горы Тунель, и если бы эта высота не пала, то наш правый фланг, а если выразаться точнее, наш тыл оставался бы в распоряжении неприятеля.

Я понял это во время совместных совещаний с Асадоллой Насехом, командиром бригады «Наби-йе Акрам», и Аббасом Мохтаджем, командиром Западного участка и начальником оперативного штаба, и еще больше осознал всю щекотливость ситуации.

После разведки было уже несложно зайти врагу в тыл. Я сразу же принял решение пройти в тыл первой линии вражеской обороны и дойти до шоссе. Нашей целью было найти маршруты, по которым иракцы осуществляли снабжение своих частей в горах со стороны шоссе.

Пройдя по общему коридору, мы вышли к минному полю с целой кучей проволочных заграждений. Разведчики пошли вперед, расчистили одно место, и мы двинулись прямо рядом с вражескими окопами вниз по горе. Нам пришлось считать шаги с помощью четок, чтобы запомнить, на сколько шагов и под каким углом мы отдалились от первой линии обороны неприятеля.

Было уже около двух или трех часов ночи. Эйнали с двумя разведчиками пошли напрямик к шоссе. Омиди со своей разведгруппой двинулся влево, а я с еще двумя ребятами пошел направо. Мы договорились, что за полчаса до восхода солнца все три группы вернутся в исходную точку. Такалду был изобретательным и педантичным, но в то же время смелым и решительным. Он двинулся в путь, и мы зашли так глубоко в тыл, что прошли рядом с их 120-миллиметровыми минометами и вражескими «мини-катюшами»<sup>1</sup>, когда они вели огонь по нашим позициям. Нам нужно было выйти к шоссе. Мы продолжали путь, пока я не зацепился

---

<sup>1</sup> Принятое среди иранских солдат обозначение Тип-63 – 12-ствольной 107-миллиметровой буксируемой реактивной системы залпового огня (*прим. пер.*).

ногой за черный провод. Это был полевой телефонный кабель, а значит, иракцы связываются из тыла с передовой по обычному дисковому телефону. Этот кабель послужил нам хорошим ориентиром, вдоль которого мы шли, пока не добрались до места, где грунтовая дорога переходит в асфальтированное шоссе. Там располагалась комендатура тыловой части.

Мы оставили одного из разведчиков позади, а сами подошли с Такаллу к комендатуре. Возле будки часового кто-то звал громким голосом: «Джасим! Джасим!».

Мы легли у обочины дороги, подумав, что нас увидели. Иракский часовой светил ручным фонариком направо и налево в 10–15 метрах от нас. Мы прикрыли головы руками. Если бы он нас увидел и мы попали в плен, операция была бы раскрыта. Мы оба оставили свое оружие с третьим человеком позади. У меня была с собой граната, но я телом и душой чувствовал, что у меня нет другого средства, кроме молитвы. Губы Такаллу также медленно шевелились.

Я вспомнил, как командир штаба Аббас Мохтадж на последнем совещании сказал: «Операция в Чангуле направлена на отвлечение врага. Основная крупная операция будет проходить в районе Хура и на островах Маджнун».

В какой-то миг я ощутил, что, попав в плен, мы понесем ответственность за кровь всех ребят, которые погибли в ходе операции. Моя рука потянулась к чеке гранаты, и я приготовился ее сорвать. Часовой подошел ближе. Мы не боялись, но мое сердце так бешено колотилось, что грудь наверняка вздымалась и опускалась. Иракец вернулся, подошел его товарищ Джасим и сдал ему пост. Тогда мы спокойно вздохнули.

Мы вернулись назад по той же дороге, по которой пришли, но ни Эйнали, ни Омиди не пришли в назначенное время<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> После разведки мы рассказывали друг другу о случившемся с нами. Удивительно, но все три группы попали в ту ночь в по-

Когда мы пришли к своему рубежу, к Такаллу вернулся дар речи, и он заговорил: «Клянусь Аббасом, я так много читал стихов из Корана, что у меня все слова спутались». В ту ночь я вдоволь насмеялся, и мы вернулись с ценной развединформацией.

\*\*\*

Мы доложили о результатах разведки командиру бригады и всем командирам нашего участка. Хадж Хосейн Хамадани попросил командиров батальонов и других боевых частей, чтобы перед рапортом они обязательно читали какой-нибудь аят или хадис, отмечали важные и существенные моменты, не вдаваясь в лишние детали.

Мне помнится, как каждый читал аят или хадис. Начальник снабжения бригады Махмуд Алиюн прочитал суру «Хамд»<sup>1</sup>. Он всегда читал эту суру и говорил: «Я знаю только эту суру, и если мы будем соблюдать хотя бы ее одну, то нам будет этого достаточно». Он был весьма прав.

В тот день была очередь Али Читсазийана, начальника разведывательно-оперативной части. Он со своими бойцами каждую ночь по 45 дней кряду выходил в разведку. Они очень хорошо изучили все изгибы и неровности дороги, а также расположение сил противника. Али прочитал суру «Вальаср»<sup>2</sup> и произнес лишь одну фразу с отчетливым хамаданским выговором: «Мы на этом фронте имеем дело с горсткой хилых иракцев. У нас есть даже данные о количестве кур и петухов в их окопах».

---

хожие ситуации. Однако Господь не дал баасистам нас увидеть (прим. авт.).

<sup>1</sup> «Хамд» (араб. «слава») – другое название суры «Аль-Фатиха» («Открывающая») (прим. пер.).

<sup>2</sup> «Вальаср» (араб. «клянусь предвечерним временем») – первая фраза 103-й суры Корана (прим. пер.).

Али говорил правду. Вражеские позиции контролировались пограничными войсками, и в плане имевшейся у иракцев бронетехники и боевых частей, которые нам удалось разведать, их можно было даже не брать в расчет. Однако командир бригады сказал, что в любом случае нельзя недооценивать врага.

Мы вернулись в военный лагерь Хадж-Бабаи. Басиджи знали, что мое затянувшееся на несколько дней отсутствие имело под собой какие-то причины. Они хитростью пытались во что бы то ни стало выведать у меня, в какой район я ездил в эти дни и где будет разворачиваться операция.

Некоторые во время езды на нашей «Тойоте» втихаря записали пробег, а когда я приехал, заглядывали в салон машины, пытаясь понять, на сколько километров от Сарре-Поле-Захаб я отъехал, и по пройденному расстоянию хотели угадать, где будет проходить предстоящая операция.

Конечно, любопытство ребят было продиктовано желанием лучше справиться со своими обязанностями. Большинство басиджей устали от боев на оборонительных рубежах и хотели участвовать в операции. Обычные условия на фронте, до операции, тяготили их и угнетали.

Во время своих лекций я говорил этим басиджам, что мы серьезно проигрываем врагу с точки зрения оснащения. Огневая мощь нашей артиллерии и авиации не идет ни в какое сравнение с иракской. Наше преимущество состоит только и единственно в вере и мужестве.

Несмотря на моральную и духовную готовность, ежедневные боевые учения и разведывательные вылазки в самую глубь вражеских позиций продолжались, и все было готово к началу операции.

Планировалось, что мы совершим последний учебный маневр в районе, располагавшемся за фронтом в окрестностях Гилангарба, на высотах, напоминавших



район операции в Чангуле. Во время маневров в Гилангарбе была полностью воспроизведена операция вместе со стрельбой и наступлением, чтобы бойцы почувствовали себя в районе боевых действий, привыкли слышать оглушительные взрывы и хорошо справились с занятием условных вражеских высот в ночное время.

За три дня до операции я выдергивал всех командиров вплоть до уровня командиров рот и взводов и проводил с ними по согласованию с начальником участка фронта и ребятами из разведывательно-оперативной части инструктаж, отводил их с ознакомительной целью на наблюдательный пункт на линии и объяснял взводным и ротным маршрут, который мы определили в качестве прохода в ходе разведки, показывая его на карте и на местности.

\*\*\*

Во время последнего совещания командования бригады командиры батальонов друг за другом подали окончательные рапорты о состоянии личного состава, уровне подготовки и зонах их маневров. Все было готово к операции. Территория, которую предстояло занять нашей бригаде, была разделена на два направления – правое и левое, за которые отвечали, соответственно, Хасан Торк и Саид Эсламийан.

Я был рад еще раз поработать вместе с Хасаном Торком. Хасан сказал: «Нам, возможно, впервые придется повести такое количество бойцов в тыл врага и ударить по нему сзади. Поэтому, чтобы во время движения, когда мы будем связываться по рации, враг не засек сигнал и не прослушивал наши переговоры, нам придется пользоваться обычным дисковым телефоном. Использование проводной связи позволит нам говорить без кодов и паролей».

Затем Хасан продолжил: «С правой стороны от нас есть один парень по фамилии Талеби, который командует

одним из батальонов бригады «Наби-йе Акрам»<sup>1</sup>. Между вашим батальоном и батальоном Талеби не должно быть никаких зазоров. Вы должны добиться полного соединения сил. Иначе враг сможет легко обойти нас сзади».

Вернувшись с совещания командного состава бригады, мы провели совещания с командирами частей своих батальонов. Я снова обсудил с ними те вопросы, которые мы рассмотрели на совещании командования бригады. В тот же день на фронт приехал из Мелайера аятолла хадж-ага Реза Фазелиян. Его появление, как всегда, наполнило ряды бойцов ароматом и благоуханием духовности и молитвы. Начался «праздник хны»<sup>2</sup>. На весь батальон было достаточно трех или четырех пакетов хны. Словно женихи на свадьбе, мы оставляли следы этого райского благовоения после одной операции до начала следующей на наших ладонях, пока «праздник хны» не стал духовной традицией батальона «Хазрат-е Аболь-фазль» и многих других батальонов на фронте.

После наложения хны басиджи обнимали друг друга и просили друг у друга прощения.

В таких условиях всех охватывало особое состояние между страхом и надеждой. Была надежда на возвращение после операции, но страстное желание погибнуть смертью мученика и стать заступником за других пере-

---

<sup>1</sup> Это был один из выдающихся бойцов и ветеранов Священной обороны, который в настоящее время (2013 г.) живет в Керманшахе (прим. авт.).

<sup>2</sup> Праздник хны (перс. ханабандан) – свадебный обычай целого ряда народов Ближнего Востока, у которых принято окрашивать хной руки, ноги и другие части тела невесты или жениха перед обрядом бракосочетания. Этот обычай связан с верой в особую райскую благодать хны. Во время Ирано-иракской войны эта традиция получила новое переосмысление среди бойцов Басиджа и стала одним из их ритуалов, неизменно сопровождавших подготовку к важным боевым операциям и символизировавших готовность к встрече с Создателем (прим. пер.).

вешивало ее. Эти духовные приготовления дополняла приверженность благословенному имени Достопочтенного Аббаса и испрашивание духовной помощи у этого святого, представавшего перед нами в облике водоноса с отрубленными руками.

Когда опустилась тьма, после намаза я выступил с лекцией, а затем хадж Садег Ахангаран исполнил траурное песнопение, и ребята подхватили:

О войско Повелителя Времени, готовься, готовься!  
К безжалостной схватке готовься, готовься!  
Ради победы повяжи повязку храбрости на голове.  
Ради встречи с Богом тело очисти свое...

Эти напевы так полюбились ребятам, что каждая минута такого пения была для них подобна целому часу. Автобусы выстроились рядами, чтобы забрать бойцов и отвезти в Чангуле. Как только мы выехали оттуда, возможности попрощаться друг с другом у них уже не было.

Ощущая бремя ответственности, я внимательно проверял оружие и снаряжение своих ребят. То же проделывали командиры рот и взводов. Я даже не думал о том, что с некоторыми из них, с кем мы уже давно стали друг другу братьями и даже ближе, я расставался навсегда. Пока я провожал Хадж Садега Ахангарана, кто-то хлопнул меня ладонью по спине. Я сдвинулся с места. Было темно, и я не понял, кто это был. Я лишь увидел, что он отошел от меня уже достаточно далеко. Потом я слышал, что это был Ахмад Моулави. Он хотел со мной попрощаться, хотя это я должен был его искать, а не он меня<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Мехди Зафари, один из заместителей командира роты, наблюдал за этой сценой. Он рассказывает: «Между хадж Мирзой и ребятами были самые искренние отношения. Многие, как и я, считали, что всем обязаны ему и таким, как он. Одним из преданных почитателей хаджи был Ахмад Моулави.

\* \* \*

Путь предстоял нелегкий. Три батальона должны были двигаться одной колонной, по одной общей тропе, да еще и в лунную ночь. После вечернего и ночного намаза я сказал последние слова своим подчиненным, чтобы до самого конца пути они повторяли про себя следующий зикр: «Иййака на'буду ва иййака наста'ин»<sup>1</sup>.

В 10 часов ночи колонной из тысячи человек мы выдвинулись с холма Герех-Шир в сторону горного прохода. Батальон «Гасем эбн оль-Хасан» шел в голове колонны, потому что их ориентиром и боевой целью было шоссе, и им нужно было пройти самый длинный путь. Наш батальон – «Хазрат-е Абольфазль» – двигался в середине колонны, на некотором расстоянии от головного батальона. За нами шел батальон «Хорр эбн Рийахи» под командованием Мохсена Омиди.

В каждом батальоне были свои разведчики. Я помню некоторых из них по именам: Таги Хосрави, Али Шах-

---

Моулави подошел к хадж Мирзе после траурных песнопений Ахангарана. Хаджи не заметил его. Я издали видел, как Ахмад стоит и мнетя, не решаясь подойти и что-нибудь сказать хадж Мирзе. Ахмад был командиром взвода. Он посадил свой взвод в автобус, а сам стоял за спиной у хадж Мирзы.

Я был уверен, что он хочет проститься с хадж Мирзой. Иногда он так по-свойски держался с ним, что они вместе боролись, а тут встал, как неродной, и стоит у него спиной. А хаджи его и не заметил. В какой-то момент он хлопнул его по спине, как обычно хлопают по земле, чтобы сделать тайаммум (обтирание рук и лица песком или пылью, которое практикуется вместо омовения за отсутствием воды – *прим. пер.*). Он дотронулся до куртки хадж Мирзы, а потом поднес руку к лицу, провел по нему и пошел. Я смотрел на Ахмада, который пошел к своим бойцам, но каждые несколько шагов оборачивался и с грустью смотрел на хаджи Мирзу. Через два дня Ахмад погиб во время той самой операции (Вальфаджр-5)» (Интервью с командиром Мехди Зафари. Мешхед. 26.01.2015).

<sup>1</sup> «Тебе лишь поклоняемся и у Тебя лишь просим помощи» – пятый аят суры «Аль-Фатиха» (*прим. пер.*).

хосейни, Айат Такаллу, Мохаммад-Али Джарбан, Али Монзавийан, Мохсен Джаме-Бозорг, Али Хошлафз и Надер Фатхи<sup>1</sup>.

Группа связистов тащила с собой 1000-метровые кабели с проводами и дисковыми телефонами, которые должны были все время находиться под рукой у командиров батальонов. Диверсионная группа шла впереди с головным батальоном для расчистки пути.

На холме Герех-Шир расположились командир бригады, начальник планово-оперативной части и начальник разведывательно-оперативной части.

На фронте воцарилось некое затишье перед бурей. Даже рации молчали – это называли полным радиомолчанием. Поэтому от точки начала операции до общей для всех трех батальонов траншеи у нас не было никакой связи даже с начальником нашего направления, то есть Хасаном Торком. Все наши мысли и воля были направлены на то, чтобы нас не заметили прежде, чем мы доберемся до горы Тунель. Если бы мы припозднились, то, согласно временным расчетам, луна поднялась бы высоко, и колонна из 1000 человек была бы заметна для неприятеля.

Мы прибыли к горному проходу по расписанию. На правом направлении, то есть в зоне трех батальонов, подчинявшихся Хасану Торку, все делалось хорошо и вовремя. Однако два батальона на левом направлении вышли на ранее не разведанные вражеские укрытия, заграждения и мины. Планировалось, что в случае, если все пойдет гладко, три батальона нашего направления и два батальона того направления пройдут по своим маршрутам одновременно, задерживаться было нельзя.

---

<sup>1</sup> Некоторые из них пали в боях: Али Шаххосейни, Таги Хосрави, Надер Фатхи, Мохаммад-Али Джарбан, а другие остались инвалидами: Айат Такаллу, Али Монзавийан, Али Хошлафз и Мохсен Джаме-Бозорг (*прим. авт.*).

Мы запросили по кабельному телефону у Хасана Торка распоряжений. Подождав несколько минут, он отдал приказ идти по траншее.

Ранее мы втроем ходили по этому пути на разведку. Но теперь нам нужно было без боя пройти через оборонительную линию врага вместе с тысячей бойцов и разделиться на три группы, чтобы ударить по передней линии обороны врага из тыла. Если бы ошибся хотя бы один человек, это привело бы к общей массовой гибели, и каждый из бойцов прекрасно понимал всю деликатность ситуации. Их глаза следили за указаниями командиров батальонов, а мы вовсю глядели на ребят-диверсантов, которые спокойными и точными движениями перекусывали колючую проволоку.

За несколько минут, пока лежавшие впереди мины были обезврежены, по центру траншеи возник проход шириной в два метра. Этот коридор, выделенный двумя белыми лентами, обозначал в ночи тот участок, по которому бойцы могли идти.

Эйнали повел свой батальон. Наш батальон встал, я по одному провел бойцов первой роты под командованием хадж Хосейна Кийани, а сам пошел вместе со второй ротой, которой командовал Моталлеб Гейсари.

За нами двигалась третья рота, командиром которой был Хейдар Сохраби<sup>1</sup>. Мой заместитель Хасан Бахрамния шел с головной ротой. Разумеется, весь батальон «Хазрат-е Абольфазль» был укомплектован целиком из опытных и уже повоевавших в таких условиях ребят. Одним из них был Джалал Фотовват, который раньше был моим командиром и прибыл для участия в операции из штаба КСИР в Нахаванде, чтобы помогать мне здесь<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Эти трое храбрых и искренних ротных командиров погибли в ходе операции «Кербела-5» в Шаламче (прим. авт.).

<sup>2</sup> Джалал Фотовват: «Хадж Мирза так запал нам в душу, что уже никто и не вспоминал о должностях и званиях. Он доброволь-

Справа от нас были вражеские окопы. Мы беззвучно продвигались по траншее. Чем дальше мы шли, тем больше осознавали всю милость Аллаха. Конечно, разведка этого маршрута была заслугой ребят Читсазийана и настоящим шедевром оперативной разведки, но провести такое количество бойцов и напасть на врага с тыла – это было немыслимо с точки зрения любой рациональной логики.

Катушки телефонного кабеля заканчивались одна за другой, и ребята из взвода связи непрерывно доставали новые катушки. Поэтому в пути я два или три раза незаметно для вражеских ушей и глаз связывался по телефону с хадж Хосейном Хамадани – командиром бригады – и Хасаном Торком – командиром направления.

Все шло должным образом, как вдруг Хасан Торк сказал: «Талеби – командир батальона из соседней бригады – не дошел до пункта назначения и не может соединиться с вами на холме Аббас-Азим». Это означало, что нужно готовиться к тому, что нас обойдут с правого фланга.

Мы уже прошли примерно три километра от оборонительной линии врага и подходили к той самой коммандатуре, которая во время ночной разведки заставила нас серьезно поволноваться.

После раздавшихся звуков выстрелов иракских «мини-катюш» по нашей колонне батальон лег на землю. Ракеты прорисовывали в темном небе красные линии и летели в нашу сторону. Нас отделяли от их минометных установок какие-то 100 метров.

Я снова спросил у Хасана Торка по телефону: «Ну что там? Ребята левого направления подоспели? Начинаем или нет?».

---

но вызывался выполнять самые тяжелые и невыполнимые задачи. Иногда вместе с ним выходило по четыре-пять других командиров батальонов» (Интервью с Джалалом Фотовватом. Мешхед, 26.01.2014).

Хасан Торк был спокойным и сообразительным. Он никогда не говорил ничего на эмоциях. Поэтому он сказал: «Потерпите».

Небо вновь разорвалось от грохочущих, словно гром, вспышек огня, вылетавших из жерл «мини-катюши». Все с напряжением и, пожалуй, с волнением уставились в сторону этого орудия.

Это были мучительные мгновения. Хасан сказал по-терпеть. Я не знал, вышел ли к шоссе Мохсен Эйнали, командир батальона «Гасем эбн оль-Хасан», или нет. Никого из 350 бойцов их колонны уже не было в нашем поле зрения, хотя расстояние между нами было не так уж и велико.

Я также ничего не знал о батальоне Мохсена Омиди. Если бы хоть кто-то нажал на курок без разрешения командира направления, отвечавшего за координацию действий всех трех батальонов, это могло бы навлечь гибель на другой батальон. Я был спокоен за бойцов своего батальона и знал, что никто не бросится на врага без моего разрешения<sup>1</sup>, но если бы два других батальона начали бой раньше нас, мы оказались бы в беде.

Я прямо там принял решение оставить один взвод под руководством Мохаммада-Али Афрасийаби для захвата дороги в комендатуру, а оставшуюся часть батальона двинуть по шоссе наверх, в сторону первой линии вражеской обороны, чтобы подойти как можно ближе с тыла к окопам на их укрепубеже<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Мехди Зафари: «В батальоне «Хазрат-е Абольфазль» царил дух покорности вилаяту (власти Имамов Ахль аль-Бейт – прим. пер.) и подчинения старшим по званию. Хотя хадж Мирза не выпячивал свою командирскую должность и главенство, все от чистого сердца верили в то, что он обладает особой степенью близости к Аллаху. В ночь операции «Вальфаджр-5» бойцы батальона ждали его приказа, сидя у врага прямо за спиной, но никто не сделал ни единого выстрела, пока он не дал разрешения стрелять» (Интервью с генералом Мехди Зафари. Мешхед. 27.01.2014).

<sup>2</sup> Хадж Хосейн Хамадани, командир 32-й бригады «Ансар оль-Хосейн»: «В последний раз Сольги связался со мной по про-



Я дал распоряжения Афрасийаби. Это был смелый и решительный пасдар. В ту ночь он был одет в форму КСИР. Я сказал: «Афрасийаби, не надо было тебе надевать ксировскую форму в ночь наступления. Ты же знаешь, что тебя ждет, если окажешься в плену или попадешься им в руки раненым...».

Он перебил меня и тихо сказал: «А для чего мы воюем? Я ни секунды не думаю о плене».

У нас в батальоне было еще немало ребят, не уступавших в смелости и решительности Афрасийаби<sup>1</sup>, но лишь он один с гордостью носил в ночь операции форму бойца КСИР. Мы колонной двинулись по краю шоссе в сторону вражеской оборонительной линии, пока перед нашим взором не предстала расположенная прямо за линией площадка, заставленная машинами. В тот же миг мы увидели, как в нашу сторону сверху спускался грузовик IFA, который ехал от их передовой в тыл, то есть к комендатуре. Мы проделали большое расстояние по извилистому пути, поэтому здесь связь по проводному телефону прервалась, и мы были вынуждены включить рации.

---

водному телефону с дисковым набором. Он сказал: “Мы стоим прямо у врага за спиной. Нам идти в атаку или нет?”. Ночь была лунная. Он провел целый батальон в тыл врага и потом еще полчаса просидел там, ожидая моего приказа об атаке или отходе. Мне нужно было убедиться, что остальные батальоны двигались согласованно и прибыли вовремя. Любой на месте Мирзы-Мохаммада стал бы кричать, ругаться, жаловаться: “Если мы будем ждать остальных, враг поймет и перебьет нас всех”. Клянусь, если бы я сам оказался на месте Мирзы-Мохаммада Сольги, я бы не стал слушать командира и делал бы свое дело, но он был бесподобен в своем подчинении вышестоящим. У него было большое сердце и неопишемое терпение. Когда я сказал: “Потерпи. Еще не время”, он ничего не возразил» (Интервью с генералом Хамадани. Хамадан. 29.06.2014).

<sup>1</sup> Судьба распорядилась так, что смелый и искренний юноша все же не присоединился к сонму мучеников и в настоящее время (2013 г.) живет в Нахаванде (прим. авт.).

Грузовик с включенными фарами ехал в нашу сторону, а мы легли друг за другом на обочине дороги, вытянувшись в длинную линию. Он наверняка нас увидел. Так, вынужденно, завязался первый бой. Я связался с Афрасийаби и сказал: «В сторону комендатуры едет грузовик IFA».

Он ответил: «Хаджи, не беспокойся. Мы перекрыли шоссе их же собственной колючей проволокой. Ему не уйти».

Водитель грузовика увидел нас. Мы столкнулись взглядом с водителем, который в страхе жал на газ. Тем не менее водитель развернулся и поехал в сторону оборонительной линии. Мы могли его подстрелить, но переживали за другие батальоны. Хасан Торк все еще не давал разрешения начинать операцию. Я сказал ротным командирам, чтобы они все перестроились из колонны и рассредоточились по полю, отойдя подальше от дороги.

Я сразу же без всяких кодировок и паролей связался с Хасаном: «Начинаем?».

Он опять сказал: «Потерпите».

Я сказал: «Здесь сейчас ожидание подобно смерти, ты меня понимаешь?!».

Хасан хорошо знал мой характер и понимал: если я говорю, что терпеть больше нельзя, значит, так и есть.

Он нехотя сказал: «Если выхода больше нет, тогда с Богом!».

Прямо с рацией в руках, не прерывая разговора с Хасаном, я через бинокль проследил, куда поехал грузовик. Водитель доехал до автопарка, в спешке вышел через пассажирскую дверь и что-то сообщил другим трем иракцам.

Три роты перестроились из колонны, рассредоточившись по полю, и встали в позицию боевого охранения. Расстояние между нами было таким, что мне пришлось отдавать приказ об атаке ротным командирам по рации.

Все мои командиры говорили на лурском или лакском<sup>1</sup> наречии. Я сказал Гейсари, Кийани и Сохраби полакски: «Мезани гург наяси ран<sup>2</sup>».

Ротные поняли, что я хотел сказать: враг обо всем узнал, и нам нужно начать прежде них. Но Хасан Торк постоянно выходил на связь и спрашивал: «Хадж Мирза, что ты говоришь? Непонятно. Повтори». В самый разгар создавшегося трудного положения в какой-то момент мне стало смешно, и я сказал: «Я попросил ребят сделать то, что вы мне разрешили».

Я быстро поднял роту Моталлеба Гейсари. Мы были в 50 метрах от окопов врага, когда на нас обрушился шквальный огонь. Было интересно и удивительно видеть, как иракцы падали по своему собственному оборонительному рубежу. Хотя мы их обошли с тыла, в какой-то момент наша рота залегла в укрытие.

Мне представился образ Мохсена Омиди в ночь перед операцией «Вальфаджр-2» у основания горы Калле-Ганди. В ту ночь он целиком вручил себя Господу и вышел вперед, чтобы его бойцы пошли за ним и атаковали позиции врага. Я сказал: «Йа Аба-ль-Фазл!». И побежал прямо навстречу огню. В моих ногах накопилась такая сила, что мне хотелось взлететь. Позади меня раздался крик: «Вперед!» – и все бросились на врага, словно молния или ветер.

Вражеский пулеметчик оставил свои позиции и побежал в сторону холма Аббас-Азим. Первая и вторая рота также, подобно ревущему потоку, прорвавшему плотину, не знали преград. Стрельба усилилась, но уже через

---

<sup>1</sup> Лакский (*перс. лаки*) – иранский язык, который относится к северо-западным иранским языкам и иногда рассматривается как диалект курдского языка. Распространен в центральном Загросе (иранские провинции Илам, Лорестан, Керманшах, Хамадан, Казвин и Хузестан), а также встречается в Ираке (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Ты знаешь, волк напал на стадо (*лак.*).

несколько минут звуки выстрелов начали стихать. Баасисты либо лежали мертвые, либо бежали в сторону холма Аббас-Азим. Некоторые из них подняли руки, давая знать, что сдаются. Мы потеряли несколько человек убитыми и ранеными. Двое или трое басиджей были очень рассержены, требовали возмездия и хотели убить пленных. Я заорал на них: «Мы не убиваем пленных. Возвращайтесь в канаву».

Отдельные части горы Тунель были соединены между собой канавами, и мы могли с легкостью перемещаться по ним во всех направлениях и продолжать зачистку.

Один из басиджей зашел в какой-то окоп, бросил гранату и спрятался. Мгновение спустя несколько человек сообщили, что там располагалось вражеское подразделение связистов, и среди убитых есть даже женщина-радистка.

Я сказал: «Быстро закопайте эту женщину». Когда обстановка стала немного спокойнее, я пошел в окоп связистов. Из-под земли торчала женская рука. Двое наших ладонями сгребали землю и сыпали на нее, но рука все равно торчала.

Было 4 часа ночи, и луна светила так ярко, что я даже увидел, как басиджи связывали шнурками от ботинок руки какому-то высокому мужчине, похожему на иракца; он трясся от страха, ему сковало язык, и он даже не мог сказать, что свой. Он онемел. Я видел его раньше, но только где? В какой-то момент в темноте мне вспомнились лица нескольких человек, которых направили в батальон из подразделения связи. Это был один из тех связистов, который нес с собой катушку с проводом. Как только он увидел меня, к нему вернулся дар речи, и он дрожащим голосом пробормотал, что относится к связистам. Я сказал, чтобы ему развязали руки, но он все равно дрожал от страха. Я погладил его по голове, и он немного успокоился.

Три роты расположились плечом к плечу в траншеях на четырех холмах цепочки высот под названием Тунель. Я вместе с еще несколькими бойцами стоял на самом левом краю позиций батальона и непрерывно думал о разрыве между нами и холмом Аббас-Азим. Я снова спросил у Хасана Торка: «Что там с Талеби?».

Он произнес фразу, смысла которой я не понял до конца: «Не жди, Талеби стал дыней<sup>1</sup>».

Он больше ничего не сказал, и я понял, что должен бросить часть бойцов в сторону того зазора между холмом Аббас-Азим и занятыми высотами. До восхода солнца оставалось уже немного, и нам нужно было заблокировать этот проход, пока не наступит утро, чтобы враги не обошли нас.

С несколькими бойцами из второй роты я вышел в путь. Канава местами была перекрыта телами иракцев. Некоторые из них были ранены и стонали от боли. Мы прошли вперед до того места, где канава была полна воды, и дальше нужно было идти прямо по холму. Как только я встал на холме, со стороны Аббас-Азима было пущено несколько очередей, и враг четко обозначил свое расположение.

\*\*\*

Я отобрал лучших бойцов для выполнения оставшихся боевых задач, но противостоявшие нам силы неприятеля не торопились сдаваться. Мы потратили на это целый день, обе стороны обстреливали друг друга из стрелкового оружия и гранатометов. Несколько наших погибли или получили ранения. Мы подобрались друг к другу так близко, что огневая поддержка силами артиллерии и минометов была уже невозможна.

---

<sup>1</sup> Здесь присутствует игра слов, потому что фамилия Талеби созвучна названию одного из распространенных в Иране сортов дыни – талеби (*прим. пер.*).

Я беспокоился о том, что утро уже близко. Рукой я подал ребятам знак, чтобы они сняли настырного иракского пулеметчика, который беспрестанно осыпал нас очередями, как вдруг меня пронзила резкая боль одновременно в левом боку и левой руке. Пуля того самого иракского пулеметчика впиалась мне в бок, который заливало кровью.

Кожу разрезало будто бы ножом мясника. Бок и рука были буквально распороты. Кровь бежала по руке к пальцам и стекала вниз. За несколько минут вся моя одежда с левой стороны стала мокрой сверху донизу.

Я всеми силами старался, чтобы до наступления утренней зари никто не узнал о моем ранении, но ребята, находившиеся вокруг меня, по моей вялости и неподвижности поняли, что меня подстрелили. Я не хотел уходить с передовой и не сдвинулся бы с места ни на сантиметр. С трудом сумел дойти до канавы и упал.

Меня сопровождали двое или трое ребят, один из которых был из медсанчасти. Он сказал, что видел в одном из иракских окопов средства для перевязки.

Придерживая рукой бок, скрючившись, я с трудом пошел в сторону окопа иракской медсанчасти. Когда я выбирался из траншеи, в ней лежал брат хадж Хосейна Кийани, то есть Аббас Кийани.

Рядом с ним сидел один из тех отборных бойцов, которые были вместе со мной. Он прислонился к стенке траншеи, но у него не было головы. Я узнал его по одежде. Его звали Алишир Мохтари.

Мы пришли в окоп иракской медсанчасти. Мне не верилось, что я увижу там хадж Хосейна Кийани. Его ранило еще раньше меня, и, возможно, он еще не знал о гибели брата.

Тот парень, который оказывал медицинскую помощь, перевязал мне раны несколькими бинтами, но толстый слой белой марли быстро окрасился в красный

цвет. Санитар несколько раз менял повязку. В конце концов ему пришлось потуже перевязать рану, чтобы уменьшить кровотечение. Он также вколлот мне обезболивающее, чтобы мне стало легче.

Стрельба не прекращалась, и я все еще переживал по поводу сопротивления иракских солдат. Пришел мой заместитель Хасан Бахрамния, который уже знал о моем ранении.

Я сказал: «Хасан, не дай Бог, ребята узнают, что я ранен. Рана-то пустяковая<sup>1</sup>».

Он стал настаивать, чтобы я вернулся в тыл. Я сказал: «Я, наверное, не смогу держать оружие, но хотя бы буду рядом с ребятами».

Бахрамния понял, что меня бесполезно уговаривать, и ушел, но сообщил командиру бригады, что я ранен. Отделавшись от Бахрамния, мне пришлось иметь дело с уговорами хадж Хосейна Хамадани, который настаивал на моем возвращении. В конце концов я уговорил его разрешить мне остаться с товарищами<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Хасан Бахрамния, замкомандира батальона «Хазрат-е Абольфазль»: «Хадж Мирза всегда был таким подвижным, что, если он пропадал из виду хотя бы на час, все начинали беспокоиться, не случилось ли что-нибудь. Как бы я ни настаивал, чтобы он отправился в тыл, он не соглашался. Он душой и телом буквально сросся с каждым из ребят. Это была несущая опора всего батальона “Хазрат-е Абольфазль”, и если бы она упала, его не смог бы заменить никто другой» (Интервью с Хасаном Бахрамния. Хамадан. 22.01.2014).

<sup>2</sup> Хосейн Хамадани, командир 32-й бригады «Ансар оль-Хосейн»: «Я несколько раз выходил на связь с батальоном “Хазрат-е Абольфазль”. Сначала мне сказали, что хадж Мирза пал смертью храбрых. Потом его заместитель Хасан Бахрамния сказал, что он получил пулю в бок и ранен. Тогда я немного успокоился. В конце концов я услышал его голос по рации и спросил:

- Мирза-Мохаммад, как твое состояние?
- Хорошо.
- А бригада как?
- Лучше меня.

Когда я вышел из окопа медсанчасти, было все еще темно. Я пошел по траншее, чтобы выйти на самый передний край боев. Слабость и усталость лишили меня последних остатков сил. От сильного холода кожа озябла и онемела. Я был уверен, что с восходом солнца враг начнет атаковать с воздуха. Я должен был быть рядом с ребятами. Поэтому я решил, что будет лучше отдохнуть и набраться сил в каком-нибудь из окопов.

Я спустился в первый попавшийся окоп. Там было так темно, что я стал ощупывать руками стену из набитых земляных мешков, чтобы найти укромное место для передышки. Рана в боку не давала мне лечь. Мне пришлось прислониться к стенке окопа и съежиться от холода и боли.

Мне нужно было обойти всех трех ротных командиров. С помощью радистов и курьера нашего батальона я пошел к третьей роте. Они вели бой против иракских снайперов, которые все еще сидели в канаве и оказывали сопротивление. Против них было человек 15–20 из третьей роты. Я стоял чуть позади вместе с двумя бойцами, у каждого из которых имелось по рации, и связался по одной из этих раций со штабом нашего направления, а по другой – с ротами. Во время одного из моих выходов на связь командир третьей роты Мехди Зафари сказал: «Снайперы уже положили здесь несколько наших ребят».

Я прошел вперед. Мехди Зафари показал мне одного из них. Пуля попала ему прямо в лоб. Это был рослый 16-летний парень по имени Мортаза Мирзаи. По приказу Мехди Зафари его накрыли одеялом, чтобы его млад-

---

– Ребята говорят, тебя подстрелили. Надо возвращаться в тыл.

– Пожалуйста, прошу вас, умоляю вас, позвольте мне до утра остаться с ребятами, пока ситуация на линии не стабилизируется.

Его расчет был верным. Все говорили: если бы он покинул передовую в первые минуты после ранения, непонятно, как сложилась бы судьба его батальона. После выхода на связь со мной он сказал ребятам: “Пока Хамадани не разрешит, я с передовой не уйду”. (Интервью с генералом Хосейном Хамадани. Хамадан. 29.06.2014).



ший брат (ему было четырнадцать, и он тоже участвовал в бою со снайперами), не дай Бог, не узнал о кончине своего брата. В самый разгар боя младший брат, Мостафа, отошел назад и ненадолго покинул зону непосредственных боевых действий, чтобы справиться о своем брате Мортазе. Мехди сказал: «Мортаза там, он устал. Прилег поспать». Мостафа поверил и вернулся на поле боя. Через несколько минут, когда иракские снайперы притихли, он вернулся и спросил: «Мортаза еще спит?».

Мехди Зафари сказал ему: «Ты хороший стрелок. Если тебе нужна помощь, то я буду рядом с тобой вместо Мортазы. Дай ему поспать».

Услышав эти слова, Мостафа насторожился, пошел и откинул с лица Мортазы одеяло. Под ярким светом луны он увидел отверстие от пули на лбу своего старшего брата. Не сказав нам ни слова упрека, он прямо там тихонечко лег рядом с Мортазой, накрывшись вместе с ним одним одеялом.

Я не мог оставаться безразличным. Посреди всей этой стрельбы и лившейся вокруг крови происходила удивительная сцена. Паренек гладил своего старшего брата по голове, разговаривал с ним, что-то ему шептал.

Ему не верилось, что тот погиб. Он отрывал его голову от земли, клал себе на колени и нежно поглаживал по щекам. Потом расплакался и стал говорить о детстве, рассказывать их общие воспоминания о деревне и учебе в школе.

В конце концов он снова накиннул брату на лицо одеяло и сказал: «Дадаш<sup>1</sup>, смотри, не замерзни. Я скоро вернусь».

Мы только смотрели и преклонялись перед этим моментом нежности в самый разгар тяжелого боя. Мостафа спросил: «Где оружие Мортазы? Я хочу воевать с его оружием».

---

<sup>1</sup> Дадаш (*перс.* «брат», «братец») – обращение к родному брату, близкому другу или приятелю (*прим. пер.*).

Ребята дали ему автомат Калашникова, и Мостафа быстрым шагом пошел в сторону иракцев<sup>1</sup>.

\*\*\*

Когда встало солнце, мне стало легче переносить боль от раны в боку и руке. По крайней мере, не было того пронизывающего холода. Ребята, не видевшие меня уже час или два, встали вокруг меня кольцом на переднем крае нашей линии.

Весть о моем ранении быстро разошлась по всем трем ротам. Когда солнце поднялось, я увидел, что иракцы отступили от полосы, отделявшей нас от холма Аббас-Азим, а это значило, что мы не были окружены. С 9 часов утра начались контрудары со стороны шоссе.

Враги были вынуждены подойти к самому краю шоссе на машинах и танках и проехать три километра вверх, в сторону господствующей над шоссе высоты, находясь в поле нашего зрения и в пределах досягаемости нашего огня. С военной точки зрения, занятие нами командной высоты предоставило нам хорошие возможности и стало настоящей проблемой для вражеской пехоты. Конечно, они прекрасно понимали, что для движения в нашем направлении им нужно одновременно по максимуму применять заградительный огонь. Поэтому перед отправкой колонны пехотинцев со стороны шоссе иракцы стали осыпать массированным огнем всю высоту от края до края. Мы могли лишь время от времени высовывать головы из канавы. Одновременно прилетели иракские

---

<sup>1</sup> Мехди Зафари: «Пока не пришли ребята из медицинской службы, чтобы убрать тела погибших с поля боя, прошло около 4–5 часов, и уже настал день. Этот младший брат – Мостафа – три или четыре раза отправлялся на передовую, участвовал в бою и каждый раз, возвращаясь, ложился рядом со своим братом-мучеником. Судьба распорядилась, что Мостафа выжил и в настоящее время (2013 г.) служит в армии Исламской Республики Иран (прим. авт.).»

вертолеты и стали издалека пускать по канавам ракеты, одну за другой. Это было лишь прелюдией к контрнаступлению. Со стороны шоссе по каналам по прямой били танки, чтобы никто не осмелился даже высунуть голову из траншеи. Увидев, в каких условиях мы оказались, я сразу же забыл про боль.

Хотя я и не мог передвигаться, но, наблюдая за ожесточенным сопротивлением ребят, я чувствовал себя хорошо. Многие, как и я, были ранены, но не подавали виду.

Пока первая колонна вражеских пехотинцев не выдвинулась при огневой поддержке танков, я попросил диверсионную группу третьей роты оставить свою полосу и выйти к шоссе, чтобы оказать сопротивление пехоте и подобраться ближе к танкам.

Диверсионной группой руководил Мехди Зафари, заместитель командира третьей роты.

Чтобы ракеты их гранатометов долетали до танков, нужно было выдвинуться от линии как минимум на два километра вперед<sup>1</sup>. Ребята самоотверженно вели бой против вражеских сил в окрестностях шоссе, как вдруг со стороны зазора между нами и горой Аббас-Азим послышались звуки выстрелов. До меня дошло, что иракцы из тактических соображений временно не вели по нам огонь, чтобы отвлечь наше внимание и силы в сторону шоссе.

В бой с ними вступила рота Хейдара Сохраби. Ближайший к нам иракский окоп находился в 20 метрах:

---

<sup>1</sup> Хасан Бахрамния, заместитель командира батальона «Абольфазль»: «Диверсионная группа состояла полностью из гранатометчиков. Они выдвинулись вперед под руководством Мехди Зафари, чтобы подбивать танки. Мы видели, как колонна вражеской пехоты и их танки остановились и пехотинцы залегли после первых выстрелов наших РПГ. Когда ребята из диверсионной группы вернулись, у большинства из них от непрерывного гранатометного огня из ушей сочилась кровь» (Интервью с Хасаном Бахрамния. Хамадан. 29.01.2014).

какой-то иракский солдат надел свою каску на дуло автомата и размахивал им вверх-вниз.

Скорее всего, он хотел указать место расположения наших снайперов иракским снайперам, вооруженным «канасами»<sup>1</sup>. Хейдар Сохраби сказал ребятам, чтобы никто не стрелял, и сам в одиночку побежал вниз по крутому склону. Не обращая внимания на стрельбу, он обошел окоп. Мы из канавы видели, как он бросил в окоп гранату. После этого никто уже не махал каской над головой, а Хейдар Сохраби, словно лев, вернулся на нашу линию.

Часов в 10 снова прилетели вертолеты. Они получили задание обстрелять нас, а также открыть огонь сзади по своим позициям, чтобы их пехоте не вздумалось вернуться назад.

В 11 часов утра меня одолела такая слабость, что я уже не мог стоять на ногах. Из-за кровотечения я не мог пить. Во рту так пересохло, что аж в груди пекло. Мой взгляд замер на фляжке одного из бойцов, стоявших рядом со мной. Мне стало противно оттого, что я думаю о воде.

Время близилось к полудню, и начиналась еще одна контратака врага. От крайней усталости и онемения у меня помутнело в глазах, все казалось каким-то миражом. Басиджи, иракцы, танки. Голова постоянно кружилась. В конце концов я упал и потерял сознание.

Открыв глаза, я понял, что лежу на носилках, но по звукам стрельбы из автомата Калашникова и выстрелов гранатометов было ясно, что я все еще на передовой. Вокруг меня сгрудилось несколько человек. Я услышал голос какого-то басиджа, который говорил: «Хадж Мирзе живот распорол». Я с трудом сел на носилках. Мне не хотелось в тыл, но я опять повалился навзничь<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Принятое у иракских военных название 7,62-миллиметровой снайперской винтовки Драгунова с оптическим прицелом (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Хасан Бахрамния (заместитель командира батальона): «Бойцы батальона “Абольфазль”, словно мотыльки, кружились

Когда я во второй раз пришел в себя, меня несли на носилках. Рядом со мной опять было несколько человек. Я позвал своего радиста и, лежа на носилках, стал разговаривать с командиром бригады.

Я сказал: «Командир, я не могу оставаться. Не оставь Бахрамнию одного»<sup>1</sup>.

Мое сердце оставалось вместе с батальоном. До того места, где разместился медпункт, было недалеко. Пока я лежал на носилках, мои глаза глядели в небо, уши прислушивались к грохоту взрывов, а губы повторяли «Йа Аллах!».

В лазарете со мной опять пришлось повозиться. Санитар по фамилии Аббаси с ножницами и стерильным бинтом в руках с воодушевлением взялся за мои раны. Сначала он очистил рану на боку от земли и крови. Когда он снял с меня левый ботинок, оказалось, что тот наполнен кровью по самую щиколотку.

Пока не прибыла скорая помощь, я мог спросить у начальника медсанчасти, кто из наших ребят был ранен, а кто убит. Мне не терпелось узнать, кого Аллах выбрал из бойцов батальона.

Я видел, как часть ребят пала во время боя, но когда начальник медсанчасти назвал их имена, я испытал совсем другие чувства. Во время боя, если бы все мои братья погибли у меня на глазах, я бы и бровью не повел, но здесь на глаза навернулись слезы скорби.

---

вокруг хадж Мирзы. Присутствие хадж Мирзы, хотя бы на носилках, всем придавало духу. Даже мне, его заместителю» (Интервью с Хасаном Бахрамния. Хамадан. 29.01.2014).

<sup>1</sup>Хасан Бахрамния: «Хадж Хосейн Хамадани должен был следить за всеми направлениями операции, но по причине своего чрезвычайного доверия и симпатии к хадж Мирзе быстро прибыл на линию батальона “Абольфазль”. В это время иракские вертолеты выпустили в нашу сторону несколько ракет, и меня задело небольшим осколком» (Интервью с Хасаном Бахрамния. Хамадан. 27.01.2014).

Санитар попросил у меня разрешения смазать мои сухие и потрескавшиеся губы смоченным водой куском белой ткани, но я покачал головой и сказал: «Я не хочу пить».

Он сказал: «Хаджи, такое количество влаги не усилит кровотечение».

Я снова потерял сознание.

\*\*\*

Я проснулся от шума лопастей вертолетного пропеллера. Вокруг меня повсюду были раненые бойцы, участвовавшие в операции. Экипаж вертолета, эвакуировавшего раненых, подумал, что я в бреду. Но я умолял Хушьяри вернуть меня в часть в том случае, если ага Хамадани лично не возглавит батальон. Через несколько минут мы уже приземлились на площадке возле какой-то больницы в Керманшахе.

Пока в моих жилах еще текла кровь, я продолжал расспрашивать о ребятах моего батальона. Некоторые из них тоже лежали со мной в больнице. На следующий день один из них крутился вокруг моей кровати, как будто хотел сообщить мне какую-то вест, но из осторожности не делал этого.

Из всех бойцов батальона я больше всех переживал за Ахмада Моулави. Хотя все они были мне как братья, Ахмад больше других занимал мои мысли. Тот боец приходил, чтобы сообщить о мученической смерти Ахмада, но мне было невыносимо об этом слышать. Он сказал: «После того, как вас эвакуировали в тыл, Ахмад Моулави погиб во время одной из вражеских контратак».

Когда я услышал эту новость, у меня перед глазами будто бы пролистали книгу воспоминаний о нашей дружбе с Ахмадом с самого момента нашего знакомства и его появления в КСИР до его присоединения к бойцам батальона вскоре после его формирования, даже свадь-

ба Ахмада, в день которой он постился. Я снова ощутил тепло его сильных рук, которыми он, приветствуя меня, крепко сжимал мои ладони в знак своего дружеского расположения.

От мыслей о нем на глазах у меня выступили слезы. Два-три дня назад, когда я был ранен, он завидовал мне, а теперь я завидую ему. Когда пуля пронзила мой бок и капли крови покатались на землю, он подошел ко мне раньше всех и под вражеским обстрелом спросил: «Мирза, что ты такое сделал, что пролилась твоя кровь?!».

Я рассмеялся и сказал: «Это не я, а иракцы».

\*\*\*

Я провел около двух месяцев в больнице «Сина» в Тегеране. Мне сделали две операции на брюшной полости и руке. Разрыв тканей не позволял швам срастись, чтобы рана могла затянуться. Их приходилось зашивать заново. Инфекционное заражение прошло, и боль в ранах успокоилась.

За это время больница стала местом паломничества ребят батальона, их семей и руководства бригады. Ребята из батальона группами по 15–20 человек ставили палату на уши: они шутили, делились воспоминаниями и иногда заговаривали о погибших друзьях. В этот момент гомон смолкал, и даже медсестры превращались в благодарных слушателей. Со стороны начальства бригады меня навестили Хасан Торк, Мохсен Эйнали и Мохсен Омиди.

Хасан Торк спросил у Мохсена Омиди смысл лурской фразы «волк напал на стадо» и в шутку сказал: «В конце концов, тот волчара, что забрался прямо к вам в стадо, остался с носом и плохо кончил». Хасан Торк имел в виду того самого водителя иракского грузовика, который первым из иракцев узнал о нашем присутствии и пошел разбудить других «волков». С присущим только ему оба-

янием Хасан поделился воспоминанием о той ночи и перенес в тревожную атмосферу тех мгновений, когда нас засек тот несчастный шофер.

Через несколько дней ко мне в больницу пришли жена и мать, а также мои дети – Мостафа, Зайнаб и Салман. Мостафе было уже пять, Зайнаб – четыре, а Салману – два года. Они ничего не знали о войне, играли и бегали вокруг моей койки, а жена пыталась их уговорить.

Мама сказала мне тайком от моей супруги: «Мирза, раз уж тебя ранили, подумай о жене и детях. Останься в Нахаванде».

Мама постоянно меня наставляла и говорила мне о моих детях и их тяжелой доле. Я молчал, но в мыслях был со своими ребятами... ребятами из батальона. Эти ребята следовали образу жизни Аббаса. Эти ребята мучились от жажды и жаждали стать мучениками. Я был с ребятами из батальона водоносов...



## Глава 5

# МАДЖНУН: ВОЙНА ВОДЫ И ОГНЯ

В апреле 1984 года бригаде «Ансар оль-Хосейн» было поручено отправиться на юг страны. Это была наша первая поездка на юг.

Батальон «Хазрат-е Абольфазль» после предыдущей операции был реорганизован и укомплектован новыми бойцами. Лучшей новостью за этот период было то, что готовность присоединиться к батальону выразил хадж Реза Заргяри. Я был очень рад этой новости, но, при всей своей привязанности и симпатии к этому человеку, мне было неудобно, что он будет в батальоне лишь замкомандира. В операции «Мослем эбн Агиль» хадж Реза был командиром батальона, а я возглавлял роту.

Как бы то ни было, я отнес его приход на счет преданности святому имени Аббаса и зарекся, что никогда не буду говорить с ним о командирской должности, стараясь проявлять к нему уважение как к брату. Тем более, я слышал, что он настойчиво добивался от командира бригады, чтобы его определили именно в наш батальон. От этого он еще больше вырос в моих глазах<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Реза Заргяри рассказывает о своем приходе в батальон: «Я сказал командиру бригады, хадж Хосейну Хамадани, что хочу служить в батальоне “Абольфазль”. Командир бригады сказал: “Там уже есть командир. Иди в другой батальон”. Я сказал: “Хочу быть рядом с хадж Мирзой”. Хамадани не соглашался и настаивал:

С приходом господина Заргяри я почувствовал, что опустевшее место всех мучеников батальона, погибших в операциях «Вальфаджр-2» и «Вальфаджр-5», было занято. Благодаря своему большому опыту он начал заниматься обучением бойцов и организацией батальона, а я вместе с заместителем начальника штаба бригады, хадж Резой Шокрипуром, выехал из Саре-Поле-Захаб в Ахваз, чтобы подготовиться к размещению на юге.

Шокрипур был сильным и достойным командиром с целым рядом уникальных особенностей. Он был веселым и улыбчивым, но в то же время не чужд покаянным слезам в молитве. В самые серьезные минуты он мог рассказать что-нибудь забавное или остроумное. Одну из таких историй о временах шахской деспотии он рассказал во время долгой поездки из Саре-Поле-Захаб на юг: «За несколько лет до революции я поехал в Тегеран на машине своего друга. На одной улице навстречу нам выехала полицейская машина. Ее пассажирами были несколько человек при погонах, в том числе полковник, сидевший впереди. Когда я увидел полковника, то в знак своей неприязни скорчил ему рожицу. Полицейская машина проехала, но я увидел в зеркале заднего вида, что они развернулись и поехали за нами. У меня не было другого выхода, кроме как скривить рот, придав ему такой же вид, какой видел полковник. Рассерженный полковник поравнялся с нами и остановил машину, бросив на меня гневный взгляд. Мой рот оставался таким же кривым. Бедолага подумал, что рот у меня кривой с рождения. Он развернулся, уехал, и я вдохнул с облегчением».

---

“Вы уже раньше были командиром господина Сольги. Как вы теперь собираетесь служить под его руководством?”. Я сказал: “Хадж Мирза, я и все ребята батальона служим под отрубленными руками Достопочтенного Абу-ль-Фазла”. В конце концов Хамадани дал согласие» (Интервью с генералом Резой Заргяри. Мешхед. 28.01.2014).

Шокрипур рассказывал так много подобных забавных случаев, что я и не заметил, как мы доехали до тридцатого километра трассы Ахваз – Хоррамшахр, то есть того места, которое было выбрано в качестве транспортного узла для размещения батальонов поблизости от реки Карун. Это место называлось «лагерь мученика Мохаррами».

Через несколько дней после нашего приезда батальоны один за другим стали прибывать из Саре-Поле-Захаб в лагерь Мохаррами, оказавшись в гостях у рано наступившего летнего зноя Хузестана. На собрании командиров батальонов мы получили инструкции и сразу же выехали на острова Маджнун<sup>1</sup>.

Меньше двух месяцев прошло после занятия двух островов – Северный Маджнун и Южный Маджнун – в ходе крупной операции «Хайбар». Эта операция была начата через несколько дней после нашей операции в Чангуле, в районе Хура. После серии непрекращавшихся контрударов враг реализовал на островах тактику войны воды и огня. Мы прибыли на северный остров с целью закрепления наших позиций и знакомства с войной в регионе, не имевшем ничего общего с тем опытом, который мы получили в горных районах.

«Тойотам» приходилось ехать от Хура по 14-километровому понтонному мосту, качавшемуся на воде, чтобы проделать долгий путь с северного острова на южный, который был главным средоточием огня.

Южный остров соединялся с берегом тремя грунтовыми дорогами, которые до сих пор не были затоплены. Эти 8–10-километровые дороги называли молами, или насыпями: восточный мол, средний мол и западный мол.

---

<sup>1</sup> Маджнун – искусственный остров в южном Ираке, рядом с городом Аль-Курна, центром нефтеносного бассейна Маджнун, созданный из песка и ила для прокладки трубопровода (*прим. пер.*).

Слева и справа от молов простирались тростниковые заросли, а дальше шла вода, которая была повсюду, куда только падал взгляд. Эта вода была насыщена зловонием, исходившим от иракских трупов, оставшихся после завершения операции «Хайбар», и отравлена химическими веществами. Воевавшие на этих островах бойцы первыми попробовали на вкус горечь отравляющих газов, которые они вдыхали своими легкими.

Географически эти острова во всех отношениях отличались от остальных фронтов войны. Мы должны были перебросить бойцов батальона с переднего края засады и разместить их в западном углу острова на некотором расстоянии от северного острова, чтобы вражеские водолазы не могли обойти остров или на лодках пробираться на те участки, где нет наших бойцов, прорывая линию нашей обороны.

Мы приняли рубеж у 7-й дивизии «Вали-йе Аср», и инструктаж для нас проводил заместитель командира дивизии хадж Мехди Кийани<sup>1</sup>. Бойцы дивизии «Вали-йе Аср» были из Хузестана. Они были прекрасно знакомы с местными водоемами и болотами, привыкли к 50-градусной южной жаре, но для нас все это было в новинку. Помимо невыносимой жары, эти три дороги были мишенью для массированного артиллерийского и минометного огня, обстреливались из танков, «катюш» и с самолетов. Поэтому, если кто-то хотел пройти из северного острова вперед по одному из молов южного острова, ему приходилось пробираться через зону сплошного огня, и если он добирался дотуда живым, то оказывался в укрепленной точке под названием «засада», которая,

---

<sup>1</sup> Пожалуй, никто, даже сам хадж Мехди Кийани, не знал, что через год, в 1985 г., он станет командиром дивизии «Ансар оль-Хосейн» (прим. авт.).

конечно же, давно была обнаружена врагом и тоже находилась под обстрелом.

Остров своим видом навевал мысли о Кербеле. Жара лишала нас покоя, а жажда будто бы проникала в самую душу. После принятия решения о том, что батальон «Мослем эбн Агель» отправится на линию раньше других батальонов, я сказал хадж Хасану Таджуку: «В Кербеле Муслим ибн Акиль<sup>1</sup> также первым получил задание от Имама».

После батальона «Мослем» на молах закрепились батальоны «Гасем эбн оль-Хосейн» и «Хазрат-е Али Акбар», а затем подошла наша очередь. Из-за высокой плотности вражеского огня у нас не было другого выхода, кроме как рассредоточить силы по всей территории островов. Три роты, по решению планово-оперативного управления бригады, мы разместили на большой территории от северного острова до острия западного угла южного острова. Это был укрепленный рубеж, передняя линия которого уже получила известность как гиблое место.

Чтобы добраться до того гиблого места, или «засады», мы проделали путь на лодках, пока не оказались в 600 метрах от него. Там нам пришлось сойти на берег и пройти прямо по каналу, протянувшемуся вдоль дороги. Канал имел глубину около метра, но был расположен в непосредственной близости от воды, а потому во многих местах забит грязью и глиной. Чтобы пройти по этому заболоченному каналу, нам приходилось снимать ботинки, носки и штаны. Ботинки мы вешали на шею,

---

<sup>1</sup> Муслим ибн Акиль (ум. 680) – сын Акиля ибн Аби Талиба, двоюродный брат Имама Хусейна ибн Али. Был отправлен им в качестве посланца к жителям Куфы, пригласившим Имама для восстания против Омейядов. Был предан куфийцами, схвачен омейядским наместником города Убайдаллахом ибн Зиядом и казнен (*прим. пер.*).

а одежду повязывали вокруг нее вместе с чафией<sup>1</sup> или убирали в рюкзак. Так мы и шли по этому каналу, кишащему змеями, лягушками и черепахами. Мы больше не поднимали глаз к небу, с которого на нас лился вражеский огонь, а внимательно глядели на воду и землю. Страх перед змеями заставлял нас шагать быстрее по этой грязной и мутной жиже.

Когда мы дошли до конца канала, наши тела по пояс были покрыты зловонной грязью. Мы уже подходили к «засаде», где снова могли смотреть на небо, проливавшееся на нас дождем вражеских пуль и снарядов. В этих условиях ни один боец не мог оставаться в «засаде» больше двух дней, и его нужно было заменять, конечно же, если его не сбивал с ног тепловой удар или он не получал пулю или осколок снаряда. Если кого-то ранило днем, ему приходилось ждать до наступления темноты, пока не представится возможность вернуться в тыл на лодке или по тому самому каналу.

Положение дел на острове не ограничивалось одной лишь войной с огнем. Отсутствие воды и обезвоживание переносить было еще тяжелее, чем вражеский огонь. Прибывавшие из тыла привозили с собой лед, а некоторые даже кололи лед на куски, складывали его в чафию и привязывали к голове. Однако лед очень быстро таял и превращался в воду, которая смешивалась с потом, покрывавшим их головы и лица.

Когда я впервые отправил группу бойцов в «засаду», я рассказал им об операции «Хайбар» и важности удержания островов, которую подчеркивал в своих выступлениях Имам<sup>2</sup>, а также о том, что занятие этих островов да-

---

<sup>1</sup> Чафия – шейный платок черно-белой расцветки, аналогичный арабской куфии, арафатка (прим. пер.).

<sup>2</sup> Имам Хомейни (прим. пер.).

лось нам ценой потери руки командира дивизии «Эмам Хосейн» Хасана Харрази и оторванной головы хадж Хеммата, командира дивизии «Мохаммад Расулоллах».

Я помню, как один из взводов роты Мехди Зафари впервые шел к «засаде» по западному молу. Ребята Мехди Зафари прошли через весь фронт и были опытными бойцами, отправка которых первым эшелоном придавала смелости всем остальным.

Я находился в штабе командования батальона, в 2–3 километрах в сторону тыла, на западном моле. Иногда они докладывали мне по рации об обстановке. Я знал, что там происходит, что вражеский огонь не дает им ни секунды покоя, но не думал, что иракцы проявят такую наглость, что окажутся у них под самым носом.

Между ними и иракцами было не более 30 метров, но они так тихо разговаривали со мной по рации, что я не мог разобрать их голоса. Сколько бы я ни просил их говорить громче, они будто меня не слышали. В конце концов они каким-то образом дали мне понять, что справа от них к «засаде» подошли иракские водолазы и находились в трех метрах от них. Ребята сказали об этом, и больше я не слышал от них ни слова. Я забеспокоился и сам пошел к «засаде» вместе с радистом.

Был день, и стояла такая жара, что мне казалось – солнце прижалось к земле. Влажный горячий воздух насквозь пропитал одежду. Я дошел до того самого 600-метрового канала и разделся. Позади меня то же самое сделал радист. Кое-как мы пробрались через эти топи и дошли до «засады».

Увидев меня, ребята вышли из окопа. Я спросил: «Где трупы иракских водолазов?!».

Командир взвода сказал: «Мы не вступили в бой. Не стали выходить из окопа. Водолазы подошли вплотную к нашему окопу и спустились под воду без боя».

Я закричал на них и громким голосом, чтобы иракцы услышали за тридцать метров, сказал: «Ну пришли иракские водолазы, и что с того?! Ты должен стоять во весь рост, а не он. Это он должен ходить пригнувшись, ползая по земле, а не ты! Кто служит в батальоне “Хазрат-е Абольфазль”, тот должен быть смелее и решительнее этих потомков Ибн Зияда<sup>1</sup>!».

Когда я говорил, над нами со свистом пролетали снаряды и падали в воду рядом с «засадой». Но я не видел никакого другого выхода, кроме как стоять и говорить, чтобы придать бойцам смелости.

Потихонечку страх ребят улетучился. Я сел на берегу и стал смывать грязь с ног. Вода была непригодна для питья. От дурного гнилостного запаха, исходящего этой водой, начинало мутить, но ребята на веревках закидывали свои фляги в эту воду и наполняли их.

Один из басиджей предложил мне флягу с водой. Мне очень хотелось пить, но я не стал этого делать.

Басидж сказал: «Хаджи, не волнуйся. Это вода не с острова. Я набрал ее из цистерны и до сих пор не пил ее». Как он ни любезничал со мной, я не притронулся к той воде. На обратном пути с рубежа я думал: «О Боже! Как же там тяжело – это зловоние, отсутствие питьевой воды, жажда...».

\*\*\*

Каждые две-три ночи мы меняли бойцов на рубеже и иногда сами оставались с ними до утра. Не было и дня,

---

<sup>1</sup> Убайдаллах ибн Зияд (ум. 686) – омейядский наместник Басры, Куфы и Хорасана в период правления Муавии I и Язида I, командующий омейядской армии при халифах Марване I и Абд аль-Малике. В истории его имя упоминается по большей части в связи с ролью в убийстве членов семьи Али ибн Аби Талиба и стало нарицательным в шиитской традиции (*прим. пер.*).



чтобы кого-нибудь не убило или не ранило. По правде говоря, оставаться два-три дня в «засаде», даже не вступая в бой с врагом, было тяжелее, чем проводить такие операции, как «Вальфаджр-5».

Однажды мы сидели в штабе батальона. Вражеский огонь немного стих, и представилась хорошая возможность искупаться, хотя вода, как и воздух вокруг нас, была горячей, того и гляди закипит.

Реза Заргяри не умел плавать. Хотя глубина воды у острова едва ли достигала двух-трех метров, заходя в воду, он начинал бить по ней руками и ногами, а иногда тащил на дно каждого, кто попадался ему под руку.

Вот в такое время к нам приехала группа духовных лиц и проповедников. Их работа на фронте состояла в том, чтобы ездить к бойцам и читать им проповеди. Это оказывало на них крайне положительное воздействие. В батальонах было немало учащихся богословских школ, которые одновременно участвовали в боях и занимались религиозным просвещением.

Я представил эту группу из пяти человек Аббасу Малмиру, который был старшиной роты, и сказал: «Проводи наших уважаемых братьев до “засады”».

Я был уверен, что в этих тяжелых условиях ребята на рубеже воодушевятся, увидев молодых талабе<sup>1</sup>. Конечно, из-за вражеского огня я также беспокоился о том, чтобы по пути к «засаде» никого из них не задело.

Аббас Малмир отправился с ними в путь после захода солнца, но меньше чем через час вернулся один. Они должны были пробыть с ребятами в «засаде» как минимум одну ночь. Он доложил, что условия оказались непростыми и они не смогут вернуться так быстро.

---

<sup>1</sup> Талабе – учащийся шиитского богословского училища (хоузе) (прим. пер.).

Я спросил у Аббаса: «Что-нибудь стряслось?!».

Он сказал: «Почтенные решили выяснить, идти ли им дальше, и попробовали истихару<sup>1</sup>. Истихара не получилась».

Аббас был шутником и балагуром, но хорошо знал, что я не переносу даже малейших двусмысленных намеков о духовенстве. Я с серьезным видом спросил у него: «Что случилось? Куда делись талабе?!».

Тогда он рассказал: «Когда мы от вас вышли, мы прошли два-три километра пешком до одного места на подступах к “засаде”, где несколько басиджей читали на понтонном мосту вечерний и ночной намаз. Один талабе, который казался старше остальных, увидел лицо одного из басиджей, плакавших во время намаза, и сказал другим: “Братья, клянусь Аллахом, ирфан<sup>2</sup> и духовность – всё здесь!”. В конце концов мы тоже прочитали вечерний и ночной намаз за тем талабе, что был постарше. После намаза я ему говорю: “Хадж-ага, чем дальше будем идти, тем больше будет ирфана и духовности”.

Не прошли мы и нескольких метров в сторону от тех басиджей, как у нас над головой один за другим стали взрываться артиллерийские мины. Талабе думали, что приехали проповеди читать, а тут взяли и попадали в грязь прямо в тюрбанах и накидках. Эти бедолаги не знали, что при взрыве такой мины нужно какое-то время стоять прямо. Ни в кого осколком не попало, и мы пошли дальше. Подходим туда, где начинается заболоченный канал, я снимаю штаны и ботинки. Из-за жары я еще и рубашку снял, оставшись в одних трусах. Потом говорю их старшему: “Хадж-ага, разденьтесь”. Они говорят: “А зачем это нужно? Ну

---

<sup>1</sup> Истихара – намаз, состоящий из двух ракатов, после которого молящийся мусульманин просит Аллаха помочь ему принять правильное решение по тому или иному вопросу (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Ирфан – мистическая составляющая исламской религии, учение о самосовершенствовании и познании Всевышнего (*прим. пер.*).

и дела у вас на фронте!”. Я говорю: “Вы не хотите увидеть духовность и ирфан во всей красе?! Чтобы достичь высшего уровня духовности, нужно снять одежду”.

Талабе ничего не сказали, но и одежду снимать не стали. Прямо так и пошли за мной по грязи и жиже. Снаряды, как обычно, падали то справа, то слева каждые две минуты. Каждый раз, когда доносился свист снаряда, мы ложились на дно канала. Когда они вставали, это было то еще зрелище. Посреди пути один талабе, который шел сзади меня, хлопнул меня ладонью по шее из-за спины так, что я упал.

Спрашиваю: “Что случилось?!”

Говорит: “Ты куда нас ведешь?!”

Я говорю: “К вершинам ирфана”.

Он понял, что дальше будет еще хлеще. Встал и говорит: “Надо сделать истихару, идти дальше или нет?”.

Я говорю: “Хадж-ага, никто из тех ребят, что сюда шли, истихару не делал”.

Он ничего не ответил и повернул обратно, а за ним и другие. Как я ни кричал им: “Дорогие, осталось пятьсот метров до вершин ирфана”, – они так и не вернулись. Вот и сбились с дороги».

Об этом случае мне рассказал Аббас Малмир. Нас было несколько человек. Все мы слушали и смеялись. Однако и Аббас, и я, и все остальные прекрасно знали, что все, кто приезжал на фронт в одежде талабе, всегда служили источником энергии для ребят.

Некоторое время спустя мы отвезли роту Аббаса Малмира в тыл и отправили на передовую роту Мохаммад-Хосейна Махджуба<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Мохаммад-Хосейн Махджуб благодаря своим достоинствам был назначен ответственным за сохранность разведанных по дивизии, но и там он не знал покоя. Во время операции «Кербела-5», несмотря на свой высокий пост, он вернулся в батальон и погиб смертью мученика в Шаламче (прим. авт.).

Махджуб был столь же достойным, как и его фамилия<sup>1</sup>. Без всякого шума и показухи он посвящал всего себя своим бойцам, как отец. Он не мог долго усидеть на одном месте. Под тем или иным предлогом он уходил из штаба роты, который находился ближе к тылу, чем «засада», и отправлялся к своим ребятам.

Однажды жарким летним днем я увидел, как он шел в штаб батальона и что-то тайком от меня говорил хадж Резе Заргяри, замкомандира батальона, потом уходил, а через несколько минут снова приходил. Я наблюдал эту сцену в течение нескольких минут.

Когда он ушел в последний раз, лицо у него было веселым и улыбочивым. Я спросил у хадж Резы Заргяри: «Что было надо господину Махджубу?». Хадж Реза сказал: «Ты же знаешь Махджуба, как он заботится о ребятах. Он меня уговаривал отпустить его к бойцам его роты в “засаду”, чтобы отнести им льда. Я не давал ему согласия из-за опасности попадания под вражеский огонь. В конце концов он меня уговорил и понес свой лед на передовую»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Персидское значение этого имени можно перевести на русский язык как «стеснительный» (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Стоит послушать подробности этого случая со слов самого Резы Заргяри: «В 11 часов утра, когда летняя жара на острое была в самом разгаре, мы сидели в окопе командования батальона с хадж Мирзой и обливались потом, когда к нам заглянул Махджуб. Он вошел в окоп и с ходу сказал: “Ребята в засаде умирают от жары, у них нет льда”. Я говорю: “Ну нет, и ничего страшного. Сейчас нельзя идти на передовую, под пристальным взглядом врага. Отнести им лед – это самоубийство”.

Хосейн Махджуб и впрямь соответствовал своей фамилии (то есть был стеснительным – *прим. пер.*). Он повесил голову и ушел. Но через пять минут снова пришел и умоляющим тоном сказал: “Ну так же нельзя. У нас тут есть вода и лед, а они там на передовой мучаются от жажды...”. Я сказал: “Брат Махджуб, если ты хочешь сам остаться целым и чтобы твои ребята остались целы, тебе нужно отказаться от этой затеи. Пусть потерпят несколько часов, пока не стемнеет”.

\*\*\*

Все три роты размещались на острове посменно, одновременно с этим мы отправляли часть бойцов на отдых в лагерь имени Мохаррами.

Бойцы, находившиеся в лагере, могли отдохнуть только от вражеского огня, который преследовал их повсюду на острове Маджнун. Каждый день некоторые из них оказывались под капельницей из-за теплового удара, а других увозила неотложка с укусами змей и скорпионов. Несмотря на это, нам нужно было проводить учения с нашими бойцами, чтобы подготовиться к любым ситуациям и проявлять выдержку. Мы устраивали маневры в основном по ночам, а днем давали ребятам свободное время.

Однажды во время полуденного зноя Аббас Малмир сказал: «Хадж Мирза, там среди бойцов, похоже, луры с тюрками подрались».

Для меня было абсолютно в новинку слышать о физическом насилии между ребятами. Это меня сильно расстроило и раздосадовало.

Мы с Малмиром вместе выскочили из палатки. Я сказал Малмиру: «Иды разыщи всех участников драки и узнай у них о причинах ссоры».

---

Махджуб, казалось бы, согласился и ушел, но через несколько минут опять вернулся. Он снова обратился со своей просьбой и услышал от меня тот же самый ответ. Это его хождение туда-сюда повторялось еще несколько раз. В конце концов мне стало неудобно перед ним из-за его настойчивости. Он сказал: «В батальоне «Абольфазль» занятие водоноса и служение людям является высшим постом. Я не могу оставаться здесь, когда мои ребята там на передовой умирают от жажды».

Господь свидетель, эти его слова вызвали у меня ассоциации с той сценой, когда Достопочтенный Абу-ль-Фазл нес воду для страдавших от жажды детей в шатрах, и произвели на меня такое впечатление, что я сказал: «Иди» (Интервью с генералом Резой Заргяри. Мешхед. 26.01.2014).

Он пошел и привел из двух общих палаток две группы ребят, говоривших по-лурски и по-тюркски. Они рассказали о том, что произошло. Луры говорили, что турки над ними издеваются, а турки говорили, что луры смеются над их акцентом.

В сухом остатке получалось, что на самом деле никто ни над кем не издевался, речь шла о простом недоумении. Во время разговора ребята из одной палатки считали виноватыми ребят из другой. Такой простой конфликт накалил обстановку во всем батальоне. Я всех собрал. Вид у меня был недовольный и сердитый. Все стояли, понуриив головы.

Я прочитал им аят Корана: «О люди! Воистину, Мы создали вас из мужчины и женщины и сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга, и самый почитаемый перед Аллахом среди вас – наиболее богобоязненный»<sup>1</sup>.

Затем я сказал: «Аллах сказал, что отличия между языками, народами и племенами нужны для того, чтобы лучше познать Его, а не для гордыни и превосходства друг над другом. Саддам тоже гордится арабским происхождением перед аджамами<sup>2</sup>. Так какая же разница между ним и вами?!».

Я слышал доносящийся откуда-то плач, но жалость тут была неуместна. Их нужно было наказать. Я отправил их к хадж Резе Заргяри.

На следующее утро во время утреннего построения хадж Реза вывел из строя двух главных зачинщиков потасовки и велел им ползать по земле под раскаленным сол-

---

<sup>1</sup> Коран, 49:13.

<sup>2</sup> Аджам – принятое у арабов название ираноязычных мусульманских народов восточных провинций Арабского халифата. Термин получил новое звучание в эпоху роста арабского национализма (*прим. пер.*).

нцем. Оба они были без обуви и ползали по-пластунски, опираясь локтями о раскаленную землю, так что руки их быстро покрылись ранами. Остальные ребята смотрели. Тюроч, ползая по земле, плакал и читал аят: «Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь Посланнику и обладающим властью среди вас<sup>1</sup>».

А лур был настроен сурово, но и он умоляюще смотрел на хадж Резу Заргяри. Хадж Реза сказал: «После наказания я вас обоих списываю с фронта». От страха, что им придется уехать с передовой, оба заплакали. В конце концов я заступился за них, обещая, что они больше не будут устраивать стычек между тюрками и лурами. Хадж Реза вернул их в части.

Через два месяца, проведенных на фронте в Маджнуне и в лагере Мохаррами, нам сообщили, что мы должны вернуться на западный фронт. Услышав об этом, один из басиджей сказал: «Мы-то уедем, но да поможет Аллах тем, кто приедет на остров вместо нас»<sup>2</sup>.

После сдачи нашего рубежа на острове Маджнун другому подразделению мы поехали в Дизфуль и уже через несколько дней вернулись в Нахаванд. В тот день Нахаванд попал под бомбежку. Моя супруга с Мостафой, Зайнаб, Салманом и еще одним ребенком, который был на подходе, жили на улице Джавадийе в Нахаванде. От взрывов бомб стекла в доме разбились на мелкие кусочки. Несмотря на это, на лицах детей не было никакого страха. Мы жили в доме с двумя спальнями, ванной и туалетом, который снимали на две семьи вместе с Карамали Мумивандом. Он также жил с женой и двумя детьми в этом старом маленьком домике в очень простой, но ис-

---

<sup>1</sup> Коран, 4:59.

<sup>2</sup> Наш батальон за два месяца обороны на острове Маджнун в составе бригады «Ансар оль-Хосейн» потерял 30 человек убитыми и 150 человек ранеными (прим. авт.).

кренней и благочестивой обстановке, занимая одну комнату. Все остальное, например, ванная и туалет, у нас было общим. Арендную плату мы тоже делили пополам<sup>1</sup>. Наши финансовые возможности не позволяли нам большего, и мы были вынуждены жить вместе, соблюдая все нравственные принципы и шариатские установления, касавшиеся частной жизни и благопристойного поведения.

На сей раз, увидев разбитые вдребезги стекла, выбитые оконные рамы, я сказал жене, чтобы она поехала в деревню и оставалась там до появления на свет нашего ребенка. Она не согласилась и сказала: «Я останусь здесь».

Хотя бомбежки продолжались, мне нужно было ехать на фронт в Меймак и готовить свой батальон к операции. В минуту прощания я сказал: «Несправедливость преходяща. Таково обещание Господа. А за бомбежки они нам ответят на фронте».

\*\*\*

Совещания и инструктаж командиров операции в Меймаке начались на базе Салман в Эсламабаде-Гарб. Председателем на них был Мохаммад-Багер Галибаф<sup>2</sup>, демонстрировавший полноценное участие армии, с которой мы должны были слаженно взаимодействовать в районе Меймака, также к 81-й пехотной дивизии армии присоединялись бригады «Эмам Реза», «Наср», «Наби-йе Акрам» и «Ансар оль-Хосейн».

Главная цель операции в Меймаке состояла в том, чтобы сократить нагрузку на южные фронты и овладеть

---

<sup>1</sup> Карамали Мумиванд в настоящее время занимает должность в общем штабе КСИР (прим. авт.).

<sup>2</sup> Иранский государственный деятель, мэр Тегерана в 2005–2017 гг. (прим. ред.).



высотами, которые давали нам возможность полностью контролировать границу. Эти высоты были еще до войны предметом территориальных споров между Ираном и Ираком.

Мы начали разведку местности. Наша линия и передний рубеж проходили по четырем высотам: Галалам, Голам-Зард, Фосайль и Гаракни. Поэтому задача перед нами стояла не из легких. В то же время большое расстояние между нашими и вражескими позициями позволяло нам пользоваться многочисленными траншеями и горными тропами для ведения разведки. Единственной проблемой для нас было наличие горной дороги, которая вела к главному шоссе, где нам угрожали артиллерийские и воздушные обстрелы со стороны врага. Хотя дорога и проходила по ущельям и узким горным проходам, она полностью просматривалась врагом.

Если не считать массированного огня, в котором, как и на многих других фронтах, враг имел полное превосходство, в остальном у нас с ним было много общего. И у них, и у нас не было сплошной и непрерывной оборонительной линии. География этого района также представляла им возможности для разведки, как и нам. Обе стороны планировали операции и готовились к их осуществлению. Все признаки и факты свидетельствовали о том, что враг хочет опередить нас и провести операцию первым, а потому нам нужно было быстрее перехватить у них инициативу.

Во время первой разведывательной вылазки мы вместе с ребятами Читсазийана и несколькими командирами батальонов днем прошли по нескольким невысоким холмам и узким горным проходам. Одновременно рядом с нами прошла разведгруппа неприятеля, совершенно нас не заметив, но мы их увидели. Пройдя еще немного, мы дошли до места, откуда могли целиком просматри-

вать раскинувшуюся перед нами долину. Ребята из разведывательно-оперативного управления ранее говорили, что иракские танки пасутся тут, словно овцы в поле. Мы здесь воочию рассмотрели эти «отары» и вернулись на свой рубеж, располагавшийся за насыпью, где дислоцировалась 21-я бригада «Эмам Реза». В одном из капопиров стоял танк, экипаж которого отдыхал. Мы вернулись после вылазки и решили тоже немного отдохнуть, как вдруг раздался гул артиллерийской мины, которая упала прямо на танк. В момент взрыва все пятеро, лежавшие на гусеницах, корпусе и башне танка, погибли. Танк не загорелся, но получил повреждения.

Разведка продолжалась, и мы вместе с другими командирами батальонов пошли в дополнительный гарнизон «Салман» и рапортовали о разведке местности. Был подготовлен план маневров. Несмотря на хорошо проведенную нами разведку, в штабе решили ограничить район нашей операции, поручив нам работать только на направлении двух высот – Фосайль и Гаракни. Однако работать предстояло вновь в плотном взаимодействии с армией. Было решено отправить вместе с нашим батальоном одну армейскую роту, а одну нашу роту присоединить к армии.

Мы закрепились под мостом возле укрепрубежа и ожидали, когда к нам придет командир присоединенной к нам армейской роты. К нам пришел его заместитель, к которому обращались «лейтенант Хазаи». Я его узнал. Так получилось, что он был из Нахаванда, а его жена приходилась двоюродной сестрой моей жене.

После знакомства с ним я задал вопрос: «Где командир вашей роты?». Господин Хазаи сказал: «Он уехал еще сорок дней назад и до сих пор не вернулся. Возможно, больше не приедет».

Я попросил его подготовить солдат его роты к моей лекции. Он с радостью согласился, и после необходимых согласований я прочитал лекцию перед бойцами армейской роты.

Хазаи говорил, что некоторые в армии считали, будто мы, ксировцы и басиджи, не приучены к воинской дисциплине и воюем с нарушением военной логики.

Я впервые читал лекцию днем и считал, что лучшим средством убеждения присоединенной к нам роты должно было быть обращение к одиннадцатой речи Имама Али из сборника «Нахдж аль-балага». Я сказал: «Когда Имам вручил боевое знамя своему сыну Мохаммаду аль-Ханафии<sup>1</sup>, он изрек следующее: «Даже если горы рассыплются в прах, ты будь тверд и непоколебим. Крепко стисни зубы. Вручи свой череп власти Аллаха. Твердо стой на земле. Посмотри на последние ряды вражеского войска и не обращай внимания на многочисленность врага. Знай, что победа – от Пречистого Аллаха»<sup>2</sup>.

Я прочитал слова этой хутбы Имама и после их перевода и разъяснения дал их анализ с точки зрения тогдашних условий на арене военных действий между нами и врагом, затем рассказал им о своем опыте предыдущих операций. После лекции среди солдат опять поднялся шум. Я предположил, что они обсуждают меня и мои слова, ничего не сказал и вышел.

Хазаи сказал мне о реакции бойцов на мое выступление и выразил удовлетворение.

В ходе последующих встреч с армейской ротой мы уже общались более по-свойски, так что речь даже зашла о ликвидации дефицита снаряжения, например противо-

---

<sup>1</sup> Мухаммад ибн аль-Ханафия (ум. 701) – третий сын Имама Али ибн Аби Талиба, родившийся не от Фатимы, а от персидской наложницы (прим. пер.).

<sup>2</sup> Нахдж аль-балага. Хутба 11 (прим. авт.).

газов. Я сказал, чтобы им привезли противогазы. У них также было два 106-миллиметровых орудия, но не было машин, на которые их можно было бы установить. Я обеспечил их двумя джипами.

Однажды мы с командиром бригады, к которой относилась та самая армейская рота, имевшим звание полковника, пошли на наблюдательный пункт на нашей линии. Перед нашим приходом на накат блиндажа упала артиллерийская мина, убив наблюдателя вместе с еще двумя бойцами. Свежая кровь одного из них образовала на земле лужу. Это означало, что все произошло буквально пару минут назад. Бревенчатые перекрытия блиндажа были переломаны, а в валявшемся среди обломков бинокле оставалась целой только одна линза. Когда мы с полковником прошли в блиндаж, по нам выпустили несколько пуль из снайперской винтовки, одна из них попала прямо в центр неразбитой линзы бинокля. Наблюдательный пункт располагался настолько близко к позициям врага, что безо всякого бинокля можно было видеть вражескую командирскую «Тойоту» с крытым верхом, которая ехала в сторону нашего рубежа.

Спустя несколько минут в наблюдательный пункт вошел кто-то еще. Это был командир нашей бригады хадж Хосейн Хамадани. Было понятно, что они с командиром армейской бригады договорились встретиться в наблюдательном пункте, чтобы осмотреть позиции врага. Два командира переговорили между собой, после чего армейский командир ушел, а мы с господином Хамадани пошли на соседний холм, чтобы осмотреть вражеские позиции с другого ракурса.

По пути господин Хамадани сказал, что, по всей видимости, от присоединения к нам армейских частей придется отказаться, и нам нужно действовать самостоятельно, силами своих собственных ксировских под-

разделений. Я не стал спрашивать о причинах. Так мы дошли до соседнего холма. Наблюдателем на посту был мой младший брат Шир-Мохаммад. Увидев меня и командира бригады, он засиял от радости. Господин Хамадани сказал ему, чтобы он вызвал огонь по целям на противоположном холме. Шир-Мохаммад хорошо навел минометный огонь по окопам на вражеской оборонительной линии. Теперь уже сиял от радости я. Господин Хамадани приободрил его, и мы вернулись назад.

После того как от объединений армейских и ксировских частей отказались, разведка местности была продолжена. Командиры батальонов выходили с разведгруппами, чтобы рассмотреть маршруты движения во время операции, пока два разведчика из разведывательно-оперативного подразделения не подорвались во время разведки на минах.

С каждым разом вражеские бомбежки становились все более ожесточенными. За несколько дней до начала операции все поменялось. Было решено, что 21-я бригада «Эмам Реза» и 5-я бригада «Наср» атакуют высоты Фосайль и Гаракни, бригада «Наби-йе Акрам» – горную теснину Ней-Хазар, а наша бригада будет оставаться в подкреплении.

Одновременно с получением нами этих новых распоряжений ко мне приехал из Нахаванда один из моих братьев и сообщил мне, что на свет появился мой четвертый ребенок, это была девочка. Наступательная операция называлась «Ашура», кодовым словом операции было «Йа Хосейн!». Из почтения к Матери Имамов я передал, чтобы ее назвали Фатеме. Моя семья наверняка ожидала, что я приеду хотя бы на седьмой день после рождения дочери. Я не знаю, каким образом командир бригады узнал об этом, но он сказал: «Съезди в Нахаванд и возвращайся. Наша бригада остается в подкреплении».

Хотя слова командира обладали для меня силой шариатской обязанности, накануне операции я не мог оставить ребят своего батальона даже на один час. Я написал жене письмо. Как всегда, я не мог ничего сказать об операции, а только попросил у нее прощения за то, что ей приходится переносить все эти сложности в мое отсутствие.

\*\*\*

В середине октября 1984 года началась операция «Ашура». Бригады «Эмам Реза» и «Наср» выполнили свои боевые задачи, но ребята из «Наби-йе Акрам» понесли в теснине Ней-Хазар большие потери и, оказавшись под интенсивным вражеским огнем, залегли на землю. Мы все думали, что наши батальоны будут направлены к ним на помощь в качестве подкрепления, но этого не случилось. Командир бригады отправил с двух флангов для занятия нескольких опорных пунктов только два батальона – 153-й батальон «Гасем эбн оль-Хасан» и 155-й батальон «Хазрат-е Али Асгар», которые должны были прорвать кольцо оцепления в теснине Ней-Хазар. Но враг проявил смекалку и устроил засаду на пути батальонов, вынудив ребят отступить.

Теперь была очередь иракцев начать серию контратак силами пехоты и бронетанковых войск с целью возвращения высот, оказавшихся под контролем 21-й бригады «Эмам Реза» и 5-й бригады «Наср». Они расположили около ста танков перед несколькими освобожденными нами высотами и, одновременно выдвинув пехоту, артиллерию и «катюши», стали вести массированный огонь по высотам Фосайль и Гаракни, обстреливая каждый метр земли.

Мы лишь смотрели с наблюдательного пункта, как ребята из бригад «Эмам Реза» и «Наср» оказывали сопро-

тивление врагу и вели ожесточенные бои. Постоянно приходили сообщения о том, что на пути батальонов бригады «Ансар» в близлежащем от нас районе ведутся усиленные авиабомбардировки. Наибольшим обстрелам подвергалась высота Фосайль. Ребята из бригады «Наср» вели бои на протяжении двух дней, но враг не уступал. Господин Галибаф запросил помощи у господина Хамадани, и милость Божья не обошла нас стороной. Батальон «Хазрат-е Абольфазль» был выбран в качестве вспомогательного подразделения.

Я шел впереди, а хадж Реза Заргяри вел батальон из тыла в направлении высоты Фосайль. Ребята дошли до линии фронта лишь с заходом солнца, однако один из микроавтобусов оказался уничтожен, попав под бомбежку, несколько человек были убиты или получили ранения.

Хадж Хосейн Хамадани и его заместитель Джафар Мозахери прибыли в наблюдательный пункт раньше бойцов батальона, чтобы лично проверить, как мы руководим батальоном и отражаем атаки врага. С левой стороны от Фосайля находился холм под названием Тапейе-Шохада<sup>1</sup>. Мы расположились на нем и распределили три роты по трем направлениям – левому, правому и среднему. Наше присутствие придало измотанным боями ребятам из бригады «Наср» новые силы. Со всех сторон обрушивался огонь, иракские танки плотными рядами шли вперед и стреляли в упор, но не подходили настолько близко, чтобы ребята могли подбивать их из противотанковых гранатометов.

Через час господин Галибаф, заместитель начальника штаба «Наджаф» по оперативной работе, связался с хадж Хосейном Хамадани, и тот вместе с Джафаром Мозахери

---

<sup>1</sup> Холм мучеников (перс.) (прим. пер.).

вернулся в тыл, а я остался там и продолжал бой<sup>1</sup>. Ротные командиры по рации докладывали мне обстановку, как вдруг пришло сообщение о том, что погиб Али Моулави, заместитель командира батальона по боевому обеспечению.

После наступления темноты встретившие смелое сопротивление нашей бригады баасисты отступили, и наши позиции лишь подвергались артиллерийским и минометным обстрелам.

Я спустился с холма. Вот уже две или три ночи я не мог уснуть. Сна не было ни в одном глазу. Да и негде было спать. Я сказал своему заместителю: «Я посплю в “Тойоте” пару часов. Если что случится, разбуди меня».

---

<sup>1</sup> Джафар Мозахери, замкомандира бригады, говорит по этому поводу: «В первую ночь операции “Ашура” в теснине Ней-Хазар погибло много ребят из бригады “Наби-йе Акрам”, и многие попали в окружение. Командование бригады попросило нас любым возможным способом оказать им помощь, но прогноз штаба, в особенности господина Галибафа, состоял в том, что мы не только не прорвем плотное кольцо окружения, но и понесем аналогичные потери.

В этих условиях 5-я дивизия “Наср”, занявшая высоты в районе Фосайля, также оказалась под усиленным огнем и противостояла непрерывным контратакам вражеской пехоты и бронетанковых частей. Бригаду “Ансар оль-Хосейн” опять попросили направить на это направление один батальон, чтобы снизить нагрузку на дивизию “Наср”.

Мы, 152-й батальон (“Хазрат-е Абольфазль” – *прим. авт.*), приготовившись, с большим энтузиазмом подошли к этому заданию и сразу же попросили у хадж Мирзы (Сольги – *прим. авт.*) повести батальон на направление 5-й дивизии “Наср”. Мы назначили Хасана Торка командиром тамошнего направления. Работа 152-го батальона имело жизненно важное и решающее значение, и если бы натиск врага оправдал себя, это направление потеряло бы связь с другими. 152-й батальон под командованием хадж Мирзы за два дня самоотверженных боев оказал такое сопротивление врагу, что линию удалось закрепить» (Интервью с генералом Джафаром Мозахери. 16.02.2014).



Погода становилась холоднее. Я прижал колени к животу, пряча ноги от холода, и положил голову на руль. Мое усталые веки еще не успели сомкнуться, как над головой засвистел снаряд и ударил прямо перед левой дверцей машины. Мою левую ногу мгновенно пронзило болью. Три осколка попали мне в коленную чашечку и икроножную мышцу левой ноги, и если бы я не съезжился от холода, эти осколки наверняка угодили бы мне не в ноги, а напрямиком в сердце или грудь. Мясо на ноге обнажилось, а левый ботинок до краев наполнился кровью. Я не мог двигаться и встать на ноги. Дверца машины была сплошь изрешечена осколками. Ребята быстро подбежали и стали мне помогать выйти из машины. Но никакого транспортного средства, чтобы перевезти меня в медсанчасть, не было. Незам Кийани, один из парней нашего батальона, взвалил меня на спину, я застонал, и во тьме ночи он понес меня в тыл. Он пронес меня на спине, пожалуй, около двух километров, и кровотечение было таким сильным, что за несколько минут вся его рубашка со спины пропиталась кровью.

Он шел в непроглядном мраке ночи, тяжело дыша, а я у него на плечах, как и в минуты после ранения во время операции «Вальфаджр-5», всеми мыслями был со своим батальоном.

Я всегда перед операцией просил у Аллаха, чтобы, если со мной суждено чему-либо случиться, это произошло в последние минуты операции. Я тревожился из-за того, что на следующий день враг снова может перейти в наступление. Эти тревожные мысли мучили меня больше, чем рана в колене. Я пару раз сказал Незаму Кийани: «Давай обратно», – но он не обращал внимания, пока мы не добрались до пункта первой медицинской помощи. Мне наложили временную повязку, остановив кровотечение, и посадили в машину скорой помощи.

Была ночь, и шофер не знал дороги, а потому меня подкидывало вверх-вниз, отчего я сжимал губы, как вдруг почувствовал сильный удар и скатился с носилок, крепко ударившись головой в металлическую стенку кабины скорой помощи. Водитель машины не видел ничего впереди себя и врезался в зад какой-то «Тойоте».

Двое помогли и уложили меня на землю. Радиатор машины скорой помощи был раздавлен всмятку. Машина с неумелым водителем осталась стоять там, а меня повезли в тыл на той самой «Тойоте».

Я несколько дней провалялся в больнице в Керманшахе. Из моего колена шприцем вытягивали кровь и гной, но осколки так и остались внутри. Я стал, пусть и прихрамывая, ходить с тростью в руке, чтобы убедить врача позволить мне вернуться на фронт. Несколько ребят из батальона пришли меня навестить и сказали, что после моего ранения ситуация на фронте сразу же успокоилась и стабилизировалась.

Я рассмеялся и сказал: «Ну тогда мне надо было еще раньше получить ранение».

## Глава 6

### НОЧЬ НА АШУРУ В БАТАЛЬОНЕ «АНСАР ОЛЬ-ХОСЕЙН»

Батальон вернулся в Нахаванд. Несмотря на бомбежки, жители выходили встречать бойцов. Я тоже отправился в Нахаванд на карете скорой помощи. Приехав домой, я сразу же отложил трость в сторону, но все еще хромал. Я впервые увидел свою дочь Фатеме спустя месяц после ее появления на свет.

Теперь в семье утвердился паритет между полами: шестилетний Мостафа, четырехлетняя Зайнаб, двухлетний Салман и месячная Фатеме. Радуюсь встрече с семьей, я позабыл о боли в ноге, но все никак не мог смотреть своей супруге в глаза из-за ее тяжелой участи вдали от родного дома.

Это была не женщина, а настоящая львица. Она так выхаживала четверых детей, один меньше другого, что я ни на секунду не переживал об их воспитании. Она также считала, что тот, кто защищает родину, должен иметь поддержку и тыл. На этот раз она увидела, что я уже в третий раз возвращаюсь домой раненым, и решила сказать о том, что у нее наболело: «Ей-богу, хорошо, что вы копите для себя загробное воздаяние на фронте и получаете гарантию на рай, но как же мы, женщины?!».

Когда она произнесла эти слова, мне вспомнилось предание от Имама Али, и я ей ответил: «Хадж-ханум<sup>1</sup>, ваш вопрос задали Повелителю Правоверных жены моджахедов раннеисламской эпохи. Они тоже возмутились и сказали Его Светлости: “Какова награда за это терпение во время отсутствия наших супругов?” Его Светлость сказал: “Ваша обязанность – это терпение и хранение вверенного вам в отсутствие ваших мужей, и ваша награда перед Господом будет в точности равна награде совершающих подвиг на пути Аллаха”».

Выслушав это предание, моя супруга сказала: «Хорошо. Мне вообще не нужна награда. Только вы будьте с нами». Религиозная вера была у моей жены и даже у наших маленьких детей в крови. Они никогда не проявляли недовольства, если только я не пытался подготовить их к тому, что могу погибнуть на фронте.

Однажды ночью после операции в Меймаке я увидел во сне мученика Моулави. Он, как всегда, был весел, смеялся и говорил: «Хадж Мирза, тебя здесь очень не хватает». Я со слезами на глазах сказал ему: «Я тоже погибну, защищая родину!».

Моулави дал мне ответ, который заставил меня улыбнуться сквозь слезы. Он сказал: «Не беспокойся, ты тоже станешь мучеником и придешь к нам, но не сразу. Только будь терпеливым».

Когда я проснулся, то сразу же с радостью и волнением рассказал сон жене и попросил ее еще лучше подготовиться к этому событию, но она сразу же заплакала и сказала: «Не говори мне таких вещей! Я никогда не мешала вам пойти на фронт, но мне невыносимо слышать об этом».

---

<sup>1</sup> Хадж-ханум (от араб. хаджи – паломник к Каабе», тюрк. ханум – «госпожа») – уважительное обращение к женщине в Иране (прим. пер.).

Мы с женой были в полном смысле слова влюблены друг в друга. Услышав от нее такие слова, я сказал, что на все воля Всевышнего, и больше уже никогда не говорил с ней об этом<sup>1</sup>.

\*\*\*

На западном фронте бригада базировалась в гарнизоне Шахбази в Чарзебаре. Это было местечко, расположенное за одноименным ущельем, неподалеку от трассы Керманшах – Эсламабад. Перед операцией «Ашура» мы впервые разбили палатку под дубами Чарзебара.

Начались учения и марш-броски в горных условиях. Ребята уставали, но никто не выражал ни малейшего недовольства. Осколок в моем колене не позволял мне выходить в марш-бросок вместе с ними.

Началось совещание бригады, посвященное изучению нового района операции, на котором были произведены некоторые перестановки на уровне руководства бригады. Али Читсазийан, который с самого момента создания бригады возглавлял подразделение разведывательно-оперативной работы, перешел в планово-оперативное подразделение, а его место занял Реза Мостаджири, командир 154-го батальона «Хазрат-е Али Акбар». Читсазийан подчинился приказу командира бригады, но его сердце все равно осталось с ребятами из разведыва-

---

<sup>1</sup> Парвин Сольги, супруга хадж Мирзы: «Я готовила себя ко всякому, но только не к гибели Хаджи. Мне было невыносимо даже говорить с ним об этом. Он хотел постепенно подготовить меня, но я начинала плакать, и Хаджи больше не продолжал.

В 1986 году мой отец пал смертью мученика, в тот же год погиб мой брат. Когда хадж Мирза собирался поехать на операцию, я сказала: «О Господь, я не могу помешать ему ехать. Да будет Тебе угодно, чтобы я не стала еще более одинокой, чем сейчас. Сделай что-нибудь, чтобы он остался жив, пусть и с оторванными руками или ногами». Так и случилось» (Интервью с Парвин Сольги. Хамадан. 26.11.2013).

тельно-оперативного подразделения. Я это понял с самого начала, когда мы поехали в Сумар.

С фронтом боевых действий в Сумаре я был знаком еще по дополнительной операции «Мослем эбн Агиль» в 1982 году. Однако за эти два года иракцы превратили разорванную линию фронта в Сумаре в плотную и непрерывную оборонительную линию, так что для прохода к их позициям нужно было пересечь ряд заграждений и обширных минных полей.

Маршрут, по которому предполагалось идти, был прощупан еще до нас ребятами из разведки, которые были знакомы с рельефом местности. Большое расстояние между нашими позициями и вражеским укрепленным рубежом позволяло нам выходить в разведку даже днем, но мы ходили только до проволочных заграждений и минных полей, находившихся перед вражескими позициями, находили там укромное местечко и определяли координаты.

Каждую ночь одна-две разведгруппы, включавшие по два-три командира батальонов, отправлялись на разведку. Иракцы с помощью местных жителей также доходили до холма под названием Тапе-Сандвичи. Однажды по пути назад мы услышали вблизи голоса нескольких иракцев, которые тоже возвращались после разведки наших позиций. Было дежурство командира батальона «Мослем эбн Агиль» хадж Хасана Таджука. Его разведгруппа включала Мохаммада Араба, Хосейна Джафарийяна и нового руководителя разведывательно-оперативного подразделения Резу Мостаджири. Однако в районе той самой вершины Тапе-Сандвичи они попали в засаду вражеского отряда. Хадж Хосейн Таджук, который чудом спасся живым из этой бойни, рассказывал мне в подробностях о том, как они попали в засаду: «Было темно. Как и в прошлые ночи, мы шли вперед со стороны холма Тапе-

Сандвичи и поняли, что попали в кольцо вражеского окружения. Это были иракцы, а также местная пятая колонна, говорили они по-курдски. В первый момент боя сразу же погибли два разведчика нашего разведотряда, а я получил несколько пуль. Хадж Реза (Мостаджири – прим. авт.) очень ловко покинул место боя. Иракцы стояли над нами. Я хотел притвориться мертвым, но они поняли, что я жив. Вероятно, шпионы сообщили им, что я командир батальона, и я был нужен им скорее живым, чем мертвым. Но я был тяжелым. Двум их здоровым парням пришлось взять меня за запястья. Они протащили меня несколько метров, устали и отпустили. Они ругались на фарси. Один из них щелкнул затвором, и по мне застрочила очередь. Одна из пуль попала мне в голову, и я больше ничего не чувствовал. Потом, когда я пришел в себя на больничной койке, я понял, что мне не суждено было уйти из этой жизни, и один из наших разведывательных патрулей подобрал меня и перенес в тыл»<sup>1</sup>.

Судьба хадж Резы Мостаджири оставалось неизвестной в течение нескольких дней. Ребята обошли высоту Тапе-Сандвичи со всех сторон, но от него не было ни слуху, ни духу. Спустя какое-то время весть о нем пришла из Ирака. После того, как он попал в плен, Али Читсазийан снова вернулся в разведывательно-оперативное подразделение.

Устроенная этой группе засада не помешала нам продолжать разведывательную работу. Даже командир бригады ходил в разведку вместе с начальниками разведывательного и плано-оперативного подразделений. Такое поведение хадж Хосейна Хамадани всех вооду-

---

<sup>1</sup> Хадж Хасан Таджук, храбрый командир батальона «Мослем эбн Агиль» из области Мелайер, спустя три года погиб в районе операции «Наср-8» в провинции Сулеймания в Ираке. Сообщение о его смерти я получил в Германии, лежа на больничной койке (прим. авт.).

шевляло. Даже я, все еще мучавшийся от раны в колене, выходил вместе с патрулем, чтобы удостовериться, что маршрут чист и батальон сможет по нему пройти в ночь проведения операции.

\*\*\*

Однажды, возвращаясь с позиций врага, я ощутил такую жажду, что не смог идти дальше. Вода во фляжке на несколько человек закончилась. Мы дошли до места, где текла горьковатая, сернистая вода с дурным запахом. Я попил этой воды, и жажда усилилась еще больше. За два километра до нашего рубежа я уже совсем валился с ног.

Ребята тоже вымотались, но не настолько. Я едва передвигал ноги, которые будто бы прибили к земле гвоздями. Горло саднило. Я стал уговаривать ребят: «Вы идите вперед, а я сам приду. Дорогу я знаю. Я только чуть-чуть отдохну». После ранения Таджики и пропажи Мостаджири, оказавшегося в плену, разведчики подумали, что меня постигнет та же участь, если они оставят меня там, но у меня уже не было сил идти дальше. Дошло до того, что они взяли меня под руки. Когда мы добрались до нашего рубежа, меня положили под капельницу, чтобы я немного восстановился.

На следующее утро вместе со всеми командирами бригады мы поехали в штаб, чтобы согласовать планы маневра с другими бригадами и дивизиями. С юга приехал ага Рахим Сафави, заместитель главнокомандующего КСИР. Присутствовало несколько высокопоставленных армейских командиров. Каждый доложил о состоянии личного состава подчиненного ему подразделения. Очередь дошла до меня. Я не привык начинать речь без чтения айата Корана или хадиса.

На этот раз я процитировал одно из кратких изречений Имама Али примерно следующего содержания:



«Все благие деяния, даже джихад на пути Аллаха, перед повелением одобряемого и воспрещением порицаемого подобны плевку перед морем»<sup>1</sup>.

Пока я читал хадис, я заметил, что ага Рахим будто бы задремал. Его веки опустились. Однако когда он обратился ко мне со словами: «Прочитай этот хадис еще раз, я запишу», – я понял, что ошибался. Один из наших друзей, который общался с ним чаще, потом сказал мне: «У него есть такая манера. На собраниях он сидит, наклонив голову, но всегда точно знает, кто что сказал». Ага Рахим тогда запомнил меня по этому хадису.

На последнем координационном совещании, которое проходило у нас в бригаде, хадж Хосейн Хамадани сказал: «Операция в Сумаре будет тяжелой. Тяжелее, чем “Вальфаджр-2”, “Вальфаджр-5” и “Ашура”. В каждом батальоне должно быть по одному специальному взводу, который в случае, если по той или иной причине всем придется залечь под вражеским огнем, встанет и будет двигаться вперед».

Я вернулся из Сумара в место дислокации своего батальона, располагавшегося чуть дальше гарнизона «Абузар», точнее в ущелье, которое получило известность как «лагерь имени героически павшего Хадж-Бабаи». Ребята, как всегда, веселые и беззаботные, стали с любопытством меня расспрашивать. Я ничего не сказал о районе операции и его географическом положении. Если бойцы находили в моих словах некое кодовое для них слово, они легко догадывались, где будет проходить операция. Я поговорил с ними два или три раза. Целью разговоров было выделить и отобрать несколько добровольцев для того самого специального отряда. Я сказал: «Мне нужно несколько отчаянных бойцов, которые в нашем противостоянии умному и коварному врагу, если мы окажемся

---

<sup>1</sup> Нахдж аль-балага. Хикмат 374.

на минном поле, будут готовы вызваться добровольцами и нейтрализовать мины, а если такой возможности не будет, то броситься на мины и колючую проволоку, чтобы очистить дорогу для батальона. Мне нужны те, кто для подавления пулеметного огня пойдет так далеко вперед, что будет снимать пулеметчиков штык-ножом. Мне нужны те, кто в случае, если танки заставят нас вжаться в землю, пойдет прямо на танк, залезет на башню, откроет люк и забросит внутрь гранату. Мне нужны те, чье тело будет разорвано на куски...».

Большинство ребят батальона заплакали и в порыве чувств вызвались добровольцами. Выбрать из них двадцать было непросто. Посоветовавшись с ротными командирами, я отобрал нескольких бойцов, которые были опытнее.

В те несколько дней, которые я провел в лагере, все бойцы, в том числе из специального взвода, были заняты чтением молитв, Корана и намаза. Конечно, ни один командир батальона даже в самых тяжелых условиях, в которых проходила операция, не согласился бы принести часть бойцов в жертву остальным и просить их ложиться на проволочные заграждения и минные поля, но часто так случалось, что одна группа добровольно принимала в какой-то момент такое решение, чтобы освободить путь для других, и усилием своей воли меняла судьбу всей операции. Так случилось и в этот раз.

Из всех бойцов того взвода я до сих пор помню два лица – это были бойцы, прибывшие из деревни Барзуль под Нахавандом: Фарзад Солеймани и Алишир Сури. Они были уверены, что больше не вернуться. Я чувствовал это по их бледным лицам, цвет которых напоминал белесый лунный свет.

Я и сам терзался борьбой с самим собой. Моя совесть и душа не позволяли мне требовать от группы людей какого-то поступка, но самому не входить в их число. Это

стало для меня мучительным вопросом, который раздирает меня изнутри. Как я мог говорить кому-то, словно ученый, чьи знания не подкреплены деяниями, чтобы они ложились на мины, а сам не быть в числе добровольцев?

Я отделил особый взвод от остальных и отправил в гарнизон «Абузар» в Саре-Поле-Захаб, чтобы с ними работали отдельно, а сам вернулся в Сумар и сказал командиру бригады: «Хаджи, смерть – это хорошо, но только, если это смерть соседа!».

Он спросил: «Что это значит?».

Я сказал: «Я не могу сказать специальному взводу: делайте то-то и то-то, а сам отсиживаться в тылу. Поэтому я возглавлю свой специальный взвод».

Господин Хамадани очень часто шел впереди всех. В оправдание себя я сказал ему: «Если я буду вместе со спецвзводом, это благотворно повлияет на моральных дух всех остальных. Тогда весь батальон станет спецподразделением».

Хадж Хосейн Хамадани сказал: «Брат Сольги, если командир батальона будет вместе со своим спецвзводом, то кто же тогда будет руководить батальоном?!».

Я сказал: «Замкомандира».

Он ответил: «А если он и остальные командиры батальона будут думать так же, как вы, что тогда?».

Я промолчал. Тем не менее его слова меня не убедили, и я вернулся в лагерь. По пути в Гилангарб, не доезжая до лагеря, мы слышали раздававшиеся один за другим звуки взрывов. Я посмотрел на небо: в сторону иракской границы возвращались несколько самолетов. Это было 16 марта 1985 года.

Я сидел за рулем «Тойоты» и сразу же надавил на педаль газа, но через десять минут послышались еще более сильные и обширные взрывы. Звук шел со стороны нашего лагеря и гарнизона «Абузар» в Саре-Поле-Захаб.

Мы прибыли в место, откуда я мог просматривать гарнизон «Абузар» с небольшой возвышенности. После бомбежки на всей территории гарнизона в воздух поднимались огромные клубы черного дыма, между которыми можно было видеть всполохи огня.

Самолеты подлетали группами и пикировали на гарнизон.

Я по радиации связался с ребятами батальона в лагере Хадж-Бабаи. Они в двух километрах от гарнизона «Абузар» тоже наблюдали за бомбежкой, но на них пока еще не было сброшено ни одной бомбы.

В это самое время господин Хамадани вместе с двумя командирами подразделения боевого обеспечения бригады – хадж Али Акбаром Мохтараном и Машаллой Башири – прибыли на ту высоту. Гарнизон «Абузар» был так сильно разбомблен, что синее небо над ним почернело, сделавшись неотличимым от земли.

Хадж Хосейн не сдержался и заплакал. Он за несколько месяцев подготовил все для проведения операции в Сумаре, и сейчас по щекам его текли слезы, как у человека, потерявшего в одночасье все свои накопления.

Мы вместе спустились с командной высоты, позволявшей просматривать гарнизон и рассыпанные вокруг него небольшие холмы. Нас не сдерживало, что бомбежка еще продолжалась и самолеты могли вернуться в любой момент. Ребята горели в огне, и мы не могли наблюдать за этим издалека.

Бомбежка началась в 10 утра. Дивизия «Мохаммад Расуллоллах» ранее покинула гарнизон, но несколько армейских частей, две бригады – «Наби-йе Акрам» и наша, а также дивизия «Сейед ош-Шохада» КСИР находились в гарнизоне.

Я снова связался с лагерем, в котором размещался батальон. Абузан<sup>1</sup> завел ребят в укрытие из скалистых

---

<sup>1</sup> Хасан Абузан был тогда командиром роты, а во время операции «Кербела-5» взял на себя командование батальоном

уступов, чтобы в случае воздушной атаки на лагерь никто не оставался в палатках.

Мы зашли на территорию гарнизона. На асфальте между казармами повсюду валялись распотрошенные тела бойцов. Машины не ездили. Никто даже не решался помогать раненым, которые стонали от боли. Несколько многоэтажных бетонных зданий горело словно деревья, в которые попала молния. Отовсюду шел запах горелого мяса и дыма. Нам сказали, что самолеты сначала уничтожили несколько 23-миллиметровых зенитных орудий, а потом преспокойно разбомбили все вокруг, даже располагавшийся в гарнизоне большой госпиталь.

До этого времени уже были произведены два этапа бомбардировки, и ближе к полудню послышался гул моторов самолетов, летевших издалека, и мы побежали на нижние этажи зданий.

Самолеты летели так низко, что можно было с легкостью разглядеть иракские гербы и флаги на их фюзеляжах. На этот раз они сбрасывали бомбы и одновременно пускали ракеты и обстреливали здания из малокалиберных авиапушек. Я могу сказать наверняка, что за четыре года войны никто из бойцов еще не видел такой обширной бомбардировки.

Бомбежка продолжалась до 16.00. В их сторону не было выпущено ни одного патрона. В последний раз в темнеющее небо взмыли восемь МиГов, которые вскоре затерялись вдали.

Как раз наступило время вечерней молитвы. Мой взгляд упал на мечеть «Годс», в которой в прошлые дни было иголку некуда воткнуть от заполнивших ее бойцов, так что ребятам приходилось сидеть возле мечети. Теперь же, сожженная и затихшая, она обжигала тоской

---

«Кайс эбн Мосаххер» и погиб смертью мученика в Шаламче (прим. авт.).

сердце каждого, кто заходил в нее, чтобы совершить два раката намаза. Улицы гарнизона были завалены руками, ногами, разорванными надвое сгоревшими телами, так что санитарные группы не знали, как их собрать.

Когда я взглянул на мечеть, мне вспомнился спецвзвод, ребята из которого не расставались с намазом и молитвами. Они находились в гарнизоне, но никто из них не погиб, хотя все они были контужены или ранены осколками выбитых стекол и обломками рухнувших стен.

Бомбежка гарнизона «Абузар» в Саре-Поле-Захаб была на тот момент самым трагичным событием за всю историю участия в войне бойцов из провинции Хамадан.

В нашей бригаде и в бригаде «Наби-йе Акрам» было столько убитых и раненых, что план операции в Сумаре, несмотря на столь хлопотную для нас разведывательную работу, был изменен. В соответствии с распоряжением командования бригады, мы вернулись в гарнизон «Шохада», неподалеку от Керманшаха<sup>1</sup>.

История должна запечатлеть тот момент, когда после бомбежки хадж Хосейн Хамадани на совещании с командирами батальонов и штабных подразделений охарактеризовал подобную бомбардировку гарнизона «Абузар» как нечто естественное, и мне не верилось, что это был тот самый сострадательный и добрый человек, чьи глаза

---

<sup>1</sup> Реза Заргяри, заместитель командира батальона «Хазрат-е Абольфазль»: «Бомбардировка гарнизона “Абузар” в Саре-Поле-Захаб была самым тяжелым днем в жизни всех нас. После разгрома основной части личного состава из-за тяжелых потерь было решено отправить оставшуюся часть бойцов в гарнизон “Шохада”. Даже в микроавтобусе батальона после бомбежки не было ни одного целого стекла, а сам он был весь покорежен ударной волной и осколками бомб. Так я впервые стал шофером и в первый раз в жизни занимался тем, что перевозил в зимнюю стужу на том самом микроавтобусе без стекол бойцов батальона в гарнизон “Шохада” (Интервью с Резой Заргяри. Мешхед. 25.01.2014).

наполнились слезами, когда он наблюдал бомбежку. Он прекрасно руководил совещанием, делая акцент на наших священных обязанностях и джихаде, и подталкивал всех к реализации предстоявшей операции<sup>1</sup>.

\*\*\*

Уже два или три дня по радио сообщали о крупной операции под названием «Бадр» в районе болот Хур оль-Ховейзе<sup>2</sup>. Нам был дан приказ быстро выехать с западного фронта на юг. Наш батальон был откомандирован на юг уже во второй раз. Горечь трагедии в гарнизоне «Абузар» была еще свежа в памяти ребят. В тот день мне передали из области Нахаванд 350 000 туманов, собранных народом для оказания помощи батальону. Мы отчитывались по этим деньгам вплоть до последнего риала, а потому тратили их с маниакальной щепетильностью. На этот раз я распределил часть этих денег между ротными командирами и сказал: «Надо изменить настрой ребят»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> После бомбежки несколько батальонов бригады «Ансар оль-Хосейн» перенесли свои позиции в Сумар, в район высоты Тапе-Сандвичи, образовав непрерывную и хорошо укрепленную оборонительную линию под названием «Ухуд» (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> Хур оль-Ховейзе (*араб.* Хур аль-Азим) – болотистый район на ирано-иракской границе, в районе иракских притоков Тигра – аль-Мусарры и аль-Кахлы – и иранской реки Кархе (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Батальоны, привязанные к конкретным областям, вроде нашего, финансировались за счет пожертвований жителей этих областей. Было немало людей, вроде моей матери, которые все время сидели у танура и выпекали для бойцов хлеб, так что отправлявшегося нам из Нахаванда хлеба хватало и другим батальонам.

Иногда оказываемая жителями Нахаванда помощь приходила, в зависимости от сезона, в виде каких-либо фруктов. До самого окончания сезона на фронт непрерывно приходили машины, груженные арбузами. Зачастую водитель, привозивший фрукты на своем личном автомобиле, оставался и вместе со всем своим имуществом, то есть автомобилем, посвящал себя фронту.

Бесплатная закусочная «Салавати» в Хоррамшахре не могла приготовить еды на 400 человек, и мы были вынуждены поехать в Поле-Дохтар<sup>1</sup> и, как было принято говорить у басиджей, подкрепились челоу-кебабом<sup>2</sup>.

На закате дня мы прибыли в лагерь Мохаррами, расположенный вблизи от реки Карун. Я ехал впереди батальона, чтобы попасть на совещание, посвященное ознакомлению с районом. Когда мы пришли на совещание, атмосфера там царил печальная и удручающая. Все будто бы ждали, что случится нечто подобное бомбежке гарнизона «Абузар».

Господин Хамадани сказал командирам батальонов: «Дела в районе операции обстоят туговато. Наши бойцы вышли на тот берег Евфрата, к стратегически важному шоссе Эль-Амара – Басра<sup>3</sup>, но наш враг оказал жесточайшее сопротивление, отрезав их от тыла. Большая часть наших соединений находится в окружении. Сообщают о том, что неприятель давит тела погибших танками,

---

Денежные пожертвования передавали лично мне, а я передавал их снабженцам батальона. Я был уверен, что каждый риал этих денег заработан трудом самых чистых представителей общества, а потому должен расходоваться на бойцов правильным образом, исключавшим всякое расточительство.

Иногда, по мере необходимости, мы покупали на эти деньги автомобили. В первый раз мы купили один микроавтобус и один «Пейкан». Иногда во время поездок между городами или во время переезда с западного фронта на южный мы давали ребятам челоу-кебаб. Всем было известно: «если хочешь есть челоу-кебаб, иди в батальон “Хазрат-е Абольфазль”» (прим. авт.).

<sup>1</sup> Поле-Дохтар – город на западе Ирана, в провинции Лорестан (прим. пер.).

<sup>2</sup> Челоу-кебаб – одно из самых известных традиционных блюд иранской кухни, которое состоит из риса с маслом (челоу) и кебаба (прим. пер.).

<sup>3</sup> Эль-Амара – город в юго-восточном Ираке, в 50 км от границы с Ираном, административный центр провинции Майсан (прим. пер.).



а их пехота улюлюкает, топча ногами наших ребят. Они развернули широкую пропаганду. Ничего не известно о командире дивизии “Ашура” Мехди Бакери. Похоже, он со своими бойцами попал в окружение, а возможно, уже погиб. Сегодня ночью вы должны подготовить своих бойцов к операции, из которой уже не будет возвращения. Обо всем сообщили Иمامу (Хомейни – *прим. пер.*), и он сказал, что для выведения бойцов дивизии “Ашура” из окружения на фронт должны выехать Мохсен и Сайяд<sup>1</sup>. Наша задача ясна. Это задача, которую Имам Хусейн поставил перед своими сподвижниками в ночь на Ашуру. Поэтому сегодня после проведения первичного инструктажа соберите своих бойцов, чтобы я обратился к ним с последним воззванием».

Слова командира бригады зажгли наши сердца энтузиазмом, достойным героев Ашуры. Было решено, что их должны услышать все бойцы.

Бойцы только прибыли на место и устали, но после вечернего и ночного намаза все батальоны стояли на плацу гарнизона Мохаррами и внимали словам хадж Хосейна Хамадани.

Он, подобно бойцам пехоты, стоял с «калашниковым» наперевес и громкоговорителем в руках. Сначала он прочитал суру «Скачущие», а затем повторил, обращаясь к бойцам всех батальонов и подразделений, те же слова, которые за час до этого говорил нам, только с еще большей горячностью и воодушевлением. Обстановка достигла такого накала, что большинство бойцов пошли добровольцами в тот бой, напоминая об Ашуре и не суливший возвращения домой. Затем Хасан Торк прочитал «зиярат Ашуры», благодаря чему создалась атмос-

---

<sup>1</sup> Главкомандующий КСИР Мохсен Резаи и полковник Али Сайяд-Ширази, тогдашний командир сухопутных сил армии Исламской Республики Иран (*прим. авт.*).

сфера, в которой каждый всем своим существом ощущал, что переживает ночь накануне побоища Ашуры<sup>1</sup>.

Той же ночью я провел совещание с командирами батальона и дал им инструкции на основе информации о положении в районе операции «Бадр», которую получил на совещании командования бригады. Я сказал им: «В ночь на Ашуру опорой Имама Хусейна был Абу-ль-Фазл. Для батальона “Хазрат-е Абольфазль” завтра будет день Ашуры. Мы должны показать, что по праву носим имя сподвижников Хусейна – “Ансар оль-Хосейн”. Идите и поговорите с каждым из ваших бойцов».

Один из ротных командиров в шутку сказал: «Хадж Мирза, когда у тебя не было настроения на Ашуру, ты проводил собрания в ее честь, а теперь, когда все стало по-настоящему, как в Ашуру, поговори сам с ребятами».

Я согласился и собрал отдельно бойцов батальона. Хотя слова командира бригады произвели на всех неизгладимое впечатление, мы в батальоне «Хазрат-е Абольфазль» считали, что на наши плечи ложится вдвое большая ответственность. Я начал со следующего момента: «Сегодня ночь присяги сподвижников Хусейна своему Иمامу. Он принял от всех присягу именно в ночь на Ашуру, даже у Абу-ль-Фазла. Он создавал историю и определял путь человечества, а потому не повел никого на поле боя в Кербеле насилием и принуждением, даже своего знаменосца. Если они и пришли, вступили в бой и стали светочами грядущего пути, то только из своего стремления к Аллаху и осознания степени Друга Аллаха, которой обладал Имам. Сегодня ночью я, как и раньше, говорю с вами в темноте, поскольку я никогда не считал себя достойным командовать батальоном, удостоенным носить

---

<sup>1</sup> Эта ночь была особенной за все восемь лет Священной обороны и стала известна среди бойцов провинции Хамадан как ночь на Ашуру бригады «Ансар оль-Хосейн» (прим. авт.).

имя знаменосца Аббаса. Но я скажу вам: если вы готовы снискать мученическую смерть, то завтра идите в бой, а если нет, то идите и читайте Коран, готовьте себя духовно и морально к какой-нибудь другой ночи и другому испытанию. Нет такого человека, который не будет испытан Кербелой, а потому те из вас, кто выберет завтрашний день для того, чтобы покориться этому велению, пусть пойдут и назовут свои имена ротным командирам. Кто не готов, к тем нет никаких нареканий. Возможно, черед их испытания настанет в другой день, и их ждет другая Кербела».

Дойдя до этого места, я и сам расплакался. Чувства настолько овладели мной, что я выдавливал из себя слово за словом, но плач не оставлял меня. Вокруг поднялся гул голосов плачущих бойцов, который раздавался по всей округе.

После этой речи каждый выбрал себе угол и уединился сам с собой. За палатками, возле кустов и колючек, между зарослей тростника – повсюду, куда бы я ни посмотрел, был хоть кто-нибудь, погруженный в свои мысли. Некоторые еще продолжали плакать, а другие писали какие-то заметки или готовили завещание. Махмуд Шираванд, тот самый учитель, который во время операции «Вальфаджр-2» шел грудью вперед на любое тяжелое задание, припал к земле, словно лишившийся матери сирота, и не отрывал головы от земного поклона.

Из трех рот готовность идти в бой выразили только две, а остальные 150 человек либо подали заявление с изложением уважительных причин в письменной форме, либо сказали своим ротным командирам устно, что не пойдут.

На следующее утро до самого полудня, когда мы выдвинулись, мне приходили письма и записки от добровольцев. Эти письма несли в себе целую вселенную

посланий. Из слов бойцов можно было понять, что души очень многих ребят воспарили, но тела были не готовы отправиться в полет. Конечно, было немало и таких, кто ни в какой форме не был готов сознательно идти на смерть. Когда на следующий день они увидели энтузиазм двух других рот, некоторые из них все же вызвались присоединиться к добровольцам. Некоторые бойцы, которые старались тем или иным образом себя оправдать, поговорили со мной или передали мне письма, и мое отношение к ним было таким же, как и к тем, кто был готов умереть. Я приветливо говорил: «Только ищите помощи у Корана и читайте его столько, сколько сможете».

Добровольцы до полудня собрали свои вещи, автоматы Калашникова, пулеметы, противотанковые гранаты, лимонки. В ход шло только личное вооружение. Я сказал ротным командирам, чтобы они проверили оружие каждого из бойцов.

Когда мы расселись по машинам, в моем рюкзаке было множество писем. Это были письма ребят, поехавших с нами в бой<sup>1</sup>. Я читал каждое из них и говорил: «Благословен же Аллах, Наилучший из творцов!»<sup>2</sup>. Такой уровень духовного знания у юношей и подростков, у многих из которых едва пробивался пушок на лице, свидетельствовал не о чем ином, как о величии Пречистого Аллаха, сотворившего подобное. Особенно хорошо запомнилось мне письмо Хейдара Сохраби, командира одной из рот нашего батальона, который был с нами с самого начала, когда батальон только был создан. Он, как и я, толком не выучился в школе, не особо владел грамотой и писал: «О Аллах, я хочу десятки раз быть разорванным на Тво-

---

<sup>1</sup> К сожалению, эти письма сгорели под обстрелами врага во время операции «Вальфаджр-8» на полуострове Фао, но их содержание никогда не изгладится в моей памяти (прим. авт.).

<sup>2</sup> Коран, 23:14.

ем пути, сгореть и стать пеплом, чтобы моя душа вновь и вновь возвращалась в тело, я воскресал и снова погибал мучеником».

Все расселись по автобусам, «Тойотам» и грузовикам. Кто не хотел ехать, те с печалью провожали взглядами садившихся в машины ребят. Я внимательно рассмотрел их: все оставшиеся были недовольны. Возможно, они корили себя за то, что не поехали вместе с батальоном. Их будто бы изгнали из Божьего рая. Некоторые из них плакали, а другие просто стояли, опустив головы<sup>1</sup>.

Сначала мы отправились на остров Маджнун и прошли от северного острова в сторону Хур оль-Ховейзе, то есть в район операции «Бадр». Теперь на смену царившей ночью и утром сутолоке и гаму ребятами овладело многозначительное молчание. В какой-то момент мы остановились. Меня вызвали по рации. Это был голос начальника нашего направления Хасана Торка. Он передавал сообщение от командира бригады. Это сообщение, подобно удару молота, ошеломило изумлением и недоумением каждого из бойцов.

Хасан сказал: «Идите обратно».

Я не поверил услышанному. То есть я не мог одним словом убедить вернуться назад всех этих парней, готовых пожертвовать жизнью ради своей любви. Я попросил подробнее объяснить ситуацию. Он сказал: «Поздно. Операция отменяется».

Когда я сообщил об этом ребятам, горестные вдохи и всхлипы вновь нарушили тишину. Они не соглашались возвращаться. Я сказал: «До сих пор нашей обязанно-

---

<sup>1</sup> Фотография, украшающая обложку этой книги, была сделана в тот самый день, после обращения командира батальона «Хазрат-е Абольфазль» к своим бойцам перед отъездом. Те бойцы, которые не пожелали добровольно идти в смертельный бой, показаны на этой фотографии как размытые фигуры (*прим. авт.*).

стью было прийти, а теперь приказано возвращаться назад. Приказ командира – это приказ Имама (Хомейни)».

Я произнес эти слова искренне. В действительности именно так все и обстояло.

Когда мы вернулись в лагерь, я прочитал несколько аятов Корана, и мое сердце успокоилось. Я пошел в блиндаж командира бригады и узнал от него, что Иمامу сообщили, что планируется провести такую акцию добровольно. Имам приказал хадж Ахмад-аге<sup>1</sup>, чтобы ага Мохсен Резаи отвел войска обратно. Услышав об этом от господина Хамадани, я вернулся в батальон и рассказал ребятам о послании Имама. Слово Имама было доводом для каждого и погасило пожар их разгорячившихся сердец.

Аллах знает, что ничего, кроме послания Имама, не могло восстановить спокойствие на фронте.

\*\*\*

В 1985 году полковник Али Сайяд-Ширази, командующий наземными силами армии, попросил у главнокомандующего КСИР для компенсации упущенных возможностей операции «Бадр» направить несколько батальонов из ксировских бригад и дивизий в армию, чтобы они приняли участие в совместной операции. По приказу хадж Хосейна Хамадани наш батальон был определен в качестве одного из подразделений, введенных в состав армии<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Сын Имама Хомейни.

<sup>2</sup> Хадж Хосейн Хамадани, командир 32-й дивизии «Ансар оль-Хосейн»: «Полковник Сайяд-Ширази был настроен весьма положительно к Басиджу и попросил у командиров КСИР выделить для укрепления боевой мощи армии батальоны и направить их в его соединения. В силу особых моральных качеств хадж Мирзы я представил командованию наземных сил армии его и его батальон как образцовое подразделение в составе бригады “Ансар оль-Хосейн”.

Я поехал для согласования всех вопросов в штаб «Кербела» на трассе Ахваз – Хоррамшахр. От каждой бригады КСИР туда прибыло по одному командиру батальона. Увидев меня, полковник Сайяд сразу же меня узнал, обратился ко мне по имени и по-дружески обнял. Он хорошо помнил, как в августе 1983 года наш батальон был доставлен вертолетами из гарнизона Джальдийан на высоты Каду и как в силу удачно сложившихся обстоятельств зона проведения операции, которой руководил командир наземных сил армии, оказалась с правой стороны от того фронта, куда нас перебросили на вертушках – в самой северной точке ирано-иракской границы.

Полковник Сайяд на предварительных совещаниях назвал целью приглашения Корпуса к сотрудничеству с армией обмен опытом и использование его возможностей. Конечно, он преследовал и более высокие мотивы, считая военное мышление басиджей необходимой составляющей этой войны. Сам он, несмотря на высокий профессионализм и талант руководителя, был большим поклонником военных подходов басиджей. Хотя в армии было немало религиозных и революционно настроенных людей, он всегда говорил: «Вы дети Революции, и я благодаря Божьей милости, указаниям и заветам Имама, а также помощи вас, ксировцев, рассчитываю перенести дух КСИР и Басиджа в наземные силы армии». Сам полковник, поистине, в полной мере обладал этим выдающимся качеством. Когда приходило время азана, он прерывал заседание, и все командиры и заместители в штабе шли за ним на намаз.

Он был неразлучен с Кораном, и я всем сердцем был уверен, что он во всем нас превосходит, а тот факт, что

---

Полковник Сайяд-Ширази знал хадж Мирзу по операции “Вальфаджр-2” и испытывал к нему настоящую симпатию» (Интервью с генералом Хосейном Хамадани. Хамадан. 28.06.2014).

он пользовался колоссальным доверием Имама, восхищал меня еще больше. Он тоже был ко мне очень благо-расположен<sup>1</sup>.

Мы восемь дней жили с ним в одном бараке и каждый день завтракали, обедали и ужинали за одним столом. Я настолько привык к той наполненной нравственностью и духовностью атмосфере, которую создавал вокруг себя в штабе полковник Сайяд, что однажды, когда курьер принес мне от хадж Хосейна Хамадани письмо, мне даже не особо хотелось его читать. Я не торопясь вскрыл письмо. Однако когда я его прочитал, полковник Сайяд-Ширази увидел в моих глазах искорку радости и спросил: «Брат Сольги, у тебя есть что сообщить?!». Я прочитал ему письмо командира бригады. Тот писал: «Брат Сольги, когда увидишь Дом Аллаха<sup>2</sup>, могилы Пророка и Имамов в Аль-Баки<sup>3</sup>, помолись и за нас. Собирай свои вещи. Не беспокойся о фронте. Вместо тебя приедет брат Реза Заргяри».

Полковник Сайяд сказал: «Чего же ты ждешь? Отправляйся в путь, хаджи!».

Я не чувствовал под собой ног от радости. У меня будто выросли крылья. Я уже видел, как совершаю обход

---

<sup>1</sup> Хадж Али Акбар Мохтаран, один из основателей штаба КСИР в провинции Хамадан, близкий друг мученика Сайяд-Ширази, говорит: «Сайяд был знаком и дружил с ребятами из Хамадана с самого начала навязанной нам войны. Всякий раз, когда он приезжал в Хамадан, он первым делом возлагал цветы на могилы мучеников, затем читал два раката намаза и спрашивал о делах нескольких людей. Одним из них был хадж Мирза, к которому он питал большую симпатию» (Интервью с Али Акбаром Мохтараном. Хамадан. 26.11.2013).

<sup>2</sup> Дом Аллаха (*араб.* Бейтуллах) – одно из названий Каабы, главной мусульманской святыни в Мекке (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Джаннат аль-Баки – кладбище в Медине (Саудовская Аравия), расположенное к юго-востоку от мечети Пророка, на котором похоронено много родственников Пророка Мухаммада и его сподвижников (*прим. пер.*).



вокруг Заповедной мечети. С приездом хадж Резы Заргари я уже был спокоен за все. Однако, когда я услышал от командира бригады, что поездка в хадж стала для меня поощрением как для командира образцового батальона, мне стало стыдно перед другими командирами.

\*\*\*

Мне было 25 лет. У меня не было ни дома, ни обустроенной жизни. Я вообще не был сколь-либо зажиточным.

Я сказал командиру бригады: «Я не достоин такого поощрения, да и денег у меня нет».

Хадж Хосейн сказал: «С тобой будет еще Саттар Эбрахими, замкомандира батальона “Хазрат-е Али Асгар”. Так что ты не один. А проблемы с деньгами решаемы».

Когда он упомянул Саттара, я немного успокоился. У нас с ним было много общего. Мы были оба выходцами из деревни. Оба женаты. У обоих в то время уже было по четверо детей. Он, как и я, занимал должность в бригаде с самого ее учреждения. Он был очень терпеливым и немногословным, настоящий человек дела.

Господин Хамадани представил меня хадж Мохаммаду Самавату, чтобы он решил вопрос с оплатой путевых расходов. Он посвятил свою жизнь фронту и военной службе. Он пользовался доверием на базаре и имел связи в кругах меценатов. Если он о чем-то просил кого-либо из обеспеченных людей, то редко слышал в ответ «Нет».

Хадж Мохаммад дал мне простую записку и отправил меня с ней в один банк. Таким образом, я с легкостью смог получить кредит.

Моя семья гордилась тем, что я еду в хадж. По крайней мере, они могли быть уверены, что в этот месяц я точно не вернусь домой подстреленным или с осколочным ранением.

Когда мы с Саттаром Эбрахими прошли регистрацию, мы обнаружили, что многие командиры и сотруд-

ники КСИР со всей страны поедут в хадж. Несколько наших соратников, друзей и членов семей погибших, которых я знал, ехали с нами. Среди них были хадж Али-Морад Сольги и хадж Хосейн Кийани<sup>1</sup>.

У нас было два или три совещания в КСИР вместе с другими членами нашей группы. Нас обучили обрядам хаджа и дали инструкции по обеспечению безопасности. Поддержание порядка среди 140 000 иранских паломников возлагалось на ксировцев. В тот день нам было четко сказано: «Когда вы высадитесь из самолета в аэропорту Джидды<sup>2</sup>, поскольку вы молодые и все похожи друг на друга, саудовские полицейские вами заинтересуются и будут вас шерстить до последнего. Поэтому незаметно смешайтесь со стариками и другими группами. Постарайтесь не брать с собой никаких вещей, которые вызовут у них настороженность».

Помимо страстного желания увидеть Заповедную мечеть, могилу Пророка и посетить Имамов в аль-Баки, мои мысли были заняты тем, чтобы взять с собой побольше фотографий Имама Хомейни, и я совсем не думал о последствиях. Я считал, что, если при выполнении этой миссии прольется моя кровь, я присоединюсь к своим погибшим друзьям.

Я пошел в отдел пропаганды КСИР и взял 4000 цветных фотографий Имама, а также большое количество фотографий айатоллы Хаменеи, который в то время был президентом. Некоторые фотографии были с наклейками.

---

<sup>1</sup> Эти два почтенных человека были в разные периоды войны моими заместителями. Хадж Али-Морад Сольги погиб в 1987 году в районе Мавута, будучи замкомандира батальона. Я выступал с речью на похоронах хадж Али-Морада и попросил у Аллаха, чтобы Он дал мне встретиться с ним, а спустя два месяца я лишился обеих ног (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> Джидда – город в западной части Саудовской Аравии. Является вторым по величине городом в стране (*прим. пер.*).

Они занимали столько места и весили так много, что для них требовался отдельный саквояж, но их надо было каким-то образом спрятать.

На дне большой брезентовой сумки, которую мне выдало Управление по хаджу и паломничеству, было достаточно места, которое казалось подходящим для этой цели. Я сложил фотографии стопками на дно сумки, а потом пошел к одному умелому плотнику в Нахаванде и попросил его изготовить фанерную перегородку из того же материала, из которого было сделано дно сумки, чтобы закрыть сверху фотографии. Плотник обмотал фотографии лентой и крепко прижал их сверху, словно заводским прессом, деревянной доской, так что фотографии оказались между досками. Он даже отшлифовал поверхность доски наждачной бумагой. Единственной проблемой был тяжелый вес сумки, но благодаря четырем колесикам, крепившимся к брезентовому дну, она казалась вполне подъемной.

Когда мы прибыли в аэропорт Джидды, то первым делом рассредоточились в толпе, как нам было велено. Все было так, как нас предупреждали опытные люди. В зале аэропорта толпилось больше сотрудников саудовских органов безопасности, чем паломников. Их глаза зорко следили за бородатыми молодыми людьми сомнительного вида, которых они под любым благовидным предлогом вылавливали из толпы.

Я с самого начала катил свой багаж на колесиках. Сердце бешено колотилось. Я шептал слова молитвы: «О Аллах! Помоги мне доставить эти фотографии паломникам из других стран».

Как назло, одно из колесиков сломалось и вылетело под тяжестью багажа. Теперь сумку невозможно было ни нести, ни тащить по земле. Я шел в окружении нескольких людей, образовавших вокруг меня стенку,

пока мы не дошли до зоны последнего досмотра. И мой багаж, и я сам выглядели крайне подозрительно. Я понял это по тому, как смотрели на меня саудовские полицейские.

Когда мы прошли последний пункт досмотра, хадж Саттар Эбрахими сказал: «Хадж Мирза, паломники приезжают с пустыми чемоданами, а уезжают с гостинцами. С этой сумкой как будто бы что-то неладно».

Мы пришли в гостиницу и открыли багаж. Я до того момента не говорил Саттару, что у меня в сумке. Увидев фотографии Имама, он взял одну из них и прижал к сердцу со словами: «Ты прав, хаджи. Эти фотографии очень порадуют сердца влюбленных в Имама».

Саттар удивился моему способу провоза фотографий. Вместе с ним мы передали большую часть фотографий в представительство Имама, а часть оставили себе. Когда мы ходили на намаз в мечеть Пророка, то раздавали их мусульманам из других стран. Разумеется, не на глазах у полиции.

Однажды я приклеил одну из этих фотографий, снабженных клейкой лентой, сзади саудовского полицейского мотоцикла. Хадж Саттар смотрел на это зрелище и смеялся. Через несколько дней мы снова увидели того полицейского и его мотоцикл. Он так и не заметил фотографии.

Иногда мы с Саттаром надевали арабские дишдаши<sup>1</sup> и прятали фотографии под полами. Когда нам подворачивался удобный момент, мы клеили их даже на витрины владельцев магазинов, которые выражали свою симпатию.

Однажды меня стали преследовать несколько полицейских. Один из них поравнялся со мной. В этот момент

---

<sup>1</sup> Дишдаша – традиционная мужская долгополая рубаша с длинными рукавами у арабов Аравийского полуострова (*прим. пер.*).

завучал азан на полуденную молитву. Я накинул куфию<sup>1</sup> на голову и встал в один ряд с другими молящимися. Он несколько раз проходил передо мной, но так и не увидел меня.

\*\*\*

Когда настало время хаджа, мы поехали из Медины в Мекку. Во время обхода вокруг Каабы я чувствовал, как погибшие бойцы, которые были вместе со мной, тоже совершают обход. Благоухание духовности и молитвы освежало в моем сознании память о них. Иногда я совершал таваф от их имени. Возле колодца Замзам<sup>2</sup> мне вспоминались все ребята батальона «Абольфазль», которые погибли от жажды. Стояла жара, но чем жарче становилось и чем больше мне хотелось пить, тем большее наслаждение я испытывал, ощущая себя ближе к ним. Я просил у Господа Каабы, чтобы мои ноги не оступились и были тверды на том пути, который они прошли.

На восьмой день, после обеда, накануне ночи Арафат<sup>3</sup>, мы быстрее отправились на Арафат и на следующий день с полудня до захода солнца исполняли обряд стояния на Арафате, а когда наступила ночь, пошли в Аль-Машар аль-Харам<sup>4</sup>. Следующий день приходился

---

<sup>1</sup> Куфия – мужской головной платок, популярный в арабских странах, который чаще всего носят с обручем черного цвета (икаль) (*прим. пер.*)

<sup>2</sup> Замзам – колодец в Мекке под внутренним двориком Заповедной мечети (Масджид аль-Харам), на расстоянии 21 м от Каабы. Омовение в Замзаве и питье его воды – важный элемент хаджа и умры (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Арафат – мусульманский праздник, приходящийся на последний день хаджа и отмечающийся в 9-й день месяца зульхиджа. В этот день участники хаджа посещают гору Арафат возле Мекки и совершают намаз у ее подножия (*прим. пер.*).

<sup>4</sup> Аль-Машар аль-Харам – заповедное место, находящееся между Арафатом и Миной (*прим. пер.*).

уже на десятое число месяца зульхиджа, то есть Праздник жертвоприношения<sup>1</sup>, и мы отправились в Мину<sup>2</sup>.

\*\*\*

Наступили дни покупок. Я взял с собой денег только на покупку барана. У хадж Саттара ситуация была лучше, чем у меня. Он сказал: «Давай купим гостинцы женам и детям». Поняв, что у меня нет денег, он одолжил мне какую-то сумму. Еще небольшими деньгами меня выручил хадж Хосейн Кийани, и мне удалось купить несколько гостинцев. Все наши подарки были похожи друг на друга.

Это были наши последние дни в Мекке. Мы раздали какое-то количество посланий Имама на арабском языке. На этот раз я попался. Нас окружили несколько полицейских, а поскольку листовки были у меня, один сильный и здоровый полицейский крепко схватил меня за руку и повел в участок.

Я закричал: «Хадж Саттар, они меня уводят. Скажи ребятам в караване».

Полицейские были очень раздражены, и один из них порвал все послания прямо у меня на глазах. Я вспыхнул от негодования. В мгновение ока, прежде чем меня подвели к машине, хадж Саттар собрал несколько человек, которые окружили полицейских и стали скандировать лозунги. Они уступали полицейским числом, но явно

---

<sup>1</sup> Праздник жертвоприношения (*перс.* Эйд-е Горбан, *араб.* Ид аль-Адха) – исламский праздник окончания хаджа, отмечаемый через 70 дней после Праздника разговения (Ид аль-Фитр), в 10-й день месяца зульхиджа в память о жертвоприношении пророка Ибрахима (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Мина – небольшая долина в окрестностях Мекки, на территории которой совершаются два обряда хаджа – бросание камней в столбы (джамарат) и жертвоприношение (*прим. пер.*).

превосходили по смелости. Ребята подняли такой шум, что полицейские растерялись и схватились за головы. Я воспользовался моментом и в создавшейся сутолоке высвободил запястье из рук полицейского, а затем рванул оттуда со скоростью выпущенной из лука стрелы, за-  
терявшись в скоплении паломников.

В последние дни хадж Саттар сделал на память несколько фотографий в пещере Хира<sup>1</sup> и других местах. Как он ни уговаривал: «Хаджи, иди же, сфотографируемся на память!», – я воздерживался, и хадж Саттар полуна-  
меком шутил: «Приятель, мученики всегда были в ладах с фотографиями. А ты чего такой?». Я сказал: «Вот поэто-  
му тебе и суждено стать мучеником»<sup>2</sup>.

\*\*\*

Хадж Хосейн Хамадани, основатель бригады «Ансар оль-Хосейн», всегда очень переживал и прилагал много усилий, чтобы бригада была образцовой. Он командовал ею около трех лет. В конце концов главнокомандующий КСИР принял решение назначить его командиром новой бригады под названием «Годс», укомплектованной бойцами из провинции Гилян. Эта кадровая перестановка была признаком одобрения со стороны ага Мохсена и признания им заслуг господина Хамадани, но мы переживали из-за того, кто придет ему на смену.

Мы ничего не знали о новом командире. Всех командиров батальонов и начальников подразделений вызвали в штаб «Наджаф» в Керманшахе. В то время штабом

---

<sup>1</sup> Хира – пещера, расположенная в 3,5 км от Мекки, в которой Пророк Мухаммад уединялся перед началом пророческой миссии (прим. пер.).

<sup>2</sup> Через год, 3 марта 1987 года, хадж Саттар Эбрахими, храбрый командир 155-го батальона «Хазрат-е Али Асгар», погибнет в Шаламче (прим. авт.).

командовал господин Вахиди<sup>1</sup>. Сначала говорил господин Хамадани. Он рассказал о вкладе провинции в Священную оборону и той поддержке, которую оказывали жители Хамадана бойцам. Затем очередь дошла до нового командира.

Это был симпатичный молодой человек с благообразным лицом, не имевший заметного южного акцента, но бывший выходцем из Дизфуля. Его лицо вызывало у меня ассоциации с первыми пасдарами, которых я видел в самом начале войны в Кархе.

Когда господин Вахиди представил его нам, я вспомнил, что видел его раньше, когда мы передавали свой рубеж на острове Маджнун. В то время он был замкомандира 7-й дивизии «Вали-йе Асп» из провинции Хузестан.

Командир штаба перечислил его прошлые заслуги на посту командира штаба КСИР в Абадане с самого начала навязанной нам войны и до нескольких его последних должностей. Я понял, что мне придется иметь дело с опытным и повидавшим виды командиром. Его звали хадж Мехди Кийяни.

Настала его очередь говорить. Он представил прекрасный анализ сущности и внутренних пластов войны. Я любил слушать такого рода выступления, и для меня в речи хадж Мехди было много нового. Он сказал: «Война – это индикатор макроструктуры Исламской революции, который включает в себе все аспекты революции, в том числе культуру, безопасность, экономику и политику. Жизнь революции подпитывается войной. Если мы не будем успешными не только в военной плоскости, но и во всех остальных сферах, путь революции окажется под угрозой и столкнется с искажением. Самый главный аспект, который лежит в основе всех других аспектов, –

---

<sup>1</sup> Генерал Ахмад Вахиди был министром обороны в правительстве Махмуда Ахмадинежада (*прим. авт.*).



это культура. Мы воюем на основе идеологических принципов, и поскольку мы привержены урокам Достопочтенного Господина Мучеников и культуре Ашуры, наша культура устремлена вперед, несет в себе героизм и созидание будущего».

Господин Кийани говорил с таким достоинством и знанием дела, что все слушавшие были захвачены его увлекательным, вдохновляющим и пленительным выступлением. Я конспектировал его слова<sup>1</sup> до тех пор, пока он не заговорил о своем знакомстве с бойцами провинции Хамадан, а также культурных, социальных и исторических особенностях провинции, дав высокую оценку блестящим заслугам бригады в предыдущих операциях. Из его слов следовало, что с его приходом боевые задачи «Ансар оль-Хосейн» будут в большей мере связаны с южным, а не западным участком фронта, а мы знали, что вся тяжесть войны сосредоточена именно там, и чтобы подтянуть себя до уровня тех подразделений, которые действовали на юге, нам нужно было освоить новые военные специальности и организовать новые части, такие как подразделения водолазов или батальон морской пехоты.

В то время бригада занимала оборонительный рубеж в Джаванруде<sup>2</sup>, а ее расположением был Чарзебар. Следующим шагом господина Кийани было знакомство с каждым командиром бригады по отдельности в виде личных встреч с глазу на глаз со всеми командирами батальонов и начальниками подразделений. Казалось, будто он хочет оценить способности каждого, и он делал это

---

<sup>1</sup> Я имел привычку записывать важные моменты на совещаниях с командованием. Именно поэтому в своих воспоминаниях я старался, чтобы цитаты по возможности были как можно ближе к тому, что говорили эти люди (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> Джаванруд – город на западе Ирана, в провинции Керманшах (*прим. пер.*).

очень тонко и искусно. Я был луром из Нахаванда, а он луром из Дизфуля. Он нашел ко мне подход через наш общий язык, и мы провели несколько часов за душевной беседой<sup>1</sup>.

Через несколько дней после приезда нового командира мы поехали на юг, в тот самый лагерь мученика Мохаррами, располагавшийся в самом начале трассы Ахваз – Хоррамшахр. Но и там, с точки зрения нового командира, не было подходящих условий для расположения бригады, которая должна стать дивизией. Поэтому мы поехали в более подходящее место в пустынной местности, на трассе Дизфуль – Шуштар, которое называли гарнизоном мученика Мадани.

---

<sup>1</sup> Хадж Мехди Кийани, командир 32-й бригады «Ансар оль-Хосейн»: «В первые дни своего нахождения в “Ансар оль-Хосейн” я решил познакомиться с командирами и начальниками подразделений. Моей целью было оценить на основе своего опыта способности руководителей, чтобы проводить работу в соответствии с требованиями и ожиданиями главнокомандующего КСИР.

Та оценка, которую я дал боеготовности бригады и даже моральным, нравственным и идеологическим характеристикам командиров “Ансар оль-Хосейн” во время первых заседаний, в самом начале нашего знакомства, подтверждалась на протяжении всех двух лет моего руководства бригадой. Они показывали себя такими, какими были. Одним из самых выдающихся среди них был Мирза-Мохаммад Сольги. В тот день, в самый разгар июльской жары, мы беседовали с ним в палатке в Чар-Забаре обо всем – от реорганизации бригады до отправления на юг и подготовки к тяжелым операциям. Я пришел к выводу, что Сольги был одним из тех командиров, значительная часть потенциала которого еще не проявила себя на войне, и на него вполне можно рассчитывать. Поэтому после присоединения к нам господина Банадери в качестве начальника штаба я сказал ему: “Этот лур из Нахаванда (М.-М. Сольги – *прим. пер.*) умен не по возрасту. Мужество и храбрость прут у него отовсюду, и он вполне способен руководить 400–500 бойцами в тяжелых условиях. С религиозной точки зрения это стойкий человек, который имеет здоровую основу”» (Интервью с хадж Мехди Кийани. Тегеран. 08.07.2014).

Гарнизон только начинал принимать более-менее приличный вид. Рядом с палатками, к которым мы привыкли с самого начала войны, мы увидели бараки и здания, которые могли вместить в себя полноценную дивизию со всем необходимым оснащением. Воздух здесь тоже был лучше по сравнению с тем, что было в лагере Мохаррами.

Первыми людьми, которых хадж Мехди Кийани включил в состав командования бригады, были несколько выдающихся командиров, опытных и прошедших войну, которые сопровождали его на южном фронте с самого начала. Сначала он привел Абдольхосейна Банадери и представил его как нового начальника штаба бригады. Он играл основную роль в оперативной реорганизации подразделений и подготовке гарнизона Мадани и продемонстрировал зрелость в принятии решений. После него на должность заместителя командира бригады по оперативной работе был назначен Сейед Масуд Хеджази. Он тоже был бесподобен в своем деле, и с каждым разом мы все больше осознавали весь масштаб его разносторонних талантов. Затем Абдольали Тамими, одному из известных южных командиров, было поручено организовать водные и наземные подразделения<sup>1</sup>. Последним хадж Мехди пригласил Ахмада Хедаятпанаха для командования артиллерийским дивизионом бригады<sup>2</sup>.

Несмотря на трехлетний опыт участия в войне, никто из прежних командиров провинции Хамадан не вызвал никакого возмущения или негативной реакции в отношении этой команды опытных руководителей.

---

<sup>1</sup> Абдольали Тамими погиб смертью мученика в марте 1986 г. (прим. авт.).

<sup>2</sup> Ахмад Хедаятпанах погиб смертью мученика в 1986 г. в Шаламче (прим. авт.).

Они руководствовались выполнением своего воинского долга, необходимостью претворения в жизнь священной обязанности по ведению джихада и желанием встречи с Господом, а должности и слава не имели для них никакой ценности и смысла, если не были направлены на служение.

Хадж Мехди даже позвал других командиров, которые с некоторых пор уже не состояли в бригаде. Самыми видными из них были Али Шадмани и Саид Эсламийан, которые считались основателями «Ансар оль-Хосейн» и на тот момент занимали командирские должности в Курдистане.

Батальоны после пополнения командирского состава высококвалифицированными кадрами также пополнили рядовой состав. Морское подразделение бригады под руководством Насера Ахмадийана было повышено до батальона. Диверсионное подразделение тоже стало батальоном, а командование им было передано еще одному парню с юга по имени Хамид Дарвиши. Был также создан батальон водолазов «Джафар Тайяр» под командованием Карима Мотаххари. Все эти подразделения ранее в той или иной форме уже существовали, но проведение операций на южном фронте требовало более высокого уровня подготовки бойцов и организации.

Те осязаемые изменения, которые осуществил хадж Мехди Кийани, вызвали особый подъем энтузиазма у старых командиров. Мы были рады тому, что готовились к тяжелым и крупным операциям. Конечно же, все старые командиры батальонов из провинции Хамадан, вроде Мохсена Омиди, Резы Шокрипура, хадж Хасана Таджука и Хамидрезы Рахбара, договорились между собой оберегать прежнюю репутацию и авторитет, завое-

ванные старыми командирами бригады «Ансар оль-Хосейн», и сражаться, не щадя своей жизни<sup>1</sup>.

Постепенно оснащение и вооружение бригады также приняло сносный вид. У нас были «Тойоты» с нулевым пробегом, различные моторные лодки, еще не спускавшиеся на воду, артиллерийские и минометные орудия, из которых, по словам ребят, еще не делали ни единого выстрела, а также тяжелая механическая техника, которая была необходима для боев в болотистых южных районах.

Осенью 1986 года часть бойцов и оснащения была переброшена на линию, которую мы заняли на юге области, в топиях Хур оль-Ховеitze. Она стала первой оборонительной линией, созданной с целью разведки местности для проведения операций на этом участке фронта, который назывался Рофаййя.

\*\*\*

Рофаййя была арабской деревушкой, в которой не осталось ни одного жителя. Бежавшее население не имело возможности забрать с собой крупный и мелкий рогатый скот, и их коровы все еще паслись без присмотра между степью и водой.

Климат в районе Хур был по-своему притягателен и разнообразен. Здесь имелась целая коллекция редких видов птиц, которые садились на воду и стаями взмывали ввысь, и гул артиллерии и минометов не мог заставить их покинуть прекрасные природные места Хура – в отличие от каналов на острове Маджнун, где постоянные

---

<sup>1</sup> Бойцы провинции Хамадан эффективно проявили себя в операциях «Фатх оль-мобин», «Бейт оль-могаддас» и «Рамазан», но не имели самостоятельного подразделения и входили в состав 27-й бригады «Мохаммад Расуллолах» и 41-й бригады «Сароллах». На этот раз они впервые участвовали в операции в составе своей собственной бригады (дивизии) (*прим. авт.*).

обстрелы не оставляли перелетным птицам никакой возможности заявить о своем присутствии.

Ребята, пережившие тяжелые и опасные условия на островах Маджнун, называли этот фронт пикником. Бойцы говорили, что здесь можно провести время с пользой и удовольствием.

Линия фронта не ограничивалась какой-то конкретной точкой или опорным пунктом. Обилие водных каналов и густые тростниковые заросли позволяли рассекать по местности на моторных лодках в любом направлении и выбирать любые точки в качестве опорных пунктов. Поэтому здесь не было какой-то одной точки, на которой был бы сконцентрирован вражеский огонь, как это было на острове Маджнун.

Мы ходили в разведку вместе с ребятами из разведчасти. Рядом с опорными пунктами мы пересаживались с моторных лодок на байдарки и бесшумно добирались до наблюдательных вышек врага. Эти наблюдательные вышки возвышались над зарослями тростника. Однажды мы подплыли к одной из них. Если бы иракский наблюдатель знал, что в пяти метрах от него среди камышей четверо иранцев рассматривают его подведомственную территорию, он бы точно опешил.

Когда мы возвращались обратно, наша задача состояла в обучении. Каждому батальону была дана установка иметь взвод водолазов. Подготовка водолазов была начата с бойцов разведывательно-оперативного подразделения, а затем уже каждый батальон сформировал по одному взводу водолазов.

Водолазный взвод батальона «Хазрат-е Абольфазль» был сформирован на базе роты хадж Мехди Зафари. Остальные роты по очереди занимали позиции на тех плавучих опорных пунктах. Тем не менее, на самой линии и за ней не было ничего сложного. Обучение можно

было проводить в любом месте, даже на передвижных опорных пунктах.

Мне нравилось обучаться водолазному делу. Я вместе с ротой водолазов надевал обтягивающий одноцветный гидрокостюм и прыгал в воду, словно лягушка, так что из воды торчала лишь дыхательная трубка. Иногда ребята баловались и пускали ногами волну, так что вместо воздуха в трубке начинала хлюпать вода.

Когда мы вместе с водолазами выходили из воды, то готовили в заросших камышом плавнях наваристый бульон из гусятины или утятин.

Во время одной из разведвылазок мы с Мехди Зафари и двумя ребятами из разведки направились к линии фронта. Один из разведчиков был бойцом подразделения Читсаза, а другой прибыл из штаба «Носрат»<sup>1</sup>. Этот местный разведчик-араб знал все уголки района Хур как свои пять пальцев.

У нас всегда были с собой водолазные костюмы, которые могли пригодиться в любое время. Рядом с иракским рубежом в нашу сторону плыла моторная лодка, битком набитая иракскими солдатами. Мы осторожно и беззвучно гребли веслами на байдарке, одетые в водолазные костюмы. Когда лодка приблизилась, мы спрятали байдарку в камышах и вчетвером погрузились под воду.

Под водой мы держались руками за камыши, чтобы не всплыть, и дышали через трубки. Мы оставались без движения под водой около трех-четырёх минут. Лодка подошла так близко, что в какой-то момент мне показалось, что она раздробит своим металлическим килем мне шею. Поднявшейся волной нас стало качать вверх

---

<sup>1</sup> Секретный штаб «Носрат» под командованием Али Хашеми отвечал за разведку в болотистых районах и плавнях. Все бригады и дивизии сотрудничали с этим штабом в сфере разведывательной деятельности. Большая часть бойцов этого штаба состояла из местных арабов, живших в районе Даште-Азадеган (прим. авт.).

и вниз, но мы так хорошо натренировались пользоваться трубкой, что даже в такой ситуации не наглотались воды.

Когда лодка уплыла далеко, мы один за другим высунули головы из воды. Был полдень. Единственным местом, где мы могли сидеть и читать намаз, была байдарка. Мы снова стали грести в сторону иракского опорного пункта, куда ранее ходил местный разведчик, и снова остановились. Разведчик сказал, что с этого момента нам нужно плыть несколько часов под водой, потому что идти дальше на лодке будет опасно. Мы прямо в лодке съели обед, состоявший из рыбных консервов и лаваша<sup>1</sup>.

Два разведчика плыли впереди нас. Глубина не превышала двух-трех метров. Когда мы уставали, то опирались на камыши в заводях. Они снимали координаты с помощью компаса, а мы вдвоем плыли за ними, пока не добрались до места, где опять виднелась верхушка иракской наблюдательной вышки. Мы хорошо рассмотрели ее со всех сторон и вернулись обратно.

По возвращении в тыл нам нужно было записать все свои наблюдения, чтобы информация о маршруте, по которому предстояло двигаться батальонам во время операции, была полной и точной.

Во время следующей разведки мы подошли к вражескому рубежу с другой стороны. Этот маршрут ребята из разведывательно-оперативного подразделения ранее обозначили белой нейлоновой нитью. Мы пошли по нити и дошли до конца, где надели водолазные костюмы и спустились в воду. Так мы доплыли до места, где иракцы протянули колючую проволоку и поставили металлические ограждения. В промежутках между этими

---

<sup>1</sup> Лаваш – пресный белый хлеб в виде тонкой лепешки из пшеничной муки, распространенный в Иране, Закавказье и странах Ближнего Востока (*прим. пер.*).



ограждениями из профиля с острыми и режущими углами были расставлены начиненные взрывчаткой бочки и мины-ловушки. Мы осторожно прошли через то место, на которое указал шедший впереди отряда разведчик-сапер, и проникли на вражескую территорию.

Мы зашли так далеко, что увидели иракцев. Они спокойно плыли себе на лодке к своему рубежу и опорным пунктам, а затем возвращались обратно. Мы привыкли к воде и чувствовали себя в ней словно рыбы, не испытывая никакого беспокойства или страха. Нас волновали лишь мысли о том, как лучше провести разведку и получить более точные сведения. Мы прекрасно осознали, что стоит нам как-то выдать себя глубоко в тылу врага, и нас непременно будет ждать плен или смерть.

Воздух над водой был холодным и промозглым, но гидрокостюмы защищали нас от холода. Мы так много времени провели в воде, скрываясь от врага, что наконец-то увидели то место, которое искал разведчик. Там была грунтовая дорога, и иракцы засыпали грунтом болото и прокладывали шоссе, чтобы лучше снабжать свои позиции на передовой.

Мы пару минут просидели неподвижно в нескольких метрах от грунтового шоссе, в камышах. Здесь иракцы ездили из тыла на передовую не на лодках, а на грузовиках, в которых они везли грунт. Мы находились в воде прямо у них под ногами, и только головы торчали на поверхности. Иракцам и в мысли не могло прийти, что какая-то разведгруппа способна пробраться в это место. Поэтому часовой возле шоссе спокойно нахлобучил фуражку себе на лицо и похрапывал во сне. Несколько человек прошли прямо перед ним и рассмеялись, но не сумели потревожить его сладкую дрему.

Через полчаса по условному сигналу разведчика мы залезли в воду и вернулись к себе в тыл, пройдя весь путь

под водой, где двигались почти на поверхности и дышали через дыхательные трубки. Согласно нашим расчетам, мы проплавали в воде как минимум три часа, пока не добрались до того места, где спрятали в камышах свои байдарки.

Несмотря на свою кипучую молодую энергию и тренированное тело, я изнемогал от усталости в руках и ногах. Трое моих спутников были измотаны не меньше. В тех местах, где было помельче, мы останавливались и хватались за камыши. Наш арабский разведчик не говорил, а только показывал жестами направление движения. Он отрывался от камышей и плыл дальше, а мы плыли за ним, пока на рубеже, полном всяческих препятствий, не увидели иракцев, и у нас открылось второе дыхание, мы спешно и энергично прошли через проволочные заграждения. Когда мы перебрались на ту сторону оборонительной линии, вода там была такой же, и болото ничем не отличалось, но мне казалось, будто бы я оказался в объятиях ребят нашего батальона и избавился от опасности плена.

Было уже темно, и мы с трудом разглядели байдарки. Еще одной напастью в Хуре, в отличие от других районов, была эта кромешная тьма по ночам. В условиях, когда не было лунного света, вода, небо и камышовые заросли невозможно было отличить друг от друга, все вокруг сливалось в одно целое.

В ту ночь по пути обратно начался дождь, и мы несколько минут неподвижно сидели в байдарках. По воде хлестал настоящий ливень, а я смотрел, как вода стекала ручьем с кончика моего носа. Мы подняли над головой байдарки, так что каждому досталось примерно по одному метру укрытия в виде пластикового дна лодки. На несколько минут мы перенеслись мыслями из болот Хура далеко-далеко. Когда дождь успокоился, разведчик

с компасом в руках стал водить нас из одного канала в другой. Спустя несколько часов мы прибыли в опорный пункт ребят разведывательно-оперативного подразделения, располагавшийся в палатке среди тростниковых зарослей.

Читсаз в шутку сказал: «Хаджи, ты в Кандагар, что ли, ездил?». У меня тут же развязался язык, и я ответил: «Это твои местные товарищи хотели сегодня ночью до Басры прогуляться, но не вышло».

Он посветил мне фонариком на ладони. На них не было живого места от укулов острыми тростниковыми стеблями, они были вымазаны кровью.

Я сказал: «Пехотные батальоны можно провести только до вражеского рубежа и опорных пунктов. Расстояние слишком большое, да и препятствий много».

\*\*\*

Наш водолазный взвод в Рофайе стал ротой. Мехди Зафари был с этой ротой на передовой и вел оборону среди камышовых зарослей, а две других роты стояли сзади наготове, на случай, если водолазам понадобится помощь, пока нас не сменил другой батальон. Мы же поехали в район Готвандской дамбы возле Шуштара для прохождения боевой подготовки в водных и наземных условиях.

Большая часть бойцов батальона состояла из так называемых «сорокапятидневников», срок командировки которых подходил к концу. Я поговорил с ними и попросил остаться на время проведения предстоявшей нам крупной операции. Когда звучало название операции, все сразу оживлялись и становились веселее, но на самом деле даже я не знал, в каком районе она будет проходить. Я лишь предполагал, по опыту крупных операций «Хайбар» и «Бадр», состоявшихся два года назад зимой,

что нам предстоит операция такого же масштаба, а возможно, даже еще более крупная. Тем не менее никому из командиров батальонов не было известно, где она будет разворачиваться. Опыт участия в операциях «Хайбар» и «Бадр» в болотистых районах на юге показывал, что фронт в Рофайе не может быть основным направлением атаки. Исходя из своего опыта, мы лишь могли допускать, что в Рофайе не будет крупной операции. Только хадж Мехди Кийани благодаря своим контактам с командирами из штаба знал, где будет главный участок боевых действий<sup>1</sup>.

Район Готвандской дамбы был спокойным местом для боевой подготовки. Дамба, находившаяся среди отвесных скал, как бы раскрывала свои объятия для бойцов, которым предстояло жить в воде.

Работать приходилось сутки напролет. Ребята потихоньку выходили из палаток за час или два до утреннего азана. Погода была холодная, и некоторые из них накидывали на себя шерстяные одеяла и находили безлюдное место для молитвы. Большинство наших поклонников ночных бдений рыли себе некие подобия могил и по ночам спускались в них. Я забывал, кто я и зачем здесь нахожусь, и думал только о них. В глубине души я очень радовался этому высокому моральному духу.

Ближе к утреннему азану уже никто не спал, и, несмотря на усталость от ежедневных изнурительных учений, никто не халтурил на намазе.

Утренний намаз мы читали коллективно, стоя за имамом нашего батальона. До завтрака некоторые ло-

---

<sup>1</sup> Хадж Мехди Кийани, командир бригады «Ансар оль-Хосейн», говорит: «Ребята сидели в Рофайе. Никто, кроме меня, не знал, что основные усилия в ходе операции, которая должна была проходить зимой 1986 года, будут направлены на взятие города Фао» (Интервью с хадж Мехди Кийани. Хамадан. 16.12.2013).

жились спать, а другие продолжали молиться, пока «градоначальник» не расстилал скатерти на завтрак.

Должность «градоначальника» чаще всего была предметом шуток и подколов, хотя они никогда не скачивались до издевательств и греховных деяний.

«Градоначальники» не только накрывали стол, раздавали еду, мыли посуду, убирались в палатках, но и выполняли такие нехарактерные для них обязанности, как стирка одежды и чистка ботинок гуталином. Последнее они чаще всего делали тайком, подальше от человеческих глаз. Эта искренняя помощь не порождала разболтанности среди других бойцов, и никто не отлынивал от работы.

Я, как и остальные командиры, никак не отделял себя от других в том, что касалось работы. Мы тоже дежурили в качестве «градоначальников» и работали наравне со всеми. Удовольствие жизни в лагере заключалось в этом равенстве и единодушии всех ребят<sup>1</sup>.

Иногда меня смущало любезное и доброе отношение ко мне кадровых ксировцев, басиджей и простых

---

<sup>1</sup> Хадж Мехди Кийани, командир 32-й бригады «Ансар оль-Хосейн»: «Степень успеха командира батальона на войне зависела от того, в какой мере он обладал искренностью, набожностью и постоянством в поклонении. Чем больше командир и его заместители работали над собой, тем более успешного сплочения рядов в ночных операциях им удавалось добиться. В принципе, успехи ночной операции были продуктом духовного самосовершенствования перед операцией. Сольги и его батальон, как и многие другие батальоны, работали над собой. Они были приверженцами ночных молитв и бдений, и эта их душевная чистота сформировала ту искреннюю связь, которая объединяла Сольги и его ребят. Они стали единым целым и искренне любили друг друга. Хадж Мирза знал своих ребят, как отец знает своих детей, не просто по имени, а был хорошо знаком с их характером, манерами и привычками. Секретом этого успеха являлось то, что он был не человеком слова, а человеком дела» (Интервью с хадж Мехди Кийани. Тегеран. 08.07.2014).

солдат. Они говорили: «Хаджи, мы не позволим тебе утруждать себя грязной работой», – но я не слушал их и выполнял всю работу. Я также просил их не считать, что они свободны от работы, даже при наличии «градоначальников».

Я подчеркивал: «Мы устроили революцию, чтобы не вести себя по-шахски. Никто даже из доброжелательности и лучших побуждений не должен прислуживать мне и подобным мне»<sup>1</sup>.

На берегах Готландского водохранилища в нашем лагере был настоящий рай духовности и молитв. Когда солнце всходило, на смену уединению вдаль от посторонних взглядов приходила общественная жизнь. Когда наступало время утренней разминки, наши тела быстро покрывались потом. Во время разминки кто-нибудь запевал, обычно это была какая-нибудь песня героического содержания, а другие подхватывали за ним. Весь день проходил в боевой подготовке и учениях на воде и суше, а ночью мы плыли с ребятами на лодке до середины водохранилища и говорили им: «На берег возвращается вплавь».

Когда ребята плыли к берегу, другие, в качестве условного врага, стреляли в их сторону из пулеметов и гранатометов. Пули и ракеты пролетали в 2–3 метрах над их головами, чтобы натуралистически воссоздать тяжелые условия боя и избавить ребят от страха. Водолазы плыли под огнем, и я в это время лично наблюдал за каждым из них.

Водолазная рота и в самом деле не обращала внимания на пулеметы и гранатометы, но некоторые ребята,

---

<sup>1</sup> Большинство командиров из старшего офицерского состава армии до революции давали солдатам, а иногда и младшим офицерам поручения, связанные со своими домашними делами (прим. авт.).

которые только-только привыкали к воде, впервые слыша жуткие звуки ракет или видя красные вспышки трасирующих пуль, пролетавших у них над головами, начинали жаловаться.

У нас был один робкий, стеснительный и очень молчаливый боец, который прославился среди всех своей учтивостью и мягкостью. Я сам вытолкнул его из лодки. Спасательный жилет не давал ему уйти под воду, потому что он вообще не умел плавать, и ему пришлось учиться прямо на месте. Тут-то он и заговорил. Робкий парень стал нести такую несусветицу, так орал и звал на помощь, что даже я удивился. Он барахтался в воде и кричал: «Убийцы, душегубы! Вы хуже Саддама!». Волны, поднимавшиеся от лодки во время движения, иногда захлестывали его, вода попадала ему в горло, и он прекращал кричать. Ему казалось, что его приговорили к казни, а в нас он видел своих палачей. Поэтому он говорил все, что подворачивалось ему на язык.

В конце концов он смог держаться на воде и доплыл до берега. Выбравшись на сушу, он сразу же стал прежним. Он не проронил больше ни слова и от стыда вообще спрятался в каком-то углу, где его никто не видел. Я пошел к нему, утешил и попросил прощения, а он согласился, что не справится с задачей во время операции, если не будет бороться с трудностями здесь.

Другой ночью один из кадровых ксировцев, который был заместителем командира батальона по боевому обеспечению, провел несколько часов, качаясь под покровом ночи в ледяной воде на волнах водохранилища. Хотя его обязанностью было снабжение, я заставлял его и всех остальных учиться плаванию. Мне было недостаточно, чтобы они просто умели плавать. Они должны были дойти до такого уровня мастерства, чтобы стоять на воде и стрелять, в том числе из гранатомета.

В итоге начальник снабжения с большим трудом выбрался из воды, но какой у него был вид! Он дрожал, словно ива, челюсти у него стучали, так что было слышно клацанье его зубов. Его тело одеревенело от холода. Как мы ни старались, нам не удавалось остановить эту дрожь. Кто-то завернул его в одеяло, кто-то растирал ему плечи. Я с двух сторон обхватил его лицо ладонями, чтобы он не трясся, но зубы продолжали клацать. Оставалось только шутить, и я говорил: «Ну что? Ты все еще говоришь: “Смерть Америке!”».

Он все тем же дрожащим голосом, отрывисто и резко, ответил: «С-с-смер-р-рт-ть А-а-а-а...». Эта сцена всех рассмешила, даже его самого.

В минуты всеобщего веселья и шуток я иногда становился таким серьезным, что и у других собеседников смех как рукой снимало. Однажды мы устроили на берегу огневой рубеж, а один из бойцов вышел из воды на берег и деловито прошел перед нами. Я его видел, но сделал вид, что не заметил, а он спокойно, вразвалочку пошел себе дальше, хотя ему следовало проявить большую серьезность, потому что я сказал, что к учениям нужно относиться ответственно. И я решил его проучить. Я пошел за ним, он увидел меня и побежал. Я нагнал его и схватил сзади, он упал ничком на землю, и я выкрутил ему руки. Оставшись без оружия, он сказал: «Хадж Мирза, клянусь Аллахом, я не враг». Я вернул ему оружие и попросил быть серьезнее.

Через два месяца учений условный враг стал неотличим от настоящего. Те ребята, которые выполняли роль условного врага во время обороны рубежа на берегу, должны были незаметно для их противника с хладнокровным спокойствием пройти по воде, соблюдая принцип внезапности, подобраться как можно ближе к берегу и одновременно атаковать сушу. Если бы другая сторона



узнала об их присутствии, командир оборонительного рубежа должен был при обнаружении первого бойца сразу выстрелить в воздух из сигнального кольца, после чего по силам противника открывался прицельный огонь из стрелкового оружия и гранатометов.

На последнем этапе учений хадж Хосейн Кийани стал командиром оборонительного рубежа, или условным врагом. Ребята беззвучно добрались до берега. Я из укрытия наблюдал за ситуацией у обеих сторон. Хадж Хосейн Кийани собирался выстрелить из сигнального кольца, как вдруг заряд сигнального патрона взорвался у него в руках, повредив ему руку.

Этот инцидент был одним из немногих инцидентов на наших учениях с использованием реального боевого оружия. Хадж Хосейна увезли в больницу. Было решено оставить его на некоторое время под наблюдением санитаров. На следующий день я увидел, как он со своей перебинтованной рукой уже командовал ребятами.

Настрой ротных командиров оказывал удивительное воздействие на боевой дух подчиненных им бойцов. Скромность, серьезность, искренность таких командиров, как хадж Реза Заргяри, хадж Хосейн Кийани, хадж Мехди Зафари и Моталлеб Гейсари, представляли собой настоящее ожерелье из разнообразных исламских достоинств и добродетелей, и каждый старался быть похожим на них. Они были образцом для всех благодаря этим качествам, отзывчивости и даже остроумию. Часто случалось, что, когда какое-нибудь духовное лицо прибывало в батальон для проповеди, оно попадало под их влияние. Я не забуду случай, произошедший с одним из командиров батальона Моталлебом Гейсари, который был остроумным, прямым и бескомпромиссным человеком, который ни с кем не церемонился и всегда честно говорил то, что думал.

Однажды он сказал одному богослову из Организации исламской пропаганды, прибывшему в батальон и делавшему основной упор на исполнение траурных песен и проведение поминальных собраний: «Хадж-ага, у Непорочных Имамов не вся жизнь состояла из траура и поминок. У них ведь были и радостные, веселые события, не так ли?». Представитель духовенства спросил: «Какие, например?». Гейсари ответил: «Я имею в виду, разве они не праздновали обрезание своих детей?!». Мулла растерялся, не зная, улыбнуться или нахмуриться. Он просто остолбенел<sup>1</sup>.

\*\*\*

В начале зимы, в конце 1985 года, в Деште-Регабийе собрался большой контингент из бойцов бригады. С наступлением зимы дело шло к весне и в воздухе пахло операцией. Приезд хадж Садега Ахангарана только подкреплял это предположение. Он чаще всего приезжал накануне боевых операций.

---

<sup>1</sup> Хадж Мехди Кийани, командир 32-й бригады «Ансар оль-Хосейн»: «Военная среда, несмотря на всю ее сухость и грубость, иногда смягчалась и даже сопровождалась юмором и остроумием. Эти проявления остроумия имели свои границы и даже идеологические истоки.

Иногда я говорил хадж Мирзе Сольги: «Почему вы, луры, любите Достопочтенного Абу-ль-Фазла больше, чем Имамов?!».

Хадж Мирза не терялся и отвечал: «Ты сам знаешь причину». За этим многозначным ответом скрывалась глубокая истина, имевшая истоки идеологического характера. Уровень Непорочных Имамов, особенно Имама Хусейна (мир ему!), был чем-то недостижимым, но Достопочтенный Абу-ль-Фазл был «воротами Хусейна», и входить в чертог Господина Мучеников надо было через эту дверь. Эта любовь к Достопочтенному Абу-ль-Фазлу на первый взгляд создает впечатление, что луры питают к нему большую симпатию, чем к Иمامу Хусейну и Непорочным Имамам. Этот тонкий момент давал основания для добрых и дружеских шуток» (Интервью с хадж Мехди Кийани. Тегеран. 08.07.2014).

На следующий день на том же месте с ребятами провел беседу хадж Мехди Кийани. Он был простужен, и, судя по всему, у него был жар. Однако, когда он взял слово, его пылкая речь, как всегда, перенесла зябших от холода ребят на поле битвы Ашуры.

Парни нашей бригады преисполнились воодушевления и восторга. После выступления хадж Мехди Кийани они подняли его на руки и передавали друг другу по кругу. Такого рода выражение симпатии к командиру было чем-то вроде знака готовности к тяжелому бою. Хотя бойцы уже около трех месяцев не ездили в увольнение и несколько устали.

Следующее совещание прошло в гарнизоне Мадани. На этом совещании командир бригады вместе с начальником отдела пропаганды попросили выбрать одного из бойцов в качестве представителя всех своих сослуживцев в бригаде. Командир четко заявил: «Выберите одного человека для произнесения речи. Нужно, чтобы он мог воодушевлять своим словом на героизм и говорил то, что близко всем бойцам, потому что ожидается приезд в гарнизон главнокомандующего КСИР вместе с командующим наземными силами Корпуса и командирами штаба».

Мы с крайней дотошностью подошли к выбору оратора, поскольку слова этого бойца рассматривались как изъявление готовности всей бригады участвовать в операции, несмотря на накопившуюся за три месяца обороны в Рофайе и учений на Готвандском водохранилище усталость.

Отдел пропаганды выбрал среди бойцов молодого человека с приятным и простодушным выражением лица по имени Хамид Хашеми, из 155-го батальона «Хазрат-е Али Асгар». Видит Бог, все высшее командование осталось под впечатлением от его выступления<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Этот боец был одним из первых погибших во время операции «Вальфаджр-8» в Фао, и его тело несколько лет пролежало в земле. Однако эхо его голоса, вещавшего об Ашуру, всегда звучит

В эти дни до нас дошла весть о том, что несколько городов провинции Хамадан, в том числе Нахаванд, подверглись бомбардировкам. Это уже стало правилом, когда в сезон проведения операций, во время нашей подготовки к всеобщему наступлению зимой, враг бомбил города Ирана, чтобы бойцы думали и переживали о событиях в тылу, о своих семьях.

Сообщение по радио не содержало никаких деталей бомбардировки городов. Некоторые ездили в Дизфуль или Шуштар, чтобы позвонить домой и узнать, всё ли в порядке с их семьями. Ребята вроде меня, знавшие свои семьи, ограничивались лишь письмами. Перед бойцами я не показывал виду, но на самом деле до получения ответного письма переживал, что делает под бомбежками моя жена в студеную и снежную зиму Нахаванда, не имея достаточно керосина, с четырьмя малыми детьми на руках? Такое же беспокойство испытывали в той или иной мере все командиры. Поэтому командир бригады, который учитывал все стороны и трезво оценивал психологическое и моральное состояние своих командиров, попросил привезти свои семьи в Дизфуль или Шуштар, хотя эти два города, прежде всего Дизфуль, бомбили не реже, чем остальные города. Тем не менее их преимущество было в том, что любой из командиров мог раз в несколько дней навещать своих близких.

Некоторые бойцы привезли свои семьи в Дизфуль еще до операции, но я не мог согласиться быть с семьей в Дизфуле, когда все ребята батальона находятся в

---

в памяти бойцов провинции Хамадан. Он говорил: «На что похож запах Кербелы? Мы, басиджи, всегда были влюблены в этот запах. Мы провозгласили это своей кровью. Мы пришли не для победы. Мы пришли не для мученичества. Мы пришли ради довольства Аллаха. Нашим чаяньем является довольство Аллаха. Кто такие американцы? Кто такой Советский Союз? Кто такие сверхдержавы? Высшей силой является Аллах, Аллах и только Аллах!».

леке от своих родных. Поэтому, сколько бы хадж Мехди Кийани ни настаивал: «Съезди и привези свою семью», – я говорил: «Ценность моего усердия и усердия моей семьи – в разлуке». Затем пришло письмо от моей супруги, где она писала: «Нахаванд сильно разбомблен. Нам пришлось уехать в деревню, хотя в деревне еще сложнее с керосином. Однако детям там безопаснее и спокойнее. Керосин привозит мой брат Амир<sup>1</sup>. Не беспокойся о нас и положишься на Аллаха».

После сбора всех батальонов в присутствии главного командующего КСИР у басиджей опять возникли сомнения по поводу района операции.

Естественно, после нескольких месяцев в болотах Хура и на линии фронта в Рофайе они представляли этот район в качестве главной альтернативы и основного направления операции. Эти предположения в той или иной форме звучали повсюду – от бесед в палатках до собраний батальона во время коллективного намаза и даже траурных собраний.

---

<sup>1</sup> Амир, младший сын в семье, брат моей супруги, как я слышал, носил 20-литровые канистры от асфальтированного шоссе до деревни. От долгого таскания канистр с керосином у него травмировались голеностопные суставы. Амир также приезжал на фронт. В конце концов он получил награду за искренность через год, в операции «Кербела» на островах Маджнун, и погиб смертью мученика ночью 6 мухаррама (11 сентября 1986 года) (*прим. авт.*).

## Глава 7

### ФАО: ЗДРАВСТВУЙ, ЖАЖДА...

В начале февраля курьер из штаба командования принес мне письмо, где говорилось, что я должен явиться на заседание совета командования. После моего возвращения с этого заседания подозрения ребят по поводу района проведения операции сменились полной уверенностью. На заседании командир бригады сообщил, что нам предстоит выдвинуться из Рофаййи и Хура в район Хоррамшахра. Было решено, что раньше всех выдвинется батальон «Хазрат-е Али Акбар», который отправится к берегам Арвандруда на помощь бригаде «Эмам Реза».

Силы были немедленно переброшены из гарнизона Мадани и Готвандской дамбы в район Хоррамшахра. Той ночью 21-я бригада «Эмам Реза» вступила в бой на острове Баварин<sup>1</sup>, и одна рота батальона «Хазрат-е Али Акбар» была отправлена им на помощь. Однако мы все еще ждали. Теперь сомнения по поводу района операции колебались между двумя фронтами. Большая часть бойцов и даже командиров не знала, что эти два фронта – Рофаййя и Хоррамшахр – были выбраны для отвлекающей операции. Этот обман ввел в заблуждение не только врага, но и наших бойцов, потому что основные усилия были сконцентрированы в устье Персидского залива.

---

<sup>1</sup> Иракский остров на реке Арвандруд к югу от Хоррамшахра (прим. авт.).

Следующей ночью, после того как враг нарастил свой контингент сразу на нескольких фронтах, 2000 во-долазов из нескольких дивизий прошли по воде через самую южную точку границы в месте впадения Арвандруда в Персидский залив и разгромили укрепленный рубеж неприятеля на острове Фао. Можно было больше не гадать и не раздумывать. Все бригады и дивизии, дислоцированные на юге, выступили в направлении пальмовых рощ на берегах Арвандруда в районе Абадана, приготовившись к беспрецедентным по своей ожесточенности боям.

Наш батальон расположился в пальмовых рощах Абу-Шаника на достаточно небольшом расстоянии от Арвандруда и ждал приказа.

Первым батальоном бригады «Ансар оль-Хосейн» был батальон «Гасем эбн оль-Хасан». Он раньше всех вышел к берегам Арвандруда. Одна рота была переброшена на другой берег Арванда на вертолетах, а две другие – на «ховеркрафтах»<sup>1</sup>. Батальон «Хазрат-е Али Асгар» был вторым батальоном, который высадился на Фао. Из-за вражеских ударов со стороны трассы Фао – Басра эти два батальона приготовились к ведению операции на указанном направлении.

Для разведки вражеских позиций уже не было никаких возможностей. После высадки на Фао бойцы разделились на три группы, одна из которых действовала на трассе Фао – Аль-Бихар, на берегу Арванда, другая на трассе Фао – Басра, а третья – на трассе Фао – Умм-Каср. Им нужно было образовать на этих трех направлениях единую линию фронта, необходимую для обороны портового города Фао.

---

<sup>1</sup> Судно на воздушной подушке, которое использовалось в районах крупных водоемов для переправки солдат с одного берега на другой (*прим. авт.*).

Ночью 18 февраля два авангардных батальона прошли по двум флангам дивизии «Эмам Хосейн» и напали на бронетанковые соединения врага. Мы находились в Абу-Шанике, и до нас доходили тревожные вести о том, что эти два батальона были окружены огромным вражеским танковым соединением на трассе Фао – Басра.

Когда настало утро, они, уничтожив несколько танков врага и, конечно же, понеся большие потери убитыми и ранеными, вернулись за насыпь в расположении дивизии «Эмам Хосейн».

На следующее утро я поехал в штаб на совещание и по общему содержанию речи командира бригады понял, что в случае, если бы эти два батальона не ударили прошлой ночью по танкам, иракцы с восходом солнца выдвинулись бы в Фао и, дойдя туда, вклинились между нашими силами на трассе Фао – Аль-Бихар и на трассе Фао – Умм-Каср. Эта операция была уверенным шагом, предпринятым на полуострове Фао бригадой «Ансар оль-Хосейн», который расстроил боевые порядки иракской 5-й дивизии.

Следующей ночью враг усилил давление со стороны трассы Фао – Умм-Каср. Потеряв надежду на эффективность непрерывных контратак со стороны Аль-Бихара и Басры, иракцы сосредоточились на трассе Фао – Умм-Каср, чтобы обойти наши войска.

Географическое расположение трассы Фао – Умм-Каср создавало ограничения для обеих сторон, в отличие от двух других автодорог, ведущих в Аль-Бихар и Басру, которые были свободны. По левую сторону этой трассы был Персидский залив, а справа от нее располагалась болотистая местность, совершенно непроходимая для танков, спецтехники и даже пехоты. Бои шли на асфальтированном шоссе в 15 километрах от города Фао, когда линия фронта была шириной с само шоссе. В это время командир бригады от правил в бой батальона «Хазрат-е Али Акбар».



154-й батальон «Хазрат-е Али Акбар» ночью 18 февраля прибыл на помощь 28-й дивизии «Мохаммад Расулаллах» для захвата иракского блокпоста на трассе и уничтожения защищавших его вражеских сил. Утром пришло сообщение, что командир этого батальона, хадж Реза Шокрипур, получил тяжелое ранение в живот. Это был третий за две ночи операции командир батальона, который был ранен и уже не мог участвовать в боях.

Я считал минуты до того момента, когда отдам приказ о выступлении батальона. Ребята тоже чувствовали себя, словно львы в клетке. Они сидели среди деревянных домов Абу-Шаника из кирпичя-сырца, писали завещания и просили друг у друга прощения.

Это ожидание дополнялось волнением, которое накатило на меня из-за непрерывных авиабомбардировок и применения химических бомб, с чем мы столкнулись впервые. Я боялся, что перед отправкой на передовую все бойцы батальона могут быть поражены отравляющими веществами.

Когда дождь поливал дома из необожженного кирпича, запах горчичного газа, заполнявший все вокруг, немного ослабевал. Тогда мы могли ненадолго снять противогазы.

Среди ребят были двое, которые не подстригали бороду и потому не надевали во время химических атак противогазы. Я сказал этим двоим: «Вам нужно подготовиться к серьезному бою. Я не разрешаю вам идти на передовую без противогазов. Прямо здесь подкоротите свои бороды».

Они сказали: «Клянемся Аллахом, мы до сих пор ни разу не подстригали бороды». Я сказал: «Вы ничем не отличаетесь от других. Всем тяжело, но еще тяжелее – удущье от химических газов». В конце концов один из них сказал: «Хорошо. Раз уж вы говорите, мы подстрижем, но

только ради выполнения вашего приказа, а не для защиты от отравляющих газов»<sup>1</sup>.

В Абу-Шанике, в отличие от ночи на Ашуру во время операции «Бадр», не было и речи о делении на две группы. Все добровольно шли на смерть, и батальон «Хазрат-е Абольфазль» стал таким, каким все хотели его видеть.

Здесь не было разговоров о том, чтобы не идти в бой, – напротив, я старался удержать некоторых бойцов с их неудержимым энтузиазмом от отправки в Фао. Одним из таких был старик по имени Остад Морад. Он большую часть времени проводил со своим сыном Али на фронте, и я все время переживал, что с ними может что-нибудь случиться одновременно.

Али служил в 154-м батальоне «Хазрат-е Али Акбар» и время от времени навещал отца. Вот и в Абу-Шанике он опять объявился и стал упрашивать меня, чтобы его перевели в батальон «Хазрат-е Абольфазль».

Это был хороший повод для того, чтобы воспользоваться присутствием сына, оставить Остада Морада в тылу и не отправлять на передовую.

Я позвал его и сказал: «Господин Гударзи, Али очень хочет перевестись в наш батальон. Раз так, ты оставайся в Абу-Шанике».

Остад Морад обучал детей Корану и был известен среди всех своей твердостью и благонравием, однако, услышав от меня такое предложение, он насутился и спросил: «Разве в Кербеле отцы не были рядом с сыновьями?!».

---

<sup>1</sup> Джанали Гаффарийан: «У нас с арабом Али Таркашвандом были длинные бороды, и мы были готовы умереть, но не брить своих бород. Когда хадж Мирза сказал: “Идите и постригите бороды”, – мы не стали препираться и подчинились, потому что доверяли хаджи» (Интервью с Джанали Гаффарийаном. Нахаванд. 27.10.2013).

Я промолчал и опустил голову, а он сказал: «Брат Сольги, благое дело является благим для всех, как для отцов, так и для сыновей». Затем он прочитал аят: «Неужели вы станете призывать людей к добродетели, предав забвению самих себя?»<sup>1</sup>».

Я продолжал молчать, а он непрерывно говорил без запинки: «Брат Сольги, я всю жизнь был преподавателем Корана и призывал других к благим делам. Как же я теперь могу сам отказываться от благого дела?».

Мне нечего было ответить Остаду Мораду. Его сын Али, потеряв надежду убедить меня, вернулся в батальон «Хазрат-е Али Акбар», а я направил Остада Морада во взвод снабжения батальона, чтобы он был подальше от боевых действий в Умм-Касре<sup>2</sup>.

Я еще не оправился от этого случая с отцом и сыном, как ко мне заявился еще один отец и тоже с сыном. Сын, Мохаммад-Шоджа Гейсари, был одним из старых бойцов нашего батальона, а его отец занимался снабжением. История Остада Морада повторялось, но на сей раз по-другому. Отец настаивал: раз его сын Мохаммад-Шоджа все время был на передовой, теперь его очередь, и он хочет на передовую. Мохаммад-Шоджа только смотрел и смеялся. Я сказал отцу: «Если вы все пойдете на передовую, кто будет доставлять боеприпасы и провизию?!».

Как он ни уговаривал, я не соглашался. Обиженный отец вернулся к своим делам во взводе снабжения<sup>3</sup>. В это

---

<sup>1</sup> Коран, 2:44.

<sup>2</sup> Остад Морад Гударзи через два дня после этого разговора таскал воду и боеприпасы на трассе Фао – Умм-Каср. Когда он в последний раз доставил на передовую целую канистру воды, он сел в окопе и громким голосом читал суру «Йа Син». В этот момент осколком снаряда ему расколело голову надвое. Его сын Али, воевавший в Фао, выжил (*прим. авт.*).

<sup>3</sup> Мохаммад-Шоджа погиб во время наступления в первый же день. Однако Аллаху было угодно, чтобы отец остался в живых. Он до сих обижен на меня за то, что я не позволил ему быть рядом с сыном (*прим. авт.*).

время в Абу-Шаник прибыли два командира из бригады по поручению хадж Мехди Кийани. Это были хадж Мохсен Омиди и Абдолъали Тамими.

Хадж Мохсен, мой старый приятель, земляк и соратник, какое-то время командовал батальоном «Хорр», но по причине его хорошей штабной работы был назначен заместителем начальника штаба бригады. Абдолъали Тамими тоже был одним из старых командиров еще со времен боев в Абадане и соратником хадж Мехди Кийани, отвечавшим за все действия на суши и на воде в Фао. Появление этих двоих в расположении нашего батальона вызвало у всех крайнюю настороженность.

Хадж Мохсен описал ситуацию следующим образом: «До сегодняшнего дня почти все бригады и дивизии КСИР на юге вступили в бои в Фао. Каждый батальон один или несколько раз вел бои на одном из трех направлений: Аль-Бихар, Басра или Умм-Каср – и вернулся в тыл. Иракская контратака в районе Аль-Бихара и Басры не принесла результатов, а потому они направили свои усилия на трассу Фао – Умм-Каср. До сих пор все боевые батальоны нашей бригады вступили в бой, остался только ваш батальон».

Я прервал хадж Мохсена и сказал: «Хаджи, я это все знаю. Скажи свою мысль до конца». Его серьезность сменилась дружеской откровенностью, и он по-свойски сказал: «В Кербеле последним на поле боя тоже вышел Абуль-Фазль. Вот в этом дело».

Я спросил: «Когда нам нужно идти в бой?».

Он ответил: «Тебе нужно идти прямо сейчас, а твоему батальону – через несколько часов».

Я передал батальон хадж Резе Заргяри и поехал вместе с Омиди и Тамими к Арвандруду.

Лодки морского подразделения стояли рядами на причале в реке Гасемие у устья Арвандруда, ожидая при-

езда нашего батальона, чтобы переправить его на другой берег.

С нашего берега был виден город Фао, голубое небо над которым было затянуто огромными клубами дыма, шедшего от взорванных нефтехранилищ.

Нам нужно было быстрее переправиться на другой берег, но буквально в мгновение ока среди дыма в вышине небес появилась иракская эскадрилья. До этого дня я никогда не видел столько самолетов сразу. Куда ни посмотришь, на каждом участке неба кружили по три-четыре МиГа или «Миража», и зенитные орудия, уставленные на берегу Арванда, застыли, не понимая, по кому из них стрелять. Из самолетов посыпались бомбы и ракеты, и куда бы они ни попадали, всюду вырастали грибы огромных взрывов. На несколько минут мы позабыли о том, что нам нужно перебраться на другой берег.

Абдольали Тамими сказал: «Если вы будете ждать до тех пор, пока не закончится бомбежка, то нужно оставаться до наступления темноты».

Он был прав. Обширная бомбардировка, которая велась МиГаами и «Миражами», завершилась. В небе появился белый крылатый монстр под названием «Туполев»<sup>1</sup> и обстрелял каждый клочок земли Фао, оставив за собой длинную линию взрывов, протянувшихся с определенными интервалами с востока на запад. Самолет летел на такой высоте, что был недоступен для огня наших зенитных орудий. Он сбросил бомбы и улетел, а после него прилетел следующий «Туполев», который вместо многочисленных маленьких бомб обрушил на головы ребят арматуру, камни и прочий хлам. Никто до сих пор не видел, чтобы такой современный бомбардировщик,

---

<sup>1</sup> Ту-22 – советский дальний тяжелый сверхзвуковой самолет, разработанный в конструкторском бюро Туполева, который в варианте бомбардировщика находился на вооружении Военно-воздушных сил Ирака с 1979 г. (прим. пер.).

как «Туполев», сбрасывал не бомбы, а арматуру и камни. Это было зрелище, напоминавшее сцену из кинофильма, разумеется, пока самолеты не стали сбрасывать химические бомбы, потому что их взрывы не оставляли возможности наблюдать за происходящим. Резкий запах чеснока, зелени и протухшей рыбы означал смерть. Взрывы химических бомб сначала уничтожали имевшийся в воздухе кислород, а затем поражали отравляющими веществами глаза и легкие бойцов, не имевших средств защиты. У одних были противогазы, а у других – нет. Отдельные бойцы имели при себе противогазы, но не надевали. Медлить было бессмысленно, мы сели в лодку. Кроме Мохсена Омиди и Абдольали Тамими, с нами был Саид Бадами, командир инженерного батальона бригады.

Мы еще не успели доплыть до середины Арванда, как прибыла следующая авиаэскадрилья. Мы были в безвыходном положении. Если бы мы находились на суше, то могли бы бежать в любую сторону, но Арвандруд и в обычных условиях был рекой с бурным и диким течением, а сейчас, когда наступил отлив и уровень воды понизился, нас на безумной скорости уносило, словно невесомую соломинку, в сторону Персидского залива.

Каждый самолет исторгал из своего чрева не менее четырех тяжелых бомб, и часть их летела в нашу сторону, а одна будто бы собиралась приземлиться точно на нашу лодку.

Я сказал: «Ребята, давайте прощаться. Мы не доплывем до другого берега».

Никто не ответил. Мы легли на дно лодки. Рулевой отключил мотор. Летевшая в нашу сторону бомба взорвалась в воде на расстоянии 50 метров от нас, образовав вокруг себя круги волн, двигавшихся стеной во все стороны. Мне не верилось, что лодка сможет устоять и не перевернуться. Хадж Мохсен не умел плавать, и я ранее говорил ему в шутку: «Ты даже в луже размером с коровье копыто умуд-

ришься захлебнуться». Однако, не умея плавать, он был самым спокойным из всех нас. Я развязал шнурки на ботинках, чтобы, если окажусь в воде, можно было спокойно плыть без ботинок, но до этого так и не дошло. Лодка набрала воды. Мы впятером стали вычерпывать воду, пуская в ход все, что попадалось нам под руку – металлические каски, фляжки и даже ладони. Мы проплыли две-три ширины Арвандруда, то есть примерно 1200 метров. Волны стали меньше. Рулевой воспрянул духом и дернул стартер, но мотор не завелся. Сколько он ни силился и не тужился, покрываясь испариной, забившиеся в мотор глина и ил не позволяли его завести. В конце концов мы стали грести веслами вручную, пока не причалили к Фао, все мокрые и перепачканные глиной, а в носу у нас стоял запах рыбы.

\*\*\*

По кромке берега и в каналах было полно трупов иракских солдат, убитых во время первой фазы операции. Абдольали Тамими остался у пристани, снова прилетели самолеты, и раненые, лежавшие у пристани, попали под бомбежку. После размещения армией Исламской Республики пусковых установок ракет «Хок»<sup>1</sup> класса «земля – воздух» иракские МиГи и «Миражи» стали реже пикировать на наши позиции, иногда их даже сбивали из «Хоков», но от этого бомбежки не становились слабее.

Когда мы с Мохсеном Омиди прибыли в штаб бригады, располагавшийся в тылу оборонительной линии на трассе Фао – Умм-Каср, нам сообщили, что пристань «Ансар оль-Хосейн» в очередной раз подверглась бомбардировке, в результате чего погибли десятки бойцов, в том числе Абдольали Тамими.

---

<sup>1</sup> «Хок» (MIM-23 HAWK, *англ.* Homing All the Way Killer – «перехватчик, управляемый на всей траектории полета») – американский войсковой зенитный ракетный комплекс средней дальности производства компании «Рейтеон» (*прим. пер.*).

Наш батальон все еще не переправился на берег Фао. Если бы они прорвались сквозь огненный ад на Арвандруде, я мог бы вздохнуть с облегчением.

Когда мы с Омиди вошли в штаб бригады, усталое и покрытое пылью лицо командира бригады немного прояснилось. Все штабные сотрудники, кроме него и нескольких радистов, были на передовой и ежесекундно докладывали обо всех событиях и происшествиях на линии фронта. Их сообщения не особо радовали. Кроме сообщения о героической гибели Тамими, пришли новости о смерти Хасана Торка, замкомандира планово-оперативного подразделения, и Маджида Самавата, начальника отделения боевой подготовки бригады.

Командир бригады спросил у Омиди: «Вы хорошо проинструктировали хадж Мирзу?».

Омиди кивнул, подтверждая.

Солнце было в зените. Мы под артиллерийским огнем прочитали в командирском блиндаже намаз. Меня ждал штабной курьер на мотоцикле, чтобы забрать на передовую. Хадж Мехди в последний момент снова подчеркнул: «Все силы дивизии “Ансар” до настоящего времени были пущены в ход, кроме твоего батальона. Война сейчас на том этапе, что в случае разгрома сопротивления на трассе в Умм-Каср иракцы дойдут до Фао, а это будет означать окружение всех наших сил на трассах в Басру и Аль-Бихар. Если рубеж падет, всех ребят перебьют».

Несмотря на властный и строгий голос, хадж Мехди говорил застенчивым тоном. Я думал о том критическом значении, которое приобретала задача батальона «Хазрате Абольфазль», и совершенно не обратил внимания, что он вместо «бригады “Ансар оль-Хосейн”» использовал слово «дивизия». Никто не знал, что в связи с самоотверженным сопротивлением ребят бригада была преобразована в дивизию. Это была дивизия, у которой из всех боеспособных подразделений оставался только наш батальон, и этому ба-



тальону предстояло в одиночку защищать последние рубежи перед натиском врага<sup>1</sup>.

Командир дивизии видел последнюю надежду в батальоне «Хазрат-е Абольфазль», и это его ожидание многократно увеличивало мою ответственность и ответственность всех моих бойцов.

Когда я сел на заднее сиденье мотоцикла, в моей голове слова командира увязались с замечанием, ранее высказанным в Абу-Шанике хадж Мохсеном Омиди, и меня осенило. Командир дивизии сказал, что отправил на передовую все батальоны, кроме батальона «Хазрат-е Абольфазль». Остались только мы, и вся его надежда – лишь на наш батальон. Хадж Мохсен Омиди тоже говорил, что в Кербеле Достопочтенный Абу-ль-Фазл был последней надеждой Имама, когда вступил в бой. Не знаю, почему и как эти события и слова соединились в единое целое, но я невольно вспомнил следующее высказывание Господина Мучеников, когда Абу-ль-Фазл пошел на врага: «О мой брат! Ты мой знаменосец, и если тебя не будет, мое войско разбежится».

Погрузившись в толщу истории, я почувствовал себя в роли знаменосца Абу-ль-Фазла, прибег к защите Аллаха от своего внутреннего шайтана, упрекнул самого себя и сказал себе: «Эй, сын Шейха Али-Мамада из Дехганабада! Где ты, а где знамя Аббаса ибн Али? Неужто из-за того, что твоему батальону присвоили имя Абу-ль-Фазла, ты посмел поставить себя на одну чашу весов с высочайшей степенью Абу-ль-Фазла?».

Из-за множества воронок от взрывов артиллерийских мин на асфальте мотоциклист объезжал их и ехал зигза-

---

<sup>1</sup> Хадж Мехди Кийани, командир 32-й дивизии «Ансар оль-Хосейн»: «Ага Мохсен по рации сообщил, что защита фронта на трассе Фао – Умм-Каср равнозначна защите Ухуда на заре ислама. Это выражение передает критическое значение этого этапа войны в истории Священной обороны» (Интервью с хадж Мехди Кийани. Тегеран. 08.07.2014).

гами, а я, прижав голову к его спине, шептал: «Если мне суждено, чтобы эта трасса стала окончанием моего пути, то помоги же мне, о Аллах, умереть последним из ребят моего батальона». Я повторял про себя эти слова, а внутри меня все кипело от негодования, так что я уже даже не обращал внимания на разрывы снарядов и мин, громы-хавших повсюду – впереди, сзади, слева и справа от нас.

Перед отъездом меня проинструктировали на карте с очертаниями линии фронта. Каждый командир батальона, которого отправляли на этот рубеж до меня, владел информацией лишь в этом объеме и безо всякой разведки ехал по этой трассе вперед до того места, где находился враг. Это была узкая полоска шириной с асфальтированное шоссе в 15 километрах от города Фао в сторону Умм-Касра, на которой, как мне показалось, располагалось несколько рядов наших бойцов, противостоявших полчищам иракских танков и бронетехники. Шоссе шло параллельно берегу Персидского залива. Это была прибрежная дорога, с левой стороны которой виднелось море, а с правой раскинулись болота и солончаки.

Опыт боев предыдущих батальонов навел командиров на мысль о том, чтобы разместить на переднем крае обороны контингент в размере одной роты для непосредственного противодействия, чуть позади, в 500 метрах от них, поставить еще одну роту, а в захваченных окопах, еще дальше от передовой, разместить третью роту.

Хотя по трассе концентрированно били из всех видов орудий, при таком трехэшелонном построении батальона на долю второй и третьей рот приходилось меньше огня, и в случае необходимости и больших потерь на переднем крае они могли быстро заменить передовую роту.

Мы проехали примерно десять километров по шоссе, когда целый столб дыма от взрывов, видневшийся изда-лека, обозначил линию фронта. Над землей поднимались

некие подобия елочек, белых и высоких, которые постепенно исчезали в воздухе. Эта стена из елочек представляла собой серию сплошных взрывов артиллерийских снарядов на воде и суше, которые вздымались и опускались, словно фонтаны, но не утихали ни на секунду.

Когда мы подъехали еще ближе к передовой, к заградительному огню добавились прямые танковые и пулеметные выстрелы. Мотоциклист остановился у грунтовой обочины дороги и сказал: «Линия обороны здесь».

Все на фронте в Фао было странным и необычным. Бомбежки, Арвандруд, оборонительная линия без насыпи – все это в некотором роде было для меня в новинку.

Ребята приняли линию у 27-й дивизии «Мохаммад Расуллоллах». Прямой и прицельный огонь врага по трассе шириной в 8–10 метров не позволял подъехать к ней ни карьерным погрузчикам, ни бульдозерам. Ребята сделали на обочине дороги несколько блиндажей из мешков с землей, которые протянулись до того места, где начались вода и болота.

На линии обороны мне сразу бросилось в глаза лицо командира разведывательно-оперативного подразделения Али Читсазийана. Он сидел там с несколькими выжившими бойцами батальона «Мослем эбн Агиль» и время от времени открывал пулеметный огонь в сторону вражеских позиций. Его присутствие на передовой означало, что ситуация была критической. Али поймал мой взгляд, но я уже смотрел на бездыханное тело замкомандира плано-оперативного подразделения Хасана Торка.

Али сказал:

– Хадж Мирза, с прибытием тебя.

Я спросил:

– Когда погиб Хасан?

– Вчера ночью получил в лоб пулю из снайперской винтовки.

Кровь, стекавшая из середины лба по щекам и бороде Хасана, все еще была влажной и свежей. Вид его безмятежного лица на минуту унес меня в сад моих воспоминаний. Мне вспомнилась операция «Вальфаджр-5», спокойный голос Хасана из радиации, молитва, которую он читал перед операцией «Бадр».

Рядом с Хасаном покоились еще несколько погибших. Должно быть, они ждали наступления ночи, когда за ними на передовую должна была приехать машина и увезти их в тыл.

Впереди по обеим сторонам дороги лежали тела наших бойцов, свидетельствуя о том, что случилось с теми батальонами, которые вели здесь бои последние несколько дней.

Немного дальше от тел мучеников иракцы вырыли на краю шоссе несколько окопов, но местом дислокации основных сил их пехоты был бетонный блокпост справа от дороги. Возле этого блокпоста распростерлись на земле павшие воины батальона «Хазрат-е Али Акбар». Я спросил у Читсаза:

– Иракцы идут только в лобовую атаку?

Он пожал плечами:

– А разве у них есть другой вариант?

Я сказал:

– Если они решат напасть со стороны Персидского залива на лодках, то могут легко отрезать нас от тыла и завладеть шоссе.

Читсаз рассмеялся:

– Они до сих пор не позволили себе подобного. Хаджи, ты будто бы совсем забыл, что они полагаются только на артиллерийский огонь и бронетанковые части.

– Но здесь справа и слева вода. Как танки могут здесь развернуться?

– Последние несколько ночей танки по двое проходят на трассу, отстреливаются и возвращаются назад.

Я сразу же принял решение: как придут ребята, отправить на передовую специальный отряд для уничтожения танков. Командиру дивизии я сообщил, чтобы любым способом он отправил к нам бульдозер для возведения насыпи, и сказал: «Если мы хотим удержать шоссе, нам обязательно нужно вести бои за насыпью». Я заверил его, что мы приложим все усилия для защиты шоссе, лишь бы у нас был бульдозер.

На закате пришло известие, что батальон выдвинулся из Абу-Шаника, пересек Арвандруд и дошел до Фао. Это была радостная новость. Однако вместе с ними на передовую должен был выехать бульдозер.

Хадж Реза Заргяри ехал вместе с батальоном, и я сказал ему по рации, чтобы он оставил третью роту под командованием Моталлеба Гейсари сзади, в самом начале шоссе, для прикрытия, а роту хадж Хосейна Кийани разместил впереди, в 500 метрах от линии обороны. Роте Мехди Зафари было приказано вместе со спецотрядом явиться на передовую.

Солнце еще не село, когда хадж Реза Заргяри с ротой Мехди Зафари прибыл на передовую. Их прибытие не осталось незамеченным вражескими наблюдателями. Поэтому, как только они подошли, иракцы обрушили на разбросанные вдоль линии окопы огонь тяжелой артиллерии. Одной из Божьих милостей было то, что батальон перебрался через Арвандруд, под бомбежками дошел до шоссе и приготовился к бою. Когда ребята потом рассказали, что по пути их несколько раз бомбили, но никто не пострадал, я понял, что с самого начала Господь являл нам свою милость.

Уцелевшие бойцы батальона «Мослем эбн Агиль» вернулись в тыл, и рубеж оказался в распоряжении наших ребят и нескольких бойцов из разведывательно-оперативного подразделения Али Читсазийана. Там также были два или три наблюдателя, артиллерия и реактив-

ная артиллерия, которые время от времени пускали по вражеским позициям снаряды или мины.

Соотношение огня было неравным в подлинном смысле этого слова. Я уже привык к такому положению вещей, и единственной отдушиной для меня могло стать только прибытие бульдозера для рытья насыпи, но на тот час о нем ничего не было слышно.

В первую ночь я ни на минуту не выпускал из рук инфракрасного бинокля, чтобы быть в курсе всех передвижений врага в темное время. До какого-то времени их передвижения носили естественный характер. В полночь глаза у меня стали болеть от нагревшегося бинокля, и я передал его Резе Гияси со словами: «Разбуди меня через час».

Я лег на полу, но мне вспомнились слова командира дивизии. Наверняка, если кто-то в тылу спал, он мог быть спокоен, потому что батальон «Абольфазль» стоял на страже их сна.

Я поднялся и взял бинокль. И сразу же понял, что мучавшие меня беспокойство и тревога не были беспочвенными. По обеим сторонам шоссе в нашу сторону крадутись двигалась колонна иракцев.

Хадж Реза Заргари был рядом со мной. Я сказал ему: «Хаджи, они идут. Приготовь ребят».

За несколько секунд поднялся такой шум, что даже те из ребят, кто уже дремал, моментально пришли в себя и с гранатометами и пулеметами залегли за обломками асфальта. Читсаз еще до нас видел несколько подобных пехотных атак и сказал: «Скажи ребятам, чтобы не стреляли, пока они не продвинулись максимально вперед». Линия фронта была не так уж и широка, чтобы этот приказ никто не услышал. Все держали пальцы на курках, пока иракцы в полной темноте бежали в нашу сторону. Они начали движение примерно в 300 метрах от нас и уже находились в 50 метрах, когда кто-то нажал на курок, и мы

стали палить по ним из всего, что у нас было. Узость шоссе стала для них настоящей напастью. Они были вынуждены бежать в нашу сторону, еще больше попадая под наш огонь, либо залечь на месте, либо возвращаться под огнем назад.

Из примерно одной их пехотной роты только половина бойцов сумела прорваться живыми сквозь наш шквальный огонь или вернуться ранеными назад, остальные были убиты. В ночи раздавались оглушительные крики наших бойцов, разносившиеся по шоссе.

Стволы наших орудий еще не успели остыть, и повсюду стоял запах пороха, когда сзади послышался лязг гусениц бульдозера. Его прибытие придало нам всем еще больше энергии, чем успешное отражение атаки вражеской пехоты.

По слухам, ребята из инженерного подразделения дивизии ранее попытались возвести насыпь, но из-за вражеских обстрелов их попытки не принесли результата. У бульдозера было два часа до рассвета, чтобы сделать перед нами насыпь, пользуясь темнотой ночи.

Водитель бульдозера был ангелом, который пришел на помощь защитникам шоссе, и, если бы ему удалось возвести насыпь, мы могли бы спокойно воевать с врагом, укрываясь за ней. Поэтому в силу важности момента я направил по обеим сторонам шоссе на передовую шесть человек из специального отряда для боевого обеспечения и прикрытия работы бульдозера, а также для противодействия вероятному огню со стороны противника. Они прошли вперед почти до того места, где лежали трупы иракских солдат, и залегли на обочине. Все пулеметчики и гранатометчики были расставлены по всей ширине трассы и, конечно же, предупреждены о сидевших в засаде шестерых бойцах на переднем крае линии.

Мы полагали, что водитель бульдозера не знает, где и в каких условиях ему надо будет возводить насыпь.

С краю от шоссе вместо земли были лишь вода и болотная тина. Земли для постройки насыпи не было. Водителем был мужчина средних лет по имени Алиашраф Мозахери, который с совершенно невозмутимым видом, повернувшись спиной к врагу, врезался огромным металлическим ковшом своей машины в полотно шоссе и переворачивал пласты асфальта, чтобы добраться до лежавшего под ним грунта.

В сторону бульдозера полетели первые пули, но бульдозерист и бровью не повел. Иногда целая группа из 12 наших ребят одновременно стреляла по врагу из гранатометов, огонь наших артиллерийских орудий и ракетных установок давал бульдозеру поработать какое-то время, но враг, как и мы, хорошо понимал важность возведения насыпи, и огонь велся с обеих сторон.

Два часа работы бульдозера тянулись словно два дня, но смелый бульдозерист сделал большое дело. Он возвел насыпь высотой 2–3 метра и шириной около 12 метров, сделав оба края закругленными внутрь, так что она стала похожей по форме на букву «нун»<sup>1</sup>. До восхода солнца он соорудил позади нас, на расстоянии 15 метров, еще одну насыпь такой же ширины и длины, чтобы и с той стороны в ребят не летели пули и осколки снарядов.

Утренний намаз был одновременном намазом благодарности, ведь ребята читали его уже за насыпью, а бульдозерист до прибытия вертолетов и танков вернул в тыл<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Нун (ن) – одна из букв арабско-персидского алфавита (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Алиашраф Мозахери сделал ту ночь незабываемой для нас и через несколько суток под покровом ночи опять приехал к нашему рубежу, чтобы отвести в тыл тело своего сослуживца Азима Азади, но погиб. Все ребята, воевавшие в ту ночь на шоссе Умм-Каср, никогда не забудут героизма этого великого человека (*прим. авт.*).



\* \* \*

Мы еще не оправились от бессонной ночи и тяжелых боев прошлого дня, как с рассветом на другом конце шоссе показалась колонна танков.

Условной единицей измерения расстояния между нами и врагом были электрические столбы, которые стояли параллельно дороге, на некотором расстоянии от нее. Мы хорошо просматривали до шести столбов, между которыми было по 90 метров. Бетонный блокпост иракцев располагался примерно у пятого от нас столба. Это место считалось расположением вражеской пехоты, но танки по причине ограниченности пространства для маневров также были вынуждены идти по прямой. Два танка шли вперед и вели прямой огонь, а ребята из-за насыпи стреляли по ним из гранатометов. Если в танк попадала ракета из наших противотанковых гранатометов, он загорался, следовавший за ним танк выталкивал его в сторону и прокладывал себе путь. Эта ситуация повторялось несколько раз до 10 часов утра, но ни один танк не смог подойти к нам ближе, чем до четвертого столба.

Примерно в полдень нам стали досажать вертолеты, вооруженные пушками и ракетами. Возведенная прошлой ночью невысокая насыпь была хорошей защитой от прямого огня иракских танков, но вертолетные ракеты летели сверху и попадали за насыпь. У нас было четыре пулемета ДШК, из которых мы стреляли, когда слышали звук приближавшегося вертолета, не позволяя ему застыть над нами. Несмотря на это, стрелявшие издалека вертолеты ранили и убили нескольких наших ребят. Одновременно с противодействием огню с воздуха, вражеской артиллерии, «катюшам» и танкам бойцам приходилось на краю трассы наполнять землей мешки. Ребята думали о мешках для окопов даже больше, чем о воде и провизии.

После захода солнца прибыли несколько пикапов «Тойота» с боеприпасами, мешками для земли, водой и консервами. В тот день у нас было около 30 убитых и раненых, и «Тойоты» увезли сначала раненых, а потом и погибших в тыл. Я знал их всех, и меня связывали с ними воспоминания, но момент, когда подстрелили первого погибшего нашего батальона Али Алиморадпура, постоянно прокручивался в моем сознании. Когда он поднялся из-за насыпи, чтобы выстрелить по танкам из противотанкового гранатомета, пуля попала ему в голову, и он скатился за насыпь. Когда я подошел к нему, то вспомнил, что он просил у Аллаха стать первым погибшим батальона «Хазрат-е Абольфазль».

В ту ночь, в отличие от предыдущей, враг не совершал никаких передвижений. В нашу сторону шел лишь заградительный огонь, и это была хорошая возможность для ребят положить за насыпью несколько слоев мешков с землей, чтобы у нас было укрытие на случай, если выстрелы танков сделают насыпь еще более низкой.

\*\*\*

Во время утреннего намаза я сказал бойцам, чтобы они совершали молитву по очереди и до рассвета не спускали глаз с переднего края линии.

После восхода солнца повторился вчерашний сценарий. Сначала враг открыл массированный огонь по окопам и нашей дугообразной насыпи, а затем одновременно выдвинулись бронетанковые части и пехота. Этот способ ведения войны, когда танки шли впереди, а за ними двигалась пехота, был знаком нам по многим атакам врага. Как только впереди идущий танк подбивали, шедшие за ним пехотинцы разбегались врассыпную, словно муравьи или саранча, возвращаясь в тыл.

Нам противостояла 5-я бронетанковая дивизия иракцев, и после каждой неудавшейся атаки на смену прежним бойцам обязательно приходило свежее подкрепление, в отличие от нашего фронта, где ни один боец не попадал обратно в тыл иначе, как убитым или раненым, а если кого-нибудь убивало или ранило, я по рации просил расположенную позади нас роту и хадж Хосейна Кийани отправить к нам на передовую какое-то количество бойцов. Такое положение продолжалось тринадцать дней, когда мы непрерывно вели бои, отражая атаки иракских танков и пехоты.

На второй день на нашу долю выпало две атаки, причем вторая началась, когда солнце было в самом зените.

Уставшие и вымотанные постоянным недосыпанием ребята лежали по окопам кто где мог, и только несколько наших наблюдателей следили за трассой, когда к насыпи с молниеносной скоростью понеслось несколько бронетранспортеров. Пока наши ребята приходили в себя, те уже проехали последний электрический столб и были в 50 метрах от нас. Стрельба наших снайперов стала для нас чем-то обычным и постоянным. Поэтому многие думали, что стрельба идет в обычном режиме, тогда как снайперы стреляли по БТР. В нашем батальоне был один учитель, призванный в Басидж, по имени Масуд Дерахшан, которого я очень любил, а он был очень привязан ко мне. Я от усталости лег за насыпью, когда он закричал: «Хаджи, иракцы наступают!». Я вскочил с места, уже не было нужды в бинокле, потому что я своими глазами видел, как из бронетранспортеров выпрыгивали десантники высокого роста, которые быстро шли в нашу сторону. Прежде чем ребята успели зарядить гранатометы, они уже дошли до насыпи. Мы схватились, и все смешалось, словно в пыльной буре.

Шел рукопашный бой с применением гранат и легко-го стрелкового оружия. Несколько иракцев проникли на нашу сторону насыпи, и я увидел, как Масуд Дерахшан сцепился с одним из них. Ираец выкрутил Масуду руку, но у Масуда хватило сил, чтобы справиться с ним. Получив серьезную травму руки, он все-таки убил иракца.

Все ожесточенно сражались. Читсаз не спускал пальца с курка пулемета Горюнова<sup>1</sup>. Я стрелял из гранатомета. Чтобы придать духу всем остальным, я громко скандировал боевой клич Имама Хусейна (мир ему!).

Мой голос слышали сквозь грохот взрывов и очереди все ребята, находившиеся за нашей дугообразной насыпью. Несколько иракцев подняли руки, чтобы сдаться в плен, но большая часть продолжала вести бой у насыпи. Один из них, стоявший в двух-трех метрах от нас на той стороне, колебался, не зная, сдаваться ли ему или возвращаться в тыл. Кто поворачивал назад, попадал под огонь со стороны своих же позиций. Я сразу же отошел от насыпи и скатился на ту сторону. Оружия у иракца не было. Я взял его за руку и привел на эту сторону насыпи. Он дрожал, словно ива. Его смуглое мясистое лицо было покрыто крупными каплями пота. Я поцеловал его и сказал по-арабски: «Брат мой, я мусульманин».

Он успокоился и сел в уголке.

Я снова поднялся на насыпь, несколько иракских танков ехали прямо по трупам собственных солдат. Они хотели любой ценой добиться своего и покончить с нами до захода солнца. За танком шла целая толпа пехотинцев. Я велел двум бойцам из спецотряда идти от насыпи вперед и залечь в засаде перед танками.

Эти двое взяли с собой 10–15 ракет для РПГ, прошли вперед настолько, чтобы не попасть в зону досягаемости

---

<sup>1</sup> Пулемет Горюнова (СГ-43) – советский станковый пулемет (прим. пер.).

для снайперского огня, и подбили танк, который шел впереди остальных.

Вокруг меня лежало множество убитых и раненых. Некоторые раненые стонали, но не было никакой возможности оказать им медицинскую помощь. Даже хадж Реза Заргяри, замкомандира батальона, и хадж Мехди Зафари, командир роты, безостановочно вели бой и стреляли из противотанковых гранатометов. Хадж Реза надел на ноги тапочки. Вероятно, он сделал это, чтобы воодушевить бойцов. Когда он был рядом, мое сердце было спокойно благодаря железной уверенности в том, что если со мной что-нибудь случится, батальон возглавит такой храбрый и сильный командир, как он. Зафари на тот момент так долго стрелял из гранатомета, что не слышал ничьих голосов. На второй день атаки именно он подбил первый танк.

Глаза мои глядели вперед, сердце было с погибшими, а уши прислушивались к жалобным стонам, поднимавшимся над землей. Я снова попросил святых о помощи, не найдя никакого другого средства для того, чтобы вселить в товарищей энергию и боевой дух. Иракцы готовились к броску.

Я смотрел на врагов и обращал свои слова к ним. Бог свидетель, я прокричал этот боевой клич с самым искренним намерением. Вдруг поднялся шум. Большинство ребят повторяли этот клич. Со слезами на глазах они вели огонь по врагу<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Хадж Реза Заргяри, замкомандира батальона: «В те тяжкие минуты ничто не поднимало нам духа, кроме боевых кличей хадж Мирзы».

Реза Гияси из спецотряда: «Я находился рядом с хадж Мирзой. Он был за насыпью и брался за любое дело. Стрелял из гранатомета, подавал пулеметчику ленту. Однако, когда враг стал наседать сильнее, он читал стихи Луны рода Хашема [Абу-ль-Фазла

На второй день нам помогло обращение к святым, и насыпь, каждая пядь которой была полита кровью наших ребят, не досталась врагу. Из примерно четырехсот солдат иракской пехоты сорок человек сдались нам в плен. Множество иракцев лежали мертвыми на шоссе, а остальные вернулись к себе ни с чем.

\*\*\*

На третью ночь ничего особенного не произошло. Возможно, иракцы устали еще больше нас, а может быть, планировали следующие атаки.

Утром третьего дня одновременный огонь самолетов, вертолетов, «катюш», артиллерии, минометных орудий и танков превратил шоссе – от дугообразной насыпи до позиций роты прикрытия – в раскаленный ад. Каждый клочок земли был перепахан пулями. Ни в одном месте нельзя было чувствовать себя в безопасности. Немногие могли пройти из тыла на передний край и остаться в живых.

Наши руки были связаны, и мы предпочитали, как и в прошлые дни, вести бой против пехоты и танков. Но врага не было видно, на нас лишь со всех сторон лился дождь из пуль, бомб и ракет. Каждый миг кто-то падал на землю, словно слетевший с дерева лист.

Под этим огнем, как и в первые дни, к нам приезжал Остад Морад Гударзи, привозя воду и боеприпасы. Остад

---

Аббаса – прим. ред.], а на его глазах блестели слезы. Он каждый раз произносил какой-нибудь боевой клич, и мы забывали об усталости, когда слышали их».

Мохаммад-Джафар Шахбази: «Когда хадж Мирза поднялся на насыпь и стал читать стихи, я клянусь, никто не думал о том, чтобы выжить. Никто не думал о том, чтобы вернуться назад. Он всем своим существом ощущал себя на поле боя в Кербеле» (прим. авт.).

Морад получил это прозвание учителя<sup>1</sup> благодаря знанию Корана. Его лицо напоминало мне лицо моего отца. По воле случая они оказались сверстниками и закадычными друзьями. Остад Морад рассказывал свои воспоминания об отце. Он любил говорить по-лурски: «Сын Шейха Али-Мамада, пусть Аллах дарует милость твоему отцу! Он был хорошим человеком».

Все, как и я, любили Остада Морада. Один из басиджей по имени Аллаяр Эбрахими, трудолюбивый деревенский паренек, передал мне от Остада Морада записку, которую тот вручил ему в самый разгар боя. Я спросил: «Что это, брат Эбрахими?». Он сказал: «Это аят аль-курси, написанный Остадом Морадом. Я положил его в пакет, чтобы он не помялся. Остад Морад завещал мне передать вам этот подарок. Если ты будешь носить эту записку с собой, Хозяин аят аль-курси защитит тебя».

Во время одного из своих приездов Остад Морад пробирался к нам на линию до самой насыпи через вражеский огонь. Я сказал в шутку: «Остад Морад, ты столько колесишь по этой дороге туда-сюда, что трасса уже устала. Присядь, почитай немного Коран».

Он сказал: «Сура Йа-Син<sup>2</sup> – это сердце Корана, и человеческое сердце успокаивается, когда ее читают».

Он громким голосом прочитал нараспев суру «Йа-Син», потом встал, поехал в тыл за боеприпасами и водой и вскоре вернулся, привезя с собой еще несколько человек. Я с насыпи пристально смотрел на него, его губы шевелились, было видно, что он читает Коран. Вместе с прибывшими он разгрузил канистры с водой и ящики с боеприпасами, сложив их в углу. Вдруг прямо на них упала и взорвалась артиллерийская мина, люди разлете-

---

<sup>1</sup> Остад (перс.) – учитель (прим. пер.).

<sup>2</sup> Йа-Син – 36-я сура Корана (прим. пер.).

лись в разные стороны. Я подошел к ним. Их разорвало на куски. Кто-то из них умирал и произносил слова свидетельства веры. Трое погибли сразу на месте. Одним из них был Остад Морад. Осколком снаряда ему снесло часть головы, а мягкие волосы на уцелевшем затылке были вымазаны кровью, смешавшейся с землей.

Мы воевали у нашей дугообразной насыпи около десяти дней. Ни враг, ни мы не уступали. За все эти десять ночей никто не набрал даже одну полноценную ночь сна, если не считать павших, которые уснули вечным сном. Из всех четырехсот человек в батальоне на линии оставалось 80 бойцов. Хотя за это время из тыла на подмогу нам пришли еще две роты, на данный момент личный состав всего батальона составляли те самые 80 человек, то есть одна рота.

Большая часть ребят погибла или была ранена. В тылу не осталось уже никого, чтобы нас сменить. По радиации сообщали, что через 2–3 дня нам на смену придет запасной батальон. Отдельные ребята знали о критическом положении с живой силой и оставались на линии с легкими ранениями. Конечно, были и такие, кто уже был не в силах оставаться. Тот самый парень-борец по имени Хосейн Хишванд пришел и сказал: «Хадж Мирза, поговори с ребятами. Некоторые уже думают дать деру».

Утром на десятый день на небольшом пятачке перед насыпью я сказал тем немногим бойцам, которые стояли вокруг меня: «Сегодняшний день и все эти дни – это дни, к которым мы стремились всю свою жизнь, ожидая их наступления. Мы всю жизнь лили слезы о Фатиме. Мы не забыли, что примером для батальона “Хазрат-е Аболь-фазль” является Луна рода Хашема. Его тело и глаза были пронзены стрелами. Ему одну за другой отрезали руки. Его ударили по голове железным прутом, но он держал



бурдюк в зубах, чтобы доставить воду в шатры. О “Ансар оль-Хосейн”, сегодня наша очередь. Если мы оступимся на этом поле битвы, враг дойдет до Фао и будет топтать своими ногами тела наших мучеников. Он будет давить изорванные в клочья тела наших героев не копытами коней, а гусеницами танков».

В тот день после моей короткой речи Хосейн Хишванд настоял, что добровольно пойдет с несколькими ребятами вперед за насыпь, чтобы устроить врагу засаду.

В лице каждого из них читалась готовность к подвигу. Их уже ничего не связывало с этим миром. Хотя они и знали, что любой, кто пойдет вперед в засаду, погибнет или будет ранен, они настаивали, что пойдут вперед для того, чтобы уставшие бойцы, находившиеся прямо у насыпи, спокойно отдохнули или успели восстановить окопы, перевязать раны, поесть, совершить обязательное поклонение и прочитать намаз.

Я ни капли не сомневался в твердости веры и непоколебимости воли Хосейна Хишванда, но пытался напомнить ему о том, как тяжело сидеть в засаде, хотя в этом и была большая необходимость. Поэтому я сказал: «Брат Хишванд, иди один и принеси мне вести о тех, кто ушел в засаду ранее».

Последние бойцы, которые ушли в засаду до него, не вернулись обратно. Реза Ахмадванд и Таркашванд были выходцами из деревни Зарамин под Нахавандом. Хосейн Хишванд взял с собой автомат Калашникова и пошел в засаду. Я провожал его взглядом. Он ушел так далеко, что уже был рядом с третьим электрическим столбом. Я пожалел, что отправил его туда. Что он мог сделать в одиночку? Ведь и со здоровьем у него было неважно. В предыдущих операциях он получил одиннадцать пулевых ранений. В таком состоянии он мог лишь притащить в тыл тело од-

ного бойца. Была вероятность, что он и сам не вернется, и к погибшим в том укрытии добавится еще один.

Я сказал ребятам на рубеже, чтобы они не стреляли. Я несколько минут ничего не знал о Хишванде, ожидая его с тревогой и волнением, пока он не спустился по насыпи и сказал: «Хаджи, тела совершенно невозможно опознать. Их там не одно или два, а гораздо больше. Принести их в тыл на глазах у врага и в зоне досягаемости их огня невозможно».

Он не успел договорить, как просвистела мина, которая взорвалась у края насыпи, маленький осколок попал ему в голову, и он застыл в неподвижности.

Эта мина была началом подготовительного огня тяжелой артиллерии, к которому мы уже привыкли. За ним сразу пошла бронетехника, а за ней к нам несколько раз выдвигалась пехота. Несмотря на такое количество жертв, боевой дух наших бойцов был высоким, и каждый раз, когда кто-то падал замертво у насыпи, в жилах его соратников от ярости и пыла вскипала кровь. С одной стороны, после появления у нас нескольких пулеметов ДШК вражеская пехота уже не решалась подходить близко, и только танки стреляли издали, попадая по прямой в насыпь, которая уже уменьшилась в высоту наполовину. Однако располагавшиеся за ней окопы были прочными и имели несколько рядов. Самым младшим бойцом батальона «Абольфазль» был подросток по имени Раджабали Давуди из области Асадабад провинции Хамадан. Во время шквального минометного огня одна из мин попала в окоп, где сидел этот подросток, от сильного взрыва накат блиндажа обрушился, и парень остался под обломками, но его голос все еще был слышен. Три человека, в том числе Реза Гияси, стали разгребать обломки. Когда мальчишка выбрался из-под мешков с землей, бревен и досок

блиндажа, он был настроен очень решительно. Такой мужественный настрой у подростка после десяти суток боев вызывал у нас глубокое удивление.

В этот момент над насыпью показалась здоровенная башка крепкого на вид иракца. Он был один и пришел сдаться в плен. Многие поразились, откуда только он появился, потому что никто его не видел. Так или иначе, поскольку он добровольно сдался в плен, он передал нам важную информацию. Один из наших ребят, который немного знал арабский, поговорил с ним, и из слов пленного следовало, что на тот момент иракцы направили всю свою боевую мощь на то, чтобы отвоевать эту трассу. Он даже сказал, что операцией лично руководит из тыла генерал Аднан Хейраллах<sup>1</sup>.

Потом издалека прилетело несколько вертолетов, которые стали кружить над блокпостом. Удивительно, но они не пускали по нам никаких ракет. Только кружили в воздухе, и с неба доносился чей-то голос, что-то говоривший по громкоговорителю. Иракцы говорили на фарси: «Иранцы, вы находитесь в окружении. Сдавайтесь».

В какой-то момент я начал сомневаться, шел ли голос спереди или сзади, а вдруг мы и в самом деле попали в окружение?!

Все слышали этот голос. Наверняка и у других возникли такие же сомнения и подозрения, как у меня.

Никто ниоткуда не стрелял. С каждой минутой звук становился все громче. Я не понял, были ли громкоговорители установлены в задней части вертолетов или

---

<sup>1</sup> Аднан Хейраллах (1941–1989) – иракский политический и военный деятель, зять президента Ахмеда Хасана аль-Бакра, двоюродный брат и шурин следующего президента Саддама Хусейна, министр обороны Ирака с 1977 по 1989 г. (прим. пер.).

где-то еще, но знал, что этой операцией по оказанию психологического давления руководит лично Аднан Хейраллах, о присутствии которого сообщил нам пленный иракец. Я закричал изо всех сил: «Клянусь Аллахом, это голос лицемерия! Стреляйте по этим громкоговорителям саддамовского неверия!».

Вертолеты были слишком далеко, чтобы в них можно было попасть из гранатометов. Их можно было подбить только из ДШК. Все пять наших крупнокалиберных пулеметов, которые, несмотря на гибель нескольких расчетов, все еще были в рабочем состоянии, стали стрелять по вертолетам, грохот пулеметных очередей заглушил голос из громкоговорителя, и вертолеты улетели.

На одиннадцатый день к нам присоединились несколько бронированных «Хашаяров»<sup>1</sup> и бронетранспортеров для боевого обеспечения наших бойцов на передовой. Огонь артиллерии и наших реактивных установок вселял больше надежд, чем в прошлые дни. Все это были меры, которые усилиями командования нашей дивизии принимались для стабилизации фронта. Руководство штаба дивизии продолжало руководить операцией на этом участке, заканчивавшемся у насыпи. В эти дни погибли командир артиллерийского дивизиона Насер Абдоллахи, начальник отделения боевой подготовки Маджид Самавати и заместитель командира дивизии по разведывательно-оперативной работе Мосаййаб Маджиди.

Память о друзьях, с которыми мы провели вместе многие годы, легла мне на сердце тяжелым камнем. Все усилия дивизии были направлены на наш участок, и если бы трасса попала в руки врага... Эти мысли пробегали

---

<sup>1</sup> «Хашаяр» – иранское название БТР-50П – бронетранспортера на базе шасси легкого плавающего танка ПТ-76 (прим. пер.).

у меня в голове, когда к насыпи подошли два молодых учащихся духовного училища в камуфляже, но с тюрбанами на головах. Оба они прибыли на фронт в качестве проповедников, по всей видимости, для того, чтобы воодушевить ребят и поднять их боевой дух своими беседами. При батальоне «Хазрат-е Абольфазль» всегда был один шейх из Нахаванда по имени Ахмад Саадат, который, наряду с проповедями, всегда участвовал в боях.

Один из талабе был Сейед Али Асгар Масуди из рода Пророка, а другой – просто шейх. Эти двое любезно поприветствовали меня и пошли к ребятам. Я питал и продолжаю питать глубочайшее уважение к сейедам<sup>1</sup>. Один их вид придавал мне уверенность и спокойствие. Несомненно, такого же взгляда придерживались и остальные, поскольку все очень быстро раскрыли свои души перед этими двумя молодыми шейхами.

Спустя несколько минут один из тех талабе, который был сейедом, пришел ко мне и спросил: «Брат Сольги, почему вы не заменяете этих ребят?». Я дал ему понять, что нас заменить некому, и мы до сих продержались с ребятами только благодаря крепости их духовного настроения и опоре на культуру Ашуры, хотя я знаю, что у некоторых в глубине души возник вопрос: «Сколько еще мы должны оставаться на передовой и падать на землю один за другим?<sup>2</sup>».

---

<sup>1</sup> Сейед – потомок Пророка Мухаммада через его дочь Фатиму и внука Хусейна (*прим. ред.*).

<sup>2</sup> Ходжат оль-эслам Сейед Али Асгар Масуди рассказывает о своем разговоре с хадж Мирза-Мохаммадом Сольги – командиром батальона «Хазрат-е Абольфазль»: «В марте 1986 года, когда мы приехали на трассу Фао – Умм-Каср, то увидели, что из всего батальона остались только восемьдесят человек, и враг на них всеми силами насаждает, чтобы отвоевать это шоссе, потому что министр обороны Ирака обещал Саддаму, что вернет Фао. Поэтому иракцы идут сквозь огонь и воду.

Как раз в тот день опять начались такие же атаки и массированный огонь со стороны неприятеля, как и в прошлые дни, и приводить дополнительные аргументы любопытному талабе уже не было никакой необходимости. Мы не успели обменяться с ними последними словами, как заградительный огонь иракской артиллерии заставил всех засесть в блиндажи и у насыпи и приготовиться к бою. Когда эти талабе увидели, что все палят из стрелкового оружия и гранатометов, они оставили свои проповеди и присоединились к бойцам.

В течение нескольких дней многие наши ребята погибли, став мишенью для снайперов, стоило им только подняться с места. На этот раз снайперы продвинулись вперед до находившихся рядом с нами сгоревших танков. Прячась за танками, они убили несколько человек выстрелами в голову.

В тот день я столько палил по врагу из гранатомета, что уже не слышал ничьих голосов. Кто-то рядом со мной заряжал ракетой РПГ, а я стоял и стрелял. Вдруг я почувствовал, будто меня ударили молотком по голове. Металлическая каска слетела с головы. Я подумал, что помощник гранатометчика решил пошутить и бросил

---

Мы заглянули в несколько окопов, там говорили: “Мы были полноценным батальоном, который должен был провести здесь 24 часа, но мы уже одиннадцать дней удерживаем этот рубеж, и в живых осталось только восемьдесят человек”. Услышав об этом, я очень расстроился. Почему один батальон должен в течение такого длительного времени воевать в таких тяжелых условиях и никто не приходит к нему на замену?

Я пошел к командиру батальона Мирзе-Мохаммаду Сольги и сказал ему об этом. Это был очень спокойный и немногословный, но в то же время активный и деятельный молодой человек. Командир сказал: “Я не могу сказать бойцам правду, но знаю, что там в тылу ничего не слышно о подкреплении”» (Со слов Али Асгара Масуди. Цит. по: Сейед Хосейн Монтазерийан. Хонар-е Ахл-е Бейт. С. 274–275).

в меня камень или ком земли. Я с раздражением сказал ему: «Разве здесь место для шуток?!». Тот парень был ни в чем не виноват. Он вообще не имел к этому никакого отношения. Я не слышал его голоса, но он жестами объяснил мне, что ничего не сделал.

Один басидж, стоявший позади меня, наблюдал за этим разговором. Он подошел к нам и сказал: «Хадж Мирза, благодари Аллаха, что остался цел».

Он сказал это громким голосом, чтобы мне было слышно. Я потрогал голову. На ней была шишка с куриное яйцо. Он закричал: «Я сзади видел, как трассирующая пуля попала тебе прямо в голову».

Я поднял с земли каску. Пуля пробила ее, но не дошла до головы. Я попросил прощения у того басиджа, которого подозревал в том, что он кинул мне в голову камень, и сказал: «Мне еще не время уходить».

Чуть подальше от меня находился расчет 82-миллиметрового миномета, который бил с большой точностью, позволяя гранатометчикам перевести дух.

Земля была настолько усыпана патронами, гильзами и пустыми ящиками из-под боеприпасов, что там и иголке негде было упасть. Машины привозили из тыла боеприпасы, и они сразу же расходовались на линии. Наша жизнь зависела от боеприпасов даже в большей степени, чем от еды и воды. Мы могли как-то выживать без пищи, но без боеприпасов мы не могли воевать. Больше всего уходило ракет для пусковых устройств РПГ. Поэтому «Тойоты» быстро приезжали к дугообразной насыпи и уезжали обратно в тыл.

Вражеская атака продолжалась, и артиллерийский снаряд упал прямо на склад с боеприпасами для РПГ. Пороховые заряды вспыхнули, и одна из ракет посреди склада взорвалась. Все сразу же устремили взгляды в сто-

рону наших боеприпасов. Хадж Реза Заргяри вскочил с места. На секунду все сняли пальцы со спусковых крючков. Когда хадж Реза побежал к боеприпасам, я тоже рванул за ним. Я снял с себя куртку и упал прямо на ракеты. Обжег руки в первый же момент, но огонь частично улегся.

Когда ребята увидели нас с хадж Резой лежащими на ракетах, они немного осмелели и стали тушить землей и всем, что только попадалось им под руки, заряды других ракет, хотя те буквально ходили ходуном из стороны в сторону.

После того, как склад боеприпасов был потушен, я вернулся к себе в окоп, как вдруг из гранатомета вырвался огонь и опалил мне лицо и волосы. Я подумал, что боеприпасы еще не потухли, но огонь был спереди. Мохаммад Делиджани, который был в пяти-шести метрах впереди меня, встал, чтобы начать огонь из второго гранатомета, однако, прежде чем он успел нажать на курок, ему в голову попала пуля снайперской винтовки, и он упал замертво.

Примерно в половине третьего дня мы еще не читали полуденного и предвечернего намаза. Я неизменно совершал молитву в первые минуты установленного времени, даже находясь на передовой, просто заменял омовение таяммумом<sup>1</sup> и читал намаз сидя. Все командиры и большинство бойцов батальона были привержены правилу чтения намаза сразу же после наступления положенного для него времени. В своих выступлениях я всегда делал отступление и говорил о намазе Господина Мучеников в полдень Ашуры, о том, что весь джихад

---

<sup>1</sup> Таяммум – в исламе: очищение песком или специальным камнем, совершаемое в особых случаях вместо омовения водой (прим. пер.).



был лишь ради совершения намаза и призыва к благому. Разумеется, в этих тяжелых боевых схватках все равно находились басиджи, которые по ночам, если вражеский огонь позволял, совершали ночные молитвы. С теми самыми изможденными от жажды лицами и в окровавленной одежде.

\*\*\*

Я хотел коснуться ладонями земли, чтобы совершить таяммум, и увидел, что руки покрылись ожогами. Хадж Мехди Зафари с несколькими бойцами покинули насыпь и пошли вперед.

Ротный командир хадж Мехди был очень терпеливым и спокойным человеком. Он всегда знал, когда и что нужно делать. На его голове всегда красовалась ксировская зеленая шерстяная шапка, и я в шутку говорил: «Хадж Мехди, ты в этой шапкеходишь на продавцов вареной свеклы из Туйсеркана<sup>1</sup>».

Он перешел кромку насыпи и с гранатометов в руках пошел вперед, чтобы занять подходящую огневую позицию для стрельбы по танкам. Два танка двигались впереди остальных. Он ударил первый раз и промазал. Я подумал, что ему конец. Тогда он пустил вторую ракету. Шедший впереди танк, модернизированная версия Т-72<sup>2</sup>, замер на месте.

Хадж Мехди уже возвращался назад, как вдруг над башней танка поднялись языки пламени, после чего огонь охватил всю машину. Этого было достаточно, чтобы перекрыть дорогу и заставить развернуться остальные танки. Но ребята не собирались останавливаться на этом.

---

<sup>1</sup> Туйсеркан – город на западе Ирана, в провинции Хамадан (прим. пер.).

<sup>2</sup> Т-72 «Урал» – советский средний и основной танк (прим. пер.).

Али Мостафави, один из кадровых бойцов батальона, сидел у 60-миллиметрового миномета. Он устанавливал один за другим вышибные патроны и вставлял разрывные мины в ствол миномета.

Я стал его наводчиком, наводил орудие на цель и говорил: «Правее, левее, вперед, назад», чтобы мины попадали точно в танки, хотя, казалось бы, 60-миллиметровые мины не могли даже поцарапать стальную броню мощных Т-72.

Когда он стрелял, я ликовал от радости. Танки поворачивали назад, а тяжелый огонь нашей артиллерии и «катюш», наводившийся остальными наводчиками, рушился прямо на них. Под огнем «катюш» сгорели как минимум четыре вражеских танка.

Мы с Мостафави шутили друг с другом, и выстрелы наших махоньких минометных мин 60-го калибра были хорошим поводом для шуток, если сравнивать их с трехметровыми реактивными снарядами «катюш». Я хотел сказать Мостафави, что танк петардами не подорвать. Смотрю, а он упал. Вражеская мина взорвалась у него прямо в ногах, вывернув ему ноги и таз.

Я был очень привязан к Мостафави, внутри меня все горело от боли. Я не мог слушать его стоны. Он умирал у меня на глазах. Хадж Реза Заргяри вынес его с территории насыпи, но он умер, прежде чем его успели забрать в тыл.

Он не был единственным погибшим в одиннадцатый день. Если бы дела и дальше шли так же, за следующие два-три дня никого из 80 ребят ни осталось бы в живых.

Я настроил рацию на частоту командования, чтобы попросить во что бы то ни стало прислать нам на помощь хоть сколько-нибудь бойцов, как вдруг ребята закричали: «Иракцы! Иракцы...».

Я думал, что после того, как головной танк колонны загорелся, иракцы вернулись назад, но тридцать-сорок человек уже стояли в тридцати метрах от насыпи. Несмотря на усталость, ребята за эти несколько дней настолько закалились в боях, что сходу заставили врагов вжаться в землю. Они не могли ни идти вперед, ни отступить назад. Как мне показалось, иракский командир приказал им прорвать нашу оборону любой ценой, потому что любой из них, кто поворачивал назад, получал пулю от своих же и падал на землю. По этой причине мы немного ослабили огонь, чтобы они подошли ближе. Наше предположение оказалось верным. Трое или четверо сразу же бросили оружие, сняли с себя белые рубахи и начали размахивать ими над головой. К ним присоединились еще несколько и побежали к нашей насыпи. Никто не стрелял. Остальные, собравшиеся повернуть обратно, были подстрелены самими же иракцами и попадали на землю. Другие пошли в нашу сторону. Хадж Реза Заргяри посадил пленных вместе с ранеными, которые были на ногах, в «хашаяр» и отправил в тыл. Этот случай придал новых сил усталым телам наших ребят; один из них, крепкий парень по фамилии Сиявоши, буквально пришел в исступление. Он громко скандировал военные стихи. Я благодарил Аллаха, что в душах ребят батальона «Хазрат-е Абольфазль» укоренилось это чистое чувство, связывавшее их с Водоносом Кербелы. Я прислушивался к голосу Сиявоши, а сам ждал, когда же придет хадж Реза Заргяри, чтобы спросить, сколько раненых и убитых он отправил в тыл на «хашаяре». Хадж Реза Заргяри минуту поговорил с Сейедом Асгаром Масуди. Молодым сеидом был тот самый учащийся богословского училища, который до этого попросил меня отправить ребят в тыл. Я подумал: наверняка он опять из сердобольности гово-

рит хадж Резе те же слова. Хадж Реза подошел ко мне, но прежде чем я успел задать ему вопрос, возле юного сеида взорвалась мина. Взрывом ему оторвало ногу, а все его тело было усеяно осколками. Я подошел к нему ближе, он умолял найти его чалму, чтобы положить на его окровавленную грудь. Когда его положил на носилки, я не рассчитывал, что он выживет. В ушах у меня звучал его добрый голос, когда он просил меня что-нибудь сделать, чтобы заменить оставшихся ребят батальона.

Я решил: если останусь в живых, завтра же передам рубеж хадж Резе Заргяри, а сам поеду в штаб командования дивизии.

\*\*\*

На двенадцатый день нашего нахождения у насыпи, когда солнце уже встало, мои веки опухли от бессонной ночи и опустились.

По ночам мы тревожились из-за атак вражеской пехоты больше, чем днем. Даже если на шоссе Фао – Умм-Каср была спокойная ночь, как вчера, у меня все равно не было сна ни в одном глазу.

Еще с прошлого дня я твердо решил, что должен лично увидеть хадж Мехди Кийани, хотя и был уверен, что он ежечасно получает сведения обо всех деталях ситуации на рубеже в эти дни и думает о том, как решить нашу проблему.

Я сказал хадж Резе Заргяри: «Я поеду в тыл и вернусь». Хадж Реза ответил: «Наблюдатели сообщают о новых передвижениях иракцев».

Мы вдвоем взяли бинокли и сели у края насыпи. В глазке бинокля виднелось что-то, напоминавшее издадека грузовик или самосвал красного цвета.

Солнце отсвечивало бликами в окнах грузовика. Я сказал: «Это обычный самосвал», – и уже спустился

с насыпи, чтобы поехать в тыл, как вдруг наводчик артиллерии позвал меня: «Хадж Мирза, грузовик проехал шестой столб и едет к нам».

Пока я снова поднялся на насыпь, грузовик уже проехал пятый столб. Басиджи выглядывали из окопов и из-за края насыпи, ожидая от меня и хадж Резы приказа. Чистая, не испачканная в грязи и не имевшая никакой маскировки кабина грузовика, его быстрое движение напролом между сгоревших танков, по трупам своих бойцов, заронили в мое сердце сомнение.

Я сказал: «Хадж Реза, что ты думаешь?».

Он ответил: «Выглядит подозрительно. Если бы он собирался сдаться в плен, его наверняка подбили бы сзади».

Грузовик проехал четвертый столб и уже был в трехстах метрах от нас. Я подумал, что может сделать водитель в одиночку, даже если вместе с ним или в кузове едут еще несколько человек?

Я решил дать ему возможность доехать до первого электрического столба. Если он собирался сдаться, то целый грузовик достался бы нам.

Я поднял нескольких гранатометчиков. Когда самосвал оказался совсем близко от нас, на окопы, словно дождь, полился огонь вражеской артиллерии, «катюш» и минометов. Огонь был настолько массированным и направленным точно по насыпи, что большинство ребят спустились в окопы. Из гранатометчиков возле меня остался только один боец по имени Мохаммад-Эсмаил Гударзи.

Я не сомневался, что во всем происходящем заключена какая-то хитрость, потому что этот одновременный прицельный огонь по окопам начался именно в тот момент, когда грузовик проехал первый электрический столб.

Те ребята, что не были в окопах, а наблюдали за движением грузовика, ждали моей реакции. Я сказал Гударзи: «Чего ты медлишь? Ради Аллаха, голубчик, вдарь по нему!».

Пока он вставлял в ствол ракету и готовился к выстрелу, я подумал, что грузовик едет прямо на насыпь. Я взял гранатомет, прицелился в кабину и водителя и нажал на курок. Ракета ударила чуть ниже, попав прямо в мотор. Взрывной волной и осколками ракеты убило водителя, тело которого повисло на развороченной раме кабины с выбитыми стеклами.

Нам не верилось, что из кузова самосвала может выйти столько спецназовцев. Ракета гранатомета оказалась чем-то вроде палки, разворошившей осиное гнездо. У иракского спецназа не было другого выхода, кроме безумной атаки на наши позиции.

Они выскочили из грузовика и стали добычей для наших гранатометчиков и снайперов, словно движущиеся мишени. Пожалуй, никто из них не вернулся назад живым. Несколько снарядов снова попали в грузовик, и он загорелся.

Той ночью бойцы Читсаза дошли до грузовика и вернулись обратно, сообщив, что в кузове находился крепкий бетонированный блиндаж, в котором спецназовцы должны были добраться до насыпи.

С тех пор, если кто-нибудь видел тот сгоревший грузовик, то говорил: «А троянский конь оказался хромой».

\*\*\*

На тринадцатый день я обошел все окопы и подсчитал потери. На ногах стояли только тридцать человек, но они либо пострадали от отравляющих веществ, либо получили контузии при взрывах.

Весь их вид выражал смирение и благородство, они общались со мной взглядами. Господь свидетель, никто из них не смел жаловаться и спрашивать, сколько нам еще тут оставаться.

В тот день, когда я ехал на мотоцикле на передовую, я попросил у Аллаха: если со мной суждено чему-то случиться, пусть это произойдет в конце операции, чтобы мне не осрамиться перед бойцами. Теперь от батальона не осталось почти ничего, и меня мучила тоска по тем ребятам, которые погибли смертью героев за эти несколько дней.

Во время последнего выхода на связь с хадж Мехди Кийани я с помощью кодов и шифров сообщил ему, что у меня больше нет бойцов и, если можно, пусть он пришлет для защиты рубежа хотя бы один взвод. Он сказал: «Хадж Мирза, потерпи. Оставайся там с теми людьми, которые у тебя есть».

После этого разговора я посоветовался с хадж Резой Заргяри, Мехди Зафари и Моталлебом Гейсари, единственными оставшимися в живых членами командирского состава батальона. Мы решили вместе с Моталлебом Гейсари вернуться в тыл, а Заргяри с Зафари должны были командовать оставшимися ребятами.

Гейсари пригнал кроссовый мотоцикл и со свойственной ему шутливостью улыбнулся и сказал: «Хадж Мирза, надо было подождать, пока эти двадцать-тридцать ребят погибнут, а потом бы вернулись в тыл за помощью!!».

Мне нравился настрой Моталлеба и его остроумие в самые тяжелые минуты боя.

Я сказал: «Ты за Бога не решай. Может, эти двадцать-тридцать ребят на передовой выживут, а мы в дороге погибнем».

Несмотря на разговор с командиром дивизии, я сомневался, возвращаться мне или оставаться, но командиры батальона настаивали, чтобы я вернулся.

Тем не менее в моей душе разворачивалась борьба. Вдруг над головой просвистела мина и упала на металлическую цистерну, стоявшую за мешками с землей, так что из образовавшихся от осколков дыр фонтаном забила вода. Ребята на рубеже, губы у которых пересохли от жажды, невинными взглядами смотрели, как вода убегала из цистерны в землю.

Теперь, после тринадцати суток боев, наряду с нехваткой бойцов и боеприпасов, нам нужно было привыкнуть к жажде и нехватке воды.

Моталлеб Гейсари переключил передачу и подъехал ближе. Тут рядом со мной взорвалась 60-миллиметровая бесшумная мина. Мне обожгло осколками грудь и пробило легкое, дыхание сразу же сперло. Я задышался. Все мое тело покрылось испариной.

Моталлеб Гейсари позвал Аббаси, начальника медсанчасти. Тот на фронте опытным путем овладел навыками настоящего профессионального врача.

Кровь из легкого поднималась до горла и с трудом вытекала изо рта. Глаза у меня от спертого дыхания уже вылезали из орбит. Я не мог произнести даже слов свидетельства веры.

Аббаси быстро и мастерски повернул меня ничком так, чтобы голова у меня оказалась ниже ног. Кровь быстро потекла у меня из горла, и дыхательные пути открылись. Несколько человек уложили меня в «Тойоту», чтобы отвезти в пункт неотложной медицинской помощи. За пять лет на фронте это было мое пятое ранение. Однако оно сильно отличалось от всех предыдущих. Мне снова перекрыло дыхательные пути. Как будто кто-то сдавливал мне горло ладонями. Меня охватила такая слабость,



что я не мог даже пошевелить веками. Я чувствовал себя как человек, находившийся в состоянии агонии, и всем своим существом понимал, как тяжело расставаться с жизнью. Когда я хотел поднять веко, мне казалось, будто я сдвигаю с места гору.

«Тойота» подпрыгивала на кочках и ямах асфальтированного шоссе, и я в каждый миг умирал и воскресал вновь. Как только мы прибыли в неотложку, меня вернули к жизни одним баллоном кислорода, дыхательные пути снова немного освободились, а когда я открыл глаза, то уже был в вертолете, к руке у меня была прикреплена капельница.

Вертолет приземлился на взлетной площадке аэропорта Ахваза, а оттуда меня перевезли на самолете в госпиталь в Ширазе.

Я еще не был готов отправиться в операционную. Санитары проделали мне отверстие в боку и выкачали с помощью шланга мертвую кровь из легкого. Им пришлось сделать это без наркоза, и они заставляли меня прокашливаться. После нескольких попыток откашляться из горла у меня вышел огромный сгусток крови, и меня стошнило. Это он перекрывал мне дыхательные пути, и после его извлечения мое состояние кардинально изменилось. Меня приготовили к операции и отправили к хирургам.

Через несколько дней в больнице я услышал, что нас сменил резервный батальон, а после него рубеж на трассе Фао – Умм-Каср принял какой-то из батальонов 27-й дивизии «Мохаммад Расулоллах».

\*\*\*

Ранение в грудь мучило меня ничуть не больше, чем разлука и расставание с погибшими. Когда я лежал на больничной койке в Ширазе, к нам приходили родители ширазских погибших, которые не знали меня и подоб-

ных мне ребят. Когда я их видел, у меня перед глазами возникали образы родителей погибших бойцов нашего батальона, которые ждали своих сыновей.

Мне было стыдно ехать в Нахаванд. 80 погибших в одном батальоне за тринадцать дней операции – это было не так уж и мало. Это были ребята, рядом с которыми я сидел за едой, вместе спал и воевал. Я получил ранение, а они нас покинули.

Иногда от негодования у меня вставал ком в горле. Точь-в-точь как тот сгусток крови, который не давал мне дышать во время ранения. В такие моменты на помощь мне приходили только глаза – слезы успокаивали меня.

Иногда, если я начинал стонать, санитары прибегали ко мне в палату. Осколок пробил легкое с правой стороны, а по пути в тыл в 10 метрах от машины скорой помощи взорвалась химическая бомба, вызвав ожог этого же легкого. Накопившаяся в груди кровь вместе со слизью выходили наружу, вызывая у меня рвоту. Эти приступы рвоты продолжались у меня вплоть до того времени, когда я вернулся домой<sup>1</sup>.

Постепенно рана в груди затянулась, но последствия химического поражения глаз и легких продолжали меня беспокоить. Каждый день я проходил осмотр. Единственным средством для моего лечения были уколы больших доз пенициллина и глазные капли.

Это положение было неожиданным даже для моей семьи, которой сообщили о моем ранении. Это было сложное ранение, то есть сочетание осколочного ранения с химическим поражением, отчего я таял на глазах, словно свеча. Я так похудел и осунулся, что в первую неделю по-

---

<sup>1</sup> Отравление химическими веществами продолжалось у меня до следующего ранения, после которого меня отправили на лечение в Германию. Там надо мной работала целая команда медиков. Именно немцы передали Саддаму химическое оружие, поэтому они знали, как лечить последствия его применения (*прим. авт.*).

терял несколько килограммов. Слабость была такая, что я был не в силах ходить. Я не мог допустить, чтобы моя семья видела меня в таком состоянии. Поэтому я поговорил с ними по телефону. Они услышали мой голос и успокоились, а я попросил их не приезжать в Шираз.

В последние дни, которые я провел в больнице, меня пришли навестить хадж Мохсен Омиди и хадж Мохсен Эйнали. Эйнали получил в Фао осколочное ранение в руку, которое доставляло ему кучу неудобств, но цвел, словно весенний цветок, был всегда улыбчив и весел.

Омиди рассказал о фронте в Фао после возвращения в тыл батальона «Хазрат-е Абольфазль», о том, как линия фронта стабилизировалась, и о предстоящей операции. Хотя мы знали, что Нахаванд вновь подвергся бомбардировкам, он ничего об этом не сказал, а я не стал спрашивать.

Они с Эйнали говорили только о фронте и делах командиров двух других батальонов, таких же, как и я, которые все еще лежали на больничных койках, – хадж Резы Шокрипура, командира батальона «Хазрат-е Али Асгар», и хадж Хасана Таджука, командира батальона «Мослем эбн Агиль».

Спустя месяц я вернулся в Нахаванд. Я подписал письменное согласие, потому что врачи настаивали на том, чтобы я оставался в госпитале. Через 30–40 дней после боевой операции на многих улицах до сих пор стояли «хеджле»<sup>1</sup>, на стенах висели фотографии, а у входа в дома – черные занавески.

---

<sup>1</sup> Хеджле – особые памятные знаки в виде деревянных конструкций, отделанных зеркалами, которые в Иране ставят на 40-дневный период траура по трагически погибшим неженатым молодым людям. Этот обычай связан с народной традицией украшать для новобрачных комнату, которая также называется «хеджле» и представляет собой символическую замену несостоявшейся свадьбы покойного (прим. пер.).

Дома я опять перешел на постельный режим, и моя комната была снова обставлена как больничная палата, только в ней не было такой тишины и уединения, как в больнице. Первым меня пришел проведать наш пятничным имам хадж-ага Могиси. Мало-помалу ребята из батальона узнавали о моем приезде и приходили ко мне. Большинство из них, как и я, имели ранения.

Уже через неделю наш дом превратился в склад конфет и сладостей, потому что родственники, командиры, начальники и рядовые бойцы целыми днями навещали меня. Среди них меня смущали отцы, братья и даже матери погибших ребят, приходившие к нам в дом, поскольку мне было стыдно смотреть им в глаза. Они спрашивали о своих детях, а я рассказывал им об их героизме.

Когда гости уходили, меня окружали со всех сторон четверо детишек, которые лазали по мне и иногда с такой силой кидались в мои объятия, что, казалось, мои стоны поднимались до самых небес. Из-под бинтов на груди начинала течь сукровица, отчего все тело намокало. Тем не менее, боль от игр моих детей была для меня удовольствием, и я не мешал им играть. Моя супруга, как всегда, стойчески и спокойно занималась делами по дому. Мама приехала из деревни ей на помощь. Ее собственная семья, прежде всего семья ее младшего брата Амира, находилась в еще более тяжелых условиях, через несколько месяцев мы ожидали пятого ребенка. Я знал, что она уже прочитала тысячи молитв и дала тысячи обетов, лишь бы только я не погиб.

Спустя некоторое время я стал выходить из дома. Вместе с бойцами батальона и другими командирами из Нахаванда, вроде хадж Мохсена Омиди и хадж Резы Заргяри, мы навещали семьи мучеников. Каждый день мы заходили как минимум в десять домов. Как нам казалось, мы хотели воодушевить семьи погибших сослуживцев,

но в некоторых местах нам не только не удавалось этого сделать, но мы сами замолкали и получали заряд воодушевления от этих людей. Один из отцов, имени которого я уже не помню, хорошо знал, каким образом погиб его сын, и рассказывал об этом в таких подробностях, будто бы он сам находился тогда вместе с ним на трассе Фао – Умм-Каср. Все это он увидел во сне незадолго до гибели своего сына.

В один из пятничных вечеров мы решили принять участие в траурном собрании на кладбище мучеников деревни Гийан, где я должен был выступить с речью.

Перед собранием подошел кто-то из деревенских и сказал: «Хадж Мирза, не приезжай. Обстановка скверная. Я боюсь, люди станут что-нибудь говорить и скандировать лозунги против тебя и твоего батальона. Вам лучше не приезжать».

Я сказал: «Религия – в крови у этого народа. Если однажды они отвернулись от Достопочтенного Абу-ль-Фазла, то и от Имама Хомейни отвернутся. Я уверен, что ничего не случится».

Сколько бы он и несколько его спутников ни настаивали, чтобы я не ехал, я их не слушал. Я поехал и выступил с речью, обстановка изменилась, и те же самые люди на кладбище уже скандировали: «Победа и устранение смуты во всем мире!».

Мы были вместе с Омиди и Заргяри. Когда эти двое, особенно Омиди, были рядом со мной, я не позволял себе говорить. Омиди был бесподобным оратором и мастером слова, но его сердце познало в боях куда больше, чем он мог рассказать.

## Глава 8

### ВОДА НЕ УМИРАЕТ НИКОГДА

Мы вернулись в гарнизон Мадани в Дизфуле. Брат моей жены Амир, несмотря на свой юный возраст, тоже присоединился к нашим бойцам. Я считал, что он ничем не отличается от других. Поэтому, невзирая на просьбы членов семьи, я не стал препятствовать его службе в боевых подразделениях.

Однажды я в шутку сказал ему: «Амир, если ты погибнешь, кто будет, как прошлой зимой, снабжать дом керосином?». Он ответил коротко: «Аллах».

От всего нашего батальона осталась одна рота. Наступила пора экзаменов в институтах и уборки урожая в деревнях, поэтому студентов и крестьян на фронт приехало не так уж и много.

Я ходил на инструктаж перед той операцией, о проведении которой мне сообщил в больнице хадж Мохсен Омиди. Операция должна была пройти на соляной фабрике Фао.

В мае 1986 года, когда в Хузестан пришла ранняя летняя жара, мы приехали в Фао. В тот самый Фао, с которым нас связывало столько воспоминаний об операции «Вальфаджр-8» и где от нашего батальона осталась одна рота.

Линия обороны проходила на участке трассы Фао – Басра в окрестностях соляной фабрики, где предполагалось выровнять кривую и неровную линию фронта между нами и иракцами.

Наша насыпь ломаной формы представляла собой выпуклость, врезающуюся в позиции иракских сил. Оба наши фланга были открыты для иракцев, и их господство на левом и фронтальном направлении привело к тому времени к большим потерям для нас.

Для операции были выбраны три дивизии: 31-я дивизия «Ашура», 32-я дивизия «Ансар оль-Хосейн» и 14-я дивизия «Эмам Хосейн». Каждая дивизия должна была выделить по одному или два батальона, а остальные оставить в резерве.

Спустя два месяца я еще не отправился полностью от своего ранения, и во время ходьбы у меня начиналась одышка. Руководство батальоном было возложено на хадж Резу Заргяри, а я читал ребятам лекции перед операцией или давал инструктаж по положению на линии. Однажды в районе соляной фабрики мы устроили учебную зону боевой операции с прорывом условной линии обороны.

От ходьбы по солончакам в мае, да еще и в практически заболоченной местности, сразу же краснели глаза. В минуты уединения я просил Аллаха: «О Господь! Помоги нам, чтобы мы здесь не понесли такие тяжелые потери, как в Умм-Касре».

В ночь операции я выдвинулся с бойцами до нашей оборонительной линии и остался там вместе с радистом. Хадж Реза Заргяри и хадж Мехди Зафари повели ребят вперед. Я впервые ощутил, каково находиться на поле боя вдали от своего батальона.

Минуты шли медленно, я нашептывал слова зикра<sup>1</sup>. Паролем операции была фраза «Йа Сахиб аз-Заман»<sup>2</sup>. Название операции тоже звучало как «Сахэб оз-Заман».

---

<sup>1</sup> Зикр (*араб.* «помянуть») – исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Бога (*прим. ред.*).

<sup>2</sup> О Повелитель Времени (*араб.*) (*прим. пер.*).

Бойцы дошли до вражеской насыпи, перевалили через нее и вступили в бой. За несколько минут вражеский рубеж был взят, и линия фронта выровнялась, как и ожидало командование. Три дивизии объединили усилия, понеся минимальные потери.

Сладость успешно проведенной операции на соляной фабрике пересилила горечь тяжелых потерь во время операции «Вальфаджр-8», и ребята настолько приободрились, что не хотели возвращаться в тыл. Однако командиру дивизии было приказано, чтобы «32-я дивизия “Ансар оль-Хосейн” приняла оборонительную линию на двух участках фронта – у Камрака в районе Хоррамшахра и в западном углу острова Маджнун».

\*\*\*

В июне 1986 года батальон «Хазрат-е Али Акбар» отправился в Камрак под Хоррамшахром, а батальон «Гасем эбн оль-Хасан» – на западную оконечность острова Маджнун. Мы же остались в гарнизоне Мадани в Дизфуле. Оба эти участка фронта были жаркими местами, но острова отличались от всех фронтов особым зноем, даже по сравнению с тем островом, на котором нам довелось побывать два года назад.

Остров Южный Маджнун в 1986 году был ярким примером того бедственного и тяжелого положения, в котором оказались ребята на этой неравной для нас войне, разворачивавшейся в полную силу. Ни одна дивизия или бригада не могли здесь выдержать больше нескольких дней. Каждый боец, отправлявшийся на рубеж, либо погибал, либо получал ранение. Если в Фао мы выстояли 13 суток под вражеским огнем, то здесь никто не мог находиться больше 24 часов.

Враги заполонили остров, словно термиты. С помощью скоординированных действий артиллерии и инженерных войск, путем затопления острова водой и масси-



рованного огня с воздуха неприятель устроил настоящую бойню, и каждый, кто шел на нее, знал, что его шансы вернуться живым практически равны нулю.

Хадж Мохсен Эйнали, несмотря на раненую руку, повел батальон «Гасем эбн оль-Хасан» на западную оконечность острова. Однако очень скоро пришло известие, что он вместе со многими другими бойцами погиб на острове Южный Маджнун, и тело хадж Мохсена, моего закадычного товарища и старого друга, с которым мы вместе начинали служить, осталось лежать на этой обожженной земле.

От этой новости чувство одиночества и обреченности окутало меня подобно сонному параличу. Рядом со мной было не так много бойцов, чтобы я мог заявить хадж Мехди Кийани о своей готовности отправиться на остров и заменить хадж Мохсена. Тело мое до сих болело и ныло от ран.

Я мучился сомнениями, не пойти ли мне к командиру дивизии и попросить, чтобы меня отправили на остров с теми ребятами, с которыми мы провели операцию на соляной фабрике. Хадж Реза Заргяри, мой заместитель и всегдашний спутник, против своего желания ушел из батальона. Теперь я не мог отправить в бой вместе с ним даже то небольшое число бойцов, которое у меня было во время операции на фабрике.

После гибели командира батальона «Гасем эбн оль-Хасан, батальон «Хазрат-е Али Асгар» под командованием хадж Саттара Эбрахими отправился на западную оконечность острова Маджнун. Хадж Саттар был нашим терпеливым и немногословным сослуживцем, очень стойким и мужественным. Во время поездки в хадж мы с ним души не чаяли друг в друге. Я знал: даже если все его солдаты падут в бою, он не уйдет с острова, если только его не постигнет та же участь, что и хадж Мохсена Эйнали.

Через несколько дней пришла весть о том, что иракские водолазы при оперативной огневой поддержке

с моторных лодок напали на остров с воды, завладев опорным пунктом наших ребят в западной части острова. Многие бойцы хадж Саттара погибли, а сам он получил ранение в руку. Их отряд нужно было заменить свежими силами, а в гарнизоне Мадани не было больше никого, кроме наших ребят. История операции на трассе Фао – Умм-Каср повторялась. Опять два других батальона, «Гасем эбн оль-Хасан» и «Хазрат-е Али Асгар», вышли к рубежу раньше нас, и после них пришла наша очередь.

Я думал, что нежелание хадж Мехди Кийани – командира дивизии – отправлять меня и ребят на западную оконечность острова было обусловлено нашими тяжелыми потерями в прошлой операции или моим ранением и слабостью. Несмотря на это, я решил пойти к нему и заявить о своей готовности отвоевать западную оконечность острова Маджнун.

Прежде чем я собрался пойти к командиру дивизии, в гарнизон откуда-то прибыл хадж Реза Шокрипур, командир батальона «Хазрат-е Али Акбар», который все еще был перебинтован и ходил с наложенными швами после боевых ранений, полученных в боях на трассе Фао – Умм-Каср. Шокрипур с разорванным животом даже не мог сидеть. Он с трудом сгибал и выпрямлял спину, когда читал намаз. Однако он знал о том бедственном положении, в котором оказались ребята на острове. Я даже слышал, что он лично обошел в городе дома всех бойцов своего батальона и привез с собой 50–60 человек, чтобы командовать батальоном «Хазрат-е Али Акбар» на острове.

Хадж Реза Шокрипур нагрянул и исчез, словно облако, но мне удалось прочитать за ним намаз в гарнизоне Мадани.

Шокрипур, как и хадж Мохсен Эйнали, знал, куда идет. Это была война с одним участником, игра в одни ворота на трассе, где враг стрелял в упор и шел в лобовую атаку.

Как только хадж Реза Шокрипур попал на западную оконечность острова, иракские силы снова пошли в наступление. Хадж Реза, весь израненный, воевал наравне со своими ребятами, оказывал жестокое сопротивление и погиб рядом с ними. Его тело вместе с телами еще тридцати с лишним человек осталось лежать на острове.

Теперь все ожидали распоряжения командира дивизии: кого он отправит вместо хадж Резы Шокрипура, и есть ли у него вообще люди, готовые заменить хадж Резу?

Когда я пошел к командиру дивизии, там уже сидел хадж Мохсен Омиди, заместитель начальника штаба дивизии, и прежде чем я заявил командиру дивизии о готовности, хадж Мохсен убедил хадж Мехди Кийани поручить ему командовать батальоном «Хазрат-е Али Акбар», чтобы повести бойцов батальона в операцию на западном участке острова Маджнун.

Для хадж Мохсена Омиди понижение в должности до уровня командира батальона после высокого штабного поста не имело никакого значения. Он сам твердо заявил командиру дивизии, что два года был комбатом, когда бригада только была создана, имеет опыт участия в нескольких крупных операциях, а потому должен лично отвезти в тыл тело хадж Резы Шокрипура. Хадж Мехди согласился и решил, что лучше использовать его способности и опыт в боях, а не в штабной работе.

Хадж Мохсен Омиди мог продолжать заниматься штабной работой в гарнизоне и ожидать, когда на фронт пришлют новых бойцов, но он поехал на западную оконечность острова и выполнил там работу вспомогательных подразделений по перевозке в тыл тел погибших. Он и еще несколько человек вывезли тела всех погибших бойцов, лежавшие в нескольких метрах от позиций врага, в том числе тело Шокрипура. Об этом поступке усталые и раненые бойцы рассказывали друг другу, пока весть о нем не дошла до гарнизона Мадани, и все захо-

тели присоединиться к хадж Мохсену для возвращения потерянных позиций на западной оконечности острова. Это была хорошая возможность для меня отдать ему в распоряжение тех немногих бойцов, которые у меня были, и самому также быть рядом с ним.

Учитывая все, что я знал о настрое Омиди, я не сомневался в его скорой героической гибели, но случилось иначе. Командир дивизии лично отправился на Южный остров для руководства бойцами и возвращения западного сектора. После нескольких разведывательных вылазок водолазов из разведывательно-оперативного подразделения дивизии он провел в жизнь план, позволивший выбить врага с занятого им укрепленного рубежа. Этот план предполагал вместо использования пехоты участие нескольких отрядов водолазов из числа бойцов разведывательно-оперативного подразделения и нескольких водолазов из штаба «Носрат», которые должны были проплыть под водой справа и слева от врага и всплыть у него за спиной. Этот план был быстро осуществлен и лишил иракцев возможности закрепиться на рубеже. Водолазы зашли врагу в тыл, и после того, как первая иракская линия на грунтовой дороге в западной части острова была перерезана, опорный пункт также был освобожден, и тела нескольких погибших из двух предыдущих батальонов были вывезены в тыл.

После этой небольшой и успешной атаки водолазов я встретил хадж Мохсена Омиди в гарнизоне. Мы были настолько близки и так искренне общались друг с другом, что я мог не стесняясь говорить с ним о своих личных переживаниях: «Мохсен, я в самом деле думал, что после Шокрипура и Эйнали настал твой черед». Мохсен, чистый и светлый человек, отражал окружающую действительность, словно отполированное зеркало. Он с улыбкой сказал: «Так и есть. Просто немного откладывается по времени».

\*\*\*

До того дня я никогда не слышал от Мохсена Омиди ни одного слова, расходившегося с реальностью или содержавшего хотя бы малейшее преувеличение. В его сердце не было места даже малой толике показушности и бахвальства. Вот и это его предсказание вскоре сбылось.

Я сказал:

– После такого удара от водолазов врагу вряд ли придет в голову устраивать контратаку прямо сейчас.

Он ответил:

– Возможно, придет, но сейчас они слабы. Штаб «Кербела» приказал провести крупную операцию для того, чтобы выбить врага со всей территории западной части острова.

Я спросил:

– Крупную операцию? А бойцов откуда взять?!

Он сказал:

– Нам нужно собрать в гарнизоне весь имеющийся боевой состав, даже ребят из снабжения, отдела кадров, медсанчасти, пропаганды и связи, чтобы доукомплектовать ими состав батальона «Хазрат-е Али Акбар». И еще, учитывая удачный опыт водолазов по возвращению опорного пункта в западном секторе, командир дивизии хочет организовать новый водолазный батальон. Создав батальон водолазов и укомплектовав до конца батальон пехоты, мы, если на то будет воля Аллаха, сможем провести скоординированную водно-наземную операцию, чтобы еще раз отрезать иракцев на западной оконечности острова.

\*\*\*

Мы вместе с хадж Мохсеном Омиди, командиром батальона «Хазрат-е Али Акбар», Али Читсазийаном, командиром разведывательно-оперативного подразделения, Сейедом Масудом Хеджази, командиром плано-

во-оперативного подразделения, и хадж Мехди Кийани, командиром дивизии, поехали в штаб «Носрат» на совещание.

Командир штаба «Носрат» Али Хашеми был молодым парнем из Ахваза, чьим родным языком был арабский. Я видел его два года назад на острове. Он и его ребята были в основном местными хузестанскими, а иногда и иракскими арабами. Хотя они служили под началом штаба «Кербела», но фактически выполняли всю сложную работу в болотистых и влажных районах юга.

Разъяснения Али Хашеми дополнили все, что ранее говорил Мохсен Омиди. Помимо нас, там было еще несколько командиров из дивизии «Гамар-е Бани Хашем», 19-й дивизии «Фаджр», 10-й дивизии «Сейед ош-шохада»<sup>1</sup>. До меня только теперь стало доходить, что в той крупной операции, о которой говорил хадж Мохсен, будут участвовать четыре дивизии и мы будем лишь одной из них. Когда командиры дивизий и даже командиры батальонов докладывали обстановку, все жаловались на недостаток бойцов и снабжения, так что, если сложить вместе ресурсы всех четырех дивизий, их не набиралось даже на одну дивизию. Было решено, что мы будем вести операцию в западном секторе острова Южный Маджнун, «Сейед ош-шохада» – в среднем, «Гамар-е Бани Хашем» – в восточном, а 19-я дивизия «Фаджр» будет оставаться в резерве.

Началась разведка. Одновременно в городах были предприняты усилия по привлечению добровольцев, однако из-за слишком сильной летней жары и целого ряда других проблем, таких как период экзаменов и сезон сбора урожая в деревнях, в подразделения не удалось привлечь достаточного количества бойцов.

---

<sup>1</sup> Эти дивизии были укомплектованы, соответственно, бойцами ополчения из провинций Чахармехаль-и-Бахтияри, Фарс, Тегеран и Альборз (*прим. авт.*).

Наряду со всеми этими трудностями иракцы развертывали наступление на целых двух фронтах – северо-западном и центральном – и уже заняли район Хадж-Омрана на северо-западе и город Мехран на среднем фронте. Поэтому мысли высшего командования были заняты уже не островом Маджнун, а Хадж-Омраном и Мехраном. Разумеется, часть наших бойцов была брошена на возвращение этих двух участков фронта, и на острове Маджнун по-прежнему оставалось несколько дивизий.

В ходе следующих совещаний нашей дивизии было объявлено, что мы должны вести операцию в западном секторе острова в одиночку, а остальные три дивизии будут переброшены на северо-запад и центральный фронт.

Хадж Мохсену Омиди, который с головой ушел в организацию своего батальона, было все равно, будут ли на Маджнуне воевать три дивизии, одна дивизия или вообще один только его батальон.

Я знал, что он привез в Ахваз свою супругу и новорожденную дочь, и спросил:

– Хадж Мохсен, как твоя семья?

Он сказал:

– Жена готова. Она даже больше меня готова к тому, что может случиться все что угодно. А у моей маленькой доченьки есть Аллах.

Мы с хадж Мохсеном Омиди дружили семьями и ходили друг к другу в гости. Он знал, что моя семья осталась в Нахаванде. Я даже говорил ему, что мы ждем пятого ребенка.

Он спросил:

– Хадж Мирза, почему бы тебе не поехать перед операцией домой, навестить детей и жену?

– А разве ты сам навестил, чтобы учить меня?!

– Да, я просто попрощался с ними.

Простое прощание, о котором говорил хадж Мохсен, было очень искренним, скромным расставанием двух

сердце, обретших беззаветную веру и полную убежденность.

На следующий день я позвонил из штаба дивизии жене, поговорил с ней и попросил, чтобы она назвала нашего пятого ребенка Хосейном.

\*\*\*

Настал месяц мухаррам, и Хосейн появился на свет. Меня, как и раньше, не было дома. Сколько-то подростков оставили учебу и экзамены, присоединившись к батальону «Хазрат-е Али Акбар». В эти дни была сформирована прорывная рота водолазов под названием «Джафар Тайяр». В основном она состояла из юношей или подростков, впервые надевших на себя гидрокостюмы – всего за десять дней до операции в западном секторе острова Маджнун.

5-го мухаррама<sup>1</sup> Мохсен Омиди собрал своих бойцов в одном из ангаров гарнизона Мадани и произнес перед ними речь накануне отъезда на Маджнун. Все сидели в боевой экипировке, а хадж Мохсен стоял и читал повесть.

Я сидел на полу в ангаре, но взгляд мой был устремлен в сторону брата моей жены Амира, который прислонился головой к гранатомету, слушая Мохсена Омиди, как и все остальные басиджи.

Кроме Амира, я отдал хадж Мохсену Омиди еще 300 преданных бойцов батальона «Хазрат-е Абольфазль» – все они были из Нахаванда. Среди них был тот самый преподаватель государственной школы по имени Махмуд Шираванд, который пришел в батальон после операции «Вальфаджр-2». Как говорили ребята, он был очень крут. Он не расставался с пулеметом и был рис-

---

<sup>1</sup> 10 сентября 1986 года (прим. пер.).



ковее всех остальных. Ребята называли его «Убойный пулеметчик»<sup>1</sup>.

Во время проводов я посмотрел на Мохсена Омиди. На сей раз мы поменялись местами. Он уходил в бой вместе с прорывным боевым батальоном, а я оставался в штабе дивизии, в блиндаже тактического отделения, рядом с командиром дивизии.

Автобусы выстроились в очередь, чтобы проехать под Воротами Корана, а я один, без водителя, сел в «Тойоту», стоящую в хвосте колонны. В минуты прощания пришел курьер из штаба и сказал:

– Позвонили из Нахаванда. Просят Амира Сольги.

Я подозвал Амира, и мы пошли в кабинет связи. До отъезда на фронт оставалось всего несколько минут. Когда я взял трубку, на проводе была моя теща. Я шепнул Амиру: «Не вздумай ничего говорить об операции». Амир ничего не сказал, но в конце повторил два раза:

– Мама, прости за все, прости меня за все.

Теща попросил Амира передать трубку мне и спросила:

– Мирза, что там Амир говорит? Куда это он собрался ехать, что просит за все прощания?

Я ответил:

– Таков обычай искренних бойцов. Если они слышат голос своей матери, которая звонит издалека, всегда говорят эти слова.

Я постарался успокоить мать Амира, а он с тревогой говорил:

– Хаджи, автобусы уже поехали. Как бы мне не остаться тут.

Я положил трубку. Много раз мне доводилось видеть состояние бойцов во время отъезда на фронт. Их движе-

---

<sup>1</sup> Две ночи спустя во время операции он первым подавил пулеметный огонь врага. Когда путь был свободен, он оказался сражен пулей и упал, а его тело много лет пролежало на острове (прим. авт.).

ния, позы и слова были совершенно особенными. Точь-в-точь как у Амира, чье тело будто бы не могло выдерживать его мятежного духа.

Автобусы уже поехали, и Амир остался. Он умоляющим голосом сказал:

– Хаджи, подкинь меня до автобусов.

Я сказал:

– Я поеду на этой «Тойоте» по той же дороге, что и автобусы. Давай вместе. К тому же в «Тойоте» есть кондиционер, там прохладнее, чем в автобусе.

Он сказал:

– Я хочу ехать вместе с другими.

Мне хотелось провести последние часы вместе с Амиром, но он не согласился и сказал:

– Я поеду только с батальоном «Хазрат-е Али Акбар.

Мы догнали автобусы. Амир вышел из машины и побежал. Помахав рукой, он сел в автобус. Будто бы рыба, которую забрали из моря, вновь добралась до воды.

До Северного острова было четыре-пять часов пути. Всю дорогу мне вспоминался дрожащий голос матери Амира и решительное лицо его самого. В голове чередой проносились воспоминания. Я вспомнил первую отправку Амира из Нахаванда на фронт, когда ситуация была похожа на сегодняшнюю. Мать Амира говорила: «Амир – ребенок. Какой от него прок на фронте?».

Чтобы проявить себя как мужчина, 16-летний Амир совершал мужественные поступки, так что отвага стала его неизменной чертой.

\*\*\*

Вечером пятого дня месяца мухаррам мы добрались до Северного острова. Ребята разместились в большом общественном здании вдали от вражеского огня, чтобы на следующий день до захода солнца атаковать западный сектор Южного острова. Была ночь, но от земли

все еще поднимался жар, оставляя испарину на лицах ребят.

Я пошел в блиндаж командира дивизии, располагавшийся на последней линии обороны в западном секторе острова Маджнун. В блиндаже было полно раций и несколько радистов, стоявших рядом с хадж Мехди Кийани, а также два-три курьера вместе с несколькими ребятами из планово-оперативного подразделения.

Когда с восточной стороны острова над камышовыми зарослями всходило солнце шестого дня мухаррама, осколочное ранение отняло у меня семь месяцев активных действий на фронте, и теперь я был обречен слушать одинокие голоса ребята по рации в тылу.

После захода солнца бойцы выдвинулись вперед на замаскированных грузовиках с Северного острова, который не особенно просматривался врагом, и с наступлением темноты, после вечернего и ночного намаза, прибыли на развилку трех дорог в западном секторе острова неподалеку от нас.

Перед выступлением батальона «Хазрат-е Али Акбар» рота водолазов «Джафар Тайяр» должна была, в соответствии с утвержденным графиком, спуститься под воду у тройной развилки в западной части острова, проплыть у самой поверхности вдоль грунтовой дороги в тыл врагу, до того места, где недавно построенная второстепенная дорога соединялась с западным понтоном под названием «понтон Аль-Ховеиди», и перерезать осуществлявшуюся через западный понтон связь иракских опорных пунктов на передовой с их тылом, тем самым создав условия для атаки лодок и пехотинцев из батальона «Хазрат-е Али Акбар».

Согласно плану маневра, после прорыва линии водолазами бойцы батальона «Хазрат-е Али Акбар» должны были выдвинуться на лодках с двух сторон, справа и слева, таким образом взяв врага в клещи, и высадиться в той

точке, которую зачистили водолазы, после чего продолжить операцию. Если бы операция была раскрыта врагом на каком-либо этапе, она оказалась бы полностью провалена, ведь если бы враг узнал о наших действиях на одном направлении, то сообщил бы о них иракцам на всех остальных направлениях. Поэтому весь успех операции пехотинцев на лодках зависел от того, удастся ли прорывному отряду водолазов взять врага врасплох.

В силу важности операции командир дивизии отправил вместе с пехотой на передовую двух своих главных заместителей – командира планово-оперативного подразделения Сейеда Масуда Хеджази и командира разведывательно-оперативного подразделения Али Читсазийяна. Али Читсазийян вместе с хадж Мохсеном Омиди двигался с правой стороны, а Сейед Масуд Хеджази остался в засаде в точке, отделявшей наши позиции от ближайшего вражеского опорного пункта, чтобы выдвинуться вперед, как только линия будет прорвана.

В 9 часов вечера стало уже совсем темно, и водолазы спустились в воду с правой стороны от единственной грунтовой дороги на западной оконечности острова Южный Маджнун.

До прибытия водолазов в опорный пункт должен был соблюдаться режим радиомолчания. Командир водолазов Карим Мотаххари вместе с Сейедом Масудом Хеджази находились в передней точке грунтовой дороги у передовой. Только они имели связь с колонной из 80 водолазов, находившихся под водой.

Лодки, битком набитые бойцами, ожидали с правой и левой стороны приказа о выдвигении вперед. Согласно временным графикам и расчетам расстояния, водолазы должны были два часа плыть в ластах, пока не доберутся до тройной развилки на вражеской территории, но на практике это время выросло до трех с половиной часов. С другой стороны, чтобы сохранить эффект неожиданно-

сти при атаке, бойцы на лодках должны были не включать мотор, а проплыть весь маршрут до позиций врага бесшумно, гребя веслами. Из-за этого некоторые сбились с пути, и в полной темноте колонна растянулась. Такой же разброд наблюдался и в колонне лодок, двигавшихся с левой стороны. На этом направлении лодки разошлись на большое расстояние друг от друга. Тем не менее враг все еще не знал о приближении такого количества лодок<sup>1</sup>. Мы в окопе командования дивизии слышали переговоры по радиации и были в курсе обстановки. Чаще всего звучал голос Сейеда Масуда Хеджази, который говорил с Мохсеном Омиди и Читсазийаном. В два часа ночи после трех часов плавания первые водолазы поднялись на берег в тылу врага возле тройной развилки. Начался бой. Они очень быстро отрезали вражеские позиции от развилки и стали ждать прибытия пехоты. Когда водолазы вступили в бой, больше не было необходимости грести веслами. Рулевые, на каком бы расстоянии от оборонительной линии врага они ни находились, включили моторы и под вражеским огнем добрались до суши. Враг обстрелял несколько лодок, но большая часть наших десантников благополучно высадилась у него в тылу – с этого момента развернулись полномасштабные бои.

Иногда я слышал голос хадж Мохсена Омиди на частоте командования дивизии. Читсаз и Сейед Масуд Хеджази были ранены. Сейед Масуд остался на линии, а ребят отправил в тыл на лодке Читсаза.

Спустя менее получаса пришло сообщение, что десятки иракцев вышли сдаваться с поднятыми над головой руками, связь иракцев с тылом в районе развилки полностью перекрыта, однако на одной из иракских позиций все еще оказывают сопротивление. Хадж Мохсен

---

<sup>1</sup> 16 лодок двигалось на веслах в сторону вражеских позиций с правой стороны и 11 лодок – с левой. В каждой лодке находилось по 8–10 бойцов (прим. авт.).

Омиди разделил своих бойцов на две группы, одну из которых отправил в направлении линии для захвата одного из вражеских опорных пунктов, а другую послал вперед для отражения возможной контратаки неприятеля. Сам он отправился со второй группой, чтобы путем огневой поддержки создать условия для полной блокировки шоссе силами диверсантов.

Задача диверсантов была на порядок сложнее, чем у водолазов и пехоты. Им предстояло, находясь в зоне боев, под наблюдением врага и в прямой досягаемости его огня, заложить в землю взрывчатку с зарядом, чтобы взорвать участок шоссе и создать дистанцию между своими и вражескими позициями. Благодаря этому взрыву на шоссе возникал разрыв, который заполнялся водой, и линия стабилизировалась. В три часа ночи сообщили, что большая лодка с взрывчатыми веществами застряла в колючей проволоке. Диверсантам пришлось выгрузить взрывчатку на берег и тащить ее дальше на своих плечах, однако, когда они добрались до места планируемого взрыва, уже рассвело, и вражеские танки выдвинулись вперед.

Для меня было невыносимо оставаться так далеко от зоны боевых действий. Я попросил у хадж Мехди Кийани разрешить мне отправиться на передовую, но он сказал: «Пока оставайся здесь».

Он знал о той глубокой привязанности, которую я питал к хадж Мохсену Омиди, но в такие моменты принимал решения, исходя не из эмоций, а из рациональных соображений. На тот момент большая часть кадровых командиров дивизии погибла или была ранена, а его подход к делу состоял в том, чтобы всегда иметь под рукой нескольких командиров, которым в случае необходимости можно давать поручения. Кийани был скрытным человеком; даже я тогда не знал, что его родной брат, который был одним из ротных командиров 7-й ди-

визии «Валиаср» из Хузестана, погиб в бою два или три месяца назад, а другой брат попал в плен к врагу. Несмотря на все это, хадж Мехди никогда не принимал решений под влиянием эмоций и не отдавал необдуманных приказов.

Утренний намаз я прочитал под звуки не смолкавших и говоривших наперебой раций. Через час начало светать, и по переговорам командования с передовой я понял, что на рубеж явились вражеские танки.

Бои на передовой, как и на трассе Фао – Умм-Каср, велись на участке фронта шириной с грунтовое шоссе. Хадж Мохсен Омиди сообщил по рации, что ребята из диверсионного подразделения не смогли взорвать шоссе из-за находившихся рядом вражеских снайперов, к тому же в нескольких метрах от них уже появились танки.

Когда совсем рассвело, один из опорных пунктов врага перестал оказывать сопротивление, сорок или пятьдесят человек вышли с поднятыми руками и сдались, но было уже поздно.

Я пару раз настраивал рацию на частоту хадж Мохсена Омиди, пока, наконец-то, не услышал его спокойный и уверенный голос. Я знал, что на передовой гремели выстрелы и взрывы снарядов.

Я спросил:

– Хадж Мохсен, как обстановка?

В трубке слышались выстрелы снайперской винтовки, но он ответил:

– Обстановка у меня такая же, как у Эйнали и Шокрипура.

Спокойствие Омиди в тех обстоятельствах заставляло любого из нас задуматься: если ситуация у него такая же, какая была у Эйнали и Шокрипура в последние моменты их жизни, почему он говорит таким обычным и невозмутимым голосом? В его голосе не было дрожи, он ничего не требовал и не просил. Я сказал:

– Мохсен, да поможет тебе Аллах! Ты там будто у топчана сидишь и звонишь из Дехфуля<sup>1</sup>. Говори, в чем дело?!

Ответа не последовало. Я позвал его, но рация выключилась<sup>2</sup>.

Я весь встрепенулся, словно курица, которая бьет крыльями, когда ей отрезают голову, – так мне хотелось пойти туда. Хадж Мехди Кийани двое суток не притрагивался к еде и не спал. Все это время он был на связи с командирами КСИР в штабе «Кербела» и с руководством этого участка фронта.

В 10 часов утра он отправил на передовую всех, кто был рядом с ним. Даже начальника медсанчасти. А мне сказал:

– Ты хотел ехать, вот теперь поезжай.

Такой же благородный и исполненный какой-то обреченности голос был у него перед моей отправкой на трассу Фао – Умм-Каср. На закате солнца он сказал: «Брат Сольги, ведь только твой батальон остался». В тот день за моей спиной были парни из батальона «Хазрат-е Абольфазль», а здесь я был совсем один. Я сел в лодку. Рулевой привез раненых и пленных и знал дорогу на передовую. Ему нужно было идти как раз по той дороге, по которой шел хадж Мохсен Омиди. Он поплыл вперед, рассекая волны. Остовы полусгоревших лодок говорили о том, что некоторые бойцы так и не доплыли до линии или потерпели крушение по пути назад. Со всех сторон были бойцы, находившиеся в воде и державшиеся за ка-

---

<sup>1</sup> Деревня в области Нахаванд (прим. авт.).

<sup>2</sup> Его заместитель Салар Абнуш, который находился рядом с ним, потом рассказал, что после последнего выхода на связь хадж Мохсен Омиди нажал на переключатель частот, выкинул рацию в воду и встал перед танками. Я сказал: «Хаджи, нас всего несколько человек. Большинство ребят погибли или ранены. Давай вернемся». Он сказал: «Я ваш командир и приказываю вам возвращаться. Но мой командир не дал мне приказа возвращаться, и я остаюсь» (прим. авт.).



мыши. Они были ранены и стонали, но медлить было нельзя. Хадж Мехди попросил, чтобы я поехал сразу же в зону боевых действий.

Пока мы плыли, взрывы звучали все чаще, разрывные мины падали одна за другой, воду вокруг лодки кипела.

Постепенно рулевой стал сбрасывать скорость. Я закричал на него, но два-три человека, которые находились в лодке в качестве спасателей, согласились с рулевым и сказали: «Дальше двигаться нельзя».

Я взял руль и нажал рычаг газа, направив лодку в ту сторону, где были видны красные следы трассирующих пуль. Несколько танков на шоссе палили прямо по лодкам, которые возвращались в тыл. Справа и слева, повсюду в воде были тела раненых и убитых. Казалось, мы были единственными, кто плыл в сторону врага. Когда мы подошли к ним на расстояние 50 метров, с берега по нашей лодке стали строчить иракские пулеметчики. Несколько пуль попало в корпус лодки. Все пригнулись и легли на дно. Мне пришлось развернуться и вернуться назад. Мы сумели только вытащить из воды раненых и перевезти их в тыл.

\*\*\*

Была ночь Тасуа<sup>1</sup>, ночь Луны Рода Хашима. Большинство ребят, которые две-три ночи назад слушали речь Мохсена Омиди об Ашуре, уже лежали вместе с ним на грунтовом шоссе в западной части острова. У кого мы ни спрашивали, все говорили, что он погиб. Из тридцати человек, которых я отправил вместе с батальоном «Хазрат-е Али Акбар», погибли почти все.

В день Ашуры я вернулся в Нахаванд. Траурные надписи в честь Хусейна там сливались воедино с черными

---

<sup>1</sup> Тасуа – девятый день месяца мухаррам, предшествующий Ашуре, которая является кульминацией шиитских траурных собраний первых десяти дней мухаррама (*прим. пер.*).

полотнищами, которые вешали в честь павших героев операции «Ансар»<sup>1</sup>. Одно из таких полотнищ висело над входом в дом моего тестя.

Мать Амира говорила: «Когда Амир попросил по телефону прощения за все, я поняла, что он не вернется».

Хотя мой пятый ребенок Хосейн только появился на свет, моя супруга, при всем ее терпении и твердости духа, горевала по своему безвременному ушедшему брату.

После чтения Корана в честь покойного тестя попросил Аллаха забрать его вслед за сыном.

Все спрашивали, как погиб Амир, а я говорил о том, что он продолжал вести бой, будучи раненым. У него была возможность уйти в тыл, но его тело осталось лежать на земле под палящим солнцем острова Маджнун<sup>2</sup>.

Хотя жители Нахаванда уже привыкли к смертям своих сыновей, все они, даже семьи павших, оплакивали гибель первого человека в городе – Мохсена Омиди.

При жизни он говорил, что не хотел бы, чтобы его после мученической смерти как-то отделяли от остальных павших героев. Он просил Аллаха, чтобы его тело осталось в поле и не вернулось в город, чтобы, не дай Бог, на его похороны не пришло больше людей, чем на похороны других мучеников. Его тело осталось лежать под жарким солнцем острова Маджнун, и никто не мог ощутить аромат искренности Мохсена. Мы с хадж-ага Могиси, пятничным имамам Нахаванда, пошли к его жене и единственной дочери, нас сопровождали еще несколько старых бойцов и члены семей погибших.

Мы пошли туда, чтобы утешить его супругу, но сами получили от нее утешение.

---

<sup>1</sup> Поскольку эта операция на острове Маджнун была проведена 32-й дивизией «Ансар оль-Хосейн», она получила название «Ансар» (прим. авт.).

<sup>2</sup> Через 11 лет его тело было найдено и опознано поисковыми отрядами, а затем вернулось в Нахаванд (прим. авт.).

В тот день сначала говорил хадж-ага Могиси, рассказав несколько воспоминаний о хадж Мохсене. Его жена сразу же встала и отдала хадж-аге несколько браслетов и золотых колец, оставшихся ей на память от хадж Мохсена, со словами: «Это для помощи фронту. У меня нет больше ничего, кроме этого».

Все смотрели на меня, а я смотрел на Фатеме, новорожденную дочь хадж Мохсена.

После хадж-ага Могиси Мохаммад Бахираи говорил о своих воспоминаниях, а Фатеме плакала на руках у матери. Мать тоже накинула край чадры себе на лицо, наверное, тоже плакала. При виде этой сцены у меня в голове сразу же зазвучал голос хадж Мохсена, и я пересказал слова хадж Мохсена, который сказал однажды: «Когда я возвращаюсь с фронта домой, Фатеме видит меня и плачет. Я не знаю, это слезы радости или что-то другое, но мне приходится по два-три часа держать ее на руках и ходить по дому, чтобы она успокоилась и заснула». От этих слов я сам и все присутствующие заплакали. Только Фатеме сидела тихо и смотрела на наши лица удивленными глазами.

\*\*\*

Месяц мухаррам закончился, но боль после операции на острове Маджнун все еще оставалась. Хадж Мехди Кийани провел совещание, выслушал от выживших бойцов и командиров доклады об операции и подвел итоги. В общих чертах его выводы были такими: «С 1984 года и вплоть до этой операции в сентябре 1986 года враг в среднем продвигался вперед раз в месяц, и мы постепенно теряли остров. Хотя мы и понесли большие потери в этой операции, мы нанесли врагу в несколько раз больший урон. После нашей операции постепенное продвижение иракцев, несомненно, будет остановлено, потому что через два года после освобождения островов Маджнун

впервые инициатива оказалась на нашей стороне. Стойкость одного пехотного батальона и одной водолазной роты перед лицом колоссальных сил 3-го корпуса иракцев непременно изменит баланс на острове в нашу пользу»<sup>1</sup>.

С наступлением осени 1986 года началась запись добровольцев, и самыми заметными среди них стали «Воины Достопочтенного Мухаммада». Благодаря набору добровольцев лишившиеся бойцов дивизии получили свежих новобранцев, и наша дивизия даже пополнилась новыми батальонами.

Пополнение боевого состава и стягивание сил к границам осенью и зимой того года было вполне предсказуемым ходом в шахматной игре, потому что враг был хорошо знаком с ними еще с 1983 года. Начиная с этого года мы каждую зиму проводили крупную операцию на юге, и, естественно, задействованным в ней бойцам нужно было за 3-4 месяца войти в состав дивизий и бригад. В 1983 году была осуществлена операция «Хайбар», в 1984 году – «Бадр», а в 1985 году – «Вальфаджр-8». Благодаря этому подходу, когда каждый год проводилась по одной масштабной операции, уже не только иракцы, но и простые бойцы из Басиджа знали, что зима – это сезон проведения крупной операции на юге. Вот только где точно? Это было до поры до времени неясно даже для нас, командиров батальонов.

Батальон «Хазрат-е Абольфазль», имевший в составе 400 человек, вновь был сформирован осенью 1986 года в гарнизоне Мадани в Дизфуле. Я вместе с остальными

---

<sup>1</sup> Прогноз командира дивизии «Ансар оль-Хосейн» по поводу результатов и достижений операции «Ансар», прошедшей 11 сентября 1986 г. на острове Маджнун, оказался верен. После этой операции вплоть до принятия резолюции 598 Ирак не предпринял на острове никаких сколько-либо значимых действий (прим. авт.).

кадровыми сотрудниками батальона ожидал в гарнизоне приезда автобусов с новобранцами из Нахаванда. Шел проливной дождь. Колонна автобусов, набитых басиджами, прибыла подобно сонму ангелов, и последний автобус остановился прямо перед палатками нашего батальона. Я вошел в автобус, в котором окна запотели от горячего дыхания басиджей. Возможности поприветствовать их не было. Басиджи вознесли благословение Пророку и его роду, схватили свои чемоданы и вышли из автобуса. Последний из вышедших написал пальцем на запотевшем стекле: «Вода не умирает никогда».

\*\*\*

Мне понравилось это изящное выражение. Было в нем что-то поэтичное. В тот дождливый день оно запало мне в душу. Написавший эти слова новобранец наверняка что-то под этим имел в виду. Я сказал ему: «Брат, эта твоя изящная надпись на стекле автобуса пришлась мне по душе. Но мне хочется узнать, что ты хотел этим сказать?».

Молодой человек ответил мне: «Вода – это символ света. Все живо благодаря воде. Пока есть вода, есть и жизнь. Мы приехали на фронт, чтобы обрести вечную жизнь, и сейчас идет дождь, который является тайным знаком вечности с небес Божьих. Не так ли?».

Я ничего не ответил, а только поцеловал его в лоб. Мне подумалось, что эти слова могут иметь двойной смысл. Во-первых, вода связана с названием нашего батальона, и этой водой, которая никогда не умирает, является сам Абу-ль-Фазл, а во-вторых, вода указывает на район операции, и в чистом сознании молодого бойца отразился образ места будущей операции. Использованное им слово «вода» может означать какой-то влажный район, вроде болотистого Хура, бурной реки Арванд или острова Маджнун.

Я поприветствовал новобранцев и несколько минут выступал перед ними на плацу батальона. Со следующего дня началась боевая подготовка, и все мое тело будто наполнилось энергией слов того басиджа, который рассуждал о воде.

Полученный в ходе учений и операций опыт очень нам помогал. Маневры, длительные марш-броски в полной экипировке, ночные бои со стрельбой и взрывами наряду с укреплением духовного состояния бойцов в гарнизоне Мадани продолжались около месяца, пока не стало холоднее, и мы поехали на Готвандское водохранилище. Приезд в Готванд, где вода соседствовала с сушей, стал для всех указанием на район будущей операции. Как и в прошлом году, перед отправкой в Хур, нам приходилось иметь дело с водой и водолазным делом. Рота Мученика Бахонара под командованием хадж Мехди Зафари стала основным звеном, действовавшим на воде, а две другие роты по большей части тренировались как на воде, так и на суше. Время шло, и любопытство бойцов по поводу возможного района операции росло. Большинство басиджей были бойцами, ранее принимавшими участие в операциях и призванных повторно, но их предположения, приправленные шутками, скрашивали им жизнь на время учений. Когда я проходил рядом с Морадали Заррини, он говорил: «Как дела, командир нашего стада?». Я отвечал: «Неужто ты настолько убогий, чтобы я был пастухом, а ты бараном? Да тебе только со стаей волков тягаться». Это прозвище постепенно приобрело популярность, и большинство нахавандских ребят, которые были деревенскими, как и Морадали, называли меня «командиром стада».

Остроумные шутки способствовали еще большему сплочению солдатского братства и никогда не переходили грань дозволенности. Товарищеские отношения с ребятами, даже несмотря на разницу в возрасте и разные

профессиональные интересы, создавали гармоничную и сплоченную среду, в которой даже новички не тушевались, а в шутку состязались и боролись друг с другом. Мне нравились упорные и сильные люди. Иногда боль от осколочного ранения груди вызывала у меня стоны. Конечно, среди ребят тоже было немало тех, у кого от прошлых операций остались на память пули и осколки, но они и виду не подавали.

Тяготы войны и боевых операций не оставляли места для излишних любезностей во время учений. Иногда с теми ребятами, с которыми я успел подружиться настолько, что в палатке мы могли дурачиться вместе, я бывал настолько строг и суров, будто бы мы не знали друг друга. В таких случаях решающее слово было за военной субординацией.

Иногда я ездил от Готвандской дамбы в гарнизон Мадани для участия в общих заседаниях командиров батальонов с командованием дивизии. Хадж Мехди Кийани не говорил открыто о районе проведения операции, но старался донести до командиров батальонов образ района, сочетавшего в себе воду и сушу, и в нашем сознании возникали смутные очертания территории, похожей на Фао.

Эта секретность продолжалась до тех пор, пока бойцы разведывательно-оперативного подразделения не отправились на берег Арвандруда на противоположной стороне от Хоррамшахра и Абадана.

После начала разведки на самом Арванде, проводившейся с помощью водолазов разведывательно-оперативного подразделения, в район стали ездить и командиры батальонов.

На следующем заседании в штабе были определены участки и маршруты каждой дивизии при пересечении Арвандруда и прорыве иракской оборонительной линии на том берегу реки. Район операции был поделен на участки, которые были переданы справа налево со-

ответственно 14-й дивизии «Эмам Хосейн», 8-й дивизии «Наджаф», 32-й дивизии «Ансар оль-Хосейн», 33-й дивизии «Аль-Мехди» и 7-й дивизии «Валиаср»<sup>1</sup>. Остальные дивизии и бригады КСИР шли во втором эшелоне операции и должны были подключиться после прорыва линии врага силами водолазов из указанных дивизий. После взятия первой и второй линий иракской обороны они должны были выйти к асфальтированному шоссе Аль-Бихар – Басра и повернуть направо, то есть продолжить операцию, двигаясь к Басре.

С точки зрения характера пересечения реки водолазами и прорыва вражеской линии, план маневра напоминал предыдущую операцию, то есть «Вальфаджр-8», с той лишь разницей, что на сей раз ширина Арвандруда в основном была меньше, чем во время операции «Вальфаджр-8», проходившей в устье Персидского залива. Эта близость берега давала преимущество в плане молниеносной переправки водолазов на вражеский берег. Согласно расчетам на бумаге и замерам на карте, преодоление 800-метровой ширины Арванда в этом районе было намного более простой задачей, чем пересечение этой же самой реки во время операции «Вальфаджр-8», когда до следующего берега было 2000 метров. В то же время нам угрожала серьезная проблема, заключавшаяся в несоблюдении мер безопасности и наличии у врага информации о присутствии в тылу этой операции примерно ста тысяч иранских бойцов, которые до проведения операции проходили боевую подготовку в различных лагерях и гарнизонах на юге страны. Помимо общих для всех дивизий проблем, положение нашей дивизии отличали две особенности. Во-первых, нас впервые сделали прорывным водолазным батальоном в первом эшелоне на-

---

<sup>1</sup> Эти дивизии были укомплектованы бойцами КСИР и Басиджа из провинций Исфahan, Хамадан, Фарс и Хузестан (*прим. авт.*).



ступления, тогда как в прошлой операции мы вступили в бой в Фао вторым эшелонном вместе с пехотными батальонами. Во-вторых, наш участок располагался в самой середине района операции, между участками пяти других прорывных дивизий, и наши водолазы должны были спуститься в воду в месте слияния Каруна и Арвандруда, чтобы в полной тишине проплыть возле иракского острова Умм ар-Расас на Арванде и ночью с соблюдением принципа внезапности занять вражеский рубеж на левой стороне острова Умм ар-Расас длиной в три километра.

Наличие у иракцев острова Умм ар-Расас на Арванде у устья реки Карун считалось выигранным билетом врага. Несомненно, это позволяло иракцам быть более бдительными и усложняло задачу для наших водолазов.

Мы были в гарнизоне Мадани в Дизфуле, когда нам сообщили, что иракские самолеты подвергли бомбардировке лагерь водолазного батальона «Джафар Тайяр» на Готвандском водохранилище, в результате чего погибло множество водолазов. У батальона «Джафар Тайяр» было 90 водолазов на острове Маджнун, и на данный момент он располагал втрое большим количеством водолазов. Вдобавок ко всему какая-то часть опытных водолазов пехотных батальонов оказывала помощь водолазам «Джафара Тайяра». Поэтому он был повышен в статусе и преобразован из роты в батальон.

Они должны были погрузиться в воду в нескольких точках, ранее определенных водолазами разведывательно-оперативного подразделения, прорвать ту трехкилометровую линию и проложить путь для молниеносной атаки пехоты на лодках. Поэтому новость о бомбардировке этого батальона на Готвандском водохранилище вызвала волну тревоги, накрывшую командиров, и еще больше сомнений в связи с осведомленностью врага о приближавшейся операции.

Чуть позже мы отправили в район операции всех командиров вплоть до уровня начальников рот и их заместителей, и с высокого многоэтажного здания на берегу реки Карун, напротив того самого острова Умм ар-Расас, определили участок операции, закрепленный за батальоном «Хазрат-е Абольфазль».

Всякий раз, когда я смотрел на район операции с наблюдательного пункта, передвижения врага становились все более очевидными. Иракцы валили пальмы перед своей линией и прокладывали шоссе из тыла до самой кромки берега. Поскольку земля была ровной, они делали на ней неровности вроде небольших холмиков, чтобы в случае необходимости танки могли подниматься на них и стрелять с них по Арвандруду.

На передовой линии также был прорыт бетонированный канал с многочисленными окопами для пулеметчиков и даже зенитных установок, что свидетельствовало о том, что враг скорее всего уже был в курсе операции<sup>1</sup>.

Нашим делом было выполнять приказы. Разброд в наших мыслях привел бы к колебаниям в рядах подчинявшихся нам бойцов. Поэтому, возвращаясь в тыл, мы не говорили с бойцами ни о чем, что имело отношение к району операции. Конечно, на заседаниях совета командования дивизии мы высказывали свои точки зрения, но никто из командиров батальонов не допускал сомнений и не говорил командиру дивизии, что для проведения операции нет никаких условий.

За две-три недели до операции, по настоятельному требованию хадж Мехди Кийани, командиры батальонов были обязаны отправиться на Арвандруд вместе с водолазами из разведывательно-оперативного подразделения, чтобы провести разведку и рассмотреть позиции

---

<sup>1</sup> Враг отслеживал все передвижения наших сил с помощью американских летающих радаров «Авакс» и знал во всех деталях об операции «Кербела-4» и времени ее начала (прим. авт.).

врага вблизи, как говорится, погрузиться в обстановку. Погрузиться предстояло в ту самую воду, о которой тот новобранец написал на запотевшем стекле автобуса.

Каждую ночь один или двое командиров батальонов с двумя разведчиками из разведывательно-оперативного подразделения отправлялись в водолазных костюмах на разведку. В те три или четыре раза, когда темной ночью мое тело погружалось в холодную воду бурного Арвандруда, мы доплывали до середины реки и рассматривали вражеских солдат, которые спокойно ходили по берегу. Мы не знали, что они тоже видели нас и других разведчиков, приплывавших в прошлые ночи, но не стреляли в нас<sup>1</sup>.

Когда мы высаживались в водолазной одежде на свой берег, наши зубы стучали от холода. Ребята поливали нас горячей водой, чтобы мы согрелись и пришли в себя.

Нам предстояла тяжелая операция. Хотя благодаря холодному времени года история с жаждой и обезвоживанием на острове Маджнун не должна была повториться, там вновь были только мы и вода.

---

<sup>1</sup> Один из вражеских командиров, которые попали в плен в ходе операции «Кербела-5», говорил: «Мы видели иранских водолазов и бойцов в Арвандруде во время разведки перед операцией «Кербела-4», но дали своим бойцам установку, чтобы они вели себя как обычно и не стреляли в иранцев» (прим. авт.).

## Глава 9

### МЫ – БАТАЛЬОН АБУ-ЛЬ-ФАЗЛА

В последние дни декабря несколько представителей руководства провинции, в том числе аятаолла Мусави, пятничный имам Хамадана, и губернатор, прибыли в гарнизон Мадани. Пятничные имамы провинции обычно посещали дивизию перед началом операции и произносили речи.

В тот день, после того как на заседании руководства командир дивизии обрисовал общие моменты и разъяснил значение предстоящей операции, хадж-ага Мусави взял слово.

После, как обычно, я собрал ночью батальон, рассказал им о расположении района операции и ее судьбоносном значении.

В батальоне «Хазрат-е Абольфазль» зачастую одновременно находились на фронте сразу по три-четыре брата. Я старался распределять их по разным подразделениям или переводить в другие батальоны, чтобы с ними ничего не случилось одновременно и в одном месте, но теперь для этого не хватало времени.

19 декабря мы выдвинулись из Дизфуля в сторону Абадана и разместились там в полуразрушенных гостиницах «Першинг» и «Караван-сарай», чтобы бойцы в условиях своеобразного карантина провели время до ночи операции без связи с внешним миром в ближайшей к району операции точке.

В течение недели законспирированного размещения в этом районе все батальоны дивизии расположились в условиях, аналогичных нашим. За это время в пальмовых зарослях острова Абадан, в непосредственной близости от вражеских позиций, были размещены пункты неотложной медицинской помощи, ангары санитарных бригад для вывоза тел погибших, большое количество артиллерийских и минометных орудий, «катюш», зенитных установок.

24 декабря после захода солнца батальоны один за другим направились к пристани на берегу Каруна и остановились в условленном месте в 3 километрах от Арвандруда, рядом с лодками, ожидая приказа командования.

Все ожидали отправки водолазов из пяти задействованных в операции дивизий. Водолазный батальон «Джафар Тайяр», несмотря на понесенные во время бомбежки на Готвандском водохранилище потери, очень быстро оправился и спустился в воду в трех местах на берегу Арвандруда в качестве авангардной группы дивизии.

Согласование действий водолазных батальонов пяти дивизий и составление графика для них было тяжелой работой, требовавшей тщательного продумывания. Если бы какой-нибудь из них по какой-то причине добрался до вражеского берега раньше или позже, остальным бы пришлось туго. Поэтому, учитывая различные расстояния, каждый водолазный батальон должен был начать плавание в четко обозначенное для него время, определявшееся шириной Арванда и характером течения в этом месте.

В 7 часов, после вечерней и ночной молитвы, мы посадили ребят в лодки. После высадки водолазов на противоположном берегу и падения передовой линии врага рулевой должен был доставить восемь бойцов пехоты на ту сторону реки.

Лодки, выстроившиеся в колонны, стояли в ожидании приказа у берега Арвандруда. После прорыва иракских укреплений командир водолазного батальона Карим Мотаххари должен был выстрелить из сигнального пистолета и с того берега объявить о падении вражеской линии.

Наш батальон шел за батальоном «Хазрат-е Али Асгар» под командованием хадж Саттара Эбрахими. Я сел в первую лодку, а три ротных командира плыли на головной лодке колонны прямо за мной.

В 10 часов вечера, когда водолазы доплыли до середины Арванда, Сейед Масуд Хеджази, начальник планово-оперативного подразделения, был на связи с командиром водолазов, а я вышел на связь с хадж Мехди, командиром дивизии, чтобы он разрешил нам выдвигаться.

Время тянулось долго, а отлив и понижение уровня воды в реке затрудняли задачу водолазов, которым было необходимо добраться до вражеского берега. Со стороны Арванда время от времени раздавались одиночные выстрелы снайперов, которые казались чем-то естественным, однако в какой-то момент земля и небо будто перевернулись вверх дном от жуткого рева моторов сразу нескольких самолетов. С начала войны прошло уже пять лет, и за это время никто не мог припомнить, чтобы вражеские самолеты вылетали на бомбардировки по ночам.

Бомбы падали вокруг пристани и стоявших у берега лодок. Несколько из них взорвались прямо в Каруне, взрывы и вызванные ими сильные волны на поверхности реки перевернули несколько лодок, после чего сразу же прилетели следующие самолеты, которые уже не сбрасывали бомбы, а выпустили над Арвандрудом множество ярких сигнальных огней. Теперь все водолазы, чьи головы торчали из воды, оказались под прямым огнем вражеских солдат, располагавшихся на линии, и одиночные

выстрелы снайперов в один миг сменились жуткими пулеметными очередями, а также стрельбой из зенитных орудий и гранатометов.

Сигнальные огни горели около 15 минут, от них было светло как днем. Водолазам, которые находились уже в 100 метрах от вражеского берега, не оставалось ничего другого, кроме как плыть в сторону врага.

В 11 часов вечера все радиации работали, и я слышал, что некоторые водолазы, несмотря на болота, препятствия и проволочные заграждения, добрались до каналов на берегу и прорвали ряды врага.

Всех охватили сомнения, никто не знал, что делать. Бомбардировка нарушила четкое построение плавсредств, и лодки следовавшего впереди нас батальона проплывали мимо нас от Каруна в сторону Арванда. Я больше не стал дожидаться приказа командира дивизии. Я был в полной уверенности, что хадж Саттар Эбрахими получил приказ выдвинуться в сторону вражеских позиций. Поэтому я сказал ротным: «Я на лодке поплыву от Каруна к устью Арвандруда, а вы отправляйтесь за мной чуть позже, через несколько минут».

Таким образом я хотел не допустить, чтобы весь батальон разом оказался в зоне обстрела с берега, но по крикам было ясно: все уже поняли, что творится впереди.

Перед тем как отплыть, я под светом сигнальных огней посмотрел на ребят, сидевших в лодке. Одним из них был тот самый басидж, который говорил мне о тайне бессмертия воды. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, вода прочно связала нас. Я стоял на носу лодки, и что-то будто бы твердило мне изнутри: «Сейчас же возгласи боевой клич Имама Хусейна».

Чем дальше мы продвигались вперед, тем интенсивнее становилась стрельба. Мы подошли к устью Арванда. Вражеские автоматные очереди с острова Умм ар-Расас попадали в большую часть лодок, сигнальные огни лили

с неба яркий свет, лодки горели прямо на воде, и сполохи пламени освещали все вокруг. Рулевой испугался, остановился у камышовых зарослей и сказал: «Мотор отказал, не заводится». Я закричал на него и пригрозил: «Если не двинешься вперед, я сам тебя пристрелю».

Рулевой дернул стартер, лодка завелась, и мы поплыли дальше. Арванд выглядел как настоящая бойня, повсюду на воде виднелось множество тел наших водолазов и пехотинцев, уносимых течением в Персидский залив. Из всего батальона «Хазрат-е Али Асгар» сумела прорваться через этот огненный ад и добраться до берега только лодка командира батальона – хадж Саттара, который вступил в бой вместе с водолазами.

Командир дивизии говорил Сейеду Масуду Хеджази, чтобы он разворачивал бойцов, и тот передал мне: «Останови свой батальон, не выпускай ни одну лодку в Арванд».

Сам Хеджази уже доплыл до середины реки. Мне не хотелось давать ребятам распоряжение возвращаться назад, но на полях священной войны неподчинение приказу вышестоящего командира рассматривалось как непростительный грех перед Аллахом.

Прежде чем я успел связаться по радиации с ротными, лодки первой роты уже подплывали к устью Арванда. Я привлек их внимание ручным фонарем, направив его мощный свет в сторону лодок, а затем закричал что было сил: «Возвращайтесь!».

С другой ротой я связался по радиации до того, как они вышли в Арванд, и сказал: «Не двигайтесь вперед». Они задержались, но я видел, что больше десятка лодок плывет в сторону врага, который только и ждал их, словно разинувший пасть кит. С другой стороны, темнота и грохот взрывов не позволяли мне хоть как-то воспрепятствовать лодкам, плывшим из Каруна в Арванд.

Стоны раненых, качавшихся на воде, заставили меня сделать круг по Арванду и подобрать всех, кого мы могли



увезти с собой. Мы продвинулись еще дальше вперед, и рулевой снова стал сбрасывать скорость. Я совершенно растерялся. Положение было безвыходным. Рулевой был прав.

Очереди из автоматов Калашникова прошивали корму лодок, один из басиджей получил пулю и упал в воду. Будучи в полной экипировке, он сразу же ушел на дно, так что его уже не было видно.

Я сел на место рулевого и, не обращая внимания на красные линии трассирующих пуль, стал кружить по Арванду. Мы развернули в сторону Каруна еще несколько блуждавших лодок.

Когда мы вернулись на пристань, большинство бойцов были мокрыми и вымазанными в глине, в некоторых лодках лежали раненые. Каждый что-нибудь говорил. Ахмад Карамали, командир одной из рот, получил осколочное ранение в колено и лежал в лодке рядом с Фарзаном Солеймани.

\*\*\*

Как и после операции на острове Маджнун, фронт во второй раз захлестнула тоска и скорбь по погибшим. Обе операции имели похожий исход: нам не удалось закрепиться на вражеском берегу. На той стороне реки иракцы падали в воздух от радости. Ребята услышали на волне персидской службы иракского радио, что враги назвали эту операцию «Большая жатва».

Хотя со стороны операция выглядела как провальная, все же в итоге большинство пехотинцев и морпехов задействованных в ней дивизий не пострадали, поскольку в бою приняли участие только водолазы<sup>1</sup>. Поэтому командиры могли рассчитывать на них в последующих операциях, хотя в сознании павших духом бойцов дол-

---

<sup>1</sup> Согласно отчетам, большая часть водолазов батальона «Джафар Тайяр» нашей дивизии погибла, получила ранения или попала в плен (прим. авт.).

жен был произойти какой-то переворот. Нужно было восстановить их морально-психологическое состояние, чтобы они были готовы к следующим операциям. В этих условиях работа с бойцами представлялась даже более тяжелой задачей, чем проведение операции, и она ложилась на плечи командиров батальонов.

Некоторые ребята откровенно и прямо говорили, что враг нас полностью раскусил, так почему же начальство и командиры не приняли адекватных мер?! Кто в Судный день ответит за отданные впустую жизни погибших водолазов?

Я был охвачен печалью от этих слов и негодования ребят, когда мне передали: «Приезжай на остров Мину в Абадан, где дивизия “Аль-Махди” из провинции Фарс перебралась на другой берег Арванда».

Я отдал свою «Тойоту» для переброски бойцов в тыл, и у меня не было никакого транспортного средства, чтобы в тогдашней непростой обстановке добраться до острова Мину. Я даже не спросил, зачем мне туда ехать. Лишь предположил, что на том берегу Арванда удалось прорвать линию врага и там необходимо подкрепление в виде батальона вроде нашего. Так или иначе, мне нужно было вплотную ознакомиться с условиями на месте.

Дорога была мне знакома. Несколько лет назад я проходил в этих местах срочную службу. Я пошел от кромки берега вниз и прошагал пешком где-то 4–5 километров, пока не дошел до линии дивизии «Аль-Махди». Спросив у первого встречного, как пройти к начальнику направления, я представился. Бедолага ничего не знал и был с головой погружен в свои дела. Через несколько минут я связался по радиации с нашим командованием и сказал, что здесь никто ни за что не отвечает, и некому меня проинструктировать по поводу моего нового задания.

Мне ответили: «Значит, и там теперь всё, как у нас. Возвращайся обратно».

Я снова прошел несколько километров тем же путем и вернулся назад. Было уже почти утро и начинало светать, когда я добрался до штаба дивизии. Хадж Хасан Таджук, командир батальона «Мослем эбн Агиль», получил осколочное ранение в живот и лежал на носилках. Судьба хадж Саттара Эбрахими, командира батальона «Хазрат-е Али Асгар», также была покрыта туманом неопределенности. Два или три водолаза, которые прибыли со стороны вражеских позиций, сказали, что хадж Саттар укрылся в сгоревшем судне рядом с иракским берегом.

На следующее утро хадж Саид Бадами, начальник инженерного батальона, имевший хороший голос, начал петь в мощный громкоговоритель со стороны Хоррамшахра. Он произносил: «Йа Саттар! Йа Саттар!» – чтобы сидевший на судне Саттар Эбрахими понял, что его ищут. Той же ночью несколько водолазов отплыли от нашего берега и привезли раненого хадж Саттара, вытащив его буквально из-под носа иракцев. Его зубы все еще стучали от холодной воды. Он прямо там принял теплый душ, пока дрожь не спала, а затем рассказал, как его бойцы, включая родного брата Самада, один за другим погибли под вражеским огнем.

В тот же день наш батальон расположился в деревушке Абу-Шаник у пальмовых рощ Бахманшира. Командир дивизии немедленно провел заседание и сказал командирам батальонов: «Поговорите со своими бойцами. Операция “Кербела-4” еще не завершена».

Эта новость обрадовала большую часть солдат, которые прибыли сюда ради судьбоносной операции. Однако у части бойцов все еще оставались вопросы относительно причин провала предыдущей операции, и многие из них настаивали на возвращении в Нахаванд. Я сказал им и всем остальным: «Я обращаюсь к вам в последний раз. После того, как вы меня выслушаете, вы вольны решить сами: оставаться или уехать».

Была ли это милость Божья или заслуга ребят с их чистосердечием, но больше никто не говорил о возвращении домой и оставлении фронта. Хотя уже почти два месяца никто не был в отпуске, все остались.

\*\*\*

До операции «Кербела-5» оставалось 15 дней. Было решено, что в области Нахаванд будут базироваться, помимо батальона «Хазрат-е Абольфазль», еще два батальона под названием «Гайс эбн Мосаххар» и «Хабиб эбн Мозахер», которые предстояло укомплектовать за эти пятнадцать дней.

Еще было не ясно, кто будет командовать батальоном «Гайс эбн Мосаххар», но командир дивизии считал, что на эту должность нужно назначить кого-то из сильных кадровых командиров батальона «Хазрат-е Абольфазль».

Хадж Реза Заргяри был назначен командиром батальона «Хазрат-е Али Акбар», и в батальоне оставалось еще несколько способных командиров, таких как хадж Мехди Зафари, хадж Хосейн Кийани, хадж Алиморад Сольги и Моталлеб Гейсари. Каждый из них предлагал хадж Мехди Кийани вместо себя кого-нибудь другого. Командир дивизии попросил меня рекомендовать кого-нибудь из командиров на должность командира батальона «Гайс эбн Мосаххар», а потом съездить в Нахаванд для набора новобранцев и быстро вернуться обратно.

КСИР был для нас домом. Я поехал в штаб в Нахаванде и напомнил о необходимости участия в большой битве. Некоторые сотрудники КСИР в Нахаванде считали, что нельзя отправлять на фронт абсолютно всех, и были по-своему правы. Часть ксировцев должна была оставаться в городе, чтобы набирать добровольцев и заниматься их боевой подготовкой, но исключительные

обстоятельства, сложившиеся в период между неудачной операцией «Кербела-4» и предстоявшей новой операцией, требовали всеобщего присутствия на фронте.

Я поговорил с Хасанморадом Абрузаном, начальником управления кадров нахавандского штаба КСИР. Он выдвигал те же аргументы, что и все остальные: «Мы же не парфюмерная лавка, чтобы взять и закрыться». Я пытался объяснить ему всю критичность нынешнего положения и необходимость оперативных действий с нашей стороны в ходе подготовки к операции. Он говорил одно, я – другое, пока дело не дошло до ссоры. Я не помню, что я такое сказал, но он полностью изменил свое мнение, обнял меня и проговорил: «Непременно, хаджи! Я сам тоже поеду».

Погода была холодная, повсюду лежал снег. В эти зимние дни мне нужно было с утра до вечера ездить по мечетям и деревням, чтобы набирать добровольцев.

Батальон «Хабиб эбн Мозахер» был быстро укомплектован бойцами в рамках плана «Лаббайк, йа Хомейни». Командование этим батальоном взял на себя Ахмад Карамали, который получил ранение в операции «Кербела-4», а в роли руководителя батальона «Гайс эбн Мосаххар» я видел Хасанморада Абрузана, потому что именно он мобилизовал ксировцев на участие в боевой операции.

В эти дни достопочтенный Имам издал обращение, полное энтузиазма и вдохновлявшее на подвиги. Оно приводило в движение каждого, кто был озабочен делами на фронте и исходом войны. Внезапно мечети и исламские центры заполнились добровольцами. На тот момент такое воодушевление и стремление вступить в ряды бойцов казалось беспрецедентным. Многие деревни остались без молодых парней, потому что все приготавливались ехать на фронт.

\* \* \*

Я вернулся на юг, замыкая длинную колонну автобусов, полных новобранцев. Потом у меня была короткая встреча с командиром дивизии, я доложил ему обстановку и пошел в батальон «Хазрат-е Абольфазль». Войдя в палатку командира батальона, я увидел хадж Хосейна Кийани, который сказал: «Наконец-то! Выполнил свою работу?!».

Мы с ним и Хейдаром Сохраби часто шутили друг с другом. Иногда, когда никто из бойцов не видел, мы втроем дурачились и боролись. Те двое всегда были заодно, а я был против них.

И на этот раз они опять объединились и вместо приветствия стали подшучивать надо мной и понарошку задирать меня. До меня начало доходить, что причина их недовольства – в назначении на более высокую должность. Хадж Хосейна, который ранее был командиром роты, я назначил своим заместителем, а Хейдар Сохраби, занимавший должность ротного командира, должен был стать заместителем командира батальона «Гайс эбн Мозахер».

Оба они обладали удивительными качествами. Хейдар Сохраби был сыном крестьянина, раньше работал на земле, не знал усталости и обходился почти без сна. Хадж Хосейн Кийани был одним из выдающихся жителей местности Кийан под Нахавандом. Любое свободное время он использовал для самообразования. Каждый день для него был словно ночь перед экзаменом. Он читал либо Коран, либо книги по религиозным наукам. Даже когда он получил ранение, те 24 часа, которые я провел возле него в Дизфуле, он не прекращал читать. Плодом этого самообразования было обладание подлинным духовным знанием и искренность, благодаря которой он избегал званий и славы. В батальоне «Абольфазль» он брался за любую работу. Ему не нравилось, что к нему относились

как к замкомандира батальона. Хейдар Сохраби ни в чем ему не уступал, и только Аллах знает, как я по-хорошему завидовал состоянию этих двоих.

5 января 1987 года вместе с другими командирами батальонов и командиром дивизии мы поехали в район, где предстояло провести операцию. Мы съехали с асфальтированного шоссе направо, не доезжая до Хоррамшахра, и попали в место, где повсюду была вода. Уже в который раз мы имело дело с водой, но не со спокойными водами Хура и не с бурной рекой Арвандруд, а с искусственным наводнением, созданным иракцами специально для того, чтобы отделить свои позиции от нас.

Сначала мы произвели ориентировку на местности по карте. Затоплению была подвергнута территория между двумя пограничными заставами под названием Кут-Савари и Бубийан. Поскольку вода была пущена в эту пустыню из канала рыбоводческого хозяйства в Шаламче<sup>1</sup>, она получила название Рыбное озеро.

Рыбное озеро имело площадь в шесть квадратных километров, а его глубина колебалась от полуметра до полутора метров. Перед тем как закачать сюда воду, иракцы наштапиговали землю огромным количеством колючей проволоки, шипов и противопехотных ежей, которые потом были залиты водой. Таким образом, когда мы смотрели из наблюдательного пункта на озером, нам были видны только вода и кусочки земли, торчавшие из нее, словно грибы. Эти возвышения означали, что там располагаются вражеские засады.

Выбор этого района после провала операции «Кербела-4» был обусловлен тем, что, несмотря на все труднопреодолимые препятствия, одновременно с нашей операцией на Арвандруде две дивизии КСИР, а именно 57-я

---

<sup>1</sup> Шаламче – город на юго-западе Ирана, в провинции Хузестан, северо-западнее Абадана (*прим. пер.*).

дивизия «Абольфазль» из провинции Лурестан и 19-я дивизия «Фаджр» из провинции Фарс, смогли прорвать иракскую оборонительную линию на своем участке, и этот небольшой плацдарм зажег в умах военных стратегов в штабе «Хатам аль-анбия» лучик надежды на то, что им удастся продолжить крупную операцию.

После инструктажа в наблюдательном пункте мы вместе с хадж Мехди Кийани – командиром дивизии – осмотрели участок района операции, закрепленный за нашим батальоном. Все командиры знали, что меня устроят любые условия проведения операции, и тяжесть предстоящей работы для меня не оправдание, но тут даже я подумал: «Как вообще можно пройти по этой воде?».

Когда мы вернулись на общее заседание с участием командиров батальонов, все выражали аналогичные сомнения. В свете этого общего мнения командиру дивизии предстояла нелегкая задача. Учитывая ту щепетильность и предупредительность, которой отличался господин Кийани, он наверняка задавался в штабе теми же вопросами, что и мы, но пришел к выводу, что надо проводить операцию в Шаламче. Слово «надо» на поле боя рассматривалось как обязанность. Конечно, эта обязанность не означала, что не нужно задавать вопросы и убеждать людей. Нам необходимо было самим во всем убедиться, чтобы затем мы могли убедить своих бойцов.

В тот день я сказал на заседании: «Мы не военные времен шахской тирании, чтобы слепо соглашаться со всем. До революции нам говорили, что в армии нет места обсуждениям, но революция и Имам научили нас, что во многих вопросах нам нужны обсуждения. Я не ставлю под сомнение субординацию, но я все еще не могу понять, каким образом можно перебраться через Рыбное озеро и атаковать вражеские позиции. Под водой много заграждений, воды так мало, что на лодке по ней проплыть невозможно, водолазы не смогут пройти



через проволочные заграждения, но там и суши нет, чтобы по ней смогла пройти пехота. Как можно воевать на территории, где нет ни суши, ни воды?!».

На том заседании, в котором в общей сложности было девять батальонов, четверо комбатов были из Нахаванда – все они вышли из батальона «Хазрат-е Абольфазль» и руководили в этих сложных условиях отдельными батальонами. Поставив этот логичный и уместный вопрос, я подумал: «Не дай Бог, эти сомнения и вопросы спровоцируют и других». Поэтому я увел разговор в другую сторону, сказав, что наличие вопросов к командирам и отсутствие убежденности в правильности их решений не означает, что я не подчиняюсь их распоряжениям.

Командир дивизии объяснил, что, возможно, мы будем идти не первым эшелоном, а выдвинемся на втором этапе, когда другие создадут плацдарм для продолжения операции.

\*\*\*

Наша дивизия должна была пройти к каналу рыбоводческого хозяйства следующим образом: первым шел батальон «Хазрат-е Али Акбар» под командованием хадж Резы Заргяри, а за ним – батальон «Гайс эбн Мосаххер» под командованием Хасанморада Абрузана, остальные батальоны, в том числе и наш, должны были пройти по созданному этими двумя батальонами плацдарму.

10 января батальон «Хазрат-е Али Акбар» атаковал линию и закрепился на одном из углов канала рыбоводческого хозяйства.

В полдень 11 января, когда батальон «Гайс эбн Мосаххер» готовился пойти к каналу вместо батальона «Хазрат-е Али Акбар», пришла новость, что район Нахаванда опять подвергся бомбардировке. Я постарался не допустить, чтобы ребята узнали о бомбардировке горо-

да. Но они обо всем знали, хотя их воля и не поколебалась. Все знали, что массированные бомбежки городов, совпавшие по времени с крупной операцией «Кербела-5», были предназначены для того, чтобы сломить сопротивление бойцов на фронте.

В тот же день сообщили, что в результате бомбежек погиб мой тесть, а мой шестимесячный сын Хосейн был ранен.

Я попросил у Господа для моей супруги, которая за последние полгода потеряла брата и отца, терпения, достойного Зайнаб.

На закате того дня я в последний раз видел Хасанмолада Абурузана, который готовил свой батальон к броску на канал рыбоводческого хозяйства.

Самые лучшие люди, с которыми я общался в эти годы, уходили, и я видел в их лицах признаки будущей героической смерти. Я попрощался с заместителями Абурузана, хадж Алиморадом Сольги и Хейдаром Сохраби, командиром штаба КСИР в Нахаванде Алирезой Акбари, который закрыл штаб и ушел на фронт.

Уходя, Абурузан повернулся и сказал по-лурски:

– Сынок, хадж Мирза! Если я на этот раз перейду в дивизию, то больше не стану командиром батальона.

– Почему? – спросил я.

– Слишком много надо бегать. На минуту в штаб, потом надо заглянуть в роту, потом сразу на линию. Что это за работа такая? Лучше уж руководить взводом.

Абурузан был человеком высокого роста со светлым благообразным лицом. Хотя он и завел речь о другой операции, мною овладела внутренняя уверенность в том, что этому мощному телу не удержать в себе его мятежной и тянувшейся к небу души.

Я сказал:

– Ты лучше не разглагольствуй, а дай слово, что заступишься за нас в Судный день.

Он выдвинулся со своим батальоном и ночью дошел до второго моста на канале, до того места, где иракцы были у него спереди и справа, а потому атаковали их сразу с двух флангов.

Я был у рации и следил за происходившим по их радиопереговорам с командованием дивизии. За спиной у них была зона затопления, справа – насыпь, а спереди – канал рыбоводческого хозяйства, и они не смогли с ходу взять невысокую насыпь дугообразной формы.

Ближе к утру прибывавшие в тыл раненые стали общаться о гибели своих соратников. Хасанморад Абрузан был ранен осколком снаряда в бедро, а находившиеся рядом с ним другие раненые бойцы не думали, что он может умереть. Однако утром я увидел его неподвижное тело с белоснежным от потери крови лицом.

Той же ночью погибли командир штаба КСИР в Нахаванде Алиреза Акбари, первый заместитель командира батальона «Гайс эбн Мосаххар», и Хейдар Сохраби, второй заместитель командира батальона.

Хейдар Сохраби, как и Абрузан, сначала был ранен. Ребята рассказывали, что Хейдар первым поднялся на иракскую насыпь и перевалил через нее. Там его ранило пулей в ладонь. Хадж Алиморад говорил ему: «Возвращайся в тыл», но он не слушал. Было известно: даже если бы Хейдару оторвало всю руку, он не вернулся бы в тыл.

Ему перевязали руку шейным платком, так что он дальше стрелял одной рукой, пока на рассвете не получил пулю в лоб и не упал замертво.

Вслед за батальоном «Гайс эбн Мосаххар» наступил черед батальона «Гасем эбн оль-Хасан» отправиться к каналу. Наш батальон все еще ожидал приказа в Абадане, а я находился в тактическом штабе дивизии.

Из сообщений выходящего на связь по рации командира батальона «Гасем эбн оль-Хасан» было понятно, что враг ведет массированный огонь и крепко наседает на нас с целью вернуть взятую нами насыпь.

В трубке слышался громкий стон командира этого батальона Мохсена Таркашванда, который просил о помощи. Его интонации в точности напоминали тон погибшего прошлой ночью Абрузана. В ушах у меня все еще раздавался голос Абрузана, который без всяких кодов и паролей говорил по рации: «Передайте в штаб, что дали баасистам пощечину, а вот пнуть их предстоит какому-то другому брату». Я был ранее знаком с Мохсеном Таркашвандом, который занял эту должность после Эйнали, и мы с ним часто общались по душам. Я настроился на его частоту и сказал по рации: «Хадж Мохсен, что такое? Что за шум ты поднял? Здесь конфетки и леденцы не раздают». Он ответил: «Хадж Мирза, потерпи, и твоя очередь придет».

Мы оба знали, каково там, но, будучи товарищами, хотели приободрить друг друга. Хотя, честно говоря, он был прав.

12 января я должен был отправить на смену батальону «Гасем эбн оль-Хасан» роту под командованием Ираджа Зафари, а две других роты оставались в резерве. Хадж Хосейн Кийани, заместитель командира батальона, настаивал, что сам пойдет с ротой Зафари, а я оставался с двумя резервными ротами.

Я согласился, и было решено, что с ними пойдут Аббас Малмир, второй заместитель командира батальона, и шейх Саадат, духовник нашего батальона. Перед отправкой какой-то старик с белой бородой, крепкий на вид, обошел наш гарнизон в Абадане с большим знаменем в руках, читая нараспев военные стихи и внушая энтузиазм бойцам, а затем отправился в другой батальон. Его лицо показалось мне до боли знакомым. Его возгласы «Лаббайк, йа Хусайн» напомнили мне о поездке в хадж в 1985 году, где этот грозный на вид старик с воодушевлением произносил имена Имамов.

Громогласный возглас «Йа Абольфазль!», который издал старик, привел в восторг басиджей, сидевших в кузове грузовика «Майлер». Когда грузовик тронулся, они даже стали произносить зикр и ритмично бить себя по груди.

Басиджи с красными и зелеными повязками на касках махали мне руками, а я ехал за ними вплоть до тактического штаба дивизии.

Наступила темная ночь, начал накрапывать дождь, вслед за которым пришел промозглый холод, который пробирал до костей даже нас, хотя мы сидели в крытом командирском блиндаже. Бойцы ехали в кузове с крытым верхом, однако дождь усилился, и они приехали на линию уже все мокрые.

Хадж Хосейн Кийани, сидевший в кузове грузовика, в пути пару раз связывался со мной и докладывал обстановку. Хотя он до сих пор не добрался до линии, иногда его голос заглушали жуткие звуки взрывов.

В ту ночь каждый раз, выходя на связь, он обращался ко мне «Баба-бозорг<sup>1</sup>». За час до того, как они должны были доехать до насыпи, связь с ним прервалась. Когда связь удалось восстановить, они шли под дождем, иногда переходя на бег, пока не добрались до огневой позиции, то есть до занятой нами насыпи на канале рыбоводческого хозяйства.

Состояние роты «Мученик Бахонар» было аналогично состоянию батальона «Гасем эбн оль-Хасан». Им нужно было сидеть под вражеским огнем до наступления утра, а потом снова противостоять атакам. Примерно в полночь Аббас Малмир сообщил по рации: «Хадж Хосейн Кийани отправился к Хасанморату Абурузану».

Во время войны я научился ждать трагической новости каждую минуту. В частности, я был уверен, что

---

<sup>1</sup> Дедушка (перс.) (прим. пер.).

такие, как хадж Хосейн Кийани, не могут умереть от болезни и Господь не преопределил им иной судьбы, кроме героической смерти.

Тем не менее я негодовал, в горле у меня будто застрял ком. Перед моими глазами стояло его симпатичное лицо, в ушах звучал его дружелюбный голос.

Я связался по рации с командиром дивизии и сказал: «Мой заместитель хадж Хосейн и еще несколько ребят погибли. Как было сообщено ранее, я хочу отправить на левый фланг канала еще две свои роты».

Командир дивизии той же ночью отправил Саида Бадами, командира инженерного батальона, чтобы он вывел на передовую две наши роты, потому что он, похоже, знал дорогу.

Маршрут представлял собой недавно проложенную по Рыбному озеру грунтовую дорогу. Бадами выехал вперед на кроссовом мотоцикле, я ехал за ним на «Тойоте», а за нами двигались шесть грузовиков «Майлер», битком набитые бойцами.

Дорога была мягкой от влаги и грязи, грузовики ехали по ней с трудом, и я боялся, что в пути может случиться нештатная ситуация вроде застрявшего в грязи две ночи назад грузовика хадж Хосейна Кийани. Тем не менее, хотя справа и слева от нас простирались вода и болота, а дорога под нами раскисла, мы не застряли в жиге, однако поехали не туда и были вынуждены остановиться в каком-то месте рядом с устьем канала, напоминавшим разинутую пасть.

Издали слышались голоса. Это в темноте нам кричали свои, откуда-то с линии: «Возвращайтесь». Мы были на виду у врага, но, вероятно, темнота и сумятица помешали им подбить шесть остановившихся на дороге грузовиков из танков или гранатометов.

Даже я на «Тойоте» с трудом развернулся, но когда ночью на узкой дороге, да еще прямо под носом у врага,

развернулись все шестеро железных гигантов – это было не иначе, как по милости Божьей.

Я вышел из машины и закричал: «Разворачивайтесь. Поворачивайте назад». Но я и сам не знал, как это сделать. Водители газовали и потихоньку сдавали то вперед, то назад. Мне не верилось, но в нашу сторону не прилетело ни одной пули из автомата Калашникова. Я ничего не мог сделать и лишь стоял на обочине дороги, словно сирота, и мои глаза наполнялись слезами.

Я ходил и раздраженно говорил водителям: «Ради Аллаха, поторапливайтесь. Поворачивайте назад». В какой-то момент я почувствовал, что водители тоже напуганы и растеряны, а потому только буксуют почем зря. Я всем сердцем обратился за помощью к Аллаху и попросил его о помощи.

Клянусь всеми святыми, ситуация разом изменилась. Грузовики развернулись и поехали туда, куда должны были ехать, ко второму мосту на канале, причем по ним не было выпущено ни одной пули.

\*\*\*

Нас отделяла от врага рытвина шириной в пять или шесть метров, образовавшаяся от взрыва. На канале рыбобоводческого хозяйства мы находились в такой близости от врага, что слышали голоса иракцев, которые громко переговаривались между собой. Если бы та рытвина не была заполнена водой, то мы могли бы пройти несколько шагов и попасть в окопы друг друга. Земля была повсюду изрыта взрывами, напоминая вспаханное поле. Воздух пропитался резким запахом пороха. Все вокруг пахло павшими, Хасанморадом Аbruзаном и хадж Хосейном Кийани, Хейдаром Сохраби и хадж Алиморадом Сольги.

Если кто-то высовывал голову из окопа, сразу же раздавались хлопки выстрелов снайперских винтовок и кто-нибудь обязательно падал на землю. Поэтому ребята на

наблюдательных пунктах вставляли в пластмассовые трубки зеркало, чтобы на протяжении дня отсматривать все передвижения как в перископ, без необходимости высовываться из-за насыпи; вскоре большая часть этих трубок покрылась дырками из-за взрывов вражеских гранат и пришла в негодность.

У нас в батальоне было несколько тюркоязычных басиджей, которые сидели в соседнем со мной окопе и очень громко разговаривали. Иногда иракцы громким голосом отвечали им на арабском, и я прыскал со смеху, поражаясь тому, что за странный у нас был фронт.

Когда вражеский огонь ненадолго затихал, мы ходили в окоп ребят-тюрков и говорили в шутку: «Вы говорите по-тюркски, они – по-арабски. Вы там между собой договариваетесь друг в друга не стрелять, что ли?!».

На левой стороне канала рыбоводческого хозяйства расстояние между нашими и вражескими позициями было больше, и бои носили более ожесточенный характер. Мы разместили большую часть бойцов там и ожидали наступления врага, но его все не было. В ту ночь мы тоже не проводили никакой операции. Война тут заключалась лишь в ведении огня, но огонь был такой, что любой, кто пытался перейти с места на место, тут же прижимался к земле, мы потеряли много убитыми и ранеными. Следующей ночью пришлось заменить нас другим батальоном, а мы вернулись в тыл. Нам нужно было пару дней отдохнуть в тылу и восстановить силы, а потом отправиться на другой участок фронта под названием Пятиугольник, на западной стороне канала. Пятиугольник представлял собой место с многочисленными укреплениями и насыпями, которое возвышалось посреди района операции «Кербела-5» и сильно отличалось от канала рыбоводческого хозяйства своим рельефом и разнообразными насыпями. Чтобы не потеряться на Пятиугольнике, нужно было хорошо знать его терри-



торию, но даже у бойцов разведывательно-оперативного подразделения не было ни малейшей возможности провести разведку. Разве что перед отправкой каждого батальона на новый рубеж его командир с двумя или тремя ребятами из разведки просматривал район от насыпи до линии фронта на Пятиугольнике и возвращался обратно, чтобы провести инструктаж командиров рот и взводов.

Однако у меня не было возможности получить даже такое поверхностное знакомство с районом операции, чтобы проинструктировать других командиров.

Ночью 18 января мы повели на линию все три роты. На этот раз мы не перепутали дорогу. Бойцы, двигаясь под вражеским огнем, перебежками добирались до насыпи на передовой линии. Огонь здесь был куда сильнее, чем на канале рыбоводческого хозяйства, вести бой было сложнее. На какую бы впадинку или ложбинку мы ни наступали, земля всюду была мягкая. На ней лежали горы трупов, и нам даже приходилось идти прямо по ним. Наши убитые и иракцы лежали вперемешку, а иногда прямо друг на друге. Это означало, что до сих пор не было возможности вывезти тела погибших в прошлые ночи. На машине мы не решались подъехать к линии даже на километр. Часть пути мы проехали на бронетранспортере, а оставшуюся часть – бежали. Некоторые еще по пути на линию падали, словно опавшие листья.

Мохаммад-Хосейн Махджуб, начальник контрразведки дивизии, в самые тяжелые и кровопролитные моменты боев оставлял свои дела и приезжал в наш батальон. Он был из Нахаванда, вырос в религиозной семье с хорошей родословной и считался одним из высококвалифицированных сотрудников дивизии. Однако в этих случаях он находился рядом с нами в качестве простого бойца и снайпера. Махджуб<sup>1</sup>, оправдывая свою фами-

---

<sup>1</sup> Махджуб (перс.) – стеснительный, робкий (прим. пер.).

лию, и в самом деле был стеснительным. Однако при всей своей скромности и смиренности он всегда ходил и бегал ровень со мной. Когда начинались обстрелы, я говорил: «Ребята, ложитесь», – и сам, как солдат, был послушнее других и ложился быстрее всех.

Мы расположились на насыпи, но безостановочный огонь не давал мне распределить ребят по линии и руководить их действиями.

Кто-то из басиджей спросил:

– Хадж Мирза, как называется это место?

Я сказал:

– Шаламче.

У него было хорошее настроение. Возраста он был еще совсем юного. Вокруг повсюду лежали трупы. Он показал на них и сказал:

– Я думаю, это Каламче, потому что, кто бы сюда ни попал, его поломали, как калам<sup>1</sup>.

Тогда, под вражеским огнем, слышать эти слова, исходившие от спокойного сердца, дорогого стоило.

Я сказал:

– Теперь вырой себе ямку штыком или чем-нибудь еще, что у тебя под рукой, чтобы и тебя не поломало, как калам.

Танков впереди не было. Но иракцы стреляли по нашему брустверу из близлежащего редута из зениток, четырехствольных и двухствольных орудий, пулеметов и гранатометов. Над насыпью все время были видны красные линии выстрелов.

Хадж Саид Эсламийан с его вечно улыбчивым лицом, будучи командиром направления, сидел в своем углу. Он хорошо доложил мне обстановку, которая сводилась к следующему: «Здесь намного важнее вести бои и укрепиться, чем на трассе Фао – Умм-Каср. По ночам стреляют, а днем стреляют и наносят контрудары».

---

<sup>1</sup> Калам – тростниковое перо (прим. пер.).

Эсламийан также отвечал за инструктаж и руководство соседними батальонами, а потому ушел. Я, командир роты Аббас Малмир и Мохаммад-Хосейн Махджуб снова пару раз обошли под вражеским огнем насыпь по всей ее длине. Все вконец вымотались от падавших мин и снарядов и беспрестанной стрельбы очередями и ожидали, когда огонь стихнет и взойдет солнце.

В полночь Мохаммад-Хосейн Махджуб спросил:

– Хадж Мирза, ты не хочешь вздремнуть?

От усталости мне было трудно даже поднять глаза. Я сказал:

– Да. Я посплю, но разбуди меня через час.

Насыпь повсюду была одинаковая, если не считать одного канала, который казался нам надежным укрытием. Кроме меня, там лежали друг за другом десять человек, из которых трое были моими радистами.

Махджуб смотрел на меня. Я снял с головы железную каску и лег рядом со всеми. Махджуб с присущим ему благородством и тактом снова подошел ко мне и сказал:

– Хадж-ага, прошу вас, не снимайте каску.

Я опять надел каску. Он пришел, лег рядом со мной, но не стал спать.

Стужа и звуки взрывов не давали мне уснуть, но несколько лежавших рядом ребят уже храпели. Махджуб куда-то ушел и вернулся с одеялом, которым укрыл меня и еще одного парня. Мы уснули. На голове у меня все еще была железная каска.

Где-то через полчаса или около того, когда мои веки уже согрелись и меня окутывал сон, мне на голову будто бы свалился с неба метеорит. Меня оторвало от земли и завертело в воздухе, после чего я ударился о землю лицом. Все мое тело трясло от дрожи, небо над головой кружилось. Рядом с нами взорвалась трехметровая ракета «катюши». Некоторые из ребят барахтались возле меня, словно курицы.

Каска упала у меня с головы. Эта каска, которую Махджуб буквально заставил меня надеть, была пробита осколком ракеты, но не позволила вышибить мне мозги. Меня лишь контузило взрывной волной. Я не мог смотреть в сторону, и в глазах у меня все плыло. По голосу Махджуба я понял, что его тоже контузило, но его состояние все же было получше. Несколько человек взяли меня под руки и посадили где-то в углу. Меня вдруг начало тошнить и вырвало. Голова раскалывалась от боли, в висках стучало. Я был не в себе. Аббас Малмир подошел ко мне и сказал:

– Хаджи, тебе нельзя оставаться в таком состоянии на линии, возвращайся в тыл.

Я не хотел ехать в тыл. Малмир начал настаивать, что я не могу оставаться на передовой. Я закричал на него, и он был вынужден отвезти в тыл нескольких других раненых.

Утренний намаз я прочитал в таком же состоянии, преодолевая рвоту и головную боль, даже не обратив внимания, повернулся ли я в сторону киблы или нет.

Было еще темно, когда я увидел, как пришел кто-то в белой чалме. Он подошел ближе, и я понял, что это Аббас Малмир. Ему перевязали голову в пункте неотложной помощи, и мне показалось, что это был шейх Саадат. Его борода была вся в запекшейся крови и земле, лицо тоже было красным от крови. Тем не менее он держался весело и бодро.

– Что с ранеными? – спросил я.

Он сказал:

– Я отвез их в неотложку, но трое по дороге погибли<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Аббас Малмир: «Я посадил в “Тойоту” тринадцать раненых. Мы еще не успели отъехать от насыпи, как перед нами рванула мина. Меня ранило осколком в лицо. Трое раненых погибли на месте, а у “Тойоты” спустили шины.

Я проехал еще какое-то расстояние на “Тойоте” на голых дисках, добравшись до тройной развилки Имама Резы, а там

С восходом солнца возобновились атаки иракцев. Те бойцы, которые уже были на ногах, отражали атаки, находясь за бруствером. Танки, двигаясь вперед плотными рядами, стреляли в упор по нашим позициям.

Иногда у меня начинала кружиться голова, я падал, и радисты снова поднимали меня под руки. Мне не хотелось, чтобы мое состояние и неспособность сохранять равновесие отрицательно повлияли на боевой дух ребят батальона.

Когда Аббас Малмир ездил в тыл, он сказал Абдольхосейну Банадери, начальнику штаба дивизии: «Сольги контузило. Он ранен». Командир дивизии и начальник штаба несколько раз повторили: «Сольги, передай батальон Малмиру, поезжай в тыл». Я не согласился и остался.

В том тяжелом бою пространство за насыпью заполнилось погибшими и ранеными бойцами батальона «Хазрат-е Абольфазль». Повсюду пахло кровью. Танки горели, и ветер нес клубившийся вокруг них дым в нашу сторону. Атака была отражена, но некому было даже перевязать раненых. Один я более-менее стоял на ногах, да и то корчился от боли из-за своей контузии.

Когда всё успокоилось, я по радиации доложил командованию, что произошло на Пятиугольнике. Они пообещали мне, что вскоре нам на помощь прибудет 57-я бригада «Хазрат-е Абольфазль» из Лурестана.

Ближе к полудню колонна бойцов 57-й бригады подъезжала к насыпи, а самолеты бомбили нашу линию от края до края. Один самолет был подбит из нашей зенитки и упал. В течение нескольких минут насыпи не

---

нас должны были на машине скорой помощи отвезти в пункт неотложной медицинской помощи. Водитель скорой был ранен и стонал от боли. Я сел на его место, но из-за кровотечения руки у меня перемазались в крови, руль стал скользить, а рубашка на мне вся намочла.

В неотложке мне перебинтовали лицо, и я стал похож на шейха. Когда я вернулся на линию, хадж Мирза меня не узнал» (Интервью с Аббасом Малмиром. Мешхед. 26.01.2014).

было видно. Она затерялась среди черных и серых клубов дыма от взрывов бомб. В какой-то момент я услышал голос своего брата Шир-Мохаммада, который кричал: «Хадж Мирза погиб! Хадж Мирза погиб!».

Увидев, что я стою на ногах, он подошел, провел рукой по моему лицу и голове, обрадовавшись, но я отвесил ему крепкую оплеуху прямо по уху. Раненые смотрели на меня, а Шир-Мохаммад не сказал ни слова и ушел за насыпь.

Хотя 57-я бригада «Хазрат-е Абольфазль» понесла потери, они все же сменили нас. У нас не оставалось никого, кто мог бы воевать.

Раненые утром сами ушли в тыл. Четверых или пятерых раненых, лежавших на земле, забрала «Тойота». Пятнадцать бойцов, которые вроде бы еще держались на ногах, положили меня в другую «Тойоту», и мы поехали в тыл. Эти ребята, которые сидели вокруг меня, были оставшимися бойцами нашего батальона<sup>1</sup>.

Когда мы добрались до того места, где начиналась дорога на Шаламче и располагался гарнизон батальона, я не пошел в пункт неотложной помощи, а решил остаться с другими ребятами.

Закат был очаровательным. Вместе с Аббасом Малмиром и Мохаммад-Хосейном Махджем, которые оба получили ранения, мы решили подготовить оставшихся бойцов и раненых, которые еще могли воевать, к следующему этапу операции<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> За тринадцать дней тяжелых боев на трассе Фао – Умм-Каср мы потеряли убитыми и ранеными меньше, чем за один день боев в Шаламче. Все, кого я знал, погибли смертью героев или были ранены (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> Аббас Малмир: «Батальон “Хазрат-е Абольфазль” во время операции «Вальфаджр-5» стал известен как “батальон восьмидесяти”, но на этот раз он стал “батальоном тридцати» (Интервью с Аббасом Малмиром. Мешхед. 26.01.2014).

\* \* \*

Пальмовые рощи в Нахр-Джасим были третьим направлением, на котором оставшиеся бойцы дивизии «Ансар оль-Хосейн» воевали еще с ночи 18 января. Говорили, что любой батальон, который атаковал врага на реке Нахр-Джасим, возвращался уже ротой.

Мы шли из блиндажа командира дивизии в военном городке Дуайджи вместе с Моталлебом Гейсари. Ему предстояло выехать в Нахр-Джасим раньше нас. Ранее он был ротным командиром в батальоне «Хазрат-е Аболь-фазль», а теперь командовал батальоном. Мы были так откровенны с ним, что он втайне от своих бойцов закурил сигарету. Хотя я не одобрял курения на фронте, Гейсари поступал по-своему и иногда остроумно парировал мои упреки в свой адрес.

Он сидел рядом со мной. У меня от контузии голова казалась тяжелой, словно гора. Он делал затяжку за затяжкой, и я сказал:

– Моталлеб, ты даже курить не умеешь. Как ты стал командиром батальона?! Ты же вместо сигареты соломинкой какой-то дымишь!

Моталлеб не растерялся и ответил напрямик на лурском наречии:

– Так же, как ты стал командиром батальона со своей треугольной башкой, стриженной под бокс!

Я сказал:

– Там будет не то, что здесь. Ты собираешься атаковать рубеж, где иракцы тебе все легкие порохом дымом заполняют. И тебе не придется больше дымить этой соломинкой.

Он сразу же затушил сигарету и заговорил серьезным тоном:

– Я тебе раньше уже говорил, сколько мне трудностей пришлось пережить с самого детства. Я здесь хочу получить свою награду сполна. Как Омиди, Аbruзан,

хадж Хосейн, хадж Хейдар Сохраби и другие наши друзья, – и добавил: – Хадж Мирза, на этот раз ты поедешь в Нахаванд без меня<sup>1</sup>.

Моталлеб был талантливым и блестящим командиром, которого все знали не только благодаря его чувству юмора и правдолюбию, но и острому уму и выносливости. В его словах и поступках не было ни капли показухи. Душа его была чистой и незамутненной, словно зеркало, которого не коснулась копоть мирского.

Во время прощания я обнял его и сказал:

– Моталлеб, Аллах свидетель, ты в этом мире посторонний. Передавай от меня привет погибшим и не забывай меня.

Я уже много раз переживал момент последней встречи с кем-либо из ребят. С каждым прощанием я будто бы умирал и чувствовал себя так, словно у меня из тела душу вырвали.

Моталлеб ушел со своими ребятами на линию. Мы были на связи, пока они не вступили в ожесточенный бой с танками. Он воевал в таком месте, где ему нужно было заполнить разрыв линии фронта, чтобы соединить два наших подразделения, а враг всеми силами старался не допустить подобного соединения.

Из сообщений, которые мы получали, следовало, что они продвинулись вперед, а враг отступил. Целый час связи не было. Я подумал: «Ах если бы я со своими не-

---

<sup>1</sup> Когда он был командиром роты, каждый раз, когда я собирался ехать в отпуск, он выезжал вместе со мной. Безо всякого разрешения. Иногда черед его отпуска даже не наступал. Некоторые кадровые сотрудники возмущались: «Почему всякий раз, когда вы едете в Нахаванд, забираете с собой Моталлеба?».

Садясь в машину, он от Дизфуля до Нахаванда рассказывал истории из своего детства, как он потерял отца, как мама растила его, занимаясь ковром и сельским трудом, как он стал учеником мастера по изготовлению мозаики, как начал курить, о своей семье, жене и детях (прим. авт.).



многими бойцами был сейчас рядом с ним». Несколько раз я выходил на связь с его радистом. В конце концов он ответил мне, и я сказал:

– Дай трубку Моталлебу.

Радист сказал:

– Он лежит в двадцати метрах впереди от нас. Мы отступили назад, и он остался между нами и иракцами.

Меня не потрясла новость о его гибели, но мне хотелось узнать, при каких обстоятельствах он погиб в ту ночь.

На следующее утро курьеры принесли более точные сведения о том, что первым погиб замкомандира батальона Маджид Разии, потом Моталлеб Гейсари получил ранение, а поскольку он был рядом с иракцами, его не смогли забрать с поля боя, он остался там и погиб.

Настала очередь нас и еще одной роты, оставшейся от батальона «Мослем эбн Агиль», отправляться в то место. Начальник планоно-оперативного подразделения сказал:

– Линия удерживается ребятами из дивизии «Аль-Мехди». Перед отправкой мы можем посмотреть на нее вблизи и провести разведку.

С нами пошел молодой ротный командир из батальона «Мослем эбн Агиль» по фамилии Эслами. Я взял с собой Шамсоллу Шахбази. После ранения Ираджа Зафари на первом этапе операции он был назначен командиром роты. Огонь на всем пути нашего движения к линии был такой сильный, что я подумал: «О Аллах! Как бойцы пройдут через этот огонь к линии?». До того дня я не видел, чтобы тела павших лежали на земле так далеко от линии, по дороге на передовую. Было ясно, что на всем участке фронта на реке Нахр-Джасим – от городка Ду-айджи и на расстоянии трех километров от него – было, как на передовой. Река Нахр-Джасим была ответвлением Арвандруда и текла в направлении канала рыбоводче-

ского хозяйства. Хотя река имела в ширину не более двух или трех метров, при переправе через нее погибли сотни людей.

Мы вышли к бетонному редуту, стоявшему перед Нахр-Джасим, на переднем крае оборонительной линии. Вдоль берега Арвандруда параллельно Нахр-Джасим протянулась высокая насыпь. Рядом с редутом проходил бетонированный канал глубиной в метр и длиной в три километра, в котором сидели бойцы, чтобы обезопасить себя от огня вертолетов, снабженных пушками. Ракеты вертолетов разрушили этот канал в разных местах и не позволяли никому высунуть голову из панциря.

Саид Эсламийан отвечал за участок фронта в этом месте. Смотрю, а его одежда от пота и толстого слоя прилипшей к нему пыли высохла и задубела. Даже если бы кто-нибудь попытался забить в нее гвоздь, продырявить ее никак не получилось бы. Как только его взгляд упал на меня, он сказал:

– Улыбнись, боец.

Среди огня и крови улыбаться был способен только он один. Он никогда не хмурился. Все знали Саида по его неизменной улыбке. Но на этот раз улыбка, а точнее спокойствие, буквально струилось из его сердца, которое переполнял свет духовного знания.

Я спросил:

– Саид, где наше место?

Он приложил руку к груди и сказал:

– Здесь.

– Саид-джан, нам нужно пройти инструктаж и вернуться, чтобы привести сюда своих бойцов. Где наши позиции? – настаивал я.

Он встал и сказал:

– Идите за мной.

Господь свидетель, мы ходили по каналу, наклонив головы, а он шел по нему, выпрямившись во весь рост.

Мы дошли до конца редута, где перед нами раскинулась пальмовая роща, точнее, оставшаяся от нее узкая полоска. Хадж Саид сказал:

– Иракцы срубили пальмы, чтобы проехать на танках и обойти редут. Мы будем вести оборону за невысоким бруствером, но должны выбить иракцев из этой рощи...

Шамсолла Шахбази и Эслами остались прямо там, в одном из окопов, а мы с хадж Саидом пошли дальше на разведку, пока за пальмами не показались грубые и угловатые морды иракских танков, стоявшие у береговой полосы. Хадж Саид сказал:

– Эти танки вышли из строя. Ребята из дивизии «Аль-Махди» несколько раз пытались их перегнать, но им не удалось.

Я спросил:

– Где лежит тело Моталлеба Гейсари?

Саид показал пальцем в другой конец пальмовой рощи и сказал:

– Вон там.

Мы вернулись назад. Саид Эсламийан пошел в сторону редута, а я стал искать окоп, в котором меня ждали Шамсолла Шахбази и Эслами. Я еще не переправил своих бойцов на передовую, и эта невысокая насыпь, соединенная с редутом на реке Джасим, находилась в руках бойцов дивизии «Аль-Махди» из провинции Фарс, которые не знали Шамсоллу Шахбази и Эслами. Возможно, сказывалась моя контузия, но я не помнил, в каком окопе спрятались те двое.

Отчаявшись, я уже возвращался в тыл, чтобы переправить бойцов из Дуайджи на передовую, как вдруг совершенно случайно увидел их. Я подошел к окопу, и между нами упала 60-миллиметровая мина. Эслами погиб сразу. Шахбази заполз в окоп и прислонился к стенке. Дрожанием, отрывистым голосом он стал нашептывать слова свидетельства веры, но быстро замолчал и застыл. Я по-

трогал его. На его лице и теле не было никаких признаков кровотечения или ран. Я расстегнул пуговицы его рубашки. В сердце ему вошел маленький осколок, размером с горошину, и из отверстия не вытекло ни капли крови.

С помощью бойцов дивизии «Аль-Махди» мы положили их обоих в кузов машины и отвезли в городок Дуайджи. Я вернулся в гарнизон батальона, чтобы повести ребят на передовую.

Ребята спросили:

– Что с Шамсоллой?

– Я оставил его на передовой, – ответил я.

Зная, что ребята к нему очень привязаны и его смерть не пройдет для них бесследно, я не стал говорить им правду.

После захода солнца мы с Малмиром и Махджубом отвели ребят к Нахр-Джасим. На всем протяжении пути из городка Дуайджи до линии несколько человек погибли от осколочных ранений под артиллерийским и минометным огнем врага. Мы складывали тела убитых рядом с ранеными, чтобы ребята из санитарной части приехали и забрали их в Дуайджи.

Мы расположились за той самой невысокой насыпью перед пальмовой рощей. Со всех трех сторон – спереди, то есть со стороны пальмовой рощи, слева, то есть с Арвандруда и острова Умм ат-Тавиль, и справа, то есть с канала рыбоводческого хозяйства.

Все прибывшие в ту ночь на линию психологически приготовились принять смерть. Те немногие, кто устал после второго этапа операции или уехал от нас, знали, что в Нахр-Джасим их ожидал конец.

Справа от нас, посреди недостроенной насыпи, стояли несколько погрузчиков и бульдозеров. Я слышал от ребят из инженерного батальона, что ни один погрузчик и бульдозер, отправленный на линию, не вернулся назад.

В непроглядной тьме новоприбывшие бойцы постоянно наступали на раненых, которые оставались лежать

на земле, отчего те громко стонали. От резкого запаха пороха и химических газов меня вырвало. Меня мучили головная боль и тошнота. Я едва передвигал ноги. Мне пришлось остаться там, а Махджуб повел бойцов в бой, чтобы потеснить иракцев к пальмовой роще.

Я стоял рядом с двумя своими радистами и сказал им обоим, чтобы они не докладывали обстановку в тыл. Сделать я ничего не мог. Мне лишь оставалось смотреть на ребят, которые растворялись в темноте ночи, пока я не потерял сознание от сильнейшей боли.

В полночь я очнулся от звуков взрывов. Мне показалось, настал день, потому что всюду было светло. Но это был не день. Танки шли вперед с правой стороны пальмовой рощи, включив свои прожектора. Звуки гранатометов и прямых ударов из танковых орудий говорили о том, что шел бой между нашей пехотой и вражескими танками.

Я с трудом поднялся и с помощью Гиясванда – одного из моих радистов – пошел в сторону рощи. Ребята окопались среди горок и впадин в пальмовой роще и вели оттуда стрельбу. Я увидел шейха Саадата, которому оторвало ногу, и двое других бойцов волочили его по земле, вытаскивая в тыл.

Перед рассветом Мохаммад-Хосейн Махджуб получил пулевое ранение в грудь и упал. В ту ночь погибли Заманийан, Ходарахми и большинство ребят, а их тела остались лежать на земле рядом с Моталлебом Гейсари и убитыми из батальона «Хабиб эбн Мозахер».

По приблизительным подсчетам, в ту ночь враг понес несколько раз большие потери. Поскольку соседние части не пришли, соединения сил не произошло, и разрыв между правым и левым участками фронта сохранялся.

\*\*\*

Нахаванд погрузился в траур. Я уже поправлялся и мог ходить, но в душе меня терзала такая тоска, что

мне было стыдно даже посещать семьи погибших, чтобы выражать им свои соболезнования. В моей семье тоже все носили траур. Мой тесть погиб во время бомбежки, а мой шестимесячный сын Хосейн получил травму головы от взрывной волны и осколков разбившегося стекла. Беспомощность и несчастный вид моей жены вызывали у меня вспышки негодования. Я не мог на нее смотреть. Когда-то мне казалось, что под этим голубым небом нет более любящего человека, чем я, а теперь эта любовь превратилась в тревогу.

Вдобавок ко всей этой тревоге и беспокойству мне сообщили, что мой второй двоюродный брат погиб в Шаламче, однако из-за предстоящего приезда в Нахаванд командира дивизии я не мог поехать в Тегеран, чтобы принять участие в похоронах брата.

Когда хадж Мехди Кийани, командир дивизии, прибыл в Нахаванд, я немного пришел в себя. Вместе с ним мы посетили дома многих погибших. Не было ни одного дома, где бы я не вспомнил что-нибудь о павшем герое. Но я молчал, а хадж Мехди говорил о ценности выполненной ребятами задачи и влиянии операции «Кербела-5» на обеспечение перелома в войне.

Семьи павших по большей части держались с достоинством и терпением, рассматривая гибель своих детей как испытание от Аллаха.

Командир дивизии вернулся в Шаламче, а я оставался рядом со своей семьей, пока на землю не стали падать ракеты, выпускаемые иракским истребителем, и Нахаванд стал похож на линию фронта.

Люди привыкли к объявлениям тревоги по радио и вою сирен, когда надо было идти в бомбоубежища. Некоторые, когда загорались красные лампы и взывали сирены, шли не в подвалы или другие укрытия, а на чердаки. Однако ракеты не давали людям возможности ни

спуститься в подвал, ни подняться на чердак. Они прилетали неожиданно, словно молнии, вызывая страшные разрушения, словно землетрясение.

Через два дня я ездил на своей «Тойоте», когда из-за облаков показался самолет и пошел на снижение. Я остановился на обочине бульвара. Четыре бомбы упали в четырех разных местах. Я подошел к месту ближайшего взрыва. Это была средняя школа для девочек.

Директор школы со слезами повторяла: «У нас был экзамен второй трети. Вдруг началась паника. У девочек не было возможности спуститься в подземное бомбоубежище».

Бомба взорвалась рядом со стеной школы. Я посадил раненых в кузов «Тойоты» и отвез в больницу, а в это время по улицам разносились завывания сирен скорой помощи, повсюду лежали комья земли и клубился дым. Когда я вернулся домой, вся моя одежда была в крови. Я решил подготовить жену и детей к своему отъезду на фронт и сказал: «На фронте все точно так же. Разница с Нахавандом лишь в том, что здесь лишь нам достается, а там нам достается от врага и врагу достается от нас. Так где же лучше?». Дети своими невинными взглядами разговаривали со мной без слов, но супруга знала меня лучше, чем я сам. Она знала, что после гибели всех моих боевых товарищей я потерял покой и был немного не в себе. Она ничего не ответила, а я сказал:

– Хадж Саттар Эбрахими, командир батальона «Хазрат-е Али Асгар», погиб в Шаламче. Он и многие другие стали командирами батальонов позже меня, но Господь принял их. Знаешь, что хадж Саттар ездил со мной вместе в хадж?

– Знаю. – сказала она.

– Наверняка ты знаешь, что он несколько раз был ранен, но не покинул фронт?

– Знаю.

– Я наверняка говорил тебе, что у него было пятеро детей, как и у меня? – спросил я.

– Да. И это ты говорил.

– Так давай же помолимся друг за друга.

– Я уже помолилась.

Мое сердце успокоилось. Я подумал, что последняя преграда на моем пути к Аллаху отпала, и она довольна тем, чем доволен Аллах.

Когда я вернулся в Шаламче, я все время нашептывал что-то под нос и буквально летал.



## Глава 10

### С ОТОРВАННЫМИ НОГАМИ

Беспрестанные атаки и контратаки в районе Шаламче прекратились, и враг лишь подвергал всю территорию от линии до нашего тыла бомбардировке отравляющими веществами. При вздохе легкие сразу заполнял смертоносный горчичный газ и прочие химические вещества. Наша дивизия, которая перед операцией «Кербела-5» прибыла в Шаламче с десятью батальонами, обороняла линию на канале рыбоводческого хозяйства, имея всего лишь два батальона, собранных из остатков бойцов. С нами также была дивизия «Рухолла», состоявшая из бойцов Комитета Исламской революции.

В середине апреля 1987 года хадж Мехди Кийани, два года командовавший нашей дивизией, передал свой пост хадж Али Шадемани.

Хадж Али Шадемани знал меня еще с того времени, когда наше подразделение было только создано. Приступив к своим обязанностям, он сразу же представил меня к должности начальника участка фронта, а руководство батальоном «Хазрат-е Абольфазль» поручил хадж Мехди Зафари. Тот назначил заместителем командира батальона Алиморада Сольги.

Бойцов в батальоне не было. После набора новобранцев и боевой подготовки батальону нужно было готовиться к отправке на новый фронт в иракской му-

хафазе Сулеймания<sup>1</sup>, по другую сторону от пограничной заставы в Бане<sup>2</sup>.

Руководить сразу двумя линиями на юге и на северо-западе с совершенно разными климатическими условиями, да еще и имея дефицит бойцов, было нелегко. В Шаламче стояла жара выше 50 градусов, и в это же самое время в Бане и в иракском городе Мавут на вершинах все еще лежал снег.

Командир дивизии назначил своим заместителем Саида Эсламийана и отправил его вместе с Али Читсазийаном на северо-запад, чтобы предпринять следующий шаг для продолжения операции «Вальфаджр-10», а фронт в Шаламче целиком поручил мне.

Я был знаком с линией в Шаламче, каналом рыбководческого хозяйства и вражеским огнем в этой зоне. Поэтому с первого же дня я требовал от каждого бойца, который шел на линию, укрепить свой окоп. Иракцы поливали нас огнем, блиндажи горели или разрушались, а ребята быстро восстанавливали их.

Сейед Хамид Салеки, командир 40-й инженерной дивизии «Сахэб оз-Заман», был со мной в хороших отношениях. Мы оба были из Нахаванда. Благодаря той помощи, которую я от него получал, оборонительная линия на канале рыбководческого хозяйства стала практически неприступной.

С точки зрения огневой мощи наши силы все еще были неравны, на каждый наш выстрел приходилось десять выстрелов врага, однако бойцы Комитета революции из дивизии «Рухолла» иногда начинали спорить со мной, не понимая, почему мы ведем огонь с такой малой интенсивностью. Я объяснял им, что наши огневые сред-

---

<sup>1</sup> Сулеймания – мухафаза на севере Ирака с преимущественно курдским населением (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Бане – город на западе Ирана, в провинции Курдистан (*прим. пер.*).

ства и боеприпасы несопоставимы с вражескими и нам не следует терять бойцов в условиях обороны, находясь под артиллерийскими и минометными обстрелами со стороны врага.

Через два месяца хадж Али Шадемани направил мне сообщение с приказом передать участок фронта на канале рыбоводческого хозяйства заместителю и срочно явиться на пограничную заставу в Бане. Услышав об этом, я уже представлял себя рядом с ребятами батальона «Хазрат-е Абольфазль». Это было хорошее чувство, которое придавало мне жизненной энергии. Когда я выехал на северо-запад, мне сообщили, что хадж Алиморад Сольги, замкомандира батальона, и Мохаммад-Али Гапанури, командир одной из рот батальона, погибли в боях на территории иракского Курдистана, по ту сторону пограничной заставы.

Оба они были моими друзьями и боевыми товарищами. Гапанури я знал еще с 1981 года, со времени службы в штабе КСИР в Нахаванде. Когда я руководил внутренними делами в штабе КСИР, он работал в учебной части. Он был бесстрашным и смелым человеком.

Хадж Алиморад Сольги был моим однофамильцем, но мы не были родственниками. Он был из Хазалья под Нахавандом, где с первых же дней революции выполнял самые разные обязанности. Он руководил всеми делами этого района, пользуясь авторитетом в народе.

К хадж Алимораду шли даже за разрешением семейных споров. У него была удивительно чистая натура, не запятнанная никакими пороками. Он имел лишь начальное образование. Перед операцией «Кербела-5», присоединившись к нам, он написал подробное завещание с изложением всех вопросов, принес его ко мне и спросил: «Ну как?».

Я сказал: «Я только заранее знаю, что там полно орфографических ошибок. Конечно, я от тебя не сильно отличаюсь. Отнеси хадж Резе Заргяри, пусть подправит».

Благодаря этой душевной чистоте и наивности хадж Алиморад стал всеобщим любимцем у себя в Хазале. Когда он пришел в батальон, многие молодые люди из этого района присоединились к нам, чтобы быть на фронте вместе с ним.

По дороге с юга на северо-запад я заехал в Нахаванд. Я особо не задерживался и заскочил в штаб Корпуса. Там было много фотографий Имама Хомейни, напечатанных вместе с эмблемой батальона «Хазрат-е Абольфазль», и я захватил их с собой. Ирадж Зафари, который получил серьезное ранение во время операции «Кербела-5», сидел за рулем, и мы быстро доехали до штаба дивизии в Бане, где остались на обед и намаз. Командир дивизии – хадж Али Шадемани – находился чуть дальше, в лагере имени мученика Шокрипура.

Мы выехали из Бане и добрались до бурной речушки Чуман и нулевой точки на границе. Проехав по мосту Сейед ош-Шохада, я попросил у Аллаха, чтобы мне не приходилось больше слышать о гибели моих друзей и боевых товарищей. Я молча сидел рядом с Ираджем Зафари, но про себя молил Всевышнего: «О Аллах, помоги нам добиться результата на этом фронте».

Лагерь имени Шокрипура находился на крутом склоне высокой вершины, позволявшей контролировать шоссе. На зеленом фоне виднелись серые палатки басиджей, и нашу кожу ласкал весенний ветерок.

\*\*\*

Мы провели первое совещание с командиром дивизии и другими членами командования перед началом операции «Наср-4», где по карте ознакомились с освобожденными в ходе предыдущей операции «Вальфаджр-10» высотами. Как командир участка фронта я должен был пойти вместе с новым начальником планово-оперативного подразделения дивизии, хадж Мехди Роухани, на высоту под названи-

ем Барде-Хуш, чтобы провести рекогносцировку местности и принять участок. Я спросил о месте дислокации батальона «Хазрат-е Абольфазль», на что мне сказали, что он располагается у подножия Барде-Хуш. Мы сели в «Тойоту», Мехди Роухани был за рулем, я расположился посередине, а рядом со мной сел один из бойцов планово-оперативного подразделения по имени Халиль Элахитабар.

Я с самого начала поделился с ними своими чувствами и сказал, что очень соскучился по ребятам, вместе с которыми воевал так долго; я уже давно был в разлуке со своим батальоном и хотел бы увидеть их перед отправкой на линию фронта.

Мы поехали в расположение батальона в одном ущелье, куда особо не долетали артиллерийские мины. Даже если бы нас там ждал шквальный минометный огонь, я все равно предпочел бы находиться рядом с батальоном «Хазрат-е Абольфазль».

После операции «Кербела-5» в батальон влились молодые и свежие бойцы из числа новобранцев, над которыми стояло небольшое количество старых кадров, имевших опыт участия в операциях, а потому руководивших ротами и взводами. Я поцеловал каждого из них по очереди и подарил каждому фотографию Достопочтенного Имама. Тем не менее я остро ощутил, как не хватает хадж Алиморада Сольги и Мохаммад-Али Гапанури.

Я не мог оторваться от ребят, от того, чтобы просто смотреть на них и беседовать с ними. Подобных ощущений у меня не было даже дома, в семье. Но Мехди Роухани сказал, что надо быстрее ехать, чтобы до наступления тьмы рассмотреть местность из наблюдательного пункта. Командир дивизии сказал нам, чтобы мы рассмотрели местность, как «покупатель рассматривает товар», и это выражение – «смотреть как покупатель» – стало для нас особым словечком, которое означало, что время операции было уже близко.

Мы вернулись обратно и поднялись на «Тойоте» на вершину, доехав до того места, откуда уже нельзя было дальше проехать на транспорте, а потом пошли пешком к самой вершине горы Барде-Хуш.

Роухани припарковал машину у стенки, которая одной стороной смотрела на гору, а другой – на ущелье. Тяжело дыша, мы шли по крутому склону к вершине. Сверху нам открывалась вся картина окружающей местности. Время от времени рядом с окопами взрывались мины, иногда совсем близко. Тем не менее все выглядело нормально.

Мехди Роухани перечислил названия представших нашему взгляду высот: Эспидар, Гашан, Шушу, Рот, Дарбан, Хазарканийан и Гаму.

Эти скалистые горные вершины, вытянувшиеся к небу и стоявшие бок о бок, образовывали полукруг, напомилавший по форме полумесяц, который находился в руках врага, и мы вгрызлись в самую его середину, заняв Барде-Хуш. Все эти высоты господствовали над Барде-Хуш и давали врагу преимущество перед нами. Впереди, за Барде-Хуш, находилось несколько низких пиков, которые нам предстояло занять во время следующей операции. Эти высоты назывались Сепех-Сабз, Догалу и Тапе-Кечеле.

После предварительной рекогносцировки мы вернулись к месту, где был припаркован наш автомобиль, и спустились с горы на шоссе. Мехди Роухани сунул руку в карман, чтобы достать ключ от машины, но понял, что оставил его на наблюдательном пункте.

Мы втроем стояли на дороге, когда у нас над головой засвистела мина, которая пронеслась над обочиной и взорвалась на дне ущелья. Меньше чем через минуту еще ближе к нам упала вторая мина. Было понятно, что вражеский наводчик определил наши координаты и пристреливает цель, с каждым разом нанося все более точ-

ные удары. Третья мина даже не дала нам возможности лечь на дороге. Ее свист пробуравил мои уши до самых перепонок, так что я уже ничего не понимал<sup>1</sup>.

Кто-то стоял надо мной и тряс меня. Сначала я подумал, что нахожусь в окружении павших героев в Царствии Божиим. Когда пыль осела, я увидел, что лежу на земле. Я начал стонать и призывать всех святых. Вдруг кто-то сказал: «Хадж Мирза, это я, Аббас».

Солнце слепило мне глаза, не давая разглядеть, чей это голос. Аббас Малмир, заместитель командира батальона «Хазрат-е Абольфазль», приехал на «Тойоте» из расположения батальона на место взрыва. От взрыва мне отшибло память, и я ничего не помнил о случившемся. Я даже не видел, что мне оторвало ноги. Больше всего меня беспокоила боль от осколочного ранения в грудь, и, наконец, я потерял сознание.

---

<sup>1</sup> Халиль Элахитабар: «Это был один из тех дней, когда ты чувствуешь: что-то должно произойти. Ключи от машины остались на вершине горы. Мы втроем находились на грунтовой дороге рядом с «Тойотой», когда в 150 метрах от нас взорвались пара мин. Хадж Мехди Роухани стоял ближе к машине, я был рядом с ним, а хадж Мирза находился чуть дальше, метрах в десяти от нас. Третья мина взорвалась у него прямо под ногами. Примерно с минуту ничего не было видно. Все вокруг – осколки, камни, пыль и земля – смешалось в вихре взрывной волны.

Мне показалось, что все кончено. Я пошевелился. Руки, ноги и лицо были испещрены множеством мелких и крупных осколков. Однако я мог двигаться. Господина Роухани тоже ранило, но он мог ходить. Хадж Мирза лежал на дороге и не шевелился. Я подошел к нему. Правая нога чуть ниже колена была полностью оторвана, а левая буквально висела на коже. Он стонал и произносил молитвы. Я снял с себя шейный платок и перевязал им его левую ногу, чтобы остановить кровотечение. В тот момент меня больше всего мучило то, как хадж Мирза тосковал по боевым товарищам, когда мы ехали на линию. Он тосковал по погибшим и ребятам из батальона «Хазрат-е Абальфазль» (Интервью с Халилем Элахитабаром. Хамадан. 09.07.2013).

\* \* \*

Я открыл глаза. Вокруг меня столпилось несколько санитаров. Один из них принес шорты из плотной ткани, и мне помогли их надеть. Когда откинули простыню, я увидел, что у меня нет ног.

В другом конце комнате стоял командир дивизии хадж Али Шадемани и плакал.

Как я ни пытался понять, где нахожусь и что случилось, мне ничего не удавалось вспомнить. Это была больница в Бане. Но условий для моего лечения там не было. Мне вкололи несколько ампул обезболивающего и плазмозаменителя. В глазах у меня немного прояснилось. Я все еще видел стекавшие по лицу комдива слезы, когда он гладил меня по голове и утешал.

В больнице мне отрезали ножницами кусочек кожи, на котором висела моя левая нога, и обе ноги стали одинаковыми, перерезанными чуть ниже колена. Выше колена кости обеих ног были переломаны и прошиты мелкими осколками до самого паха.

Через час палата, в которой я лежал, наполнилась моими однополчанами. Они пришли, чтобы сдать кровь. Али Читсазийан вызвался в качестве добровольца и первым сдал донорскую кровь, а после него это сделали еще несколько человек с подходящей группой крови.

Я смотрел Али Читсазийану прямо в глаза. Если бы я только знал, что вижу его в последний раз, то не отводил бы взгляда ни на секунду. Мне было очень приятно чувствовать, что теперь в моих жилах течет кровь такого храбреца, как Али Читсазийан. Очень скоро весть о моем ранении дошла до штаба «Наджаф». Бывший командир нашей дивизии, хадж Мехди Кийани, стал заместителем начальника штаба «Наджаф». Однако перед его приходом я потерял сознание<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Хадж Мехди Кийани, заместитель начальника штаба «Наджаф»: «Я был в штабе, когда мне сообщили о том, что хадж Мирзе



В себя я пришел уже от грохота лопастей вертолета. На борту было полно раненых. Рядом со мной лежал хадж Мехди Роухани.

Я спросил:

– Куда мы летим?

– В Тебриз, – ответил он.

Какое-то время мы провели в Тебризе. Рваные раны на моих ногах были все еще не зашиты. Каждый день надо мной корпели врачи, чтобы остановить кровотечение. Мне было удивительно, как я выжил с такими ранами. Я с трудом мог немного согнуться и сесть, чтобы рассмотреть раны на ногах. Санитары заметили, что на строение у меня в норме, принесли зеркало и поставили его перед рваными ранами на коленях. Ноги были отрезаны, словно баранья голова. Кожа висела клочьями, а из костей вытекала желтая жидкость. Мне крупно повезло. Хотя моей семье уже сообщили о случившемся, никто из них еще не приехал в больницу. Некоторые санитары не могли справиться с моими ранами, потому что не каждому было под силу перевязать открытую рану с такой обширной зоной поражения. Два опытных санитаря приходили в масках на лице и по три раза в день обрабатывали раны дезинфицирующим раствором. Когда они касались раны, сквозь мое тело будто бы пропускали трехфазный ток. Боль пронизывала меня с ног до головы, я вгрызался зубами в подушку, чтобы не кричать. Санитары делали свое дело. Поскольку ноги выше колен у меня были переломаны, я не мог даже пошевелиться.

Консилиум распорядился, чтобы меня отправили в Тегеран, и на самолете «С-130», салон которого был заставлен больничными койками, я вылетел из Тебриза в столицу.

---

оторвало обе ноги. Иногда, когда я тоскую по погибшим и мне хочется оживить в своей памяти их светлый образ, я смотрю на хадж Мирзу» (Интервью с хадж Мехди Кийани. Тегеран. 08.07.2014).

Мой брат Шир-Мохаммад и двоюродный брат первыми приехали в Тегеран. Хотя переломанные кости зафиксировали шинами, каждый раз, когда машина скорой помощи подпрыгивала на дороге, я издавал громкий стон, пока мы не прибыли в больницу «Мехр». Несколько бойцов батальона «Хазрат-е Абольфазль» ждали меня в больнице еще до приезда моей семьи, даже до того, как меня привезли в отделение.

За пару дней меня навестило столько ребят, что из них набирался целый взвод, так что главврач, которого звали доктор Фагихи, выбился из сил. Один из басиджей нашего батальона написал на листке бумаги от имени всех ребят слова, полные поддержки и солидарности, и повесил у меня над головой. Там было написано: «Дорогой командир батальона “Хазрат-е Абольфазль”, брат Сольги! Даже без ног ты будешь нашим командиром». Когда мой взгляд падал на эти строки, мне становилось стыдно, дыхание перехватывало, и я с трудом сдерживал боль.

Ни я, ни сотрудники больницы не были довольны таким нарушением дисциплины. Начальство отделения повесило над моей койкой листок со следующим текстом: «Братья, здесь больница, а не фронт». Царившая в палате неразбериха была для меня хорошим поводом, чтобы написать семье и попросить их не приезжать в больницу, пока тут не станет тише.

Я пару раз разговаривал с женой и детьми по телефону, чтобы они знали, что у меня все хорошо, но все еще опасался, что они не выдержат, приедут и увидят меня в таком состоянии.

\*\*\*

По мере лечения мои чувствительные нервные окончания подвергались все большему раздражению, и я стал понемногу понимать, что такое настоящая боль. Втай-

не от других я обратился к главврачу отделения с очень смешным предложением:

– Господин Фагихи, я парень деревенский, попрошу своих, чтобы они привезли тебе три кило сливочного масла, а ты скажи этому здоровяку и грубияну, чтобы он мне помягче перевязывал раны.

Господин Фагихи расхохотался и переспросил:

– Сливочное масло?! Перевязывал помягче?! Какое это все имеет отношение друг к другу?!

Я сказал:

– Господь с вами, если через человека по два-три раза в день трехфазный ток пропускать, разве такое можно выдержать?! Я вам прямо скажу: после каждой такой перевязки я с ужасом жду следующей.

Господин Фагихи сам был фронтовиком и не обиделся на меня. Он ушел и вернулся с ампулой морфина, который тут же вколол мне. Мне стало так хорошо, что я не только не чувствовал, что у меня оторваны ноги, но и будто бы стал на два метра длиннее. Очень быстро я успокоился и провалился в беспамятство.

На следующий день он спросил:

– Как твое состояние?

– Извините меня за мое вчерашнее предложение, – сказал я.

– Твое предложение меня рассмешило. Конечно, мне тебя стало жалко. Это же как тебе больно, что ты собрался мне усы сливочным маслом подмазать.

Я сказал:

– Больше не коли мне морфин. Даже если буду кричать, не обращай внимания. Мужчина должен терпеть боль.

– Почему? – спросил он.

– Я знаю, что морфин вызывает привыкание. Мне теперь так здорово и весело, что я и не думаю о том, что у меня ног нет. Я боюсь последствий этой никчемной радости.

Рана все еще оставалась открытой, и любое ее взаимодействие с воздухом могло привести к заражению. Переломы бедер и почернение на кости создавали риск ампутации ноги выше колена.

Благодаря связям одного из наших влиятельных бойцов по фамилии Сефидму и настоятельным просьбам моего лечащего врача было решено провести консилиум для обсуждения моего дальнейшего лечения.

Я все еще беспокоился, как бы не приехала моя семья, как вдруг раздался телефонный звонок. На другом конце провода звучал знакомый голос, но ранее мы никогда не говорили по телефону. Мне не верилось, что это был он. Когда он представился, я от волнения чуть не выпрыгнул из постели. Он сказал: «Брат Сольги, это я, Али Мешкини<sup>1</sup>, скромный слуга бойцов фронта».

Он спросил, как у меня дела, призвал меня к терпению и упованию на Всевышнего, а потом сказал:

– Ко мне приходили ребята из вашего батальона. Я спросил их о ваших делах. Они сказали, что вам оторвало обе ноги, и я посчитал своим долгом позвонить и справиться о вашем самочувствии. Как сказал ваш лечащий врач, вас собираются отправить на лечение в Германию.

Новость об отправке меня в Германию не вызвала у меня никаких эмоций. Мою душу ласкала теплота и мягкость голоса айатоллы Мешкини. Я сказал:

---

<sup>1</sup> Айатолла Али Мешкини, один из аскетичных и набожных ученых своего времени, ученик Имама Хомейни, который многие годы боролся против шахской диктатуры, а после начала войны с Ираком иногда посещал штаб «Кербела».

Мы имели обыкновение после операции везти выживших бойцов батальона «Хазрат-е Абольфазль» к нему в Кум для получения от него благословения. Он даже знал меня по имени. Он был членом и председателем Совета экспертов при Рахбаре. В 2006 году он вернулся к своему Создателю (*прим. авт.*).

– Клянусь Абу-ль-Фазлом, я был бы только рад погибнуть на пути Аллаха, а теперь мне надо ехать туда, где... – тут у меня в горле встал ком. Ага продолжил:

– Намерение и искренность в совершении деяний важны всегда и в любом деле.

Разговор закончился, и я почувствовал, что мне стало лучше.

На следующий день Шир-Мохаммад сказал:

– Сегодня придут мама с твоей женой и детьми.

– Они знают, что мне ноги оторвало? – спросил я.

– Знают и очень беспокоятся. Даже детишки<sup>1</sup>.

Я не знал, как отреагируют дети, жена и даже мама, когда увидят меня без ног. Я больше переживал за маму, которая с детства наносила хну на пальцы моих ног и не оставляла этого обычая, даже когда я вырос.

Когда я наносил на ноги хну перед боевыми операциями, мне всегда вспоминалась мама, и я будто бы ощущал ее нежные руки, которые окрашивали хной пальцы моих рук и ног, нашептывая молитвы и салаваты<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Зайнаб Сольги, дочь Мирзы-Мохаммада Сольги: «Мне было семь лет, и я пошла в первый класс. В один из дней, придя домой из школы, я застала маму плачущей и спросила: “Что случилось?!”

Она сказала: “С папой все хорошо, но его ноги!!!...”

Я хорошо помню, как слезы не давали ей говорить, и она не хотела сказать мне о том, что произошло, хотя я была старшей дочерью в семье.

Вечером, лежа в постели, я много думала, пока меня не сморил сон, но посреди ночи я проснулась от волнения. Мама сидела в углу, читала Коран и плакала. Она постирала и отутюжила зеленую ксировскую форму отца, повесила на плечики. Я не знала, во сне это было или наяву, потому что видела отца в той одежде. На следующий день мы с сестрой, братьями, мамой и бабушкой поехали в Тегеран, чтобы навестить его» (Интервью с Зайнаб Сольги. Хамадан. 05.03.2014).

<sup>2</sup> Салават – благословение Пророку Мухаммаду и его роду, которое произносится после упоминания его имени и в разных жизненных ситуациях (*прим. пер.*).

Я уговаривал врача закрыть мне раны, чтобы семья ни в коем случае не видела открытых ран, но он говорил:

– Мы не можем ничего делать с твоими ногами, кроме как обеспечивать стерильность раны и готовить ее к операции. Первые две небольшие операции были только для того, чтобы удалить лишнюю ткань и прижечь разрывы сосудов. Твое лечение продолжают уже немецкие врачи.

После полуденного намаза в больницу пришли мои родные. Войдя в палату, моя супруга встала в углу, прикрыла лицо краешком чадры и расплакалась. Мама с удивлением уставилась на мои ноги и повторяла на лурском: «Сынок, сынок, сынок...». В отличие от них, дети стали бегать вокруг кровати и играть, пока Зайнаб, которая была уже в более разумном возрасте, чем остальные, не подошла и тихонечко не подняла простыню с моих ног. Но я не позволил ей увидеть мои ноги. Я отвел ее руку и поцеловал.

Я старался всех утешить и держаться молодцом. Семья осталась ночевать в больнице и проводила меня на следующий день в аэропорт Мехрабад, до самого трапа самолета. В самолете все были простыми пассажирами, кроме меня. Я лежал с руками и ногами, привязанными к носилкам, в самом хвосте. Со мной никого не было рядом, и я не знал, что мне предстоит провести долгие месяцы в Германии, вдали от семьи и ребят с фронта.

Мы находились в небе шесть часов, пока не приземлились в аэропорту Франкфурта. Все вышли, и в самолете остался только я один. Какой-то мужчина, похожий на ребят с фронта, но одетый в костюм, прошел через весь самолет, вытер пот с моего лба и поцеловал мне руку. Я спросил:

– Кто вы?

Он ответил:

– Ваш коллега.

Потом он объяснил, что отвечает за безопасность полета. Он был последним, кто вышел из самолета, после чего я остался совсем один, пока в салон не вошли четверо высоких мужчин крепкого телосложения в шортах выше колена и взялись за носилки с четырех сторон.

В машине скорой помощи один из них постоянно задавал мне вопросы на немецком, а я просто смотрел на него. Чаще всего он повторял одно слово, которое врезалось мне в память, а потом я узнал его значение: «Шмерцен?»<sup>1</sup>.

Иногда я поворачивал голову и смотрел через окошко на улицу. Повсюду было много зелени и очень красиво. Будто бы я оказался в большом бесконечном парке. Перед глазами у меня время от времени проплывали полураздетые мужчины и женщины, видневшиеся среди деревьев, отчего мне почему-то хотелось плакать. Немец думал, что я плачу от того, что мне больно. Конечно же, мне было больно, но это была не та боль, о которой он думал. Ехать надо было четыреста километров до Аахена, где находилась больница, в которой меня должны были лечить. Пока мы ехали в карете скорой помощи, я несколько раз расплакался. Я жалел, что приехал сюда. Чувствовал себя, словно военнопленный, которого заставили сюда приехать побои и пытки врага, вынужденный находиться в среде, которая для него хуже всякого плена.

Больница города Аахен была прекрасно оборудована по последнему слову техники. До меня много других раненых иранцев проходили здесь лечение. Меня поместили в отделение ортопедии. В палате сразу же появились несколько раненых бойцов на инвалидных колясках, и я на какое-то время позабыл о своей тоске по соотечественникам и фронтовым товарищам.

---

<sup>1</sup> Больно? (нем.)

В первые дни мне кололи успокоительные и болеутоляющие препараты, от которых хотелось спать. Я беспокоился о том, чтобы из-за этой сонливости мне не пришлось пропустить время совершения намаза. Я попросил у соседей по палате, чтобы они любым способом будили меня, когда наступало время намаза, и они это делали.

\*\*\*

Я постепенно привыкал к новому окружению и людям. Как говорили ребята, язык глухонемых помогал в любых ситуациях. Мы жестами и знаками объясняли немецким медсестрам, что нам было нужно.

Однажды медсестра пришла к нам с молодым иранцем. Это был студент по фамилии Зинани, который учился вместе с женой в Германии и иногда навещал раненых в больнице. Когда он вошел, я в слезах вел беседу с ребятами с фронта и погибшими нашего батальона, делаясь с ними своими невзгодами.

После прихода Зинани ко мне стали наведываться еще сорок или пятьдесят иранских студентов, входивших в Ассоциацию обучавшихся в Европе. От них я научился некоторым немецким словам и выражениям для повседневного общения.

Через пятнадцать дней мне была сделана первая операция на ногах. Левую ногу должны были выровнять с правой, чтобы они стали одинаковыми по длине. В операционной мне закрыли рану и прижгли концы кости. Верхнюю часть колена перекрыли с двух сторон.

После операции мне каждый день перевязывали рану. Постепенно перевязки стали проводить через день. Все большие интервалы между перевязками были признаком того, что раны заживали.

Еда в больнице была для нас непривычной. Для иранцев даже запах немецкой еды был невыносимым. Этим отличалось большинство раненых иранских ребят. Из



всех блюд более-менее сносным для меня был рис; хотя он и не имел того иранского аромата и вкуса, но подавался с мясной подливкой. Мы восполняли недостаток протеина в еде тем, что ели яйца. Каждое утро на завтрак приносили вареные яйца, и я иногда брал по десять яиц сразу на весь день и ел их на обед и ужин.

Моим лечащим врачом был весьма учтивый профессор по фамилии Унценгер, у которого был такой же приятный на вид помощник, доктор Фостин. Профессор слышал от медсестер, что я и Мостафа Талеби<sup>1</sup> постоянно ели одни только яйца. Он не ругался, но делал нам предупреждения на немецком. Он показывал на яйца и говорил: «Филь мускель»<sup>2</sup>.

По настоянию профессора мы отказались от яиц и оставались голодными. Профессор попросил своего заместителя заказать для нас на шесть дней еды из иранского ресторана в городе Аахен и сказал, что сам лично оплатит нам эту еду, потому что мы с Мостафой – его гости.

Через месяц я уже мог садиться в инвалидную коляску, колесить по отделению и звонить жене. Она ходила в комендатуру Нахаванда и звонила оттуда, рассказывая мне о том, как дела у детей, о бомбардировках городов и военных операциях.

Когда я слышал голос своей супруги, мое сердце падало в небесах и долетало до самой деревни, в памяти моей одно за другим мелькали лица моих родственников и друзей.

---

<sup>1</sup> Мостафа Талеби, заместитель командира батальона «Мослем эбн Агиль», выдающийся командир 32-й дивизии «Ансар оль-Хосейн» из области Мелайер. Он приехал в Германию для лечения от поражения отравляющими веществами, и мы несколько месяцев провели вместе. Мостафа умер в 1992 году из-за слишком серьезных боевых ран и последствий отравления химическим веществами (прим. авт.).

<sup>2</sup> Нарращивает мышечную массу (прим. авт.).

Раненые из Ирана отличались друг от друга характером и настроением, как и ребята на фронте. Кто-то был очень серьезен, а кто-то имел веселый нрав, но всех их объединяли терпеливость и духовность, которые они вынесли из фронтовой жизни. Рядом со мной лежал один из бойцов дивизии «Эмам Хосейн» по фамилии Багернежад. Ему полностью оторвало запястье, и он получил тяжелые травмы таза, так что его спина и руки были привязаны к кровати. Он мог двигать вправо и влево только головой. Я спросил:

– Откуда ты?

– Из Кашана.

– Из какой дивизии?

– Четырнадцатая дивизия «Эмам Хосейн».

– Чем ты занимался?

– Отвечал за вывоз убитых с поля боя.

Багернежад был искренним и благочестивым мусульманином, из уст которого всегда звучали слова поминания Господа. Весь его таз был покрыт царапинами и ранами, которые беспрерывно кровоточили и гноились, но он не издавал ни звука, пока через неделю его не увезли в операционную.

Вернувшись из операционной, он в полубессознательном состоянии вдруг громко закричал: «Ребята, чего вы сидите? Вставайте! Там впереди тело командира батальона! Рядом иракцы! Надо его вернуть. Давайте же, шевелитесь, вставайте, идите за мной».

Немецкие санитары держали его за руки. У них не было разрешения колоть ему успокоительное. Это состояние было типичным для очень многих ребят, которых привозили из операционной.

Багернежад утихал на несколько минут, а потом снова оказывался на полях боевой операции и продолжал: «Ребята, будьте внимательны. Не поднимайте головы. Двигайтесь по траншее. Опасайтесь вражеских пулеметчиков».

В эти минуты ребята из других палат собрались у нас, и началась траурная церемония. Я плакал громко, навзрыд и представлял себя на острове Маджнун. Будто бы, говоря о том, что нужно вынести в тыл тело командира батальона, оставшееся на земле, Багернежад имел в виду хадж Мохсена Омиди, который остался на острове. Однако все слова Багернежада меркли по сравнению с тем, что он говорил о Кербеле: «Ребята дивизии “Эмам Хосейн”! О храбрецы! Разве Имам Хусейн в Кербеле лично не выносил с поля боя тела погибших? Разве Имам не вынес брата? Разве не вынес сына? Разве он не стоял у изголовья своего умиравшего знаменосца? Как же мы можем допустить, чтобы наши погибшие валялись на земле?!».

Поднялся шум и гвалт, и немцы спросили у меня, так как я с грехом пополам уже немного научился говорить по-немецки, о чем он говорил. Я не хотел и не мог сказать им по-немецки, по каким мирам путешествовал наш Багернежад. В моих силах было лишь подойти к нему, потрясти и сказать: «Брат Багернежад, здесь Германия, а не Шаламче».

Через час, когда он уже пришел в себя, я спросил:

– Ты помнишь, что говорил?

Он ответил:

– Я лишь знаю, что моя душа покинула тело. Я был в другом мире. Не знаю даже, как я вернулся обратно.

Я рассмеялся и сказал:

– Уколы сделали свое дело. Ты раскололся и всю операцию выдал, будто тебя в тюрьме допрашивали. Еще немного, и ты проскочил бы через канал рыбоводческого хозяйства и прорвался бы в Басру.

Багернежада прооперировали несколько раз вдоль и поперек. Ткани и кости его таза зажили, но кончик кости его оторванной руки, поскольку он был еще молод, продолжал расти, заострялся и торчал сквозь кожу.

Приближалось Рождество, праздничная пора для христиан. Немцы украсили все коридоры цветными гирляндами и бумажными цветами. Перед входом в каждое отделение стояла небольшая елочка с изображением Санта-Клауса, звучала немецкая музыка, но негромко, чтобы не вызвать у нас возмущение.

\*\*\*

Первого января эти тихие звуки вдруг сменились чьим-то громким голосом, но говорил он не по-немецки. Это был знакомый нам всем голос, к которому мы привыкли на фронте, – голос хадж Садега Ахангярана.

Комната дрожала от вибрации, а Ахангяран пел: «Позовут ваш караван, в путь готовься, ратный стан, эти путники готовы к горькой доле Кербелы...». Я на инвалидной коляске выкатился из палаты. Один из наших инвалидов по фамилии Каземи срывал одну за другой гирлянды. Это он зашел в кабинет к медсестрам и поставил на магнитофон запись Ахангярана, устроив переполох на всю больницу.

Немцы спрашивали: «Это иранская музыка?».

Мы отвечали: «Да».

Хотя немцам и не понравилась выходка Каземи, они сочли, что таким образом он хочет проявить солидарность с ними в праздновании Рождества.

Брат Каземи погиб на фронте, и сам он был одним из храбрых тегеранских ухарей. Он повесил у изголовья своей койки портрет Имама Хомейни, на котором Имам без тюрбана, в простой белой шапочке, и показывал его немцам. Немцы думали, что на фото – портрет его отца или дедушки.

Каземи выучил, как называют по-немецки дедушку, вычитав это слово из брошюрки, которую ему дали иранские студенты, и подшучивал над немцами. Я даже сказал: «Он всем нам дедушка». Когда они поняли, что это

фотография Имама, то несколько раз сказали: «Айатолла Хомейни шён<sup>1</sup>».

Однажды Каземи спросил:

– Сольги, знаешь, что сегодня на обед?

– Свиное жаркое, – ответил я.

– Не угадал, хаджи. Сегодня у нас плов по-стамбульски<sup>2</sup>, приготовленный умелыми руками иранских женщин.

От него вполне можно было ожидать, что он пробрался на больничную кухню, но на этот раз он говорил сущую правду. В полдень пришли иранские студенты, и палаты ортопедического отделения вместе с коридорами наполнились запахом иранского плова. С помощью главной медсестры еду раздали всем иранским раненым. Спустя столько месяцев мы, наконец-то, досыта наелись привычной нам пищи. Один только Багернежад отравился, и потом медсестры запрещали приносить в больницу иранскую еду.

В один из дней состояние Каземи ухудшилось. У него почти не было носа, ему осколком срезало часть лица, и немцы собирались сделать ему пластическую операцию и вернуть нос. Не знаю, из-за чего, но и на этот раз он опять перевернул всю больницу с ног на голову.

Немецкие медсестры знали, что только я могу утихомирить Каземи. Они выучили персидское слово «моуджи»<sup>3</sup> и часто произносили его, когда имели в виду Каземи. Как-то они сказали: «Сольги, сходи-ка к своему контуженному». Я вышел и увидел, что Каземи стоит посреди коридора, он вырвал из своей руки иглу от капельницы и из вены на пол хлещет кровь. В такие моменты его было бесполезно увещевать и делать ему замечания.

---

<sup>1</sup> Айатолла Хомейни – красивый (*прим. авт.*).

<sup>2</sup> Плов по-стамбульски (*перс. эстамбули-полоу*) – иранское блюдо из риса, говядины, томатной пасты и картофеля.

<sup>3</sup> Контуженный (*прим. пер.*).

Он курил сигарету и что-то возмущенно бормотал под нос. Я спросил:

– Что случилось?

– Вот ведь преступники! Супостаты!

Я подумал, что он говорит о немцах, которые были главными поставщиками химических отравляющих веществ армии Саддама. Мне и в голову не пришло, что он имел в виду иранцев.

– Они и сюда добрались, чтобы шпионить. Подонки-извозчики!

Когда он сказал «извозчики», до меня дошло, что он имел в виду. Извозчики – это было наше секретное словечко, которым мы, раненые иранцы, обозначали членов ОМИН, которые в Германии пускались во все тяжкие.

Немцы все еще не решались подойти и спрашивали: «Что он говорит?».

Каземи понял и обратился ко мне:

– Скажи им, если «извозчики» ко мне сунутся, я им носы пообрубаю – будут такие же, как у меня.

Я мог общаться на ломаном немецком, но не настолько, чтобы брать на себя роль переводчика, да еще и переводить такие выражения. Поэтому я лишь объяснил немцам, чтобы они не разрешали монашегинам входить в палаты ребят. Некоторые монашегины работали в больнице простыми рабочими или уборщиками, собирая сведения для членов своей организации, а также обрабатывали раненых ребят. Ранее они уже завербовали двух или трех человек. Да и вообще, среди раненых не было таких, кого они не попытались втянуть в свои ряды.

Они приходили и ко мне. Один из них сказал, что его отец иранец, а мать – из Турции. Он начал говорить о цензуре новостных сообщений в Иране и уже дошел до того, что Саддам желает мира, но ахунды не принимают его предложения о приостановке огня и настаивают на продолжении войны.

Я говорил ему в ответ: «Новости подвергаются цензуре не у нас, а здесь. И часть этой цензуры возложена на вас». Как-то раз я попросил немецкого санитаря сказать, что он думает о том, кто является агрессором: Иран или Ирак? Под влиянием западных средств массовой информации и пропаганды монафегинов он считал, что Иран настаивает на продолжении войны, а Ирак хочет ее завершить. Я развернул перед ним карту ирано-иракской границы, которая была у меня с собой. Немцы называют город «штадт». Я перечислил ему названия городов, которые до сих пор были заняты иракцами, потом назвал города, которые находились под обстрелами иракской артиллерии, и спросил: «Можно ли в таком положении говорить о мире?».

Немец согласился и признал, что ничего не знал о том, что происходит на границе этих двух стран, что столько городов и сел оккупированы врагом или подвергаются обстрелам.

Я пошел дальше и рассказал ему, что в Иране нет ни одного крупного города, который не подвергся бы иракским бомбежкам. Это свидетельствовало об агрессивном настрое Саддама и партии «Баас». Я сказал, что применение врагом химического оружия не ограничивается линией фронта. Вражеские бомбардировки вышли за пределы фронта и распространились на приграничные города и села. Санитар даже не знал, что иранские быстроходные катера находятся в Персидском заливе для обороны морских границ Ирана. В те дни немецкое телевидение каждый день сообщало о маневрах катеров, направленных на противодействие американскому флоту. Один оминовец сказал: «Иран хочет распространить пламя войны на арабские страны под предлогом их защиты от Саддама, и США вошли в Ормузский пролив для того, чтобы помешать распространению огня».

Тогда я понял, какое сильное воздействие на общественное мнение в мире оказывает пропаганда средств массовой информации вкупе со шпионскими сетями монафегинов. Люди на Западе даже мысли не допускали, что подобные суждения являются односторонними и политически ангажированными.

\*\*\*

Через три месяца раны на моих ногах полностью зажили, и я мог легко перемещаться на инвалидной коляске. Тогда я снова затеял культурную и просветительскую деятельность. Хадж Мехди Зафари, командир батальона «Хазрат-е Абольфазль», писал моей супруге письма с последними новостями с фронта, а она по телефону передавала мне то, что можно было говорить.

Центром моей деятельности стала мечеть мусульман города Аахен, где я по приглашению студенческой ассоциации рассказывал студентам и иранцам, жившим в Аахене, а также немцам, о событиях навязанной нам войны с Ираком.

Если я слишком долго говорил, стоя за трибуной, у меня начинало болеть в груди и поднимался кашель. Иногда эти приступы кашля давали мне повод для того, чтобы объяснить роль западных государств, в особенности Германии, в оказании помощи партии «Баас». Зачастую возле мечети собирались кружки оминовцев, которые пытались сорвать мое выступление, и дело доходило до потасовок. Оминовцы опускались до того, что били кулаками и даже пинали ногами инвалидов войны, оставшихся без рук или ног. Такие избиения были их последним доводом, но обычно они старались в первую очередь воздействовать на умы иранцев, в том числе раненых на войне, поймав собеседника на ошибке или мороча ему голову искаженными статистическими данными и извращенным толкованием информации.



Пару раз во время моего выступления о ситуации в Персидском заливе кто-то из них сказал: «Что вы собираетесь делать с несколькими спичечными коробками под названием “быстроходные катера” против современных американских авианосцев и ракетных корветов?!».

В ответ я прочитал строки из стихотворения Саади: «Когда средь муравьев согласие есть, грозной змее они шкуру обдирают».

Я сравнил морские бои в условиях неравного соотношения сил с нападением муравьев на змею. В детстве я видел, как змея выползала из своей норы и сталкивалась с полчищем муравьев. Она просто не знала, кого из них укусить. За это время муравьи успевали облепить гладкую и блестящую кожу змеи со всех сторон. Те муравьи, чей размер был больше обычного, кусали так крепко, как жалят осы. Змея терялась и путалась, не понимая, куда ей повернуться и кого из муравьев укусить.

Я не забуду, как немцам, понимавшим фарси, понравилась аллегория с муравьями и змеей, когда я рассказывал о боях катеров с авианосцами<sup>1</sup>.

С каждым разом мои словесные перепалки с монафегинами становились все более ожесточенными. Они называли меня «безногим», но я был для них как бельмо на глазу, и они только и делали, что искали повод, чтобы излить на меня свою злость.

Я уже понял, как они сбрасывали инвалидов с колясок, если те доставляли им много хлопот. Поэтому я смастерил из каната средство для самообороны. Канат использовался в больнице в качестве спортивного снаряда и был снабжен с двух концов металлическими крючками,

---

<sup>1</sup> Когда я вернулся из Германии, ага Мохсен Резаи, главнокомандующий КСИР, навестил меня. Я рассказал ему об этом случае. Ему тоже очень понравился пример со змеей и муравьями (прим. авт.).

которые очень пригождались мне во время драки, потому что я не мог двигаться. Каждую ночь я клал канат под подушку и так спал.

Однажды ночью, примерно в три часа утра, в мою палату вошел один из тех провокаторов, которого я раньше видел в мечети Аахена. На соседней койке лежал старик-немец, который был госпитализирован из-за возрастных проблем<sup>1</sup>. Я не хотел, чтобы он проснулся. Когда оминовец увидел, что я открыл глаза, он притворился, будто бы что-то забыл после посещения больных, которое иногда затягивалось до поздней ночи. Я тихо сказал ему: «Предатель родины, ты себя забыл где-то, сам себя потерял. Чего ты ищешь?».

Это был наглый и беспардонный тип. Ему было плевать на лежавшего рядом немца. Я не знаю, как он прошел мимо дежурной медсестры отделения, что оказался в столь поздний час прямо в палате. Он стал говорить на повышенных тонах, и дело шло к драке. Больной немец проснулся. Я не мог встать, поэтому сунул руку под подушку и вытащил оттуда металлический крюк, но оминовец улизнул из палаты прежде, чем туда вошла дежурная медсестра.

Время от времени, когда медсестры расправляли и приводили в порядок наше постельное белье, они находили под подушкой канат и спрашивали: «Что это?». Я говорил, что это тренажер для рук, и они больше не любопытствовали, но после случившейся той ночью стычки они стали более строго следить за тем, кто к нам приходит.

Я провел в больнице уже около четырех месяцев и очень скучал по семье. Мне хотелось быстрее вернуться

---

<sup>1</sup> В больнице города Аахен, в каждом отделении, рядом с иранскими инвалидами также лежали больные немцы. В то время господин Багернежад, который раньше спал на соседней койке, уже вернулся в Иран, а на его место положили этого немца (прим. авт.).

в Иран. Ноги мне массировал крепкий и высокий санитар-немец. Его звали Оле. Хотя Оле растирал и разминал мне мышцы своими сильными руками каждый день, он был простым помощником санитара и, несмотря на свой грозный вид и исполинское телосложение, оказался сущим добряком. Однажды он принес какой-то сверток, который прислали из Ирана. Внутри оказалась фотография. Это было фото моей супруги, одетой в чадру и платок, а рядом с ней стояли пятеро наших детей. Когда Оле дал мне эту фотографию, в палату вошли мой лечащий врач, профессор Униценгер, доктор Фостин и с ними две или три молодые женщины, которые пришли оценить мое состояние.

Я не привык поднимать голову, когда входили немецкие женщины или медсестры. Профессор, вероятно, догадывавшийся, с чем была связана моя привычка сидеть с опущенной головой, дотронулся рукой до моего подбородка и сказал: «Генерал<sup>1</sup>, вы, иранцы, очень гордые. Вы не подчинились несправедливости, дали отпор Америке. Держите голову прямо».

Одна из женщин взяла фотографию моей семьи и, показав пальцем на мою супругу и ее хиджаб, спросила: «Что это на ней? Ей не жарко в такой одежде?».

Я более или менее понимал немецкий, но на вопросы отвечал достаточно коряво, подыскивая нужные слова, чтобы составить связное предложение. Я хотел объяснить ей философию хиджаба, но у меня не получалось. У меня в руках был большой апельсин красивого ярко-оранжевого цвета. Я сорвал с него часть кожуры, вытянул губы и подул на открывшуюся мякоть. Она по-немецки сказала:

---

<sup>1</sup> Когда из Дома иранской культуры мне принесли том молитвенника «Мафатих», в книге была сделана надпись на персидском и немецком языках: «В дар сардару Мирзе-Мохаммаду Сольги». С тех пор некоторые немцы, члены медперсонала, стали называть меня генералом (*прим. авт.*).

«Эс ист варм», – то есть в этой одежде женщинам должно быть жарко. Я же, подув на апельсин, сказал: «Эс ист капут», – подразумевая, что без этой кожуры фрукт быстро испортится. Немка, которая благодаря этому примеру хорошо поняла, что я имел в виду, стала потирать руки и от охватившего ее восторга даже слегка взвизгнула, потом подняла большой палец и сказала: «Окей, окей». После этой встречи профессор распорядился, чтобы мне связали ноги с помощью устройства под названием «фиксатор», и я мог бы на пару месяцев поехать в Иран, а потом вернуться в Германию для получения протезов.

Это был прекрасный миг. За четыре месяца разлуки со своими детьми я видел их лишь на фото. Я сильно соскучился по маме, супруге и боевым товарищам.

В конце апреля, когда я уже готовился ехать в Иран, мне пришло последнее письмо от жены, которое омрачило мою радость от предстоявшего мне вскоре возвращения.

Она писала: «Али Читсазийан погиб на том же месте, где тебе оторвало ноги».

За шесть лет войны я уже привык к новостям о гибели самых близких боевых товарищей. Супруга знала мой характер и, судя по всему, сочла, что мне наверняка будет легче услышать эту новость перед возвращением в Иран. Но, прочитав письмо, я почувствовал, как весь мир перевернулся верх дном и рухнул, так что другие иранцы и даже некоторые немцы поняли, что я уже не тот Сольги, которого они знали пару дней назад.

Когда я ехал обратно в Иран, в моей памяти проносились воспоминания о командире разведывательно-оперативного подразделения дивизии Али Читсазийане, о том, как мы вместе воевали и ходили на разведку с 1981 по 1987 год.

\* \* \*

Жители Нахаванда, которые прошли четыре километра с букетами и сладостями в руках, встречали меня, стоя справа и слева от шоссе. Через окошко машины скорой помощи я видел, как люди махали мне руками и скандировали салаваты из уважения к моему положению бойца и инвалида войны.

На улице, ведущей к небольшому проулку, где находился наш дом, мне помогли выйти из машины и посадили в коляску. В воздухе пахло руты, которая в сочетании со звучащими вокруг салаватами, создавала торжественную и волнующую атмосферу. Меня провели к трибуне, которую заранее приготовили перед моим приездом, и я выступил с речью перед народом. Из-за огромного скопления людей я все еще не встретился со своими родными, хотя они стояли в передних рядах и махали мне руками.

После моего выступления возможность увидеться с семьей опять от меня ускользнула. Дом был заполнен ребятами из батальона «Хазрат-е Абольфазль», которые стояли с красными и зелеными знаменами в руках, навевшими воспоминания о фронте.

На следующий день с самого раннего утра и до позднего вечера в наш небольшой дом приходили и уходили толпы людей. Я чувствовал себя чем-то вроде витрины. Учителя приводили к нам школьников и показывали им меня. Командиры шли к нам с новоиспеченными бойцами батальона, семьи мучеников – со своими осиротевшими детьми. К нам даже пришли сотрудники областной и провинциальной администрации во главе со своими начальниками. Все посетители приносили с собой цветы, сладости и одеяла.

Через неделю после моего возвращения жена сказала: «Одних только одеял принесли пятьдесят штук. Их складывать некуда». Я сообщил снабженцам батальона, чтобы они приехали и отвезли одеяла на фронт.

Часть цветов и букетов мы каждый день отдавали в школы. Иногда их забирали с собой ребята из батальона «Хазрат-е Абольфазль», чтобы возложить на могилы мучеников на кладбище. Подаренные нам горы сладостей радовали местную детвору, для которой каждый день был как Навруз.

Я стал темой для школьных сочинений. Такое внимание и благосклонность людей возлагали на меня тяжкий груз ответственности.

Перед возвращением в Германию мне хотелось съездить на фронт. Я передал хадж Али Шадемани, что хочу приехать. Он прислал ответ: «Нет, мы сами приедем».

Через два или три дня хадж Хосейн Хамадани, который ранее был моим командиром, а теперь занимал должность заместителя командира штаба «Годс» по оперативной работе, вместе с хадж Али Шадемани, командиром дивизии, Сейедом Хамидом Тахаи, заместителем губернатора Хамадана, и хадж Хасаном Таджуком, командиром батальона «Мослем эбн Агиль», прибыли в Нахаванд.

Прямо в нашей квартире состоялось совещание командования дивизии по вопросам организации новых подразделений. Ранее, еще до моего ранения, первое слово на совещаниях всегда было за Али Читсазийаном, особенно если речь шла о разведке. Когда мне оторвало ноги, он в больнице Бане первым сдал для меня кровь. Я тогда ощутил себя по-новому, будто мои вены тоже наполнились доверием к Всевышнему, сочетавшимся у него со смелостью и благоразумием.

Все командиры знали о моей сердечной привязанности и искренней любви к Али. Пожалуй, это совещание рассматривалось всеми как дань его памяти и знак уважения мне. Командиры представили свое видение ситуации на участке фронта в Мавуте, сложившейся после операции «Наср-4». Они попросили заместителя губернатора задействовать возможности провинции по ока-

занию помощи дивизии в большей мере, чем это было раньше. Сейед Хамид Тахаи был в приятельских отношениях с ребятами-фронтовиками. Приезжая на фронт, он всегда шел к Али Читсазийану и даже получил ранение на острове Маджнун. На этом совещании он пообещал подействовать, а потом подошла моя очередь. Я доложил о положении наших раненых и инвалидов в Германии, упомянув и о ненависти монафегинов, с которой мы столкнулись в самом сердце Европы. Хадж Хасан Таджук был любимцем ребят из Мелайера на фронте. На совещании его тон был очень грустным. Его заместитель, хадж Мостафа Талеби, тоже лечился в Германии от поражения химическими веществами. Хадж Хасан остался один, и в его печальном голосе слышались нотки готовности покинуть этот мир. Его несколько раз ранило, а царапина от пули на его лбу напоминала мне о той скорбной ночи, когда он нарвался в Сумаре на вражескую засаду, но ему было суждено остаться в живых. Эта встреча с хадж Хасаном была очень похожа на последнее свидание с Али Читсазийаном<sup>1</sup>.

\*\*\*

Второй этап моего лечения в Германии начался в декабре 1987 года. Я летел вместе с инвалидом, пострадавшим от отравляющих газов. Он более или менее мог ходить на своих ногах, усаживал меня в коляску и перевозил на ней. В самолете он сидел на соседнем кресле, а я был погружен в мир своих мыслей и переживаний. Я говорил про себя: «О Аллах! Смогу ли я после возвращения из Германии передвигаться на своих ногах?».

Я поворачивался к соседу и говорил:

---

<sup>1</sup> Через неделю, в декабре 1987 года, хадж Хасан Таджук погиб на фронте в Мавуте. Я уже находился на лечении в Германии, когда получил известие о его мученической гибели в первом же письме от жены (прим. авт.).

– Брат мой, как тебе повезло. Помолись за меня, чтобы я тоже мог ходить, как ты.

Пока мы летели, я рассказывал ему о том, как во время первой поездки в Германию мне вылечили легкие, избавив от проблем с дыханием.

– Это немцы давали Саддаму всю эту химическую отраву, и у них есть противоядие от нее. Вы поправитесь и вернетесь домой.

Бедолага особо не разговаривал, а только говорил:

– Положимся на Аллаха. Мне лишь остается подчиниться Его воле.

Оказавшись в аэропорту Франкфурта, мы подождали, пока за нами приедет машина и отвезет в Аахен. Однако перед прибытием кареты скорой помощи к нам подошла группа монафегинов, которым нужно было от нас все то же. Я раскусил их тактику еще во время прошлой поездки и знал, что для вербовки раненых из Ирана они сначала ведут себя очень мягко и по-доброму, а если им не удастся добиться результата, они показывают всю свою неприглядную сущность, поливая тебя грязными словами и оскорблениями.

Я сказал своему другу: «Не спорьте с ними». Было непонятно, узнали они меня или нет, но очень быстро между нами завязался спор, который перешел в потасовку. Они говорили: «Вас насильно отправляют на фронт. Добровольное участие народа в войне – это одна большая ложь, которую распространяют ахунды. Но никто им не поверил. Вас заставляют говорить, что вы добровольно пошли на фронт». Монафегины прекрасно знали, как все обстоит в реальности. Они, будучи пятой колонной и воюя на стороне Саддама на фронте, прослушивали наши переговоры по рации и знали, что нас привели на фронт любовь к родине и чувство долга. Но они отрицали истину, разводя софистику и играя словами. В этом и была вся суть их лицемерия.



Я отвечал им: «Я посвятил фронту всю свою молодость. Даже если все члены моей семьи до единого будут принесены в жертву на этом пути, я не откажусь от своих идеалов. Даже если мне отрежут не только ноги, но и обе руки, я все равно пойду на фронт и буду лежать там в окопе, словно мешок с землей, чтобы защищать бойцов от ваших пуль и снарядов».

Наш конфликт прекратился благодаря вмешательству двух иранцев и нескольких мусульман из Турции. Я предупредил своего попутчика, что с этого дня монафегины будут назойливо лезть к нему повсюду. Между мучившими его приступами кашля он то и дело повторял одни и те же слова: «Положимся на Аллаха. Я доволен тем, чем доволен Он».

В конце концов приехала машина и увезла нас в Иранский дом города Аахен.

Там находилось трое или четверо врачей, которые из-за высокой стоимости услуг больницы Аахена занимались лечением раненых прямо на месте и отвозили их в больницу только в случае необходимости или для хирургических операций. Все операции мне уже были сделаны, и оставалось только ждать, когда мне изготовят новые ноги. Поэтому я остался там, а моего товарища положили в пульмонологическое отделение больницы. Через два дня мне сообщили, что он скончался.

На третий день с моих ног сняли фиксаторы, состоявшие из прутьев и скоб. Выступы обрубленных костей за несколько месяцев выросли. По предложению медперсонала Иранского дома меня положили в больницу, где удалили наросты костей, которые больше не росли.

В больнице уже лежали новые раненые. Багеринежада, Каземи и остальных ребят не было и в помине. Все разговоры были только о моем попутчике с химическим поражением легких, которые у него отказали настолько, что он умер еще до начала лечения.

На протяжении примерно сорока дней мы ежедневно вместе с двумя ребятами, которые были в аналогичном состоянии, ездили из Иранского дома в одну из клиник Аахена на физиотерапию. Монашегины опять собрались у Иранского дома и стали скандировать лозунги. Большая часть ребят были колясочниками. Словно львы в клетке, они кружили перед входными дверьми и просили сотрудников Иранского дома открыть двери, но те не разрешали им выйти.

За дверью стояли монашегины, которые пинали по ней, стучали палками и кричали ругательства в наш адрес, а мы были вынуждены лишь глотать их ругань.

Сотрудники Иранского дома поставили в моей комнате телефон, по которому я раз в неделю звонил домой, чтобы спросить, как там дела, и не злоупотреблял этим, потому что каждый звонок обходился Иранскому дому в 600 марок. Моя комната превратилась в настоящий переговорный пункт. Другие раненые пользовались моим телефоном, и иногда мне приходилось делать им замечания.

Во время одного из звонков домой супруга сообщила мне, что накануне Нахаванд подвергся сильнейшей бомбардировке. Вся родня уехала в деревню, потому что там безопаснее.

Я сказал:

– Хорошо, тогда ты тоже возьми детей и поезжай в деревню.

Она ответила:

– За прошедшие шестнадцать месяцев погибли мой брат и отец, Хосейн был ранен во время бомбежки, тебе оторвало ноги. Для меня покой и комфорт не имеют никакого значения. Я хочу, как ты сам ранее говорил, получить награду от вашей отваги и с некоторых пор хожу в женскую часть Басиджа в Нахаванде для военной подготовки.

Это был самый долгий наш телефонный разговор, и я знал, что она не уступит, даже если я начну настаивать, чтобы она поехала в деревню. С другой стороны, участвуя в деятельности женского подразделения Басиджа, она могла лучше понять меня.

Через два месяца мне сделали ножные протезы. Они представляли собой пластиковые ноги от колен до ступней, на которые я мог надевать носки и обувь. Надев их в первый раз, я испытал настоящее удовольствие. Все эти восемь месяцев мне хотелось стоять на своих ногах. Однако, попытавшись сделать шаг, я закрутился, словно волчок, и ничком упал на пол. Санитары уставились на меня в удивлении:

– Что это ты вытворяешь?!

Я сказал:

– Я не могу ходить на искусственных ногах. Чувствую себя, как Пиноккио.

– А ты думал, что с первого раза сразу побежишь?!

Они принесли мне костыли, взяли меня под руки и стали потихонечку водить меня, проходя со мной шаг за шагом, чтобы, прожив полжизни, я заново учился ходить.

Один из новоприбывших инвалидов был таким же балагуром и шутником, как и Каземи. Он говорил: «Если свояк – это родня, а “Жийан”<sup>1</sup> – это машина, то тогда и пластмассовые ноги – это вполне себе ноги!».

Я думал о том, что смогу вернуться на этих ногах на фронт, а потому начал тренироваться уже на следующий день. Хватаясь руками за металлическую изгородь, которой был обнесен Иранский дом, я тихонечко ходил вокруг него.

---

<sup>1</sup> Так в Иране называли французский микролитражный автомобиль “Citroën Dyane”, который производился в Иране в 1970-е годы и был предметом шуток из-за своих миниатюрных размеров (прим. пер.).

Искусственные ноги стали моими новыми товарищами. Даже просто видеть их было для меня большой радостью и приводило меня в восторг. Ночью я спал вместе с ними. Хотя в жару колени нагревались и болели, я все же чувствовал, что у меня есть ноги. Понемногу я стал ходить, и врачи сказали, что я могу возвращаться в Иран. Я купил себе в Германии пару специальных медицинских ботинок и попрощался с каждым из инвалидов, вместе с которыми прожил несколько месяцев. В тот день все врачи и санитары выстроились в коридоре больницы и в очень учтливой и любезной манере проводили меня на родину.

\*\*\*

Когда я вышел в аэропорту Мехрабад, Тегеран дрожал от взрывов, ракеты «воздух – земля» рушились прямо на незащищенных людей. Всюду звучали сирены воздушной тревоги, но иракские истребители летели на такой высоте, что были вне досягаемости любого нашего оружия. Меня ждала машина санитарной службы Корпуса. Мои новые ноги придавали мне уверенности в себе, и я сказал:

– Поедем, посмотрим, где бомбят.

Мне ответили:

– У нас нет на это разрешения. Мы должны отвезти вас в Нахаванд.

Помня о моем прошлом приезде, ни я, ни моя семья не хотели создавать хлопот для людей. Я поехал домой без лишней шумихи. Встречать меня пришли только самые близкие и, как всегда, несколько ребят из батальона. Когда жена, дети и мама увидели, что я иду на своих ногах, их радости не было предела.

После моего приезда дети сразу начали играть и шалить. Пятеро сорванцов разного возраста прыгали на меня и пытались поцеловать.

Стоило мне отстегнуть протезы, они сразу же исчезали. Тайком от меня дети играли с моей обувью, представляя, что это ракеты. Иногда мои искусственные ноги оказывались в доме наших соседей. Дети пугались, когда видели, что культы на моих коленях шевелятся. Им было невдомек, что это за такие необычные ноги. Без искусственных ног мне приходилось передвигаться по полу. Я ползал, как дети, и становился одним из них.

Через пару недель все это стало мне приедаться. От командира дивизии пришло известие, что близится очередная операция. Хотя я и пытался показать, что твердо стою на своих новых ногах и ловко управляюсь с ними, без костылей я не мог сделать и шага. В своей комнате я отбрасывал костыли в сторону и упражнялся в ходьбе без них, но очень скоро падал на пол, детишки обступали меня вокруг и звали маму.

В конце концов я честно сказал о том, что меня заботило:

– Я хочу поехать на фронт.

Жена возразила:

– Ты не можешь из этой комнаты дойти до другой. На тебе больше не лежит никаких обязанностей.

Не только супруга, но и вся моя родня считала, что мне нужно оставаться в Нахаванде. Одновременно, по договоренности между командиром дивизии и командиром КСИР в провинции Хамадан, я был представлен к должности командира штаба КСИР в Нахаванде. Все это давало моим близким повод для того, чтобы уговаривать меня остаться дома. Жена постоянно указывала мне на мои ноги и ссылалась на шариатские нормы, а я приводил ей примеры из жизни великих деятелей и сподвижников Пророка и Имама Хусейна.

Мне впервые приходилось надевать не ботинки, а ноги. Бойцы дивизии воевали на двух разных фрон-

тах – в Мавуте, где я оставил свои ноги, и на западе – на высотах у иракского города Халабджа.

Началась операция «Вальфаджр-10», и несколько дивизий КСИР выдвинулось от пограничных высот в Мариване, Паве и Джаванмарде в направлении городов Халабджа, Хурмал, Бияра и Саид-Садик. Ребята нашей дивизии располагались на покрытых зеленью равнинах в окрестностях Халабджи, и мы приехали в их расположение у истока какой-то реки. Несмотря на помощь костылей, я мог лишь проведать ребят. Спустя девять месяцев я снова слышал вой мин и артиллерийских снарядов.

На дворе было 15 марта, и в воздухе пахло весной. Весенний ветерок гнул к земле траву, которая выросла уже по колено. В это время иракские самолеты подвергли Халабджу бомбардировке химическими бомбами. Мы лишь издалека видели, как огромные клубы серых взрывов поднимались над самым центром города, свидетельствуя о том, что там происходила страшная гуманитарная катастрофа. Все возвращавшиеся в лагерь из Халабджи рассказывали о множестве женщин, мужчин и детей, чьи тела валялись на улицах города. В тот день за считанные минуты погибло около 5000 жителей Халабджи, которые отравились смесью нервно-паралитических газов, горчичного газа и цианидов. Это были химические газы, поставленные Ираку западными государствами вроде Германии, Англии, Франции, Голландии и Испании.

Все пять дней, проведенные мною в районе операции «Вальфаджр-10», меня возили на машине. В один из дней я заехал в батальон «Хазрат-е Абольфазль». От радости я себя не помнил. Мы провели вместе с командиром батальона хадж Мехди Зафари и другими ребятами около часа. Хадж Мехди рассказал, что расположение батальона, как и многие другие объекты в районе операции, подверглось бомбардировке химическим оружием,

и три бойца, в том числе Джалалванд, начальник отдела пропаганды штаба КСИР в Нахаванде, погибли от удущья, отравившись газами, под воздействием которых их тела стали черными, словно уголь.

Я вернулся в Нахаванд. Всю дорогу от Керманшаха до Нахаванда я видел палатки Красного Полумесяца<sup>1</sup>, в которых размещались беженцы и выжившие жители курдского населенного пункта Халабджа. Многие нахавандцы вызвались добровольцами, чтобы оказывать помощь курдам Халабджи и размещать их у себя в домах. Штаб КСИР и отделение Басиджа в Нахаванде сыграли в этом процессе важную роль. Несмотря на то, что у нас было пятеро детей, моя супруга также стремилась участвовать в оказании помощи этим людям через женское подразделение Басиджа.

\*\*\*

В апреле 1988 года дивизия «Ансар оль-Хосейн» в третий раз сменила своего командира. Хадж Али Шадемани ушел в дивизию кадровых ксировцев, и командование взял на себя Сейед Хамид Салеки, один из нахавандских командиров.

Я был приглашен в качестве командира штаба КСИР в Нахаванде на заседание, посвященное проходам старого командира и знакомству с новым. Я не мог оставаться в Нахаванде, а потому, когда господин Салеки предложил мне должность руководителя штаба дивизии, я, не раздумывая, согласился.

Теперь, имея наполовину непригодное для чего бы то ни было тело, я занимал должность сразу в двух

---

<sup>1</sup> Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца (в Иране существует национальная организация Красный Полумесяц) – международное гуманитарное движение, объединяющее миллионы сотрудников и волонтеров по всему миру (прим. пер.).

местах. Два дня в неделю я находился в штабе КСИР в Нахаванде, а в остальные дни ездил в штаб дивизии в Чарзебар, а свои нахавандские дела поручал заместителю.

Чарзебар представлял собой горный лагерь на границе областей Керманшах и Эсламабаде-Гарб, который наша дивизия выбрала в качестве своей тыловой базы еще в 1984 году для обеспечения западных участков фронта.

Мы располагались на западе, но основные бои шли на юге. В начале апреля 1988 года Ирак провел мощное наступление и, применяя отравляющие газы, вернул назад Фао, а спустя некоторое время занял также и остров Маджнун. В это время моя задача заключалась в смотре западных фронтов от Джаванмарда до Касре-Ширин, Сумара и Мехрана.

Дальше всего иракцы продвинулись на участке фронта в Сумаре. Они разместили свои танковые части на берегу реки Сумар, а сами купались в воде, как будто там и не пахло боевыми действиями. Передовые рубежи на всех этих фронтах находились в распоряжении частей армии Исламской Республики, и на совместных совещаниях с армейскими командирами, проходивших в штабе «Наджаф», мы выражали свою обеспокоенность подобным положением дел, но и у них, как и у КСИР, были проблемы с обеспечением и пополнением личного состава.

На суше военный баланс складывался в пользу иракцев. Они распространили бомбежки с применением химического оружия с фронтовых районов на города, подвергнув химическим атакам Сардашт, Ноусуд и несколько приграничных сел.

Под стать безнаказанным действиям баасистской партии, американцы провели свои флотилии через Ормузский пролив. Самым гнусным их деянием было



нападение ракетного крейсера «Винсенс» на пассажирский авиалайнер компании «Иран Эйр»<sup>1</sup>.

В середине июля главнокомандующий КСИР провел в Тегеране заседание, куда пригласил руководство боевых частей – от командиров дивизий до начальников штабов. Это был ограниченный круг лиц, в который входили все основные ксировские фигуры, возглавлявшие боевые действия на фронтах войны. Ага Мохсен отметил, что в точности довел до духовного лидера ситуацию на фронте, имевшиеся проблемы и недостатки, и, вероятнее всего, в скором будущем будет принято новое решение по поводу дальнейшего ведения войны. Практически все командиры были в курсе письма господина Хашеми Рафсанджани, который был командующим на войне. Это письмо также было адресовано лидеру, и его основное содержание состояло в признании неспособности тогдашнего правительства обеспечивать фронт и отсутствия у него для этого достаточных возможностей. Мы были просто ошеломлены. Во время доклада ага Мохсена несколько командиров стали с ним спорить. Некоторые ходили по залу и плакали. Несколько человек буквально бились головой о стену от негодования.

Командиры КСИР хотели воевать дальше. Все были единогласны в вопросе недостатка личного состава и ресурсов для ведения войны, но мотивы участия в джихаде, как и в первые дни этой навязанной нам войны, по-прежнему были для них на первом месте. Все были

---

<sup>1</sup> Авиалайнер Airbus компании «Иран Эйр» с 290 пассажирами на борту летел из Бандар-Аббаса в Дубай. 3 июля 1988 года он был сбит ракетой над Персидским заливом. Все пассажиры и экипаж самолета погибли.

Американцы делали лживые заявления о том, что авиалайнер был сбит по ошибке, будучи принят за иранский истребитель F-14, но после выяснения всех обстоятельств не только не извинились, но и наградили капитана судна Уильяма Роджерса орденом Мужества (*прим. авт.*).

просто шокированы тем, что война закончится принятием резолюции 598<sup>1</sup> ООН. Все мысли были заняты тем, о чем сейчас думает наш лидер Имам Хомейни и какое решение он примет в качестве главнокомандующего всеми Вооруженными силами страны.

Мы все еще находились в шатре. Хотя от иракской границы в Касре-Ширин нас отделяли 150 километров, я не мог думать ни о чем другом, кроме того, что иракцы могут на вертолетах зайти к нам в тыл и совершить дерзкую высадку, как это было на острове Маджнун<sup>2</sup>.

Командир дивизии имел более тесные контакты с командованием штаба, и во всех вопросах, связанных с делами батальонов, мне нужно было пользоваться своим восьмилетним опытом участия в войне.

Никому из бойцов даже в голову не приходило, что наш район в Чарзебаре, настолько отдаленный от границы, скоро станет передовой линией фронта, и судьба войны будет окончательно решена в этом ущелье.

Хадж Хосейн Хамадани, первый командир «Ансар оль-Хосейн», еще с 1984 года выбрал Чарзебар в качестве тыловой базы нашего подразделения. Это место находилось слева от трассы, в окружении дубов, и получило название «Гарнизон имени Махмуда Шахбази». Этот лагерь имел для нас ряд преимуществ. Во-первых, от него

---

<sup>1</sup> Резолюция 598 Совета Безопасности ООН (1987) – документ, принятый единодушно 20 июля 1987 года, который призвал к немедленному прекращению огня между Ираном и Ираком и репатриации военнопленных, а также отходу вооруженных сил обеих сторон к международным границам. Окончательно вступила в силу 8 августа 1988 г. (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> В ходе атаки на остров Маджнун враг с помощью широкого применения бомб с химическими зарядами и массированного артиллерийского огня сумел на вертолетах высадить свою пехоту рядом со штабом 8-го корпуса. Во время этих событий часть командиров этого секретного штаба попала в плен, а командир штаба Али Хашеми был убит (*прим. авт.*).

можно было меньше чем за три-четыре часа доехать до Хамадана. Для нашей дивизии, тыловое обеспечение которой производилось в провинции Хамадан, эта близость имела большое значение. Во-вторых, здесь проходила главная магистраль, по которой происходило снабжение всего западного фронта, в особенности Саре-Поле-Захаб и Касре-Ширин, а значит, центр всего западного участка фронта располагался здесь.

Я отдал приказ всем батальонам и частям дивизии замаскировать палатки и расположения бойцов в Чарзебаре дубовыми листьями и ветвями. Затем я провел совещание с батальонами боевого обеспечения, вроде артиллерийских, реактивных артиллерийских и зенитных дивизионов, на котором было решено, что орудия будут размещены вблизи Чарзебара таким образом, будто бы фронт должен проходить прямо здесь.

Командиры подразделений огневого обеспечения смеялись: «Где мы, а где фронт?». Они говорили с усмешкой: «На западе вообще ничего не происходит. Все усилия иракцев сосредоточились на южных фронтах. После Фао и Маджнуна они наверняка пойдут на Шаламче».

## Глава 11

### БОГ БЫЛ С НАМИ

В начале июля 1988 года часть бойцов фронта в Мавуте начала отступление. Они с горечью и грустью говорили: «За одну ночь мы оставили все, что заняли за целый год, и отступили до нулевой точки на границе в Бане».

18 июля 1988 года по радио передали послание Имама Хомейни о признании резолюции 598. Эта новость ошарашила даже нас, хотя мы готовили себя к тому, что придется ее услышать. Печаль и тоска омрачили лица каждого из нас. Со мной в штабе было несколько выдающихся и авторитетных представителей духовенства. Пара командиров батальонов обратилась ко мне с просьбой отправить к ним в батальоны улемов, чтобы они успокоили бойцов. Однако эти духовные лица были, как и все, погружены в траур. Им было уже не до проповедей и наставлений.

Первое и последнее слово всегда было за Имамом, и все знали, что он не выносит решений, в которых не было бы мудрого замысла. Однако в сердце каждого вспыхивал огонь негодования, когда он слышал в этом послании Имама такие слова, как «испить чашу яда»<sup>1</sup>, которые лишали нас покоя. В то же время послание Има-

---

<sup>1</sup> Имам Хомейни в своем послании назвал решение об окончании войны «чашей яда», которую ему пришлось испить (*прим. пер.*).

ма было исполнено надежды и добрых знаков. Будто бы некая потусторонняя сила призывала всех к спокойствию, гасила полыхавшие в душах ребят очаги негодования, словно прохладная вода.

Несмотря на признание резолюции и объявление времени для двустороннего прекращения огня, опьяненные гордыней баасисты продолжали свои передвижения, и внимание всего командования КСИР было направлено на юг, в район города Ахваз.

Как и в первые дни своей агрессии в 1980 году, иракцы подошли к шоссе Ахваз – Хоррамшахр, так что уже не только Хоррамшахр, но и Ахваз оказались под угрозой падения.

Я ездил на пару совещаний в штаб «Наджаф», но основная часть командования, например, командир штаба Нурулла Шуштари, находилась на юге, и мы проводили совещания вместе с господином Данешьяром, начальником планово-оперативного подразделения штаба. Наши выводы сводились к тому, что окрыленный успехами враг захочет продолжить наступление и направит свои основные усилия на взятие Ахваза. С другой стороны, приходили сведения о том, что после выхода послания на юг отправился целый поток басиджей и добровольцев из народа, чтобы дать отпор баасистам. Это были простые люди, многие из которых не имели никакого снаряжения и приехали на трассу Ахваз – Хоррамшахр даже без оружия.

Господин Данешьяр говорил, что враг осуществляет передвижения войск на большей части протяженной западной границы и на некоторых участках фронта перешел рубеж, в связи с чем следует сохранять бдительность.

Я вернулся из штаба, вызвал к себе командиров батальонов и сказал: «Мы здесь зря протираем штаны, а основные бои идут на шоссе Ахваз – Хоррамшахр. Поскольку нам передали линию обороны на острове Мину

и в Абадане, 152-й батальон «Хазрат-е Абольфазль» и 153-й батальон «Гасем эбн оль-Хасан» должны отправиться на юг».

Мы собрали восемнадцать автобусов и отправили на юг бойцов этих двух батальонов вместе с частью бойцов реактивно-артиллерийского и артиллерийского дивизионов, а также диверсионного подразделения. Четыре батальона, в каждом из которых было более 60 человек, мы оставили в Чарзебаре, чтобы пополнить их новобранцами из провинции Хамадан.

Мои мысли были полностью заняты невероятной операцией врага, который вел наступление со стороны шоссе Ахваз – Хоррамшахр. Иногда я задумывался о том, может ли то же самое произойти на шоссе Саре-Поле-Захаб – Чарзебар? Когда я представлял себе рельеф и географию этого шоссе, сердце немного успокаивалось, потому что наличие перевала Патаг, позволявшего контролировать всю равнину в районе Саре-Поле-Захаб, давало нашим войскам хорошую возможность стрелять с высоты перевала из танка прямо под ноги врагу, не пропуская его дальше.

С другой стороны, я думал: кто бы мог поверить, что враг так быстро дойдет до шоссе Ахваз – Хоррамшахр? А раз так, мы должны готовиться к любым возможным вариантам развития событий на этом шоссе. Поэтому я собрал всех бойцов, даже шоферов и поваров, попросив их взять свое личное боевое снаряжение. Я также сказал артиллеристам: «Как только они разместят свои батареи, вы должны быть готовы в случае, если враг окружит вас со всех сторон, стрелять по ним не из орудий, а из “калашей”». Хотя ребятам и было немного смешно это слышать, они подчинились и получили снаряжение.

Утром 25 июля командир дивизии Сейед Хамид Салеки прислал с юга сообщение, чтобы мы отправили еще один батальон в Абадан. Помимо дивизии «Ансар оль-

Хосейн», он также командовал 40-й инженерной дивизией «Сахейб оз-Заман», а потому в силу сложных обстоятельств все время находился на юге.

Несмотря на этот приказ, я колебался и не торопился с отправкой батальона из Чарзебара на юг. Тем не менее приказ есть приказ, и я сказал бойцам 154-го батальона «Хазрат-е Али Акбар», чтобы они готовились к отправке, но сама подготовка настолько затянулась, что еще до захода солнца бои с юга дошли до нас, и именно отборные и опытные бойцы батальона «Хазрат-е Али Акбар» стали моей главной опорой во время операции «Мерсад».

Когда автобусы для переправки бойцов батальона на юг так и не приехали, командир дивизии начал возмущаться. Приходили сообщения: «Ну-ка пошевеливайтесь. Уже поздно. Почему вы не отправляете батальон?». Я занимался подготовкой бойцов, а уже во второй половине дня в штаб дивизии в Чарзебаре вошел встревоженный человек с лицом, перемазанным землей. Запыхавшимся голосом он говорил: «Мне нужно к хадж Мирзе».

Когда он вошел, я сперва его не узнал. Он безо всякого вступления сказал: «Я приехал из Саре-Поле-Захаб. Иракцы прошли через Касре-Ширин, взяли Саре-Поле-Захаб и уже дошли до перевала Патаг».

Я был настолько поглощен этим тревожным известием, что позабыл о том, что это был ходжат оль-эслам Натеги, представитель Имама в штабе «Наджаф». Он был одет не в накидку и чалму, а в курдские шаровары и рубашку цвета хаки. С нескрываемым раздражением он спросил:

– Чего ты ждешь?!

Я сказал:

– Они с ума сошли, что ли, чтобы идти через Патаг? Получается, все бойцы гарнизона «Абузар» мертвы?!

– Сейчас не время разглагольствовать, – ответил он. – Если сейчас бездействовать, тебе нечего будет от-

ветить Иمامу, мученикам и истории. Если ты сейчас промедлишь, они дойдут до Керманшаха – прямо по нашим трупам!

Хадж-ага Натеги все еще сверлил меня взглядом и ждал, когда я мобилизую дивизию. Он нервничал и что-то бормотал себе под нос, а я тоже говорил полупшепотом. После того, как мне оторвало ноги, я слышал на одном траурном собрании стихотворение, которое, как мне тогда показалось, совпадало с моим состоянием, и я нашептывал в те минуты: «Ныне я сбился с ног, возьми же меня за руку».

В конце концов терпение хадж-аги иссякло, и он сказал то, чего ему явно не хотелось говорить, но пришлось:

– Ты ждешь, когда они придут и спустят с вас всех штаны?!

Я ничего не сказал – и слава Богу, потому что он зрил в корень.

Я немедленно объявил боевую готовность всем батальонам и подразделениям, располагавшимся в Чарзбаре, затем вызвал к себе каждого пятого бойца от всех батальонов для получения информации о местонахождении врага и разработки операции по отражению вражеского наступления. Однако перед принятием решения нужно было отправить на передовую группу бойцов для добычи необходимых сведений.

Я вызвал к себе Хади Фазли, который был одним из ветеранов разведывательно-оперативного подразделения и отвечал за разведку во 2-й бригаде «Кербела». После того, как он выслушал доклад хадж-ага Натеги, я сказал ему:

– Возьми своих отборных бойцов и иди на передовую до того места, где находятся иракцы.

Хади вместе с двумя ребятами сел в пикап «Тойота», а за ними приготовились выехать еще три или четыре машины. Провожая их, я сказал:



– Хади, поезжай быстрее. Если придется вступить в бой, оставайся на месте, но отправь кого-нибудь, чтобы он передал нам, докуда они продвинулись.

Разведчики выехали, а господин Данешьяр, начальник планово-оперативного подразделения штаба «Наджаф», сломя голову примчался в лагерь и сообщил нам ту же новость, что и хадж-ага Натеги. Конечно, он допускал, что за это время враг уже прошел через перевал Патаг и был на подступах к Керенду.

Господин Данешьяр спросил:

– «Сколько у вас бойцов?».

– Большая часть бойцов на юге. Остальных тоже должны были отправить на юг, но из-за сложившейся ситуации они остались здесь, – сказал я.

– Так сколько же, в конце концов, у вас батальонов?! – вновь спросил он.

Я сказал:

– Четыре неполных батальона. И еще я отправил ребят из разведки на передовую, чтобы они добыли сведения. Как только они вернутся, я отправлю батальоны вперед.

Видя нашу готовность, господин Данешьяр со спокойной совестью вернулся в Керманшах, чтобы доложить обстановку руководству провинции, в особенности Совету по тыловому обеспечению провинции Керманшах.

До этого времени в Чарзеваре еще не было бойцов из провинций Тегеран, Семнан и Керманшах. Получив сведения от Хади Фазли, я без промедления доложил обо всем по телефону Али Шамхани, заместителю главнокомандующего КСИР.

\*\*\*

Солнце еще не зашло за горы, когда Хади Фазли вернулся совершенно один. Из раны на его голове на лицо

и одежду стекала кровь, а пулевые отверстия на лобовом стекле пикапа свидетельствовали о том, что ребята побывали в бою.

Я спросил:

– Хади, что случилось?!

– Хадж Мирза, иракцы прошли через Керенд и Эсламабад. Они уже прямо у нас под носом, – задыхаясь, ответил он.

– Где?! – удивленно спросил я.

– На том конце ущелья Чарзебар. На спуске с перевала Хасанабад.

Дальше он объяснил:

– Мы думали, что враг еще на подступах к Керенду, и давили на газ, ну и нарвались на их бронетранспортеры. Пока мы развернулись, они нас обстреляли.

Я спросил:

– А где твои ребята?!

– Они на передовой. Ведут бой.

Хотя Хади получил пулевое ранение, он просил разрешения собрать остальных ребят из разведки и вернуться на место боя у перевала Хасанабад.

Я сказал:

– Поезжай, но привези своих бойцов обратно. Нам нужно закрепиться на высотах Чарзебара раньше врага. Если они дойдут до Чарзебара, считай, что Керманшах у них в руках.

Я немедленно собрал все батальоны в штабе. У нас было только два батальона, которые с утра приготовились ехать на юг, но с задержкой автобусом сыграла нам на руку.

Третий батальон под командованием Махмуда Раджаби, укомплектованный бойцами из областей Разан, Фаманин и Гахаванд, я ранним утром уже отправил на юг. Он включал в себя 120 басиджей, которые могли очень выручить меня в этих критических условиях. Их

путь на юг пролегал через Чарзебар в сторону Эсламабада, а затем через Камарбанди в сторону областей Поле-Доhtar и Андимешк. Я не знал, как сложилась судьба этих 120 ребят, когда они проходили через Эсламабад. Была вероятность, что они повстречались с вражеской колонной и вступили в бой. Вторая версия заключалась в том, что они выехали из Камарбанди еще до того, как враг прошел в Эсламабад. Я очень надеялся, что подтвердится именно вторая версия.

Четвертый батальон под командованием Али Акбарипура отдыхал после прибытия с северо-западного фронта в Хамадане, но в тот же день они приехали в Чарзебар, хотя я и не успел отправить сообщение в командование дивизии в Хамадане. Они подоспели вовремя, словно ангелы, направленные Аллахом для нашего спасения.

На заседании я сказал командирам батальонов:

– Вы не поверите, но иракцы уже в трех-четыре километрах от нас. Здесь только мы и наш Господь. Если мы сегодня промедлим хотя бы секунду, то опорочим кровь десятков тысяч мучеников. Иракцы сочли признание нами резолюции за слабость. Они не следуют никаким договорам и соглашениям. Поэтому мы должны показать, что мы готовы ко всему.

Аббас Замани, командир батальона «Хазрат-е Али Асгар», сказал:

– Хаджи, у нас на каждого бойца даже одного магазина патронов не найдется.

Я сказал:

– Рви врага ногтями и зубами. Если вам нечем воевать, то идите на высоту Чарзебар и кидайте в них камни.

Рассказав о критическом значении этого района, я получил от командиров данные о готовности личного состава. Сил было недостаточно для того, чтобы полностью укомплектовать четыре вершины, располагавшиеся по обе стороны от шоссе. И мы не знали, что нас

ждет на том конце ущелья, с какими силами враг пришел в наш район.

Я с самого начала войны не принимал никаких слов о недостатке чего бы то ни было, если это вело к колебаниям и сомнениям. Конечно, я сказал, чтобы они воевали палками, дубинами и камнями, но мне надо было отправить ребят из боевого обеспечения в Керманшах, чтобы привезти оттуда боеприпасы.

В этот момент Али Акбарипур сказал:

– Хаджи, я привез с собой целый грузовик боеприпасов для легкого стрелкового оружия, – и объяснил – Когда мы отступали на фронте Мавут, ни один военный арсенал не принял у нас боеприпасов, и нам пришлось забрать их с собой в Чарзебар.

Я спросил:

– Где вы их выгрузили?

– У подножия холма, здесь рядом. Думаю, их хватит, чтобы четырем батальонам продержаться дня два-три.

Если ребята из Кабудараханга приехали к нам по чистой случайности, то как можно было объяснить появление боеприпасов, которые в эту ночь были нам нужнее, чем кусок хлеба?! Я был уверен, что эти вещи были за гранью наших субъективных расчетов и служили примером данных в Коране обещаний: «О те, которые уверовали! Если вы поможете Аллаху, то и Он поможет вам и утвердит ваши стопы»<sup>1</sup>.

После захода солнца произошло еще одно неожиданное и удивительное событие, корни которого опять следовало искать в Божьем провидении. На закате снова пришел Хади Фазли. Он все еще был на ногах, несмотря на ранение в голову, и сказал:

– Ребята ведут бой с врагом. Алиреза Мирзаи и хаджага Абеди-Техрани погибли. Мы уже возвращались, как

---

<sup>1</sup> Коран, 47:7.

откуда ни возьмись показался автобус, который ехал со стороны Чарзебара в Эсламабад. Мы их остановили, а они и не знали, что враг дошел до перевала Хасанабад. Собирались проехать через Камарбанди и Эсламабад на юг.

Я спросил:

– Сколько их? И из какой они дивизии?

Фазли сказал:

– Примерно сорок пять человек в полном снаряжении. Из 9-й дивизии «Бадр».

– И как они поступили?

– Вышли из автобуса и пошли прямо на врага.

9-я дивизия «Бадр» состояла из иракских ребят, которые годами воевали бок о бок с нами, но никто не мог предвидеть, что они смогут попасть на это шоссе раньше бойцов из нашего разведывательно-оперативного подразделения и тем самым замедлить и остановить дальнейшее продвижение врага.

Когда Фазли докладывал о вступлении в ближний бой с врагом, он сказал, что на машинах врага видны эмблемы ОМИН, а сами они окликали друг друга на фарси.

Хуже, чем новость о продвижении врага на 150 километров от границы вглубь нашей территории, могла быть только новость о том, что мы воюем с парнями и девушками, которые общались на фарси<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> После долгих лет преданной службы иракской партии «Баас», полагая, что после признания резолюции 598 Исламская Республика находится на грани распада, они устроили карнавал под названием «Национально-освободительное движение Ирана». 25 июля примерно 5000 человек из лагеря «Ашраф» пересекли иранскую границу в Касре-Ширина и к вечеру дошли до Хасанабада. По задумке лидеров этой лицемерной организации, они должны были пройти от границы до Тегерана за два дня. Они питали те же иллюзии, что и Саддам в 1980 году, который считал, что со своим лозунгом «освобождения Хузестана» он через тридцать дней уже будет в Тегеране.

Согласно полученным от членов ОМИН документам, около 5000 их бойцов были организованы следующим образом:

Горечь этой новости окупалась сладостью присутствия на фронте иракских моджахедов, и я сказал Фазли:

– Хади, видишь, как Аллах все удивительно устроил. Иранцы воюют на стороне Саддама, а иракцы – на нашей стороне!

Фазли сказал:

– Еще неизвестно, нет ли за спиной у монафегингов баасистов. Судя по всему, Саддам просто бросил их впереди своих солдат.

– Я тоже так думаю. Но ты ранен. Сходи в санитарный пункт, пусть сделают тебе перевязку.

Хади Фазли мог поехать в тыл, но он остался. Возможно, он знал, что через два дня получит смертельное ранение.

Выслушав последние новости от Хади Фазли, я не стал медлить ни секунды и связался с Хамидом Асгари, который выполнял обязанности руководителя штаба КСИР в Хамадане, попросив его задействовать все возможности провинции.

По чистой случайности Али Шамхани – один из представителей высшего командования – находился в Хамадане. Он подошел к телефону и стал разузнавать обстановку, задавая один вопрос за другим.

Я хорошо запомнил последние слова, которыми мы обменялись друг с другом. Я спросил:

---

а) первая группа под командованием Мехди Бодаги с тремя подчинявшимися ему бригадами должна была занять на западе города Керенд и Эсламабад;

б) вторая группа под командованием Эбрахима Закери с пятью бригадами должна была занять Керманшах;

в) третья группа под командованием Махмуда Мохаммади с тремя бригадами должна была занять Хамадан;

г) четвертая группа под командованием Мехди Эфтехари с двумя бригадами должна была занять Казвин;

д) пятая группа под командованием Махмуда Атаи с тринадцатью бригадами должна была занять Тегеран (*прим. авт.*).

– Брат Шамхани, если враг воспользуется живым щитом и поставит перед танками и бэтээрами беззащитных жителей Эсламабада, что нам тогда делать?

Господин Шамхани ответил:

– Постарайтесь любым способом отделить людей от вражеских построений. С помощью громкоговорителя или какого-нибудь другого средства попросите их отойти в сторону. Если это не поможет, все равно не позволяйте никому пройти через ущелье.

Хотя я попросил Хамида Асгари отправить в Чарзебар бойцов и все необходимое, для пущей уверенности и ускорения работы я позвал начальника мотострелкового подразделения дивизии и сказал:

– Поезжай в Хамадан и задержи там все пикапы «Тойота» и микроавтобусы с государственными номерами. Скажи им, если не сдадут свои машины для поддержки фронта в Чарзебаре, вражеские танки дойдут до Хамадана. За каждую машину, которую заберешь, дай водителю расписку.

Проведя всю необходимую штабную работу, я отправил батальоны к ущелью. Машин не хватало. Некоторым ребятам пришлось идти пешком три-четыре километра до ущелья, а через час они сообщили по рации, что обстановка спокойная и они расположились на всех четырех высотах Чарзебара.

На вечернем совещании я сказал командирам батальонов, что не могу приехать и пусть они меня не ждут. Но я не мог сидеть за горами и выслушивать новости с той стороны ущелья по рации.

Настроение у меня было хорошее. Такое же настроение, какое у меня было во всех предыдущих операциях, сочетавшееся с упованием на Бога и надеждой на Его помощь, придававшими мне спокойствие.

Я сел за руль. Издалека раздавались прерывистые звуки стрельбы. Я включил радио. Ведущий новостной

передачи зачитывал послание Имама о присоединении народа к рядам бойцов фронта.

Я тронулся в путь и через несколько минут добрался до первого ущелья, где располагались третья и четвертая высоты. На обочине шоссе я вышел и лег на носилки. Я должен был следить за происходящим, находясь на одной из четырех высот.

Четверо парней взяли носилки и пошли через траншеи по камням и скалистым уступам. Это было то еще зрелище. Меня на носилках поднимали наверх, а первых раненых несли на таких же носилках вниз. Когда мы проходили перед бойцами, закрепившимися на высоте, их разобрал смех. Они подумали: что это за раненый, которого тащат обратно на поле боя?! Я в бинокль рассмотрел все пространство от обочины шоссе до края ущелья Чарзебар и Хасанабада. Несмотря на ночной мрак, можно было видеть, как выстроились в длинную карнавальную процессию десятки «Тойот», грузовиков IFA, бронетранспортеров и колесных танков<sup>1</sup>. Чуть дальше стояли фуры, с кузовов которых спускали зенитные и минометные орудия. Стоявшие вокруг бойцы думали, что им предстоит воевать с иракцами. Никто, кроме меня и ребят Фазли, не знал, что это колонна монафегинов.

Над фронтом повисла загадочная тишина.

Было ясно, что после двух непродолжительных боев с группой Хади Фазли и моджахедами из «Бадра» монафегины планируют, как им пройти через ущелье.

---

<sup>1</sup> Эти танки бразильского производства, получившие известность в Иране как «Каскавар» (Энжеса ЕЕ-9 Каскавел – бразильская колесная боевая разведывательная машина, которая находилась с 1975 г. на вооружении бразильской армии и поставлялась в другие страны – прим. пер.), в отличие от других танков, были на колесном, а не на гусеничном ходу, чтобы быстрее двигаться по асфальтированным дорогам (прим. авт.).



Я связался с каждым из командиров батальонов, находившихся на высотах, и сказал:

– Будьте начеку, если что-то произойдет этой ночью. Завтра на подмогу нам прибудет много бойцов.

Потом я снова лег на носилки и вернулся с теми четверыми парнями к шоссе, а затем поехал в штаб, чтобы по телефону доложить обстановку в штаб «Наджаф» (в Керманшахе) и штаб «Годс» (в Хамадане).

Я связался со штабом «Наджаф». Командир штаба Нуrolла Шуштари все еще находился на юге. Мне сказали, что он уехал и придет через час-другой. Мне также сообщили, что часть ксировцев из штаба «Наджаф» выехала в Чарзебар и очень скоро прибудет в ущелье.

Я снова переговорил с Хамаданом и Хамидом Асгари. Он пообещал собрать со всей провинции несколько батальонов и постепенно присоединить их к дивизии. Я также связался с командиром дивизии Хамидом Салеки, и он сказал:

– До настоящего времени все наши мысли были заняты югом, а теперь – западом.

Он отдал приказ перекрыть монафегинам проход по ущелью с помощью насыпи. Я немедленно вышел на связь с инженерным подразделением дивизии и направил ко второй высоте ущелья погрузчик и бульдозер, чтобы они соорудили насыпь двухметровой высоты по всей ширине шоссе.

Примерно в полночь мне сообщили по рации, что работы по сооружению насыпи почти завершены. Это успокоило меня. Мои ноги ниже колен покрылись ранами, но возможности оказать мне помощь и сделать перевязку не было. Я снова вернулся в Чарзебар таким же образом, каким поднялся на высоту: четыре санитары вынесли меня на носилках. На крестьянских полях, которые отделяли нас от монафегинов, вокруг насосной станции, по краям шоссе шла стрельба и в воздухе висел запах дыма, опа-

ленных стебельков полевой травы и пшеницы, который на следующий день сменился жутким запахом горящих человеческих тел. За мной шел командир 155-го батальона «Хазрат-е Али Асгар» Аббас Замани. Мы двигались вперед, к выходу, со стороны насыпи между двумя высотами у входа в ущелье. Те четверо с носилками шли за нами. Дорога имела небольшой уклон, и я мог двигаться на костылях только по асфальтированной части дороги, на которой не было неровностей. Однако ночь выдалась темной, а сама дорога была для меня еще нехоженой, поэтому я несколько спотыкался и падал на землю.

\*\*\*

Кто бы ни встречал меня в ущелье, он обязательно о чем-нибудь просил. Чаще всего звучали просьбы о патронах для «калашей» и гранатах. Некоторые жаловались на холод, у кого-то не было с собой сухого пайка даже на одну ночь, а вода во флягах закончилась еще до того, как они успели вступить в бой. Вдруг меня увидел Эсмаил Фарджам, замкомандира 155-го батальона «Хазрат-е Али Асгар» по оперативной работе. Он прошел через такие сложные и тяжелые боевые операции, что обычно не говорил о нехватке чего бы то ни было, а проявлял терпение, но было похоже, что его ребята оказывали на него давление, как и на всех других командиров, сетуя на то, что им приходится воевать с пустыми руками. Он сказал то же, что и командир их батальона Аббас Замани: «Боеприпасов недостаточно».

Я сказал Фарджаму:

– Сейчас нет времени для этих разговоров. Поднимайтесь на гору и воюйте там с врагом камнями и палками. Ни одна живая душа не должна пройти через ущелье.

Эсмаил Фарджам ушел и расставил своих бойцов на высотах с левой и правой стороны в передней части ущелья. Четверо санитаров с носилками в руках поджидали

меня, но я взял костыли и пошел, опираясь на них, дальше вперед.

Кости под коленями стали врезаться в кожу, вызывая острую боль в ногах. Я всем своим весом налегал на костыли, чтобы идти самостоятельно, но в таких условиях двигаться пешком казалось мне столь же невозможным, как летать. Тем не менее мне во что бы то ни стало надо было идти дальше.

Отдав необходимые распоряжения ребятам из батальона «Хазрат-е Али Асгар», я встретил Бахрама Мобараки, командира 154-го батальона «Хазрат-е Али Акбар», чье тело также было покалечено. Он все еще страдал от осколочного ранения на острове Маджнун, когда крупный осколок вспорол ему живот. Во время операции «Кербела-5» его снова ранило. Тем не менее он старался держаться молодцом и подбадривал других. Бахрам был родом из Абадана. В те дни, когда мы воевали на юге, летом в 50-градусную жару он постился и говорил: «Здесь моя родина». Лицо Бахрама Мобараки навевало мне воспоминания о его командире Мохсене Омиди. Состояние и настрой Бахрама говорили о том, что он пройдет этот путь до самого конца, как это когда-то было видно по Мохсену Омиди.

Амир Шальбафийан, заместитель Бахрама Мобараки, стоял рядом с ним. Его взгляд был направлен куда-то мне в ноги, а слух ловил звуки сообщений из рации. Я знал, что его внимание привлекло мое ранение, но это не имело тогда для меня никакого значения. Я по рации поддерживал связь со ставкой командования. Они с Мобараки расставили две своих роты на некотором отдалении друг от друга на высотах с левой стороны ущелья. На их долю выпал один из самых тяжелых участков.

Я не знал, как обстояли дела впереди нас, но можно было примерно догадаться, что там происходило. Бой-

цы из оперативного подразделения дивизии и иракские ребята сумели остановить колонну. Монафегины оценивали обстановку, и я допускал, что они отправят к нам в ущелье кого-нибудь в качестве разведгруппы для перехвата радиопереговоров и разведки наших построений. Поэтому я предупредил всех командиров, располагавшихся с правой и левой сторон ущелья, чтобы они были начеку в случае появления вражеских дозорных. Потом я лег на носилки, и ребятам опять пришлось попрыгать, чтобы поднять меня на вторую высоту.

До утра мы пристально следили за колонной машин с включенными фарами, будучи готовыми отреагировать, если хоть кто-нибудь приблизится к ущелью.

Когда солнце поднялось над горизонтом, сотни автомобилей и бронетранспортеров, которые я едва мог разглядеть ночью, стали отчетливо видны. Это были белые «Тойоты», в кузовах которых располагались либо 32-миллиметровые зенитки, либо четырехствольные зенитные установки, либо пулеметы ДШК, множество грузовиков IFA и Hino<sup>1</sup>, на передних панелях которых красовались белые куски ткани с какой-то эмблемой – это была символика ОМИН.

При беглом и приблизительном подсчете на глаз можно было насчитать там более тысячи бронетранспортеров, танков, легковых и грузовых автомобилей, которые выстроились от подножия перевала Хасанабад до самого входа в ущелье.

Ровно в 5 часов 25 минут утра первый джип колонны тронулся с места и поехал вперед, а за ним – несколько танков и бронетранспортеров, которые стали спускаться через перевал Хасанабад в ущелье. Колонна еще не съехала с шоссе, и по ним никто не стрелял, пока они не

---

<sup>1</sup> Hino – японская марка грузовиков (прим. пер.).

подошли на расстояние двух километров от Чарзэбара, к первой и второй высотам ущелья.

Я находился чуть дальше, на третьей высоте. Разумеется, бойцы Аббаса Замани и Бахрама Мобараки могли рассмотреть колонну более детально, чем я.

Я недоумевал, почему никто не открыл стрельбу ни с той, ни с другой стороны. Казалось, каждая из сторон, как во время шахматной партии, пыталась предугадать следующий ход противника.

Я вызвал по рации ребят, находившихся на левой стороне ущелья, и спросил:

– Почему вы не вступаете в бой?

Эсмаил Фарджам, заместитель командира 155-го батальона «Али Асгар» по оперативной работе, ответил:

– Хаджи, мы не знаем, свои это или чужие. У них иранские знамена и вымпелы.

Я сказал:

– Стреляйте по этим предателям лицемерам!

Ребята в ущелье еще не знали, кто перед ними. По моему приказу бойцы, расположившиеся с левой стороны шоссе, у основания склона ущелья, открыли огонь.

Возможно, монафегинам не верилось, что после столь стремительного броска от границы через города Касре-Ширин, Саре-Поле-Захаб, Керенд и Эсламабад вглубь нашей территории на их пути возникнут какие-то серьезные препятствия. Конечно, согласно документам и наброскам маршрута их движения, они проделали определенные расчеты, в том числе знали, что тыловая база дивизии «Ансар оль-Хосейн» находится за ущельем Чарзэбар, в лагере имени мученика Шахбази. Согласно их расчетам, все силы Исламской Республики сосредоточены на юге для противодействия иракцам. Любое сопротивление на западном фронте быстро гасилось ими

в течение часа, после чего оставшаяся часть колонны продолжала движение в направлении Керманшаха<sup>1</sup>.

Они с легкостью обходили любое препятствие, которое встречали на своем пути. Чтобы достичь цели, они не гнушались никакими преступлениями – от казни членов Хезболлы и сторонников исламского строя до расстрела раненых в больнице Эсламабада<sup>2</sup>.

После начала стрельбы по-карнавальному стройные ряды монафегинов нарушились. Семь или восемь автомобилей, которые решили повернуть назад, столкнулись друг с другом, часть их перевернулась, часть стала мишенью для гранатометов, другие повернули назад и дали деру, чтобы отойти подальше и из танков и зениток открыть огонь по нашим ребятам. На этом этапе мы потеряли семерых бойцов убитыми и 64 ранеными. Я решил вернуться в лагерь и снова связаться с Керманшахом и Хамаданом по поводу пополнения личного состава и боеприпасов, когда увидел на горе Аббаса Нурийана, заместителя командира дивизиона реактивной артиллерии,

---

<sup>1</sup> Согласно документам и признаниям пленных оминовцев, они руководствовались следующим графиком движения, согласно которому весь путь от границы в Касре-Ширин до Тегерана должен был занять два дня:

Переход границы	16:00	25.07.1988
Прибытие в Касре-Ширин	17:00	25.07.1988
Прибытие в Саре-Поле-Захаб	18:00	25.07.1988
Прибытие в Керенд	20:00	25.07.1988
Прибытие в Эсламабад	21:00	25.07.1988
Прибытие в Керманшах	00:00	25.07.1988
Прибытие в Хамадан	5:00	26.07.1988
Прибытие в Казвин	11:00	26.07.1988
Прибытие в Тегеран	16:00	26.07.1988

<sup>2</sup> С течением времени вероломство монафегинов проявляло себя все очевиднее. 29 июля 1988 года, после завершения операции «Мерсад», когда я поехал из Эсламабада в Керенд и Саре-Поле-Захаб, я выслушивал леденящие душу воспоминания местных жителей о преступлениях монафегинов, совершенных ими в эти дни (прим. авт.).

который имел в распоряжении одну единственную «мини-катюшу» и запрашивал у ее расчета по рации огонь.

Увидев меня, он с удивлением смерил меня взглядом и озорно произнес:

– Ну наконец заработала.

– Что заработало? – спросил я.

– «Мини-катюша».

Потом он объяснил, что отправил все «мини-катюши» и минометные орудия 120-го и 81-го калибра на юг, а в Чарзебаре осталось только наполовину вышедшее из строя орудие, которое ребята отладили и приготовили к стрельбе.

Я передумал спускаться и сел рядом с Нурийаном на горе. У него не было даже карты и компаса, чтобы выбрать цель. В одной руке у него был бинокль, а в другой – трубка рации.

Я указал ему на несколько целей, и он запросил огня.

«Мини-катюша» стояла у нас за спиной, на территории лагеря, а цели располагались на прямой линии впереди нее. Было несложно корректировать огонь. В тот день одна «мини-катюша» выполнила работу сразу за всех.

В 8 часов утра я вернулся и увидел на шоссе восемьдесят человек, которые вошли в ущелье в зеленой форме КСИР.

Их глаза устремились на меня, потому что я все еще лежал на носилках, и они подумали, что я ранен и направляюсь в тыл, но я встал с носилок и сказал:

– Я Мирза-Мохаммад Сольги, начальник штаба дивизии «Ансар оль-Хосейн», а откуда вы?

– Из Керманшаха, – ответили они.

Я сказал:

– Наши ребята перекрыли ущелье слева и справа. Мы также возвели насыпь на шоссе. Враг растерян и ошеломлен.

Я рассказал им о расположении монафегинов, насколько позволяла возможность, потому что медлить было нельзя. Им надо было торопиться, и я тоже спешил. Поэтому я продолжил свой путь. Чем дальше я шел, тем больше видел бойцов, которые пришли к ущелью пешком или приехали на личных машинах. Они были из бригады «Гаэм» из Семнана.

Когда мы дошли до штаба, приехали ребята из 27-й дивизии «Мохаммад Расуллолах» из лагеря Кузаран и просили у нас боеприпасы.

Я сказал:

– Я дал приказ своим бойцам захватить боеприпасы у врага.

Тегеранцы также пошли на передовую с пустыми руками.

Теперь в лагере, возле палаток, в которых практически не было бойцов, взрывались мины монафегинов, а это означало, что они приготовились к полномасштабным боям. В это время я пару раз связался по рации с командиром батальона, который вел бой на переднем крае обороны. Бахрам Мобараки и Аббас Замани говорили: «Мы держимся, но нам нужны боеприпасы».

Они говорили: «Монафегины рассредоточились по полю и хотят обойти ущелье справа и слева».

Я указал Мобараки:

– Вы с парой свежих рот идите вперед, выйдите в поле на рубеж между Чарзебаром и Хасанабадом и обойдите их.

Так и было сделано. Мобараки взял с собой одну роту и пошел вперед.

В 9 часов, несмотря на пронзительную боль в затекших ногах и стекавшие по протезам струйки сукровицы и гноя, меня одолевала дремота. Я уже двое суток не спал. Мои веки почти сомкнулись, как вдруг из ущелья прибыл курьер, который сообщил, что водитель погрузчика возвел двойную насыпь в ущелье.



После того, как путь через ущелье был перекрыт, я немного успокоился, но все еще волновался из-за заканчивавшихся боеприпасов и недостатка бойцов в районе операции. Мне пришлось забыть о сне и выйти из штаба. Я увидел в небе несколько иракских самолетов, которые кружили над нами, но не бомбили.

Когда самолеты улетели, издали послышалось хлопанье вертолетных лопастей. Я подумал: «О Аллах, помоги. У нас нет больше сил». Я не мог идти, а рядом со мной не было ни одного бойца, которому я мог бы сказать, что иракцы собираются высадиться с вертолетов в тылу лагеря и перекрыть ущелье с другой стороны, чтобы монафегины прошли по нему. Хотя на прошлой неделе я только и думал о планах по противодействию операциям с переброской вражеских бойцов на вертолетах, но недостаток бойцов заставил меня отправить на передовую даже стариков из снабжения и обслуживающий персонал. В лагере оставалась лишь горстка бойцов из расчетов артиллерийских и реактивных орудий, готовившихся к ведению заградительного огня по противнику.

Шум вертолетных пропеллеров был слышен все сильнее. Во мне вновь пробудилось чувство, аналогичное тому, что мы испытали в тот день, когда иракские вертолеты кружили у нас над головами на трассе Фао – Умм-Каср.

Вдруг я увидел, что это вертолет Bell-214 с нашими опознавательными знаками. От радости у меня будто выросли крылья за спиной. Вертолет снизился и сел на площадке перед штабом. Когда лопасти вертолета перестали вращаться, на душе у меня стало спокойно. Увидев полковника Сайяд-Ширази, командира наземных сил армии, я уже не находил себе места от нахлынувших чувств. Он знал меня с очень давних пор, со времен операций «Вальфаджр» и «Гадер», и до сих пор помнил мое имя. Он был один, никого из командиров армии и КСИР в вертолете не было.

– Хадж Мирза, как дела? – спросил он.

Я доложил ему о расположении наших сил в ущелье, возведении в ущелье насыпи и продолжавшихся со вчерашней ночи до сегодняшнего утра боях, а затем сказал:

– Господин полковник, ребята дерутся не на жизнь, а на смерть, но нужно прислать еще бойцов и боеприпасы. У нас также нет огневой поддержки на земле и с воздуха.

Полковник Сайяд еще не обратил внимания на мои ноги, потому что я стоял. Он принес из вертолета карту и развернул прямо на земле, чтобы рассказать мне обо всем, что видел с вертолета. Сев на землю, я вытянул свои искусственные ноги, и он спросил:

– Брат Сольги, что с твоими ногами?

Я рассмеялся и сказал:

– Из-за них меня почти год не было на фронте.

Он сказал:

– Я рассмотрел с неба колонну монафегингов от начала до конца. Они сконцентрированы впереди, на границе между ущельем Чарзебар и перевалом Хасанабад. От Хасанабада до Эсламабада на дороге стоят небольшие группы машин. За Эсламабадом никого нет. Я с неба даже ваших ребят за насыпью и над ущельем видел.

Затем полковник Сайяд связался по радиации из вертолета с авиабазами ВВС в Дизфуле и Хамадане, а также с авиабазой наземных сил иранской армии в Керманшахе. На прощание он сказал:

– Здесь находится оборонительный рубеж Аллаха. Это ущелье станет для монафегингов их прижизненным адом.

Вертолет взлетел и скрылся вдали. Перед намазом я вышел на связь с командиром дивизии, находившимся на юге. Доложив ему обстановку, я попросил его отправить с юга в Чарзебар батальоны «Хазрат-е Абольфазль» и «Гасем эбн оль-Хасан». Он обещал подействовать и сказал, что до завтрашнего дня постарается приехать сам.

Я еще не успел положить трубку, когда окоп трянуло, как во время землетрясения. Окрестности лагеря бомбили иракские самолеты. Я думал о вертолете полковника Сайяд-Ширази: успел ли он вернуться назад живым и здоровым?

Я вышел из штабного блиндажа. Над высотами ущелья поднимались густые черные клубы взрывов. Только наши 32-миллиметровые зенитки вели огонь по МиГам. Самолеты не оставляли нас в покое. Через несколько минут они уже бомбили Махи-Дашт, который находился чуть дальше по шоссе в сторону Керманшаха и где располагалась наша артиллерия.

Я решил пойти в ущелье, чтобы увидеть все своими глазами, как вдруг прибыло несколько автобусов из областей Асабад и Бахар провинции Хамадан. Из крестьян и учащихся школ были сформированы два почти полных батальона басиджей, и 160-м батальоном из Бахара командовал Халиль Афшар.

Это был конец июля, время полевых работ, и появление крестьян, которых всегда отправляли на фронт во второй половине года, было для меня чем-то новым и неожиданным. Почти все они были собраны за сутки, и мало кто из них до этого бывал на фронте.

Один из крестьян просил быстрее пойти в ущелье и говорил: «Я оставил свой урожай на Божье попечение и приехал сюда, чтобы положить свою жизнь на пути Аллаха. Дайте мне оружие». Батальоном ребят из Асабада командовал Мохаммад-Реза Хазаи, а его заместителем был Мохаммад-Казем Саиди.

Эти два батальона были снаряжены лучше предыдущих. Они слышали звуки стрельбы где-то впереди, за лагерем, взгляды их были полны вопрошания, а сердца томились волнением перед отправкой на линию. Командира 159-го батальона «Зохейр» Мохаммад-Казем Саиди, молодой симпатичный командир со спокойным выражением и неизменной улыбкой на лице, спросил:

– Хадж Мирза, неужто враг взаправду сюда добрался?!

– Да, – ответил я.

Он спросил:

– А где они?

Я сказал:

– За этими горами и в поле, растянулись аж до перевала Хасанабад. Их лозунг – освобождение народа. Силами Освободительной армии Ирана<sup>1</sup>.

Он с иронией сказал:

– Что это за освободительная армия, которая ради свободы воюет с крестьянами и крестьянскими детьми? Они слепые, что ли, раз не видят, что все наши бойцы – крестьяне да крестьянские сынки?!

Я уже давно позабыл, что такое смех, но мне понравились его слова, и я решил ему ответить в той же манере:

– Пока они к вам в гумно не пожаловали и серпы у вас не поотнимали, займите правую вершину над ущельем.

Восьмилетняя война отсчитывала свои последние дни, но в Чарзебар прибывало столько новобранцев, как будто бы был первый день военных действий. Еще до полудня подтянулись бойцы из других областей провинции, а затем и из других провинций страны, в одночасье изменив ситуацию на фронте.

С передовой сообщили, что монашегины несколько раз подходили к ущелью, но им не удавалось пройти дальше. Они даже бросили один из своих джипов со 106-миллиметровой пушкой прямо на первую насыпь, все пассажиры погибли.

---

<sup>1</sup> Освободительная армия Ирана (*перс.* артеш-е азадибахш-е Иран) – название военных формирований, созданных лидером ОМИН Масудом Раджави в 1987 г. в Ираке с целью вторжения в Иран (*прим. пер.*).

Не прошло и часа после отъезда полковника Сайяд-Ширази, как в небе появился наш первый самолет. Это был истребитель F-5<sup>1</sup>, который вылетел из Дизфуля и сбросил бомбы на колонну оминовских автомобилей<sup>2</sup>.

В полдень вновь послышался гул приближавшихся вертолетов. Он шел со стороны тыла. Это были те самые вертолеты «Кобра»<sup>3</sup>, которые обещал нам отправить полковник Сайяд-Ширази. Они друг за другом спускались с высоты к ущелью, отстреливались ракетами и поворачивали обратно.

Через несколько минут к лагерю подлетел вертолет Bell-214. Воздушное пространство над лагерем было в зоне досягаемости оминовских ракет и зенитных орудий. По вертолету выпустили три ракеты, но с Божьей помощью он сел на площадке целым и невредимым.

На сей раз полковник Сайяд-Ширази привез с собой хадж Хосейна Хамадани, замкомандира штаба «Годс» по оперативной работе. Когда я его увидел, с моих плеч будто бы свалился тяжкий груз. Я почувствовал, что теперь, когда он с нами, мне уже почти ничего не надо делать. Я уже не раз испытывал подобное чувство, находясь рядом с хадж Хосейном. Одного только взгляда на него было достаточно, чтобы мою усталость как рукой сняло. Я все еще считал его своим командиром и сказал: «Хадж-ага,

---

<sup>1</sup> Нортроп Ф-5 — американский легкий многоцелевой истребитель 1970-х гг. в фирмы «Нортроп» (*прим. пер.*).

<sup>2</sup> Во время службы в армии я некоторое время провел на базе в Дизфуле и знал, что именно там базируются самолеты F-5. С другой стороны, полковник Сайяд связался с авиабазой в Дизфуле. Взлетно-посадочная полоса аэропорта в Хамадане днем ранее подверглась бомбардировке иракскими самолетами, но уже во второй половине дня 27 июля «Фантомы» (самолеты F-4) вылетели с авиабазы Ноже в Хамадане и начали бомбардировку монафегинов в ущелье Чарзебар (*прим. авт.*).

<sup>3</sup> «Кобра» (*англ.* Cobra, Bell Model 209) – американский ударный вертолет, разработанный фирмой «Белл Геликоптер Текстрон» в начале 1960-х гг. (*прим. пер.*).

как ты вовремя прибыл», – после чего доложил ему обстановку.

Они с вертолета видели все своими глазами и имели не менее подробные сведения, чем я. Поэтому я сказал:

– Как и раньше, я ваш преданный ученик. Теперь, когда вы здесь, возьмите бразды командования в свои руки.

Он сказал:

– Мирза-Мохаммад, у вас есть командир. Ваш командир – господин Салеки, а я прибыл сюда от штаба командования «Годс» и не хочу вмешиваться в дела дивизии.

Хадж Хосейн Хамадани был педантичным и умным человеком. С одной стороны, он приехал проконтролировать ситуацию в ущелье, а с другой – учитывал все этические стороны командования. Так или иначе, его заслуги и опыт помогли решить ряд серьезных трудностей. Он первым делом связался с губернаторами Керманшаха и Хамадана. Поскольку по пути в ущелье он видел с вертолета, что все дороги перегружены или перекрыты из-за большого количества машин и беженцев, он попросил дорожную полицию Керманшаха и Хамадана освободить дороги для проезда батальонов, грузовиков и военной техники.

Я подумал: «Вот как хаджи подходит к делу и с чего начинается!».

Его тон был уверенным и смелым. Когда он закончил телефонный разговор, я сказал:

– Клянусь Аллахом, вы задумываетесь о таких вопросах, которые и через сто лет не придут в голову таким, как я.

Он ничего не сказал и продолжал звонить. Его следующий звонок был в ставку командования и подчинявшийся ему дивизии.

Он сказал:

– Им нужно перекрыть пути отхода со стороны перевала Хасанабад.

Проведя все необходимые согласования, он куда-то ушел. Я думал, что он вернется в Керманшах, ведь он не сказал, что собирается на передовую, в зону боевых действий в ущелье.

\*\*\*

Блиндаж штаба дивизии в лагере Шахбази в Чарзебаре превратился в тактический штаб операции. Хадж Мохсену Таркашванду, ранее занимавшему должность командира батальона, было поручено руководить участком боевых действий в ущелье и оказывать сопротивление атакам монафегинов.

Я сидел в штабе у раций вместе со своими радистами. Ребята из разведки прослушивали переговоры монафегинов по рации, и я слышал их голоса в эфире.

Вечер первого дня сопровождался массированными бомбардировками позиций врага с наших вертолетов и самолетов. Они облегчали работу нашим уставшим бойцам, которым приходилось передвигаться пешком. Всякий раз, когда они появлялись в небе над Чарзебаром, монафегины по рации объявляли: «Начинается буря, начинается буря».

Иногда по рации были слышны женские крики и визг. Они ругались матом на фарси, их речь была испещрена выражениями типа «проклятых стражей Даджала<sup>1</sup>». Иногда даже ребята-связисты взрывались от возмущения, когда слышали, как те осыпали ругательствами почтенного Имама, и порывались ответить им. Я говорил: «Ребята, не надо им уподобляться. Следите за своей речью и не позволяйте себе бестактностей».

Пару раз я брал трубку и говорил: «Не сомневайтесь, ни один из вас не пройдет через ущелье живым. Мы вас всех перебьем и спустим с вас шкуру».

---

<sup>1</sup> Даджал – в исламской традиции лжемессия, аналогичный христианскому Антихристу, появление которого является одним из признаков приближающегося конца света (*прим. пер.*).

Взрывы понемногу прекратились. Я снял протезы, чтобы ноги могли «подышать» и раны на них подсохли. После двух суток, проведенных без сна, я заснул прямо в штабе.

Кто-то растолкал меня, и я проснулся. Передо мной стояли два ксировца с водителем. Я не знал, кто их отправил, но им было поручено отвезти меня из лагеря в Керманшах на белом «Пейкане», перемазанном в грязи. Сколько бы они ни настаивали, я не согласился ехать с ними. Мое объяснение было простым: если те возьмут наш рубеж, то вскоре возьмут и Керманшах или Хамадан.

Один из пасдаров сказал:

– Хадж-ага, а если с вами в таком состоянии что-нибудь случится?!

Я ответил:

– Я ничем не отличаюсь от других.

Многим, в том числе и моей супруге в Нахаванде, приходило в голову: если враг окружит ущелье и войдет в лагерь дивизии, я попаду в плен.

С заходом солнца я надел протезы и сказал штабному курьеру, который был на мотоцикле: «Поехали в ущелье». Трековый мотоцикл был лучшим транспортным средством, позволявшим проехать короткое расстояние от лагеря до ущелья. На линию приехало столько бойцов по сравнению с утром, что нам пришлось с трудом пробираться через их ряды, пока мы не добрались до средней насыпи, располагавшейся у второй высоты ущелья. С левой и правой стороны, от самой обочины до вершин, было полно бойцов. Я сказал курьеру: «Поезжай по той узкой тропинке у края насыпи, а потом сверни на первую высоту», – как вдруг кто-то закричал: «Куда ты повез Сольги?!».

Мне не верилось, что это мог быть хадж Хосейн Хамадани, который уже попрощался со мной.



Я сказал:

– Я еду на передовую.

– Возвращайся назад. Раз уж ты не поехал в Керманшах, то оставайся хотя бы здесь, – сказал он.

Я понял, что тот белый «Пейкан» послал за мной хадж Хосейн и они прибыли прямо из штаба. Мне было радостно, что я не поехал с ними.

Я остался рядом с хадж Хосейном и еще несколькими командирами. Я был уверен, что с нами также находился сонм ангелов, которых Аллах обещал в Коране направлять на помощь верующим.

Многочисленные трупы молодых девушек и юношей, лежавшие слева и справа от шоссе, можно было рассмотреть даже без бинокля. От насыпи и устья ущелья до самого далекого места, куда только достигал взор человека, лежали вповалку сгоревшие машины и орудия монафегинов, полностью перекрывавшие путь по шоссе. Чтобы пройти через Чарзебар, у них не было другого выхода, кроме как взять высоты или обойти их стороной.

Подоспевшие к нам новые силы были подобны воде для иссохших корней растения и позволили уставшим бойцам, сражавшимся на передовой, вернуться в тыл и передать свои позиции свежим батальонам.

В это же время приготовился отправиться на линию батальон из трехсот человек, которых набрали за два дня в области Бахар. Один крестьянин приехал воевать с серпом в руках. Ребята из штаба называли их «батальоном пахарей». 160-й батальон, или «батальон пахарей», отправился в ущелье, сменив один из батальонов дивизии. Как только они прибыли на линию, начался рукопашный бой с монафегинами.

На третий день бои в ущелье достигли апогея. Наиболее ожесточенные бои шли рядом с напорной станцией, с левой стороны от шоссе, не доезжая до перевала Хасанабад.

Боевики ОМИН разделились на две группы. Одна пыталась обойти высоты первой горы с левой стороны, а другая вела бои в поле, возле насосной станции, стараясь помешать нашим бойцам пройти к перевалу Хасанабад.

160-й батальон потерял утром третьего дня трех бойцов убитыми, но нанес монафегинам тяжелые потери и отразил все их атаки.

Во второй половине дня из Абадана прибыл 153-й батальон «Гасем збн оль-Хасан». Командиром батальона был Мехди Малеки, а его заместителем – Нурали Фарохбахш. Они рассказали, что им пришлось несладко, пока они добирались до Чарзебара. Сначала они поехали через Саре-Поле-Захаб в Эсламабад. Однако, поскольку район был занят врагом, командиры КСИР, которые перекрыли монафегинам пути отступления в Эсламабад, были вынуждены вернуться назад и через Нахаванд поехать в Керманшах и Чарзебар.

Этот батальон отправился на первую высоту с левой стороны шоссе, то есть как раз туда, где враг нанес нам наибольший урон. Они точно не знали, докуда удалось подняться монафегинам.

Впоследствии Нурали Фарохбахш, заместитель командира этого батальона, рассказывал мне: «Мехди Малеки попросил меня спуститься чуть ниже гребня горы и повести ребят на передовую, если там не было вражеских сил. Я хорошо осмотрелся справа и слева. Монафегингов там не было. Я даже не подумал, что они могут находиться прямо под высотой. Я поднял оружие и хотел знаком объяснить ребятам, что впереди чисто и можно идти, как вдруг мне прострелили руку. Было ощущение, что руку оторвало напрочь. Оружие выпало, и из пробитой вены хлынула кровь. Я сдавил рукой вену и хотел вернуться назад, как вдруг в спину мне попала еще одна пуля. Тем не менее с этими двумя ранениями я сумел подняться наверх и сообщить ребятам, что они у нас

прямо под ногами. Ребята сразу же заняли позицию на гребне горы, и начался бой. Пули летели со всех сторон. Они стреляли по нам даже из 23-миллиметровых зениток. В тот день к вечеру мы потеряли уже 43 человека убитыми, среди которых был Мехди Малеки».

Хотя героическое сопротивление батальона «Гасем эбн оль-Хасан» и сопровождалось тяжелыми потерями, враг потерял всякую надежду и прекратил попытки обойти ущелье с левой стороны и подняться на высоты, отступив назад, в ту сторону, где их уже ждали наши бойцы, высадившиеся на вертолетах и полностью перекрывшие им пути к отступлению. Монафегины оказались взяты в клещи, не имея возможности двигаться ни вперед, ни назад.

На четвертый день в Чарзебар из Абадана прибыли мои старые боевые товарищи – батальон «Хазрат-е Абольфазль».

Само имя и память об этом батальоне ласкали мне слух и душу. С ними была связана моя молодость и самое лучшее время в моей жизни, а здесь был мой первый фронт, на котором я не мог быть рядом с ними из-за своих ног.

Несмотря на усталость, боль и раны на ногах, я старался выглядеть бодрым. Во время прощания с ребятами батальона я сказал: «Вы не спасовали перед Саддамом и Аднаном Хейраллахом. Теперь бои с горсткой девчонок и парней из ОМИН будут для вас плевым делом».

Батальон повел в бой хадж Мехди Зафари. Они провели операцию преследования противника с целью разгрома последних сил монафегин и захватили пленных, большая часть которых была женщинами. Одна из них была ранена в палец ноги и кричала от боли. Я спросил у нее:

– Откуда ты приехала?

Она сказала:

– Из Германии.

Как только я услышал про Германию, мне сразу вспомнились все те неприятности, которые нам доставляли там монафегины.

Я сказал ребятам из медсанчасти, чтобы они перевязали ей рану. Она рассказала:

– Четыре дня назад мы с мужем вылетели одним рейсом из Франкфурта в Багдад и примкнули к организации. Мы думали, что за три дня дойдем до Тегерана.

Я отправил ее с другими пленными в Керманшах.

Утром на пятый день по рациям отовсюду сообщали о полном разгроме сил монафегинцев на всех маршрутах их отступления. Мы с несколькими радистами выехали на командирском джипе в ущелье. Ребята отгоняли в тыл неповрежденные автомобили, а бульдозеры очищали шоссе от сгоревшей техники. Повсюду лежали груды трупов.

Пока мы ехали вперед, трупов девушек и молодых людей было все больше. Монафегины выбрали мост под асфальтированным шоссе в качестве места, куда они свозили раненых во время боев. От распухших и сгоревших трупов исходил такой смрад, что невозможно было дышать.

Мы проехали через перевал Хасанабад и добрались до Эсламабада. Я увидел на улице одного своего родственника, который во время трехдневной оккупации города монафегинами пробирался туда, переодевшись в курдскую одежду. Однажды его схватили, но он знал курдский и сказал, что в Эсламабаде живет его зять.

Мой родственник рассказал о том, как в первый же день монафегины грабили имущество простых людей, устраивали коллективные казни, убивали в больнице раненых солдат.

Из Эсламабада мы поехали в Керенд и Саре-Поле-Захаб. Бежавшие в горы и поля люди уже возвращались

в свои дома. Часть отступавших монафегинов была ими захвачена в плен.

Я вернулся в Нахаванд, чтобы похоронить погибших. У ворот города собралась огромная толпа людей, которые пришли встретить павших героев и победителей операции «Мерсад».

Мы захоронили тела. Люди подхватили меня и понесли на руках. Меня подбрасывало вверх-вниз в этом безумном людском потоке, пока оба моих протеза не отстегнулись и не упали на землю.

Лежа на плечах людей, я чувствовал себя неважно. Час назад они несли на этих плечах носилки с телами, и мне было стыдно перед людьми и погибшими. Война закончилась, и меня тяготило и мучило, что я остался здесь, так и не достигнув цели. Я просил положить меня на землю.

Я все-таки надел протезы и встал у трибуны. Большинство стоявших передо мной людей были простыми людьми с улиц и базаров или крестьянами из деревень, которые приняли участие в операции «Мерсад». Все люди казались мне бойцами батальона «Хазрат-е Абольфазль», и если бы война продолжилась, то через восемь лет родилось бы еще несколько батальонов «Абольфазль».

Я не мог найти слов. В памяти друг за другом пронеслись лица погибших друзей, на глаза наворачивались слезы, а в горле застрял ком негодования, от которого спирало дыхание.

Я попытался совладать со своими чувствами и быть таким же, каким я был в те дни, когда произносил речи перед батальоном водоносов, но это была уже не ночь накануне операции. 450 человек из всех 850 павших Нахаванда воевали под знаменами батальона «Хазрат-е Абольфазль».

\* \* \*

Послевоенное время было тяжелым. Я жил со своими воспоминаниями о погибших, посещал дома их близких, ходил на кладбище мучеников, а моим домом был штаб Корпуса. Многие фронтовики и даже командиры приходили ко мне домой<sup>1</sup>. С теми из них, с кем общались по-свойски, мы иногда припадали друг к другу, обнимались и плакали, вспоминая погибших. Мои дети были еще совсем малы и не понимали смысла этих слез. Как в дни моего детства, когда мой отец читал нараспев траурные стихи, а я смотрел на него...

---

<sup>1</sup> Хосейн Хамадани, заместитель командира штаба «Годс» по оперативной работе: «Мирза-Мохаммад Сольги был героем операции «Мерсад». Все работавшие с ним командиры были влюблены в его нрав и манеры. Он был бесподобен в своей храбрости и терпении. Восемь лет Священной обороны закончились славной и блестящей операцией «Мерсад». На мой взгляд, Мирза-Мохаммад был безымянным героем этой эпопеи».

Литературно-художественное издание

Хамид Хесам

## ВОДА НЕ УМИРАЕТ НИКОГДА

Воспоминания бригадного генерала  
Мирзы-Мохаммада Сольги

حميد حسام

آب هرگز نمی میرد

ISBN 978-5-6043820-9-7



Подписано в печать 12.03.2020. Формат 60×90<sup>1/16</sup>.  
Гарнитура CharterITC. Тираж 500 экз.  
Заказ № 03673

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»  
127214, г. Москва, Полярная ул., д.31В, стр.1, Э/ПОМ/К 3/1/1  
Тел.: (495) 230-20-52

